Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Андрианов Владимир Константинович

ТЕОРИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Пудовочкин Ю.Е.

Москва - 2025

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Онтологический и гносеологический статус закономерностей уголовного права 24

§ 1. Закономерности уголовного права как основа предмета уголовно-правовой науки 24

§ 2. Российская и зарубежная доктрины в поисках и в формировании уголовно-правовых закономерностей 49

§ 3. Закономерности уголовного права как основа системности и устойчивого развития отрасли 68

Глава 2. Основы теории закономерностей уголовного права 109

§ 1. Закономерности уголовного права: от философского к отраслевому пониманию 109

§ 2. Систематизация закономерностей в уголовном праве 137

§ 3. Классификация закономерностей в уголовном праве 157

Глава 3. Закономерности уголовного правообразования 180

§ 1. Закономерности возникновения уголовного права 180

§ 2. Закономерности формирования уголовного права 197

§ 3. Закономерности развития уголовного права 263

Глава 4. Структурные закономерности уголовного права и закона 290

§ 1. Закономерности микроструктуры уголовного права и закона 290

§ 2. Закономерности макроструктуры уголовного права и закона 316

Глава 5. Функциональные закономерности уголовного права 329

§ 1. Специально-юридические закономерности уголовного права 329

§ 2. Социально-психологические закономерности уголовного права 347

§ 3. Закономерности применения уголовного права 393

Заключение 413

Список литературы 435

Приложения 510

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования.

Уголовное право, имея многовековую историю и являясь неотъемлемым элементом социально-политической и нормативно-регулятивной системы общества, характеризуется общими и специальными закономерностями возникновения, развития, структурного построения и функционирования.

Данные закономерности как существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи уголовного права, обеспечивают его социальную и криминологическую обусловленность и предсказуемость, внутреннюю логику строения и развития, внутриотраслевую и межотраслевую согласованность, правовую определенность, стабильность и эффективность функционирования, выполняют системообразующую и системосохраняющую роль в уголовно-правовой системе.

Такой важнейший онтологический статус закономерностей предопределяет необходимость их познания, учета и использования в процессе реализации уголовной политики, поскольку в основе ее методов криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности лежат закономерные связи права с криминологическими, экономическими, социокультурными, политическими, психологическими и иными социальными и правовыми факторами.

Между тем, по справедливому мнению многих отечественных специалистов, современная российская уголовная политика в целом или в отношении отдельных видов преступлений характеризуется такими неблагоприятными явлениями, как заведомо репрессивный уклон, избыточная и дублирующая криминализация, разбалансированность санкций, сверхдинамизм и бессистемность изменений уголовного законодательства, недостатки законодательной техники, внутриотраслевая и межотраслевая несогласованность уголовного закона, излишняя политизированность и активность использования уголовно-правовых средств в решении текущих социальных проблем, которые свидетельствуют о

недостаточном учете законодателем объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права.

В связи с распространенностью таких дефектов обоснованным является предложение о необходимости принятия концепции уголовно-правовой политики, разработка и реализация которой требует развития теории закономерностей уголовного права как основы этой концепции, определяющей ее сущность, целеполагание, критерии эффективности, упорядочивающей принципы и правила отдельных методов уголовной политики, а также блокирующей произвольное изменение уголовного законодательства.

Анализ пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам, ставшими законами в 2013 – 2024 годах, показывает преобладание в уголовном законотворчестве политических факторов над социально-криминологическими и специальными закономерностями уголовного права, от глубины познания и степени учета которых зависит обоснованность и эффективность уголовно-правового воздействия.

Однако требование соответствия уголовного законодательства объективным закономерностям не может быть обосновано и научно обеспечено в отсутствии точного, полного и всестороннего знания о закономерностях уголовного права в самой уголовно-правовой науке, зачастую умозрительного и схоластического ее подхода к критике и предложениям по совершенствованию уголовного законодательства.

Поэтому актуальность разработки теории закономерностей уголовного права обосновывается также необходимостью методологического обновления уголовно-правовой науки, которая в силу глубины и масштабности стоящих перед ней проблем и вызовов должна переакцентировать внимание с частных, преимущественно технико-юридических вопросов функционирования отрасли на изучение объективных закономерностей уголовного права как основы предмета науки, придающих ее результатам должную социально-криминологическую обоснованность и фундаментализирующих научные выводы через взаимодействие с другими отраслями знаний.

При этом актуальность разработки теории закономерностей обусловливается не только качественным социально-политическим и специально-юридическим содержанием уголовного права, которое выражается в комплексе его внутрисистемных и межсистемных связей и зависимостей, но и количественным содержанием, отражающем закономерности как явление, объективно сложившееся в ходе давней истории развития российского уголовного права и уголовно-правовой науки.

Степень научной разработанности темы исследования.

Уголовно-правовая наука, имея фрагментарные, имплицитные, неявные знания об отраслевых закономерностях, источником которых служат работы по отдельным проблемам преступления и наказания, еще не совершила восхождение к пониманию, раскрытию и конкретизации их целостной системы, включающей специальные, общеправовые, социальные, общесистемные и всеобщие закономерности, влияющие на содержание, действие и развитие уголовного права.

Вместе с тем разрабатывая проблемы уголовного права, уголовного закона и уголовной политики, уголовно-правовая наука не только достигла достаточного уровня развития, но и делает первые шаги к обобщению их закономерностей[1].

Что же касается специальных монографических и диссертационных исследований, непосредственно нацеленных на рассмотрение проблемы и разработку теории закономерностей уголовного права, то в науке ощущается их явный дефицит.

Таким образом, в уголовно-правовой науке можно констатировать пробел, связанный с исследованием понятия и признаков, онтологического и гносеологического статуса, систематизации и классификации, механизма действия, использования и обеспечения закономерностей уголовного права.

---

[1] См.: Сорокин П. Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Сб. 3: Эволюция преступлений и наказания. СПб., 1914. С. 113 – 151; Демидов Ю.А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права // Правоведение. 1968. № 2. С. 78 – 85; Петин И.А. Значение осознания основных закономерностей мироустройства в уголовном праве // Российский следователь. 2007. № 17. С. 18 – 19; Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014; Денисова А.В. Закономерности функционирования системосохраняющего механизма в российском уголовном праве // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 241 – 249; Пудовочкин Ю.Е. Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. 2017. №3. С. 82 – 91.

Объектом диссертационного исследования выступает система закономерностей уголовного права во взаимосвязи ее онтологического и гносеологического аспектов.

Предметом диссертационного исследования являются: родовые и видовые понятия и признаки закономерностей уголовного права; концептуальные идеи о месте и значении закономерностей в предмете уголовно-правовой науки и политики; проблема систематизации закономерностей в уголовном праве; опыт и практика создания и применения уголовного закона с учетом закономерностей процесса формирования, развития, структурного построения и функционирования уголовного права.

Целью диссертационного исследования является разработка и обоснование теории закономерностей уголовного права в единстве их онтологического и гносеологического статусов, способной определить перспективы их познания, учета и использования в законотворческой и правоприменительной уголовной политике.

Для достижения указанных целей поставлены следующие **исследовательские задачи:**

– раскрыть роль и значение закономерностей уголовного права в уголовно-правовой науке;

– показать влияние основных школ уголовно-правовой науки на развитие закономерностей уголовного права;

– доказать роль закономерностей уголовного права в обеспечении объективной обусловленности, системности и устойчивом развитии отрасли;

– выделить на основе философского, социологического и общеправового понимания закономерностей общие и специфические признаки закономерностей уголовного права и дать определение их понятия;

– определить соотношение закономерностей уголовного права с иными базовыми уголовно-правовыми категориями;

– провести систематизацию в том числе классификацию закономерностей в уголовном праве, определить значение этих инструментов;

– раскрыть подсистему закономерностей уголовного правообразования: выявить, сформулировать и описать закономерности возникновения, формирования и развития уголовного права;

– раскрыть подсистему структурных закономерностей уголовного права и закона: выявить, сформулировать и описать закономерности их микроструктуры и макроструктуры;

– раскрыть подсистему функциональных закономерностей уголовного права: выявить, сформулировать и описать специально-юридические, социально-психологические и правоприменительные закономерности;

– сформулировать и обосновать единый концептуальный подход к взаимосвязи уголовного права, уголовного кодекса и уголовно-правовой политики.

Методологической основой диссертационного исследования выступают: принципы диалектического метода познания (объективности, всесторонности и конкретности изучения объекта познания, историзма и развития, детерминизма, противоречивости, всеобщей связи явлений, системности); общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация, обобщение, структурно-функциональный, системно-структурный) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, документальный и социологический) методы исследования.

Исследование закономерностей уголовного права, как объективных, существенных, необходимых, повторяющихся и устойчивых связей, требует использования принципов диалектического познания, общенаучных (например, путем синтеза, обобщения и индукции даны понятие и общая характеристика закономерностей уголовного права, посредством классификации проведена их систематизация) и частно-научных методов (в частности, историко-правовой анализ позволил выявить и раскрыть закономерности возникновения и развития, формально-юридический – закономерности структурного построения, а статистический, документальный и социологический - закономерности функционирования уголовного права).

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют теории российских и зарубежных ученых в области философии, социологии, кибернетики, философии и теории права, истории государства и права, конституционного, международного, административно-деликтного права, криминологии, уголовно-правовой политики, уголовного права.

Это учения, концепции и положения представленные в:

– общетеоретических публикациях по закономерностям права (С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, Ю.Ю. Ветютнева, Н.Н. Вопленко, С.Г. Дробязко, Ю.П. Касаткина, Д.А. Керимова, А.В. Корнева, В.В. Мамчуна, С.Н. Овчинникова, А.В. Петрова, П.М. Рабиновича, В.Н. Синюкова, В.М. Сырых, И.Л. Честнова, Л.С. Явича и др.);

– работах по уголовно-правовой политике (М.М. Бабаева, М.В. Бавсуна, Э.Н. Жевлакова, А.И. Коробеева, Л.Л. Кругликова, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, В.С. Овчинского, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.Ф. Цепелева и др.);

– трудах по отдельным проблемам уголовно-правовой науки, касающимся проблематики закономерностей: теории уголовно-правового регулирования (Н.В. Генрих, Ю.В. Голика, Ю.В. Грачевой, И.Э. Звечаровского, Н.М. Кропачева, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Т.Г. Понятовской, Б.В. Яцеленко и др.), принципам уголовного права (С.Г. Келиной, В.Н. Кудрявцева, В.В. Мальцева, Т.Р. Сабитова и др.), уголовно-правовым нормам и институтам (Л.В. Иногамовой-Хегай, В.П. Коняхина, В.Д. Филимонова и др.), межотраслевым связям уголовного права (А.И. Бойко, Д.Ю. Гончарова, А.В. Денисовой, А.Г. Кибальника, И.А. Клепицкого, И.И. Лукашука, Н.И. Пикурова, Е.А. Русскевича, Т.Д. Устиновой и др.).

Нормативной основой диссертации выступают: Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе отраженные в международных конвенциях, пактах и договорах Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 28.02.2025), а также иные нормативные правовые акты (в частности: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации) и памятники российского уголовного законодательства.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена данными, полученными в процессе анализа и обобщения: практики Конституционного Суда Российской Федерации (14 постановлений по конституционному нормоконтролю положений УК РФ и более 250 иных постановлений и определений) и Верховного Суда Российской Федерации (52 постановления Пленума); пояснительных записок к законопроектам о внесении изменений в УК РФ за период с 2013 по 2024 г. (212 материалов); официальной статистики ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии преступности и судимости в России с 2006 по 2024 гг.; материалов судебной практики по уголовным делам с точки зрения существенных и устойчивых тенденций применения уголовного закона (более 400 судебных решений); результатов опросов 50 (20 докторов и 30 кандидатов юридических наук) научно-педагогических работников (Приложение 1) и 300 респондентов из числа граждан (Приложение 2), а также обширного объема аналитического и практического материала общественно-политической, социологической и экономической тематики (более 100 источников).

Научная новизна диссертации заключается в разработке и обосновании теории закономерностей уголовного права, которая: описывает онтологический и гносеологический статус закономерностей уголовного права; определяет понятие закономерностей уголовного права на основе выделения и анализа их общих и специфических признаков; обосновывает соотношение закономерностей уголовного права с иными базовыми уголовно-правовыми категориями; выявляет и раскрывает систему закономерностей, детерминирующих и характеризующих содержание, действие и развитие уголовного права; классифицирует закономерности в уголовном праве по ряду значимых в теоретико-прикладном отношении оснований; выделяет, формулирует и описывает подсистемы закономерностей уголовного права, представляет механизм действия, использования и обеспечения закономерностей уголовного права.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Развитие уголовно-правовой науки должно основываться на признании двойственного гносеологического статуса закономерностей, рассматривая их как основную часть ее предмета и как базовую методологическую установку. Такая парадигма позволяет:

– исследовать сущность уголовного права как комплекс его межсистемных и внутрисистемных связей, обусловливающих необходимость интегративного и междисциплинарного развития социологического, экономического, политологического, культурологического, межотраслевого, инструментального и рискологического анализа уголовного права;

– обеспечить методологическую совместимость и диалектическое сосуществование различных теорий и синтезировать рациональные идеи классической, социологической и антропологической научных школ;

– преодолеть умозрительный характер некоторых из представленных в науке теоретических построений, гарантировать фундаментальность и социальную обоснованность результатов научных исследований уголовно-правовых явлений, их объективность и независимость от политико-идеологических догм, повысить практическую ценность и востребованность научных разработок;

– достичь соответствия уголовно-правовых исследований принципам диалектического познания и эффективности использования общенаучных и частнонаучных методов.

2. Закономерности уголовного права – это обладающие общими признаками социальных и правовых закономерностей межсистемные и внутрисистемные связи, выраженные в социально-криминологическом и специально-юридическом содержании уголовного права, характеризующие его возникновение и развитие, структуру и функционирование, место в системе социального и правового нормативного регулирования, роль в общественно-политической жизни общества, механизм действия, использования и обеспечения которых предполагает триединый законосообразный подход (законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики,

законосообразный уголовный кодекс).

3. Закономерности уголовного права как его объективная основа сосуществуют с принципами уголовного права как его идеологической основой. Сходство рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности и принципы выражают сущность уголовного права и основы его содержания, различие в том, что закономерности имеют объективный, а принципы – субъективный характер, их взаимодействие состоит в том, что закономерности обусловливают принципы и способны разрешать их коллизии, а принципы выступают наиболее надежным средством нормативного отражения реализации закономерностей.

4. Систематизация закономерностей уголовного права включает в себя составление их номенклатуры (доказывание и формулирование перечня конкретных закономерностей), проведение классификации (подразделение закономерностей на виды) и определение их системы (выделение иерархиезированных групп закономерностей).

Систематизация представляет собой инструмент познания, выполняющий следующие научно-практические функции: дает возможность получить полное и всестороннее, краткое и емкое представление о свойственных уголовному праву общих и специальных закономерностях; позволяет предметно и подробно изучать механизм их действия, использования и обеспечения, выявлять критерии, случаи и последствия игнорирования и нарушения; составляет основу триединого законосообразного подхода.

5. Система закономерностей уголовного права – это комплекс всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых и специальных закономерностей (криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности), которые во взаимосвязи обусловливают и характеризуют содержание, действие и развитие уголовного права как качественно своеобразного элемента общественной, политической и правовой системы общества.

Исходя из понимания закономерностей уголовного права как системы,

законосообразный подход предполагает их комплексное и иерархически последовательное познание, учет и использование с целью достижения оптимального качества и избежания недостатков социально-криминологического и специально-юридического содержания уголовного права.

При этом: чем более глубокий слой содержания уголовного права выражает та или иная закономерность, их вид и группа, тем существеннее их онтологический статус, масштабнее, негативнее и разрушительней последствия игнорирования (от отдельных недостатков законодательной техники до общей необоснованности и бессистемности уголовного законодательства), а следовательно, тем приоритетнее ее учет и использование в реализации уголовно-правовой политики (в частности, возможное противоречие социально-криминологических и политико-управленческих закономерностей должно разрешаться в пользу первых).

6. Классификация закономерностей уголовного права включает их подразделение по следующим основаниям: по степени общности для уголовно-правовых систем современного мира (общие и особенные); по сфере действия (внутриотраслевые, межотраслевые и социально-правовые); по отраслевой значимости (основные и институциональные); по форме проявления (абсолютные и статистические); по виду юридической деятельности (закономерности, реализующиеся в процессе уголовно-правового законотворчества, и в процессе применения уголовного права); по степени устойчивости (постоянные, периодические и конкретно-исторические); по тому, какой процесс – бытие или познание, выражают закономерности (онтологические и гносеологические). Для обеспечения эффективности уголовного права наибольшее значение имеет классификация его закономерностей на основании того, какой аспект бытия уголовного права они характеризуют. С этой точки зрения в работе предметному анализу подвергнуты закономерности уголовного правообразования, структурные, в том числе технико-юридические, закономерности, и закономерности функционирования уголовного права.

7. Закономерности уголовного правообразования – это связи уголовного права с социальными и правовыми факторами, обусловливающими его

содержание, а также между различными периодами истории российского уголовного права (дореволюционным, советским и постсоциалистическим), которые выражают особенности его возникновения, дальнейшего формирования и развития в системе социального и правового регулирования и характеризуют его социально-политический и специально-юридический генезис.

Среди закономерностей, характеризующих уголовное правообразование как сложный и длящийся процесс, выделены: закономерности возникновения, закономерности формирования и закономерности развития уголовного права.

8. Закономерности возникновения уголовного права – это связи, выражающие предпосылки и условия его появления в системе социального и правового регулирования.

Историко-правовое исследование дает основание выделить ряд закономерностей возникновения уголовного права, выражающих, в частности: его генетическую зависимость от первобытных обычаев, выраженных в табу; происхождение основных методов уголовной политики от средств первобытного табуирования; потребность в более мощной запретительно-карательной системе в связи с тем, что табу перестали выполнять свои охранительные функции в новых социально-экономических и политических условиях; его обусловленность появлением письменных источников запретов, установленных государством для охраны общественного порядка; связь норм о преступном и наказуемом с нравственными представлениями общества о добре и зле; последовательное закрепление в уголовном праве вначале преступлений mala in se, затем преступлений mala prohibita.

9. Закономерности формирования уголовного права – это связи, детерминирующие социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, системный учет которых позволяет установить адекватную актуальным криминальным угрозам и тенденциям в развитии преступности, потребностям справедливого разрешения конфликта, вызванного преступлением, оптимально сочетающую карательные, восстановительные и превентивные средства, согласованную с другими правовыми отраслями – меру

уголовно-правового воздействия в обществе (достаточную и неизбыточную по объему криминализации, степени репрессивности пенализации и балансу используемых средств).

Учитывая влияние на формирование уголовного права многообразных факторов, среди закономерностей данной группы выделены: закономерности формирования социально-криминологического (выражающие экономическую, политическую, социокультурную и криминологическую обусловленность) и специально-юридического (выражающие конституционно-правовую, международно-правовую, регулятивно-правовую, административно-деликтную обусловленность) содержания уголовного права.

10. Закономерности развития уголовного права – это существенные, необходимые, устойчивые, складывающиеся на протяжении всей его многовековой истории тенденции, проявляющиеся на основе всеобщих законов развития, общих закономерностей развития общества и правового прогресса и выражающие ценности, традиции и достижения охранительной уголовно-правовой культуры.

Развитие российского уголовного права представляет собой длительный, сложный и диалектически противоречивый исторический процесс, прошедший ряд этапов (дореволюционный, советский, постсоциалистический), который характеризуется закономерностями исторической преемственности, полной кодификации, гуманизации и дифференциации уголовно-правового регулирования.

11. Структурные закономерности уголовного права и закона – это связи, выражающие внутреннее строение, виды, соотношение и ассоциации уголовно-правовых норм, объединение однородных норм в более крупные подсистемы – институты и формирование из них Общей и Особенной частей уголовного права, его систематизацию в Уголовном кодексе с характерным его делением на части, разделы, главы, статьи (их подразделения), обеспечивающие внутреннюю упорядоченность, согласованность уголовно-правового содержания и его органическое единство с внешней кодифицированной формой выражения.

Технико-юридические закономерности уголовного закона – это связи (типовые схемы, модели, формы и образцы), выраженные в определенных конструкциях составов преступлений (родовой и специальный; основной, квалифицированный и привилегированный; простой и сложный; формальный, материальный и усеченный) и других средствах и приемах его законодательной техники (виды диспозиций и санкций уголовно-правовых норм и др.), обеспечивающие рациональную систематизацию и правильное внешнее выражение уголовно-правового материала (его структурную организацию, внутреннюю логику, согласованность, определенность, беспробельность и неизбыточность).

Законосообразный подход заключается в комплексном познании, учете и использовании микро- и макроструктурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, позволяющем обеспечить их систематизацию, системную целостность и единство формы и содержания.

12. Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих микроуровень их систематизации, выделены: закономерности строения уголовно-правовых норм и их выражения в тексте уголовного кодекса (соотношения статьи с нормой); закономерности строения и нормативного конструирования составов преступлений (общие и специфические); закономерности построения диспозиций и санкций уголовно-правовых норм (общие и специфические).

Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих макроуровень их систематизации, выделены: закономерности соотношения (удельного веса) в структуре уголовного права различных видов уголовно-правовых норм; закономерности образования институтов уголовного права (общие и специфические); закономерности формирования Общей части и ее структурно-функциональной связи с Особенной частью уголовного права и закона; закономерности связи между структурой уголовного права и системой уголовного законодательства; закономерности построения уголовного кодекса.

13. Закономерности функционирования уголовного права – это связи и тенденции, характеризующие специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия, комплексный учет и использование которых позволяет обеспечивать и оценивать его эффективность.

В отличие от представленных в уголовно-правовой науке подходов к анализу действия и реализации уголовного права, законосообразный подход позволил: во-первых, через выявление закономерных связей и зависимостей системно раскрыть специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия а, следовательно, описать общие закономерности эффективности уголовного права и дать ее оценку; во-вторых, выделить и раскрыть три группы закономерностей функционирования уголовного права: специально-юридические, социально-психологические и правоприменительные закономерности.

14. Специально-юридические закономерности уголовного права – это связи, которые характеризуют инструментальный аспект механизма действия уголовного права, раскрывая соотношение предмета и метода уголовно-правового регулирования. К ним относятся: закономерности соответствия уголовно-правового инструментария характеру регулируемых охранительных отношений; закономерности формирования и применения специфического метода уголовно-правового регулирования; закономерности зависимости средств уголовно-правового регулирования от задач и функций уголовного права.

15. Социально-психологические закономерности уголовного права – это связи (отношения), характеризующие социально-психологические аспекты формирования и функционирования уголовного права, выражающие взаимосвязи правосознания с другими формами общественного сознания, с уголовным правотворчеством и правоприменением, а также различные психические состояния и формы психической активности, связанные с совершением преступления.

Среди закономерностей, характеризующих социально-психологические аспекты функционирования уголовного права, выделены: общие – как

специфическое проявление универсальных законов психологии в сфере уголовного права (ассоциаций, восприятия и усвоения, инертности мышления, стереотипизации, оптимальной мотивации) и специальные социально-психологические закономерности (закономерности психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов; закономерности мотивационной сферы уголовно-правового воздействия; социально-психологические закономерности объема и репрессивности уголовно-правового воздействия; закономерности социально-психологического воздействия наказаний).

16. Закономерности применения уголовного права – это связи и тенденции, характеризующие правореализационный аспект механизма уголовно-правового воздействия, выражающие соотношение между разнообразными параметрами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

На основе законосообразного подхода среди закономерностей данной группы выделены, сформулированы и описаны связи, выражающие зависимости между качеством криминализации и ее социальными последствиями, между объемами криминализации и практической востребованностью уголовного-правовых запретов, между состоянием правоприменительной деятельности и уровнем юридической техники и стабильности уголовного законодательства, между социально-психологическим настроем правоприменителя и характером ошибок в квалификации преступлений и их наказуемости, между законодательной и практической пенализацией, между уровнем репрессивности уголовного законодательства и либерализма правоприменительной практики.

17. Онтологическое значение закономерностей уголовного права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя, что дает основание для выделения двух типов уголовно-политических решений:

а) законосообразные – это такие акты криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые принимаются на основе изучения, учета и использования системы закономерностей уголовного права;

б) незаконосообразные – это субъективистские и не имеющие реальных предпосылок решения в области уголовной политики, пренебрегающие системным изучением, учетом и использованием закономерностей уголовного права, влекущие широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

18. Оценка уровня отражения закономерностей уголовного права в современной российской уголовно-правовой политике свидетельствует о:

а) хроническом игнорировании системного подхода к учету закономерностей уголовного права в процессе уголовного нормотворчества (только 30% пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам содержит упоминание об отдельных закономерностях);

б) доминантном влиянии на законотворческий процесс политико-идеологических, государственно-управленческих закономерностей и пренебрежении другими видами закономерностей.

В итоге, уровень законосообразности уголовно-правовой политики и уголовного права может быть определен в целом как неудовлетворительный.

19. Обеспечение эффективности уголовно-правового регулирования и уголовно-правовой охраны должно быть основано на триедином законосообразном подходе, включающем в себя законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс, что обеспечит их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Такой подход предполагает последовательное развертывание и воплощение следующих взаимосвязей: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция должна обусловливать такую реализацию форм и методов уголовно-правовой политики, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

20. Реализация триединого законосообразного подхода осуществляется посредством механизмов действия, использования и обеспечения системы закономерностей в уголовном праве. Механизм действия раскрывает то, как

объективно реализуются закономерности, механизм использования определяет законосообразное субъективное отношение к ним законодателя и правоприменителя, а механизм обеспечения описывает правовые средства гарантирования реализации закономерностей уголовного права и устранения их нарушений.

К средствам обеспечения законосообразного подхода к реализации уголовно-правовой политики относятся:

а) принятие Федерального закона Российской Федерации «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и закрепление в нем общего требования к обоснованию законосообразности нормотворчества, предполагающего познание, учет, использование и изложение в пояснительных записках к проектам нормативных юридических актов информации о социальных и специально-юридических закономерностях, детерминирующих введение, изменение или отмену правовых норм;

б) установление в Федеральном законе от 13.06.1996 г. №64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» специального требования обоснования законосообразности уголовного нормотворчества в виде обязательного указания в пояснительных записках к проектам федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации информации о познании, учете и использовании соответствующих закономерностей уголовного права, выражающих социально-криминологическую обусловленность и специально-юридическую обоснованность их содержания;

в) разработка, принятие и реализация Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации как специального политико-правового документа, который отражает законосообразный подход в качестве базовой идеи, определяющей социальное предназначение и содержание, обусловливающей адекватную меру и эффективную модель уголовно-правового воздействия в обществе;

г) деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, связанная с подтверждением и поддержкой закономерностей уголовного права посредством

рассмотрения вопроса о соответствии норм Уголовного кодекса положениям Конституции РФ.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что разработанная в нем теория закономерностей уголовного права вносит вклад в развитие общетеоретического учения о правовых и социальных закономерностях, углубляет доктринальные представления о сущности уголовного права, его возникновении, формировании, развитии, структурном построении и функционировании, ведет к приращению научных знаний об уголовном законе и уголовно-правовой политике, выступает в качестве методологического средства дальнейшего познания конкретных уголовно-правовых явлений и отраслевых проблем.

Практическое значение диссертационного исследования обусловливается тем, что оно может служить основой разработки и реализации концепции уголовно-правовой политики, а также оценки ее эффективности. Результаты исследования могут быть использованы в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности; в учебном процессе высших учебных заведений и повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Апробация результатов исследования.

Основные идеи, положения и выводы исследования нашли отражение в подготовленных лично либо соавторстве 11 монографиях, 2 учебных пособиях, а также 59 научных статьях, из которых 41 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (общий объем – 120 п.л.).

Результаты исследования стали предметом обсуждения на научных форумах. Среди них:

- международные научно-практические конференции: «Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона» (РГУП, г. Москва, 26

апреля 2013 г., 22 октября 2014 г., 26 ноября 2015 г., 27 ноября 2016 г., 09 ноября 2017 г., 21 ноября 2018г., 27 ноября 2019 г., 27 ноября 2020 г., 01 декабря 2021 г., 10 ноября 2022 г., 15 ноября 2023 г.), «Проблемы обеспечения прав личности при разрешении уголовных дел: практика и механизмы Совета Европы по борьбе с торговлей людьми и домашним насилием» (РГУП, г. Хабаровск, 12 марта 2019 г.), «Судебное правотворчество: проблемы теории и практики» (РГУП, г. Москва, 27 октября 2020 г.), «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» (РГУП, г. Москва, 20-22 апреля 2021 г.), «Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики» (РГУП, г. Москва, 19-21 апреля 2022 г.), «Проблемы уголовной ответственности и наказания» (Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань, 18 мая 2022 г.), «Уголовное право: осмысляя перемены» (НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, 15 ноября 2022 г.), «Уголовная политика и национальные приоритеты» (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, 23 октября 2024 г.);

- всероссийские научно-практические конференции: «Законотворческие инициативы в уголовном законодательстве современной России и их влияние на правоприменительную практику» (РГУП, г. Иркутск, 19 мая 2022 г.), «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, 3-4 июня 2022 г.), «Современные проблемы уголовного права» (Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, 19 марта 2024 г.);

- всероссийские и региональные «круглые столы»: «Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права» (РГУП, г. Москва, 22 марта 2016 г.), «Проблемы освобождения от уголовного наказания» (РГУП, г. Москва, 24 мая 2022 г.), «Современные проблемы криминологии и уголовной политики» (РГУП, г. Москва, 14 июня 2022 г.).

Отдельные результаты и выводы диссертации были использованы при выполнении восьми прикладных научных исследований, включенных в государственное задание ФГБОУ ВО «Российский государственный университет

правосудия имени В.М. Лебедева» на оказание государственных услуг (заказчик – Верховный Суд Российской Федерации). В частности:

- НИР «Ошибки в квалификации преступлений: понятие, виды, способы устранения судом» в рамках междисциплинарной темы: «Проблемы совершенствования правового регулирования деятельности институтов судебной власти и правоприменительной практики по рассмотрению дел судами Российской Федерации» (№ АААА-А19-119020490130-8; 2019 г.);

- НИР «Освобождение от уголовной ответственности: закон, теория, практика» в рамках междисциплинарной темы «Проблемы совершенствования правового регулирования деятельности институтов судебной власти и правоприменительной практики по рассмотрению дел судами Российской Федерации» (№ АААА-А20-120021990074-3; 2020 г.);

- НИР «Меры уголовно-правового характера» в рамках междисциплинарной темы «Проблемы повышения эффективности судебной защиты прав и правовых интересов граждан и юридических лиц в соответствии с требованиями совершенствования судебной системы Российской Федерации» (№ 1070900038-7; 2021 г.);

- НИР «Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика» в рамках междисциплинарной темы «Проблемы повышения эффективности судебной защиты прав и правовых интересов граждан и юридических лиц в соответствии с требованиями совершенствования судебной системы Российской Федерации» (№ 122022200081-8; 2022 г.).

Отдельные результаты исследования используются в деятельности рабочей группы Консорциума образовательных и научных организаций по разработке предложений по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Основные теоретические и прикладные наработки исследования внедрены в учебный процесс Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); использованы в деятельности диссертанта при подготовке правовых мнений о проектах федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс и иные законодательные акты Российской Федерации, а также о проектах постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих четырнадцать параграфов, заключения, списка литературы и двух приложений.

Глава 1. Онтологический и гносеологический статус закономерностей уголовного права

§ 1. Закономерности уголовного права как основа предмета уголовно-правовой науки

Содержание любой науки представлено сложной и неоднородной системой компонентов (научных фактов, гипотез, проблем, принципов, законов, теорий), каждый из которых необходим для развития науки, но занимает в структуре научного знания различное место[2].

Поскольку в законах науки отражаются объективные закономерности природы и общества как существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи явлений, постольку открытие и формулирование соответствующих законов признается важнейшей, если не главной, целью любой науки, а сам доказанный научный закон становится ядром той или иной научной теории[3].

«Поднять опыт до всеобщего», т.е. решить задачу поиска закономерностей реальной действительности и их выражения в научных абстракциях возможно лишь тогда, когда ученый будет исходить из реальности и законосообразности мира в его целостности и развитии, из того, что он «пронизан» совокупностью объективных законов, которые регулируют весь мировой процесс, обеспечивают в нем определенный порядок, необходимость, принцип самодвижения и вполне познаваемы[4].

Однако наряду с таким представлением о законах науки и их роли в научном исследовании, которое исходит из признания объективности закономерностей,

---

[2] Подробнее о месте законов науки в общей системе теоретического знания см.: Голованов В.Н. Гносеологическая природа законов науки. М., 1967. Он же. Законы в системе научного знания. М., 1970; Друянов Л.А. Законы науки и научное объяснение. М., 1967.

[3] См.: Рузавин Г.И. Методы научного исследования. М.,1975. С.162-163; Ракитов А.И. Природа научного исследования // Вопросы философии. 1968 №12. С.40. В конкретных наука см., например: Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С.104-105.

[4] См.: Философия. Ростов н/Д., 2003. С. 163 – Автор гл. В.П. Кохановский.

возможности и важности их познания как основы науки, в философии сложилась противоположная мировозренческая позиция, отрицающая или не учитывающая наличие объективных закономерностей и получившая название субъективизма.

Почвой для субъективизма послужили закономерности, проявляющиеся в общественной жизни, поскольку их объективное существование не столь очевидно и однозначно как законов природы.

Не вдаваясь в тонкости давнего философского дискурса сторонников материализма и идеализма[5], к которому восходит проблема признания или отрицания объективных закономерностей, скажем лишь, что субъективизм в обществознании препятствует познанию связи этапов исторического развития, объективных тенденций и объективно обусловленных потребностей социальной жизни, повторяемости в общественных отношениях и устойчивости социальных институтов. Словом, всех тех явлений, которые закономерно связаны с развитием и функционированием права.

Применительно к юридической науке, правотворческой и правоприменительной деятельности такое субъективистское мировоззрение открывает дорогу волюнтаризму, неограниченному усмотрению, произволу в теоретических выводах, предложениях и практических решениях. Поэтому, вовсе не отрицая роль субъективного начала и активно-творческих элементов в различных областях юридической деятельности, мы исходим из существования, важности познания и возможности использования объективных закономерностей социальной жизни в том числе и права.

Напротив, отрицание закономерностей в государственно-правовой сфере жизни общества равносильно признанию того, что возникновение и развитие права носят случайный характер, его строение – беспорядочно, а механизм функционирования хаотичен.

---

[5] «Если нет объективной закономерности, если законы, открываемые наукой, есть лишь удобные приемы, способы упорядочивания наших переживаний, как об этом говорят идеалисты, наука превращается в произвольную игру ума и открываются широкие возможности для всякого рода антинаучных, мистических измышлений. Наоборот, признание объективной закономерности есть признание прав науки на все более полное познание этих закономерностей. Признавая объективный характер закономерностей, материализм тем самым ставит основную задачу науки познать, отразить в своих понятиях и законах эти объективные закономерности» (см.: Диалектический материализм. М., 1954. С. 171).

Даже первое приближение к теме с позиции общенаучного понимания закономерностей, не оставляет сомнений в том, что в возникновении, развитии и функционировании права, в содержании его элементов (нормах, институтах, отраслях), в их связях между собой и с другими компонентами правовой и общественно-политической системы, существуют объективные закономерности, которые как всякие закономерности окружающей нас действительности, носят характер существенных, необходимых и устойчивых связей и зависимостей.

Следует согласиться с Ю.Ю. Ветютневым, что отсутствие закономерностей в сфере государства и права означало бы, что каждое из государственно-правовых явлений носит абсолютно уникальный, единичный характер и не имеет никаких аналогов ни в прошлом, ни в настоящем. Нет необходимости специально доказывать обратное: любое правовое явление или событие действительно является уникальным, но лишь в определенной степени – оно представляет собой единственный в своем роде набор свойств и элементов, однако по большинству своих характеристик это явление сходно с другими, которые наблюдались ранее или имеют место одновременно с ним[6].

Да и вообще право, по своей сути, призванное вносить упорядоченность и организованность в общественную жизнь, более органично сочетается с понятиями «закономерность», «повторяемость», «устойчивость», «стабильность», «прогнозируемость», нежели с понятиями «случайность», «беспричинность», «нерегулярность» и «непредсказуемость».

В философском смысле мы разделяем мнение авторов, признающих, что право, как особая форма социальной жизни подчиняется необходимо присущим ей закономерностям, которые характеризуют различные аспекты его бытия от

[6] См.: Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: аксиологический аспект // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С.36-37.

возникновения до функционирования[7]. «Развитая правовая система, - отмечает С. С. Алексеев, - сложный, спаянный жесткими закономерными связями организм»[8].

Поэтому проблема юридической науки заключается не только и не столько в отрицании объективных закономерностей в правовой действительности как таковых, сколько в туманности и неопределенности представления ученых о закономерностях права и его отдельных отраслей.

П.Н. Панченко считает, что на самом деле государственно-правовых закономерностей бесчисленное множество; они так же многообразны, как и сама государственно-правовая действительность[9].

Отчасти такому мнению есть объяснение и даже оправдание, поскольку, как и в социальной жизни в целом, наличие и действие объективных закономерностей в государственно-правовой сфере в отличие от закономерностей в области естественных наук не является настолько очевидным, конкретным и поддающимся точному измерению.

Вследствие этого, ни в общей теории, ни в отраслевых науках, - как справедливо отмечает В.М. Сырых, - не существует устоявшихся знаний, которые бы единодушно или большинством юристов признавались объективными законами правоведения, результатом познанных объективных закономерностей права либо иных правовых явлений[10]. Поэтому не случайно, что правоведы лишь в редких случаях и несистемно оперируют понятием «закономерность права» как таковым, отдавая предпочтение терминам «сущность», «связь», «принцип», «тенденция», выражающим различные стороны и проявления закономерностей в реальной правовой жизни.

---

[7] См.: Касаткин Ю.П., Явич Л.С. К вопросу об общих и специфических закономерностях развития права // Ученые записки: Труды юридического факультета Таджикского университета. Сталинабад, 1955, Т. 8. С. 46.

[8] См.: Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 66. По мнению С. С. Алексеева, праву присущи общие, выражающие положение и функции права как части всего комплекса явлений данного общества, и специфические закономерности, характеризующие его бытие и развитие как объективированного институционного образования (см.: Алексеев С. С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 255). «Относительная самостоятельность права выражается в наличии у него своих, относительно самостоятельных закономерностей» (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 111).

[9] См.: Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С. 89.

[10] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1. Элементный состав. М.,2004. С. 47; Он же. Материалистическая теория права: Избранное. М., 2011. С. 47.

Тем не менее складывается парадоксальная ситуация, когда правоведы хорошо знакомы со всеобщими законами развития, формальной логики, а о закономерностях своего предмета изучения затрудняются сказать что-либо определенное. Особенно странным и нелогичным такое незнание закономерностей выглядит на фоне того, что методологическую основу подавляющего большинства, в том числе, современных уголовно-правовых исследований (уже свободных от обязательной марксистско-ленинской идеологической привязки) составляет диалектический метод, постулирующий взаимообусловленность и взаимосвязь явлений, а следовательно, нацеленный на открытие закономерностей.

Как подтверждает анализ современной отечественной юридической литературы, правоведы по-прежнему имеют весьма абстрактные, отвлеченные от правотворческой и правоприменительной реальности, по большей части гипотетические представления о присущих праву, его отраслям и институтам, а также влияющих на их содержание, действие и развитие закономерностях.

Как правило, признание наличия закономерностей ограничивается лишь упоминанием соответствующего понятия при определении предмета общей теории и отраслевых наук права.

Распространенным в учебниках по теории государства и права является тезис, согласно которому предмет этой науки – «общие закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права, их сущность, структура, основные элементы, принципы, институты»[11].

Проблематика общей теории права по своей фундаментальной природе больше склонна и стремится к выявлению закономерностей, чем узкоотраслевая. Однако, следует признать, что и в ходе анализа общих проблем правоведения ученые недостаточно используют потенциал этого общенаучного термина. Лишь единожды в учебнике С.С. Алексеева встречается отдельная глава, специально

[11] См.: Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М, 2003. С. 12. В.М. Сырых верно замечает, что те авторы, которые включают в предмет общей теории - право, иные правовые явления и их закономерности, не замечают того, что при таком понимании предмета закономерности повторяются дважды: как элемент, часть явления и как самостоятельный компонент предмета данной науки (см.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1. Элементный состав. М.,2004. С. 96 – 97).

посвященная закономерностям права[12]. Редко встретишь специальные разделы, обобщающие специфические закономерности, и в монографических исследованиях отдельных проблем современной теории права[13].

Такое положение дел дает основание согласиться с В.М. Сырых в том, что «признание закономерностей права как предмета общей теории права носит чисто формальный характер», «остается не более чем пустым обещанием, научной мифологией». «Ибо никто еще в процессе изложения данного курса не выделил и даже не предпринимал попыток к тому, чтобы сформулировать и назвать конкретные закономерности права… Но поиски осложняются отсутствием у юристов четких представлений о том, что же такое объективная закономерность, каковы ее критерии и какие конкретно элементы права могут быть хоть как-то соотнесены с этой трудноуловимой частью предмета теории права»[14]. В более поздней литературе также встречается сохраняющее актуальность мнение о том, что «к сожалению, ни качественного, ни количественного прорыва в этой области исследований не произошло, и в теории права по-прежнему сохраняется дефицит конкретного знания о закономерностях государства и права. Эти и другие нерешенные вопросы теории государственно-правовых закономерностей ждут своего исследователя»[15].

Поэтому с тех пор, когда В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина писали, что «в юридической науке природа изучаемых ею закономерностей раскрыта еще недостаточно», «определяя предмет общей теории государства и права, многие авторы лишь отмечают, что в него входят общие и специфические закономерности», «более детальной характеристики закономерностей права

---

[12] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 97 – 107.

[13] К примеру, Н.В. Витрук, отдельно выделив в своей монографии параграф под названием «Закономерности как предмет познания теории правового положения личности» пишет, что: «Теория правового положения личности своей непосредственной задачей ставит познание закономерностей, непосредственно «управляющих» возникновением, структурой, функционированием и развитием правового положения личности, составляющих его элементов. В этом состоит предназначение любой теории» (см.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 32 – 42).

[14] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М., 2001. С. 40.

[15] См.: Мамчун В.В. Закономерность, случайность и риск в правовом регулировании // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 72.

большей частью не дается»[16], правовая наука в плане познания соответствующих закономерностей далеко вперед не продвинулась.

Учитывая фундаментальную роль этой науки, подобный дефицит общих положений о закономерностях права существенно «обезоруживает» отраслевых специалистов в методологических средствах. Необходимость восполнить эти средства для исследования уголовно-правовых закономерностей и объясняет нашу попытку дальнейшего решения ряда вопросов общей теории правовых закономерностей.

Однако несмотря на определенный пробел, связанный с систематизацией и номенклатурой правовых закономерностей, все теоретики права разделяют мнение о присущих правовой системе и ее компонентам в том числе конкретным отраслям права специфических закономерностях и необходимости их приоритетного исследования[17].

Своеобразную позицию по вопросу предмета юридической науки занимает А.Б. Венгеров, включая в него не только закономерности, но и случайности, обосновывая это тем, что новые данные о конструктивной роли случая в общественном развитии глубоко объясняют субъективный фактор в государственно-правовой жизни общества, позволяют наряду с закономерными связями учитывать и случайностные, вероятностные связи[18]. И хотя данная точка зрения встречает возражение других теоретиков, полагающих, что наука именно

---

[16] См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С. 8.

[17] Об открытии закономерностей как о ключевой задаче научного исследования применительно к правоведению, писал еще С.А. Муромцев. По его мнению, «задача социальных наук должна состоять в изучении законов, по которым происходят явления общественной жизни. В частности, правоведению надлежит изучить законы развития той области социальных явлений, которая известна под именем права… Очевидно, что закон понимается нами не в узком смысле государственного постановления, которое содержит какое-либо юридическое определение или правило, но в совершенно другом, философско-историческом или, вернее, общенаучном смысле. Под законом мы разумеем постоянство, которое существует *в силу природы вещей* в отношениях между явлениями, или явлениями и их условиями и последствиями» (см.: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. СПб.,2004. С.27-32). Эту мысль продолжает С.С. Алексеев, по мнению которого знание обо всех закономерностях права, - высший итог познания правовой действительности (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. М.,2008. С.104). В современной теории права Т.Я. Хабриева отмечает, что выявление закономерностей правового развития составляет одну из основных задач юридической науки (см.: Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. №8. С.6). «Основная задача науки, в том числе юридической, - познание закономерностей становления, развития и функционирования правовой системы общества, его компонентов и элементов» (см.: Осипов М.Ю. Об оценке методологического потенциала некоторых концепций правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 25).

[18] См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2024. С. 23.

тем и отличается от рассказа, что описывает не единичное, уникальное событие, но более или менее регулярное, повторяющееся[19], сама проблема соотношения закономерности (необходимости) и волюнтаризма в праве, объективной обусловленности (предопределенности) и активно-творческих элементов в правотворчестве и правоприменении, отражения и опережающего отражения и т.д., особенно учитывая усложнение и ускорение социальных процессов, нелинейность и многовариантность развития современного мира, является перспективным и важным направлением научных интересов.

В большей мере данью общенаучной традиции, чем осознанным выражением того, что предмет уголовно-правовой, как и любой другой науки, состоит из системы закономерностей, является употребление термина «закономерность» при описании ее предмета. Об этом говорит бессистемность, непоследовательность и фрагментарность его использования при определении предмета науки уголовного права.

Так, в редких учебниках по уголовному праву отмечается, что одноименная наука изучает наряду с иными аспектами и явлениями закономерности возникновения, развития и функционирования (действия) уголовного законодательства[20]. В других, при характеристике предмета уголовно-правовой науки специально называются только закономерности развития уголовного

---

[19] См.: Честнов И.Л. Постклассическое измерение закономерностей права // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С.475. Так же считает М.Л. Давыдова, отмечая, что «нецелесообразно было бы включать в предмет науки случайность. В определенной мере именно благодаря роли случайности закономерности не превращаются в законы. Они имеют вероятностный характер, не действуют автоматически, в том числе потому, что изначально предполагают наличие случайностей, способных воспрепятствовать их реализации. Случайность, таким образом, «вписывается» в само понятие закономерности, в механизм ее действия в качестве фактора, способного в той или иной ситуации ослабить или разорвать связь между причиной и следствием, составляющими суть закономерности» (См.: Давыдова М.Л. Закономерности как основа предмета теории юридической техники // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С.333). Представляется, что данная аргументация как раз говорит об обратном - о важности изучения рисков и факторов случайностей, препятствующих закономерному процессу развития и функционирования права.

[20] См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.,2005. С. 5; Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Г.А. Есакова. М., 2019. С. 12.

закона[21] или отдельных уголовно-правовых явлений[22]. Однако значительно чаще, при освещении предмета нашей отраслевой науки, вовсе отсутствует указание на то, что она изучает какие-либо закономерности в области уголовного права[23]. Между тем, справедливости ради следует сказать, что даже в тех учебниках, в которых предмет уголовно-правовой науки в целом раскрывается без упоминания закономерностей, при рассмотрении конкретных отраслевых проблем авторы эпизодично используют этот термин, однако по большей части не в смысле специфических закономерностей уголовного права.

Еще одним недостатком определений предмета уголовно-правовой науки является указание на те или иные закономерности наряду и одновременно с социальной обусловленностью и эффективностью, тенденциями развития и совершенствования, историей и перспективами, механизмом функционирования уголовного права и закона, практикой его применения. Тем самым допускается неточность, поскольку закономерности, по сути, упоминаются два раза – в качестве отдельного компонента предмета науки и элемента в составе данных процессов, так как, к примеру, социальная обусловленность и тенденции развития уголовного права и закона тоже характеризуются соответствующими закономерностями.

Аналогичную ошибку содержит определение методологии уголовного права, согласно которому она «представляет собой систему категорий диалектического и исторического материализма, позволяющую исследовать и практически применять познанные закономерности, сущность, содержание уголовно-правовой борьбы с преступностью»[24]. Поскольку закономерности выражают сущность и воплощаются в содержании права, то перечисление их в одном ряду как различных и несовпадающих явлений неверно.

Имеющие место игнорирование, недооценка, хаотичность указания или смешивание закономерностей даже на уровне абстрактного описания предмета

---

[21] См.: Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т.1. Общая часть / А.В. Наумов. М., 2008. С. 37; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. М., 2018. С. 17 – 18.

[22] См.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М., 2016. С. 36 – 37.

[23] См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2014. С. 29.

[24] См.: Лапунина Н.Н., Киселева Д.А. Методология уголовного права // Бизнес в законе. 2009. №1. С. 145.

уголовно-правовой науки не могут быть признаны несущественными в силу того, что без закономерностей как элемента теоретического знания не существует самой науки, а с другой стороны, свидетельствуют об отсутствии в ней ясного представления о закономерностях, свойственных уголовному права, их места и роли в его бытие и познании.

На определенном этапе развития философской мысли утверждения о том, что раскрытие объективных закономерностей той или иной предметной области является основной целью и показателем теоретической состоятельности и практической применимости любой науки, стало, пожалуй, аксиоматичными.

Б.М. Кедров считает очевидным, что любая наука изучает и явления, и сущность своего предмета, следовательно, имеет дело и с фактами, и с законами, причем открытие законов соответствующих явлений составляет важнейшую задачу всякой науки[25]. «Понятие закономерности, - пишет В.П. Тугаринов, - является одним из основных понятий всякой науки. Каждая наука, изучая определенную область явлений, имеет своей задачей открыть закономерный характер этих явлений и законы, которым они подчиняются»[26].

Исходя из этого общенаучного значения закономерностей, указание на них должно быть признано существенной и неотъемлемой частью описания предмета любой науки.

Следуя этой методологической посылке, авторы современных определений предметов различных наук, в том числе базовых и смежных для нашей отрасли, ставят на передний план именно закономерности изучаемых ими явлений[27].

---

[25] См.: Кедров Б. М. История и социология. М., 1964. С. 119.

[26] См.: Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. С.13.

[27] Например, согласно определению предмета социологии «это наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, наука о механизмах действия и формах проявления этих законов и закономерностей в деятельности личностей, социальных групп, общностей, классов, народов» (см.: Осипов Г.В. Социология. М.,2008. С.25). По мнению В.В. Лунеева, «изучение закономерностей и тенденций преступности является первым и основополагающим элементом предмета криминологии, без обращения к которому не могут быть решены другие криминологические задачи» (см.: Лунеев В.В. Криминология: учебник для вузов. М., 2024. С. 20). Р.С. Белкин писал, что понятие есть сущность предмета, значит, понятие предмета науки должно отражать его сущность, а не только явления. Поскольку сущность выражают закономерности, постольку их познание и составляет центральную часть всякого предмета научного исследования (см.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М., 1997. С. 87).

С другой стороны, ошибочно не только не указывать закономерности, но и полностью сводить к ним предмет науки[28]. Такая односторонность определения предмета науки названа «фетишизацией», абсолютизацией закономерностей[29]. Поэтому правильным считаем мнение, что «система государственно-правовых закономерностей составляет основу, ядро предмета юридической науки, но ни в коем случае не исчерпывает его содержание»[30].

Сообразно этой общеметодологической посылке необходимо переосмыслить и определение предмета уголовно-правовой науки, акцентировав внимание на закономерностях уголовного права и законодательства. Такое переосмысление способно дать существенный толчок развитию отраслевой науки в целом и ее отдельным направлениям подобно тому, как это имело место в смежных науках[31]. Такая расстановка акцентов способна повысить ценность теоретических выводов и предложений, придав им через изучение закономерностей достаточную научно-практическую обоснованность и достоверность. Скептическое отношение к результатам уголовно-правовой науки со стороны законодательной и судебной власти не является секретом. Проведенный нами опрос научных сотрудников показал, что большинство из них (63 %) оценивают уровень взаимодействия уголовно-правовой науки и политики как низкий. На страницах многочисленных публикаций и на площадках научных конференций ученые часто сетуют на недостаточное внимание к научной экспертизе законопроектов и игнорирование доктринального мнения в процессе изменений уголовного законодательства. К сожалению, такое отношение со стороны власти вполне понятно не только в силу

---

[28] Так, по мнению В.М. Сырых: «предмет общей теории права представляет собой систему общих закономерностей права как тотального целого, а также социологических, экономических, политических и иных закономерностей, которые влияют на действие и развитие права, его закономерностей, и систему закономерностей познания предмета данной науки» (См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М., 2001. С. 93).

[29] См.: Философия для аспирантов. Ростов н/Д, 2003. С. 287.

[30] См.: Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Государственно-правовая закономерность как основа предмета юридической науки // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С.151.

[31] В.И. Шаров называет событием в криминалистике, вызвавшем скачок в развитии этой науки, определение Р.С. Белкиным предмета криминалистики через закономерности (см.: Шаров В.И. Предмет криминалистики как система закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С.494-296).

ее возможных узко-политических интересов, но и зачастую в силу умозрительного характера результатов самих научных исследований, преобладания в них произвольных выводов и конструкций, сделанных в отсутствии исследования объективных закономерностей той или иной части уголовно-правовой действительности.

Поэтому, если мы хотим, чтобы уголовно-правовая наука шла в ногу с развитием других современных наук и не была отвлечена «косметическим ремонтом» отдельных статей уголовного законодательства и спорами, производными от самих же научных публикаций, а существенность ее выводов и предложений не оставляла сомнения для учета их законодателем и правоприменителем, она должна последовать примеру других наук и поставить во главу угла предмета своего исследования объективные закономерности уголовного права.

При этом обоснованная необходимость сфокусировать предмет науки уголовного права на закономерности и разработать развернутую теорию закономерностей в уголовном праве – это своевременный шаг, отсутствие которого на предшествующих этапах развития уголовно-правовой науки нельзя ставить в вину дореволюционным и советским ученым.

Такая переоценка предмета уголовно-правовой науки и связанное с ней создание теории закономерностей в уголовном праве требует правовой и научной зрелости самой отрасли, предполагающей, с одной стороны, регулярную повторяемость и устойчивость тех или иных уголовно-правовых явлений, с другой стороны, точность и полноту знаний об их существенных и необходимых связях и зависимостях[32].

Ю.А. Демидов отмечал, что вопрос о закономерностях развития уголовного права, несмотря на всю его важность, в науке вообще не ставился. Объясняя это

[32] В.М. Сырых верно отмечает, что «процесс познания объективного закона возможен лишь в условиях достаточно развитого уровня науки, когда уже имеется определенная совокупность понятий, категорий и ставится реальная задача поставить их в закономерную, системную связь друг с другом» (См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М., 2001. С. 51). По мнению П.М. Рабиновича: «Основной логической формой фиксации специфики государственно-правовых закономерностей служат фундаментальные понятия юриспруденции» (см.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма: вопросы теории и методологии исследования. Львов, 1975. С. 37).

тем, что многие вопросы уголовного права, предварительное решение которых необходимо для постановки проблемы закономерностей развития уголовного права, были до последнего времени недостаточно разработаны. Важнейшее значение в этом плане приобретают исследования о понятии уголовной ответственности и ее соотношении с наказанием, о содержании и специфике уголовно-правовых норм, об эффективности наказания и мер общественного воздействия и многие другие. Без их выяснения нельзя решить проблему закономерностей уголовного права. Но, с другой стороны, - как верно писал автор, - диалектика соотношения категорий, институтов, понятий уголовного права не может быть раскрыта с достаточной глубиной без ясного представления о его закономерностях[33].

Рассматривая соотношение закономерностей и иных характеристик уголовно-правовых явлений важно подчеркнуть, что закономерности – это важнейший предмет исследования в уголовном праве, но их изучение не может предшествовать, в смысле являться основой для познания других явлений уголовного права уже потому, что они не существуют сами по себе, их рассмотрение бессмысленно без анализа той субстанции – явлений, процессов, возникновение, развитие и функционирование которых подчиняется определенным закономерностям. Закономерности становятся объектом исследования лишь после того или в связи с тем, как мы выбираем для анализа объект изучения, определяем его границы и содержание, и лишь в его рамках определяем присущие изучаемым явлениям закономерности. Поэтому закономерности можно отнести к числу основных категорий уголовного права, наряду с другими категориями (уголовный закон, преступление, наказание, принципы уголовного права, его связи и тенденции), поскольку без изучения этих явлений невозможно познать сами закономерности, их изучение – это этап углубления знаний о праве, в том числе уголовном. Кроме того, оперируя этими более частными категориями исследователь решает многие проблемы

[33] См.: Демидов Ю.А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права // Правоведение. 1968. № 2. С. 78-85.

правотворчества и правоприменения. Другое дело, углубление наших знаний о сущности права заставляет переходить к категории закономерностей.

Большое, как известно, видится на расстоянии.

Это не столько объясняет отсутствие теории закономерностей в дореволюционной и советской уголовно-правовой науке, сколько позволяет расценивать научные достижения предшествующих периодов развития доктрины как подготовку достаточной «почвы», «теоретической базы» для изучения закономерностей в современной науке. К тому же объективно большинство связей и зависимостей еще только складывались, не приобрели должной устойчивости и повторяемости в предшествующие периоды истории развития отечественного уголовного законодательства, особенно в условиях едва ли не перманентных трансформаций и революционной ломки российского общества и уголовного права.

При этом следует отметить, что процессы трансформации российского общества и его правовой системы, с одной стороны, препятствуют становлению специальных закономерностей права, в том числе уголовного, как повторяющихся и устойчивых связей его специально-юридического содержания, но, с другой стороны, способствуют более отчетливому проявлению и осмыслению закономерных зависимостей права от экономических, политических, социально-культурных и иных факторов общественной жизни.

В оправдание недостаточного внимания дореволюционных и советских юристов к проблеме уголовно-правовых закономерностей нельзя не сказать и о том, что в условия антидемократизма, часто тоталитаризма и идеологической диктатуры, в которых долгое время развивалась российская уголовно-правовая наука, научный анализ объективных связей и зависимостей уголовного права, свободный от «единственно верной генеральной линии», «политического заказа и администрирования» был затруднительным, а периодами и вовсе опасным. Процессы демократического обновления российского общества, начавшиеся в середине 1980-х годов XX в. и связанные с преодолением идеологической монополии и отказом от государственной цензуры, которые вызывали

конформизм, консерватизм, догматизм, молчание или остракизм в гуманитарных науках, дали сильный толчок свободному научному творчеству, позволяющему беспристрастно исследовать объективные закономерности общественно-политической жизни, в том числе права.[34] Однако очередная смена вектора общественно-политического и государственно-правового развития России опять делает значительный шаг назад в сторону цензурных ограничений в культуре и науке, затрудняющих свободные оценки закономерных связей права с социальными, экономическими, политическими, культурологическими, международными и другими факторами, детерминирующими не только позитивные, но и негативные изменения в системе российского права. Критерий объективности и независимости от партийно-идеологических задач является принципиальным для уголовно-правовых исследований закономерностей уголовного права.

Тем не менее попытки и результаты осмысления отдельных закономерных связей безусловно прослеживаются и в работах правоведов прошлых эпох.

Открывшаяся на современном этапе развития уголовного права возможность его осмысления на уровне закономерностей подчеркивается учеными и применительно к отдельным связям и зависимостям. В частности, А.И. Коробеев пишет, что «исследование вопросов, связанных с преступлением и наказанием, а точнее – с установлением круга преступного и определением характера наказуемости, до недавнего времени шло в основном параллельными путями, почти не пересекаясь. На нынешнем этапе развития уголовной политики назрела настоятельная необходимость в объединении этих исследовательских «потоков», поиске точек соприкосновения между ними»[35].

Таким образом, к настоящему времени в российской уголовно-правовой действительности как особой области правовой и социальной жизни, имеющей

---

[34] Подробнее см.: Лихачев Д.С. Предисловие // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 5 – 6. Характеризуя этот период, А.В. Наумов пишет: «В нашем обществе происходит очищение от укоренившихся десятилетиями идеологических догм, от авторитарно-бюрократических наслоений командно-административной системы, от изживших себя стереотипов во внутренней и внешней политике. Все это не могло не затронуть и идеологические основы уголовно-правовой науки как неотъемлемой, если не важнейшей части (основы) ее методологии» (см.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т.1. Общая часть. М., 2008. С. 38).

[35] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С. 27.

многовековую историю, объективно сложились те связи и зависимости, которые обладают свойствами закономерностей, а сама наука уголовного права достигла того уровня теоретической зрелости, который позволяет осуществить специальную разработку проблемы закономерностей уголовного права, восходящую к осознанию их целостной системы.

Уголовное право, как профилирующая, фундаментальная отрасль права, прошедшая досоветский, социалистический и постсоциалистический периоды истории российской государственности, приобрело достаточную устойчивость формы и содержания, внутрисистемных и межсистемных связей и зависимостей, накопило определенные традиции, обладает достаточным научным и эмпирическим материалом для формирования собственных объективных закономерностей, иными словами, достигло достаточного уровень для обнаружения закономерностей.

Для полноты и всесторонности знаний о закономерностях уголовного права их изучение должно охватывать три взаимосвязанных среза – общую характеристику, описание отдельных видов и анализ конкретных уголовно-правовых закономерностей. Именно такой подход, включающий видовую характеристику закономерностей уголовного права, позволит возвысится до родового общетеоретического представления о правовых закономерностях и по возможности уточнить его с позиции отраслевых связей и зависимостей.

В.В. Мамчун верно пишет: «Не умаляя важности теоретического моделирования в области государственно-правовых закономерностей, следует все же признать, что с его помощью едва ли возможно исчерпывающим образом раскрыть проблематику закономерностей государства и права. Представляется необходимым сделать следующий закономерный шаг – перейти к выявлению, описанию и систематизации конкретных закономерностей государственно-правовой реальности, проявляющихся на разных этапах и участках правового регулирования, в разных элементах правовой системы общества. Затем, на основе

этого нового конкретного знания вновь вернуться к абстрактному знанию о закономерностях, но уже на качественном новом теоретическом уровне»[36].

Обращение к проблематике закономерностей обусловлено еще и необходимостью поиска новых методологических подходов, сближения методологии и универсализации языка уголовно-правовой науки с общей теорией права, и другими общественными науками для взаимообмена информацией, придания фундаментальности и социальной обоснованности результатам исследования уголовно-правовых явлений[37]. Закономерности – это мост между науками и их достижениями, поскольку уголовное право взаимообусловлено социальными, экономическими, политическими, социокультурными и иными закономерностями, а также между поколениями ученых, так как они складывались на протяжении многовековой истории уголовного права как отрасли и науки. Закономерности – это тот методологический инструмент, который не только позволяет понять сущность уголовного права, но и через анализ его существенных социальных связей с общественно-политической системой диагностировать ее современное состояние.

О необходимости методологической рефлексии и усовершенствования методологии, а также повышения роли фундаментальных исследований как об актуальной проблеме уголовно-правовой науки давно говорят специалисты[38]. По

---

[36] См.: Мамчун В.В. Закономерность, случайность и риск в правовом регулировании // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. с. 72.

[37] Более того, именно исследование закономерностей уголовного права – это та предметная область и ступень его познания, которая выводит уголовно-правовую науку на уровень других естественных и общественных наук, требует изучения того общего, что присуще закономерностям всех форм движения материи, в особенности социальной формы, и, тем самым, является шагом в углубление взаимодействия наук.

[38] См., в частности: Наумов А.В. Обновление методологии науки уголовного права // Советское государство и право. 1991. №12. С. 23 – 31; Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. №5. С. 130 – 131; Волженкин Б.В. О предмете науки уголовного права: уроки истории // История развития уголовного права и ее значение для современности: Материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 26-27 мая 2005 г. – М., 2006. С. 84; Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. М., 2007. №5. С. 39; Жалинский А.Э. О методологических основаниях уголовного права // Уголовное право. 2000. №3. С. 15 – 20; Его же. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. №1. С. 21 – 24; Его же. О переменах в науке уголовного права // Жалинский А.Э. Избранные труды. В 4 т. Т.4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Науковедческие проблемы правоведения. М., 2016. С. 433; Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2020. С. 100.

мнению Ю.Е. Пудовочкина и М.М. Бабаева, «современное состояние уголовно-политической теории требует не только ее содержательного, но и методологического обновления как за счет активации новых методов и направлений исследования, так и за счет реактуализации известных методологических принципов»[39]. А.И. Бойко пишет, что «нужна новая методологическая ориентация, та познавательная культура, которая позволит возвыситься над частностями, обозреть действующее в обществе уголовное право с самой высокой смотровой площадки и внести рациональные предложения по его модификации»[40]. Характеризуя состояние современных уголовно-правовых исследований, В.В. Хилюта справедливо отмечает, что они в массе своей тяготеют к феноменологическому описанию и комментированию, а потому «активизация научных изысканий в концептуальных понятиях уголовного права, переосмысление его теории – процесс неизбежный и закономерный, вытекающий из изменений политического, экономического и социального характера»[41].

Полагаем, что в качестве такой методологической ориентации может служить теория закономерностей в уголовном праве, которая нацеливает на понимание предмета уголовно-правовой науки в целом и ее отдельных научных исследований[42] как системы существенных и устойчивых связей и тенденций, характеризующих развитие, построение и функционирование уголовного права и его институтов.

Методологическое соответствие теории закономерностей проблематике уголовного права определяется тем, что оно имеет в своей внутренней структуре и внешней социально-правовой среде множество существенных, необходимых и устойчивых связей и зависимостей, обеспечивающих объективную обусловленность, системное развитие и функционирование отрасли. Кроме того,

---

[39] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Необходимость обновления методологии исследований в уголовном праве // Правосудие. 2020. Т.2. №4. С. 14.

[40] См.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008. С.5.

[41] См.: Хилюта В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 26 – 27.

[42] Уже сейчас в связи с нашими предшествующими разработками по теории закономерностей уголовного права, с отсылкой на них, появляются работы, в которых авторы выявляют специфические закономерности более частных предметов уголовно-правовых исследований. См., например: Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 464 – 484.

методологическая обоснованность и важность познания различных закономерностей в уголовно-правовой науке подтверждается тем, что все аспекты содержания уголовного права раскрываются наиболее глубинно и объективно через категорию связь (в частности, негативные изменения в общественных отношениях – общественная опасность деяния – криминализация; характер и степень общественной опасности деяния – объем уголовно-правового запрета и величина санкции; основной – квалифицированный – привилегированный составы преступления; тяжесть совершенного преступления и степень опасности личности виновного – строгость наказания и т.д.).

Теория закономерностей в полной мере удовлетворяет проницательному наблюдению А.Э. Жалинского о том, что «на современном этапе развития общества становится настоятельной необходимость такого критического пересмотра сложившегося методологического подхода к уголовному праву, который, считаясь с существующими взглядами и представлениями в этой сфере, мог бы адаптировать уголовное право к происходящим историческим изменениям в сфере бытия и сознания»[43].

Методологическое значение теории закономерностей уголовного права возрастает по мере общественного развития, особенно в условиях социальных трансформаций, когда жизнь острее и сложнее ставит перед уголовно-правовой наукой принципиальные вопросы, обостряет диалектические противоречия о сущности, содержании и предназначении уголовного права, касающиеся его использования как средства охраны или регулирования, обеспечения свободы или безопасности, защиты интересов власти или от произвола власти, правильное разрешение которых требует системного изучения как внутренней логики и структуры уголовного права, так и его существенных и необходимых взаимосвязей с внешней социально-правовой средой.

Общественный прогресс, характеризующийся усложнением внутренней организации и функционирования общества, стремлением к рационализации

---

[43] См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 30.

системы регулирования общественных процессов, не только невозможен без уголовного права как средства защиты личности, общества и государства от преступных посягательств и противодействия преступности, но и объективно требует конкретной меры уголовно-правового воздействия, избыточность или недостаточность которой препятствуют социальному прогрессу тем, что чрезмерно ограничивает свободу или не обеспечивает необходимую безопасность в обществе.

Глубина, сложность, противоречивость и многофакторность детерминации такой объективно необходимой меры уголовно-правового воздействия в современном обществе, требуют изменения парадигмы уголовно-правовой науки, состоящей в переориентации ее предмета с преимущественно эмпирического (практического) на теоретический (фундаментальный) уровень исследования уголовно-правовых явлений, предполагающий выявление, систематизацию и использование закономерностей уголовного права, исключающий метод «проб и ошибок», произвол и случайности из уголовной политики. По точному замечанию В.В. Хилюты, «решение всякой сложной проблемы мы должны искать в первую очередь не в нашей практике, а в основаниях теоретических обобщений и наукоемких исследованиях», а «проводимые эмпирические исследования в уголовном праве и криминологии без учета глубинных закономерностей могут в некоторых вопросах привести к ошибочным выводам»[44].

Методологическая ценность теории закономерностей обосновывается их ролью в научном объяснении и прогнозировании. Науковеды подчеркивают: поскольку закономерности отражают сущность явлений, постольку точность и глубинность их объяснения зависит от того, в какой мере наука раскрывает закономерности, управляющие этими явлениями[45]. Точно так же и с прогнозированием: если есть понимание существенных и устойчивых тенденций возникновения и развития явлений, то можно с большей вероятностью предвидеть

---

[44] См.: Хилюта В.В. Какой быть методологии уголовного права // Lex Russica. 2016. № 12 (121). С. 26.

[45] Г.И. Рузавин полагает, что действительное объяснение достигается только тогда, когда раскрываются внутренние, существенные связи объясняемых явлений (см.: Рузавин Г.И. Методы научного исследования. М.,1975. С.197). В.П. Тугаринов пишет, что процесс познания закономерностей представляет собой все большее углубление в действительность, что этот процесс дает в результате все более глубокое понимание сущности вещей, их взаимосвязи и взаимообусловленности (См.: Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. С.56).

их последующее состояние[46]. Поэтому изучение закономерностей уголовного права необходимо не только для понимания его прошлого и настоящего, но и будущего. Ведь закономерности выступают, с одной стороны, как итог предшествующей эволюции уголовного права, как нечто обусловленное исторически и социально, а с другой стороны, как источник и основа современного состояния, функционирования и устойчивого развития отрасли.

Без познания, учета и использования системы закономерностей уголовного права невозможна реализация таких приоритетных научных направлений в области уголовной политики, как криминологическое и уголовно-правовое прогнозирование и моделирование, изучение социальной и криминологической обусловленности и эффективности уголовного законодательства, анализ целесообразности и результативности мер уголовно-правового характера и т.д.

Более того, теория закономерностей уголовного права служит не только ключом к пониманию его сущности и внутренней логики, раскрытию того общего, устойчивого и необходимого, что присуще уголовно-правовой действительности, но и способна дать импульс дальнейшим научным изысканиям по конкретным отраслевым проблемам, поскольку все частное так или иначе обусловлено общим и сущностным.

Теория закономерностей как методологический подход имеет важнейшее значение в плане соответствия процесса и результата исследования отдельных проблем уголовно-правовой науки принципам диалектического познания (объективности и всесторонности рассмотрения объекта познания, историзма и развития, всеобщей связи и взаимообусловленности явлений, причинности, системности, единства теории и практики) и результативного использования общенаучных и частно-научных методов (системно-структурного, структурно-функционального, формально-логического, историко-правового, сравнительно-правового, социологического), поскольку все эти постулаты и способы предполагают выявление существенных, необходимых, повторяющихся и

[46] См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973; Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Законы общества и научное предвидение. М., 1972.

устойчивых связей и тенденций в развитии, структурном построении и функционировании уголовного права. К примеру, без познания, учета и использования закономерностей, характеризующих социальную обусловленность и эффективность норм уголовного закона, невозможно научно обоснованное и результативное применение социологического метода в уголовно-правовой науке, проведение конкретно-социологических исследований, изучение вопросов социального механизма действия уголовного права и закона, осуществление уголовно-правового прогнозирования[47]. Между тем, как показывает анализ многочисленных научных публикаций по уголовному праву, в которых используются, в частности, исторический и сравнительно-правовой методы познания, авторы часто ограничиваются перечислением исторических фактов, цитированием памятников уголовного законодательства и зарубежных источников, не выявляя при этом закономерных связей и тенденций развития изучаемых уголовно-правовых явлений.

Кроме того, разработка теории закономерностей уголовного права способствует дальнейшему развитию и интеграции отдельных подходов: социологического, экономического, политологического, культурологического, межотраслевого, инструментального и рискологического анализа уголовного права[48], каждый из которых безусловно важен для его осмысления, но в определенной мере односторонен. Поэтому на современном этапе развития науки и общества возникает необходимость их органичного объединения на основе единой методологической установки.

В методологическим аспекте можно также отметить, что не всякое отдельно взятое для исследования уголовно-правовое явление может позволить сделать

---

[47] См, например: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986; Социология уголовного права: Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона: Социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: Сборник статей (материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития», состоявшейся 21-22 сентября 2012 г.). Том I. М., 2013.

[48] См., в частности: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009; Бибик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. СПб., 2017. Его же. Введение в культурологию уголовного права. М., 2012; Бойко А.И. Нравственно-религиозные основы уголовного права. М., 2010; Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии. М., 2021.

научное обобщение на уровне специальных закономерностей, в том числе закономерных тенденций. На наш взгляд, учитывая природу закономерностей как существенных, общих, устойчивых и повторяющихся связей, минимальным структурным элементом уголовного права, соответствующим выявлению закономерностей, является конкретный уголовно-правовой институт и иная однородная группа уголовно-правовых явлений. Однако такой подход вовсе не означает, что исследование, к примеру отдельных норм уголовного права, не имеет научного значения, а свидетельствует только о недостаточности данного уровня уголовно-правовых феноменов для открытия закономерностей. С этой точки зрения закономерности выступают также объективным критерием для проверки возможности объединения определенных уголовно-правовых явлений для их научного исследования, позволяющим понять, насколько искусственно, эклектично или органично такое объединение. Если в основе такого объединения уголовно-правовых явлений не лежат общие закономерности развития и функционирования, то оно является произвольным, а следовательно, будет влечь субъективные выводы.

Таким образом, законосообразная концепция уголовно-правовой науки исходит из двойственного теоретико-методологического значения закономерностей, рассматривая их как основную (центральную) часть ее предмета и как базовую методологическую установку (парадигму) науки. С указанным значением закономерностей в уголовно-правовой науке согласны большинство опрошенных нами научных сотрудников (84 %).

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. Уголовное право возникло, развивается и функционирует в качестве неотъемлемого элемента социально-политической и нормативно-регулятивной системы общества, органически связанного с экономическими, политическими, социокультурными и иными условиями его жизни, поэтому выявление закономерностей является необходимым, обусловленным самой сущностью уголовного права, методологическим подходом к его изучению.

2. В отечественной уголовно-правовой науке еще не создано теории закономерностей, что объясняется как объективными факторами, предполагающими складывание закономерных связей и зависимостей в условиях длительного и устойчивого эволюционного развития уголовного права, которому в истории российской государственности препятствовали часто происходящие процессы социальной трансформации, революционного преобразования права и нестабильности правовой системы, так и субъективными факторами, предполагающими познание объективных закономерностей в условиях независимости уголовно-правовой мысли от единственно возможной идеологической линии.

В настоящее время процессы преемственности между дореволюционным, советским и постсоциалистическим периодами многовекового развития российского уголовного права и отечественной уголовно-правовой доктрины, создали достаточную объективно-историческую и научно-теоретическую базу для разработки теории закономерностей.

3. Сложность, противоречивость, гипердинамичность и постоянная изменчивость современного общества в эпоху неопределенности и рисков, требует от уголовного права еще большей относительной стабильности, правовой определенности и прогнозируемости, а, следовательно, от уголовно-правовой науки - признания ядром ее предмета объективных закономерностей и их исследования как существенных, устойчивых и повторяющихся связей внутренней структуры уголовного права и его взаимосвязей с внешней социальной средой.

4. *Законосообразная концепция*, учитывая связь методологии и предмета *уголовно-правовой науки* с феноменом уголовного права, возникновение, развитие, содержание и функционирование которого, как неотъемлемого элемента социально-политической и нормативно-регулятивной системы общества, детерминировано и характеризуется закономерностями, предполагает их признание и познание в качестве ядра предмета науки уголовного права, применение в роли методологического средства для дальнейшего углубленного научного исследования конкретных уголовно-правовых явлений и частных

отраслевых проблем, а также для научного обеспечения их использования в уголовно-правовой политике.

Законосообразная концепция уголовно-правовой науки исходит из двойственного теоретико-методологического значения закономерностей, рассматривая их как основную (центральную) часть ее предмета и как базовую методологическую установку (парадигму) науки.

5. *Гносеологическое значение законосообразной концепции уголовно-правовой науки* доказано с точки зрения: сущности уголовного права, выраженной в комплексе его межсистемных и внутрисистемных закономерных связей, обусловливающих необходимость интегративного развития социологического, экономического, политологического, культурологического, межотраслевого, инструментального и рискологического анализа уголовного права; обеспечения методологической совместимости и диалектического сосуществования различных объясняющих его теорий; достаточной правовой и научной зрелости российского уголовного права, достигнутой в результате многовековой истории его развития как отрасли права, законодательства и науки; непоследовательности и отсутствия указания на закономерности при определении предмета уголовно-правовой науки; требования обновления ее методологии и углубления междисциплинарного взаимодействия с другими отраслями знаний; необходимости преодоления умозрительного характера некоторых теоретических выводов и предложений, придания фундаментальности и социальной обоснованности результатам научных исследований уголовно-правовых явлений, достижения их объективности и независимости от идеологической «привязки», политического заказа и диктата, повышения их практической ценности и востребованности; роли закономерностей в научном объяснении и предсказании, соответствия исследования проблем уголовно-правовой науки принципам диалектического познания, повышения результативности использования общенаучных и частно-научных методов; потребности адаптации уголовного права к трансформации современного общества, обеспечения правовой адекватности, определенности, стабильности и прогнозируемости уголовного законодательства в условиях сложности,

противоречивости и гипердинамичности происходящих в обществе социальных процессов.

§ 2. Российская и зарубежная доктрины в поисках и в формировании уголовно-правовых закономерностей

В предшествующем параграфе мы рассмотрели вопрос о роли закономерностей в научном исследовании и аргументировали, что указание на них в предмете уголовно-правовой науки является существенной и неотъемлемой частью его определения, способной перевести внимание ученых на анализ более глубинных явлений и тенденций, проявляющихся в процессе криминализации, пенализации, дифференциации уголовной ответственности и применения уголовного права.

Несмотря на то, что ученые давно осознали важность проблематики закономерностей в праве, ни в общей теории и ни в уголовно-правовой науке по-прежнему предметно не выявлена номенклатура закономерностей, не проведена их систематизация, да и общая характеристика их представлена весьма абстрактна, как правило, ограничиваясь философской и социологической интерпретацией.

Однако с середины 50-х годов, когда в советской науке впервые была прямо обозначена проблематика правовых закономерностей, отечественные ученые сделали ряд значительных шагов на пути их понимания и классификации.

Обзор российской научной литературы показывает, что проблема государственно-правовых закономерностей разрабатывается на уровне общей теории государства и права и отраслевых юридических наук.

В работах общетеоретического характера анализируются социально-философские основы познания закономерностей в праве, исследуются их понятие и соотношение со смежными категориями, предпринимаются попытки классификации государственно-правовых закономерностей[49].

---

[49] См.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 9 - 66; Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: дисс. … канд. юрид. наук. Л.,1979; Алексеев

В работах отраслевого характера авторы выявляют специальные закономерности, анализируют их объективные проявления и последствия «недоучета» законодателем или правоприменителем в определенной сфере правовой жизни общества.

Серьезные подвижки и шаги в разработке теории отраслевых закономерностей наблюдаются в российской уголовно-правовой науке. В настоящее время здесь можно выделить три группы источников, посвященных проблеме закономерностей уголовного права:

Во-первых, работы, в которых рассматриваются вопросы закономерностей уголовного права в целом, а также затрагиваются некоторые общетеоретические вопросы правовых закономерностей[50].

Вторая группа работ посвящена отдельным видам закономерностей, действующим в уголовном праве и характеризующим его возникновение, развитие, структуру и функционирование[51].

С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. М., 1981. С. 123 – 134; Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006; Вопленко Н.Н. О понятии государственно-правовых закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 229 – 238; Петров А.В. Система закономерностей права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №5. С. 108 – 115.

[50] См., в частности: Андрианов В.К. Закономерности уголовного права: от философского к отраслевому пониманию // Социально-политические науки. 2019. №4. С. 87 - 93; Андрианов В.К. Закономерности уголовного права как основа системности и устойчивого развития отрасли // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. №2. С. 210-214; Андрианов В.К. Классификация закономерностей уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №2. С. 111 – 115; Андрианов В.К. Закономерности уголовного права как основа предмета уголовно-правовой науки // Социально-политические науки. 2019. №2. С. 129 – 133; Андрианов В.К. Закономерности, принципы и концептуальные начала уголовного права как базисные отраслевые категории // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №3. С. 143 – 146; Андрианов В.К. Закономерность и случайность в уголовно-правовом регулировании // Социально-политические науки. 2019. №3. С. 118 – 122; Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России. М., 2019; Андрианов В.К. Зарубежная и российская доктрины в поисках уголовно-правовых закономерностей // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. №4. С. 130 – 134; Андрианов В.К. Влияние различных школ уголовно-правовой мысли на развитие закономерностей уголовного права // Пробелы в российском законодательстве. 2019. №4. С. 173 – 177; Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности уголовного права. М., 2019; Андрианов В.К. О системе закономерностей уголовного права // Социально-политические науки. 2021. № 2. С. 101 – 108.

[51] См.: Демидов Ю.А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права // Правоведение. 1968. № 2. С. 78 – 85; Петин И.А. Значение осознания основных закономерностей мироустройства в уголовном праве // Российский следователь. 2007. № 17. С. 18 – 19; Устинова Т.Д. Принципы, обеспечивающие системность уголовного закона // Уголовное право. 2007. №6. С. 51 – 55; Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014; Денисова А.В. Закономерности функционирования системосохраняющего механизма в российском уголовном праве // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 241-249; Андрианов В.К. Структурные закономерности уголовного права: понятие, виды, соотношение понятий // Журнал российского права. 2018. №10. С. 91 – 100; Андрианов В.К. Диалектические закономерности и тенденции развития уголовного права // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. №2 (47). С. 29 – 37; Андрианов В.К. Закономерности развития запретительно-карательных институтов социального регулирования: от табу к уголовному праву //

В-третьих, работы, анализирующие отдельные уголовно-правовые явления, институты и нормы, в которых наряду с иными аспектами их изучения авторы выявляют специфические закономерности, управляющие этими явлениями[52].

Как видно, представители российской юридической науки, переходя от общего (философского, социологического и общеправового понимания закономерностей) к частному (отраслевому, видовому и конкретному пониманию закономерностей), и в обратном направлении - уточняя понятие и систему правовых закономерностей, достигли немалых успехов в развитии теории закономерностей права.

Посмотрим, как обстоит дело в зарубежной науке с изучением проблемы закономерностей в уголовно-правовой сфере (criminal matter).

Анализ зарубежной библиографии на предмет поиска работ, посвященных вопросам закономерностей уголовного права, уголовно-правовой политики и в сфере противодействия преступности позволяет заключить, что в зарубежной правовой доктрине не создано обобщенной, развернутой, охватывающей в целом конкретные национальные системы уголовного права, теории или концепции закономерностей.

Социально-политические науки. 2020. №3. С. 121 – 127; Андрианов В.К. Закономерности уголовного правообразования // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. №3. С. 240 – 247.

[52] См.: Ершов М.А. Закономерности в конструировании составов преступлений экономической и коррупционной направленности // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 344 – 352; Кузьменко В.С. Закономерности развития уголовной ответственности за посягательства на половую неприкосновенность // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 545 – 550; Папеева К.О. О закономерностях формирования системы тайн в уголовном праве // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т.2. С. 159 – 179; Андрианов В.К. Закономерности разграничения преступлений и иных правонарушений, связанных с нарушением специальных правил // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. №3 (21). С. 25 – 33; Андрианов В.К. Закономерности объективной стороны преступлений, связанных с нарушением специальных правил // Общество и право. 2017. №4 (62). С. 20 – 25; Андрианов В.К. Закономерности развития института конфискации имущества в российском, зарубежном и международном уголовном законодательстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. №5. С. 211 – 219; Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания // Журнал российского права. 2022. Т.26. №6. С. 91 – 104; Андрианов В.К. Закономерности конкуренции уголовно-правовых норм об освобождении от наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2022. №4. С. 329 – 335; Андрианов В.К. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: закономерности и проблемы применения // Российское правосудие. 2023. №2. С. 72 – 81.

Обзор зарубежной научной литературы антикриминального цикла показывает, что закономерности (patterns) изучаются в ней, как правило, для решения практических криминологических и криминалистических задач по выявлению существенных, необходимых и устойчивых связей и зависимостей в процессе детерминации преступности, в механизме преступного поведения и противодействия преступности[53]. Однако такое преобладание знаний о конкретных закономерностях в сфере противодействия преступности является скорее сильной стороной развития зарубежной науки, проработанной благодаря успешному применению методов конкретно-социологических и психологических исследований. Выявляемые зарубежными учеными эмпирические и статистические закономерности позволяют более результативно решать прикладные задачи по предупреждению, расследованию преступлений и привлечению виновных к уголовной ответственности.

Так, с позиции теории социальных закономерностях канадскими профессорами сформулированы следующие устойчивые связи и зависимости, связанные с преступностью:

- закономерность обусловленности преступности («преступление не случайно»);

- закономерность типизации преступного поведения (1: «по мере того, как люди выполняют ряд действий, они принимают решения; когда действия часто повторяются, процесс принятия решений становится регулярным; эта регуляризация создает абстрактный направляющий шаблон; для решений о совершении преступления это называется шаблоном преступления». 2: «когда отдельные лица принимают свои решения независимо, индивидуальные процессы принятия решений и шаблоны преступлений могут рассматриваться суммирующим образом, то есть средние или типичные модели могут быть определены путем объединения, наложения моделей отдельных лиц»);

---

[53] См.: Trends and Patterns in Crime: Past, Present, and Future. U.S. Department Of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance. Washington, 2000. (Перевод данного и всех остальных используемых англоязычных источников выполнен автором настоящей диссертации).

- закономерность социоинтеграции преступного поведения (1: «большинство людей не функционируют как отдельные личности, а имеют сеть родственников, друзей и знакомых; эти связи обладают различными свойствами и влияют на решения других участников сети». 2: «у людей есть целый ряд повседневных дел; обычно они проводят время в различных узлах активности, таких как дом, работа, школа, магазин, развлечения или общение с друзьями, и по дороге между этими узлами». 3: «люди, совершающие преступления, имеют обычные пространственно-временные схемы передвижения, как и все остальные; вероятное место совершения преступления находится рядом с этим местом обычной активности и жизнедеятельности»);

- закономерность совершенствования преступного поведения («отдельные лица или сети отдельных лиц совершают преступления, когда есть инициирующее событие и процесс, с помощью которого человек может определить цель и жертву, которые соответствуют шаблону преступления. Преступные действия изменяют банк накопленного преступного опыта и изменяют будущие действия»);

- закономерность трансформации преступного поведения из потенциального в реальное (1: «потенциальные цели и жертвы имеют пассивные местоположения или активные места деятельности, которые пересекаются с зонами активности потенциальных преступников; потенциальные цели и жертвы становятся фактическими целями и потерпевшими, когда у потенциального преступника возникает желание совершить преступление и когда потенциальная цель и жертва соответствует шаблону преступления этого лица». 2: «условия преступности создаются большими потоками людей, проходящими через узловые точки активности и направляющимися к ним; причины преступности создаются, когда цели располагаются в узловых точках активности лиц, которые имеют большую готовность к совершению преступлений»)[54].

[54] См.: Brantingham P.L., Brantingham P.J. Crime Pattern Theory. URL: web. archive.org.; Brantingham, P.J., Brantingham, P.L., & Andresen, M.A. (2017). The geometry of crime and crime pattern theory. In R. Wortley & M. Townsley (Eds.), Environmental criminology and crime analysis (2nd ed.) (pp. 98 – 115).

Учеными Массачусетского технологического института совместно с сотрудниками Полицейского управления Кембриджа на основе больших данных о преступности за долгие годы предпринята попытка автоматизации процесса выявления закономерностей преступлений, совершенных одним и тем же лицом. Как отмечают авторы, среди большого числа преступлений, которые происходят каждый год в крупном городе, криминалистам сложно определить, какие из них могли быть совершены одним и тем же лицом (лицами). Поэтому если в помощь аналитикам будут предоставлены автоматизированные инструменты для выявления серийных преступлений, эти инструменты могут помочь полиции лучше понимать почерк преступлений, что приведет к более точному установлению виновных в прошлых преступлениях и их задержанию. Для этого авторы предлагают алгоритм обнаружения закономерностей (Series Finder), который выявляет серию обнаруженных преступлений из базы данных, начиная с нескольких преступлений[55].

Иностранные коллеги выявляют также закономерности в применении уголовного закона. Учеными из Университетов штатов Айовы и Аризоны Дэвидом Балдусом, Чарльзом Пуласки и Джорджем Вудвортом было проведено сравнительное эмпирическое исследование смертных приговоров, которое указывало на риск того, что расовые соображения учитывались при их вынесении. Исследование, основанное на изучении 2500 дел об убийствах в штате Джорджия, пришло к выводу, что все лица, осужденные за убийство белых, с гораздо большей вероятностью получили бы смертную казнь. Таким образом, было установлено, что применение смертной казни было связано с расовой принадлежностью жертвы. Даже после учета 39 нерасовых переменных вероятность вынесения смертного приговора подсудимым, обвиняемым в убийстве белых жертв, в 4,3 раза выше, чем подсудимым, обвиняемым в убийстве чернокожих жертв[56].

---

[55] См.: Tong Wang, Cynthia Rudin, Daniel Wagner, and Rich Sevieri. Learning to Detect Patterns of Crime. European Conference on Machine Learning and Principles and Practice of Knowledge Discovery in Databases, ECML PKDD 2013, Prague, 23-27 September 2013.

[56] См.: David C. Baldus, Charles Pulaski, George Woodworth. Comparative Review of Death Sentences: An Empirical Study of the Georgia Experience. Journal of Criminal Law and Criminology. 1983. 74 (3): 661 – 753.

Некоторые специальные закономерности (patterns) отмечаются в работах, посвященных отдельным проблемам уголовно-правовой действительности, например, справедливости в уголовном праве[57] и другим принципам уголовного права и уголовной ответственности[58], функциям уголовного права[59], представлению о преступнике[60], наказанию[61], уголовному правосудию[62] и правовым репрессиям[63].

Наряду с работами, в которых анализируются отраслевые закономерности, в зарубежной науке встречаются публикации по более общим вопросам, в частности, о закономерностях в языке и словесно-документальном изложении правовых актов[64]; о закономерностях, свойственных правовым системам в современном мире[65]; о закономерностях современного развития общества и права[66].

Анализ зарубежной и российской юридической литературы, посвященной закономерностям права, показал принципиально разный подход к их изучению. Если зарубежная наука развивается преимущественно индуктивным путем – от сбора и анализа практических данных к их систематизации и обобщению на уровне статистических и эмпирических закономерностей (patterns) права; то российская наука выбрала дедуктивный путь – от общего философского, социологического и общеправового понимания закономерностей через определение отраслевых

---

[57] См.: Alan Norrie. The Limits of Justice: Finding Fault in the Criminal Law // The Modern Law Review Limited. 1996. pp. 540-556.

[58] См.: Michal Peno. The Character of the Principles of Criminal Law and Criminal Responsibility: Between the Philosophy of Law and Semiotic // Liverpool Law Review (2019) 40:79–93.

[59] См.: Douglas Husak. The Price of Criminal Law Skepticism: Ten Functions of the Criminal Law // New Criminal Law Review. 2020. Vol. 23, Number 1, pp. 27–59.

[60] См.: Dario Melossi. Changing Representation of the Criminal // British Journal of Criminology. Vol. 40. 2000. pp. 296-320.

[61] См.: Pat O'Malley. Volatile and contradictory punishment // Theoretical Criminology. 1999. Vol. 3. pp. 175 – 196.

[62] См.: James Austin, Barry Krisberg. Wider, Stronger, and Different Nets: The Dialectics of Criminal Justice Reform // Journal of Research in Crime and Delinquency. 1981. pp. 165 – 196; Katherine Beckett, Anna Reosti, Emily Knaphus. The End of an Era? Understanding the Contradictions of Criminal Justice Reform // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 664 (1). 2016. pp. 238-259.

[63] См.: Isaac D. Balbus. The Dialectics of Legal Repression, The: Black Rebels before the American Criminal Courts. New York. 1973.

[64] См.: Lawrence M. Solan. Patterns in Language and Law // International Journal of Language & Law. 2017. Vol. 6. P. 46 – 66.

[65] См.: Ugo Mattei. Three Patterns of Law: Taxonomy and Change in the Worlds Legal Systems // The American Journal of Comparative Law, Vol. 45. No.1 (1997), pp. 5-44.

[66] См.: David B. Goldman. Globalization and the Western Legal Tradition. Recurring Patterns of Law and Authority. Cambridge University Press. 2008.

закономерностей к систематизации их основных видов и раскрытию системы общих и специальных закономерностей с доказательствами их реального бытия и подтверждением их конкретными данными.

Каждый из этих подходов важен и взаимополезен, так как дедуктивный подход к познанию закономерностей дает возможность разработать целостную и единую систему закономерностей, а индуктивный подход позволяет выявить конкретные закономерности в правовой действительности, связать их абстрактные формулировки с жизнью, эмпирически и статистически доказать закономерности.

Следует отметить, что юридическая наука не только открывает (констатирует) объективно существующие в правовой действительности закономерности, но и активно способствует их становлению, развитию и продвижению, обосновывая важность соответствующих связей и зависимостей и возводя в ранг принципов и основных правил их учет и использование в правотворческой и правоприменительной деятельности.

В этой связи рассмотрим влияние науки уголовного права на развитие его закономерностей. Учитывая, что закономерности представляют собой существенные, повторяющиеся и устойчивые связи и тенденции, изучение такого влияния целесообразно осуществлять с точки зрения не отдельных ученых и периодов развития науки уголовного права, а основных направлений (школ) уголовно-правовой мысли, имеющих общее социально-философское представление об уголовном праве.

Поскольку правовые закономерности складываются в результате юридической деятельности людей, под влиянием не только объективных, но и субъективных факторов, связанных с развитием правосознания и в целом правовой культуры, то свой существенный вклад в формирование и обоснование закономерностей уголовного права внесли представители различных школ уголовно-правовой науки.

Так, под влиянием идей классической (в том числе, просветительно-гуманистической) школы уголовного права складываются:

– закономерность детерминированности криминализации деяния его объективно существующей общественной опасностью (Ч. Беккариа писал: «Единственным истинным мерилом преступлений служит вред, причиняемый ими обществу». «Подобно тому как неизменные и простейшие законы природы не препятствуют нарушению движения планет, так и человеческие законы не смогут предупредить столкновения и нарушения порядка. И, однако, именно эта нелепая мечта присуща ограниченным людям, когда они получают власть в свои руки. Запрещать множество безразличных действий – не значит предупреждать преступления, которые ими и не могут быть рождены, а значит создавать из этих действий новые преступления, значит определять по своему желанию добродетель и порок, которые провозглашаются вечными и непоколебимыми»[67]);

– закономерность зависимости уровня соблюдения уголовного закона от степени его социальной обусловленности (Ж.П. Марат писал, что уголовные законы должны запрещать лишь то, что посягает на интересы общества, и без необходимости не ограничивать свободу людей, перенасыщение их уголовно-правовыми запретами, безразличными для блага общества, приводит к их обесцениванию и в конце концов к пренебрежению такими законами[68]);

– закономерность зависимости криминализации деяний исключительно от законодательной деятельности, а практической пенализации – только от судебной (Ч. Беккариа полагал, что «только закон должен определять случаи, в которых человек заслуживает наказания», «только законы могут устанавливать наказания за преступления и что власть их издания может принадлежать только законодателю как представителю всего общества. Никакой судья не может, не нарушая справедливости, устанавливать наказания для других членов общества. Поэтому ни под каким предлогом и ни по каким соображениям общественного блага судья не может повысить наказание, установленное законом за преступления»[69]);

---

[67] См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2024. С. 97, 150.
[68] См.: Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.1. План уголовного законодательства. М.,1956. С. 229.
[69] См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2024. С. 91, 131.

– закономерность: чем выше степень правовой определенности уголовного закона, тем эффективнее его функционирование и защита от применения в ущерб правам граждан (по мнению Ж.П. Марата, сущность справедливых уголовных законов в том, чтобы в них не было «ничего непонятного, неопределенного, произвольного в представлении о преступлениях и наказаниях, ибо важно, чтобы каждый вполне понимал законы и знал, чему он себя подвергает, нарушая их: уголовный кодекс не должен, следовательно, бояться излишней точности и излишней простоты»[70]. Требование точного определения в уголовном законе каждого преступления и недопустимости отступления от буквы закона отстаивал и Ш.Л. Монтескье[71]);

– закономерность зависимости признания деяния преступным и наказуемым от указания уголовного закона (nulla poena sine lege – нет наказания без закона; nulla poena sine crimene - нет наказания без преступления; nullum crimen sine poena legali – нет преступления без законного наказания[72]);

– закономерность сложения состава преступления из объективных и субъективных признаков (Так, Н.Д. Сергеевский писал, что: «Совокупность тех условий, при наличности которых известный поступок данного лица подойдет под понятие преступного деяния, то есть будет осуществлять в себе все те признаки, которые образуют собою элементы юридической природы правонарушения, подлежащего по силе уголовного закона наказанию, – совокупность этих условий носит название состава преступного деяния… Условия эти суть или условия, лежащие в лице деятеля (субъект), или в предмете посягательства (объект), или в самом действии (преступное действие)» [73];

– закономерность детерминированности преступности и наказуемости деяния виновностью лица его совершившего (А. Фейербах предлагал выделять не только объективное, но и субъективное, психологическое основание уголовной

[70] См.: Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.1. План уголовного законодательства. М.,1956. С. 229.
[71] См.: Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 73.
[72] См.: Фейербах П. А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 19 – 20.
[73] См.: Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям: Часть общая. СПб., 1900. С. 203 – 204.

ответственности[74]; Н.С. Таганцев писал: «вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а потому уголовно ответственным; без вины нет ответственности и нет вменения»[75]);

– закономерность построения системы особенной части уголовного кодекса в зависимости от объекта преступлений и в целом институционального строения уголовного закона (Ж. П. Марат по отношению к своим объектам подразделял преступления на восемь разделов[76]);

– закономерность соразмерности наказания совершенному лицом преступлению (Ч. Беккариа писал: «препятствия, сдерживающие людей от преступлений, должны быть тем выше, чем важнее нарушаемое благо и чем сильнее побуждения к совершению преступлений. Следовательно, суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления». Для установления «более тесной взаимосвязи между преступлением и наказанием: наказание должно в максимальной степени соответствовать природе преступления». «Это соответствие позволяет противопоставить побудительным мотивам к совершению преступления отвращающий (устрашающий) эффект наказания». В этой связи итальянский просветитель считал, «что установление неверного соотношения между ними порождает малозаметное, но широко распространенное противоречие, вследствие которого преступления порождаются самими наказаниями. Если одно и то же наказание предусмотрено в отношении двух преступлений, наносящих различный вред обществу, то ничто не будет препятствовать злоумышленнику совершить более тяжкое из них, когда это сулит ему большую выгоду».[77] О точном соответствии между наказанием и преступлением и необходимости, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония, рассуждал и Ш. Монтескье.[78] По

[74] См.: Фейербах П. А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 79 – 87.
[75] См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 частях. Ч. 1. М., 2025. С. 175.
[76] См.: Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.1. План уголовного законодательства. М.,1956. С. 240.
[77] См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2024. С. 95, 97, 116.
[78] См.: Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 85.

мнению А. Фейербаха: «никто не повинен терпеть зла более, чем заслуженного своим деянием»[79]);

– закономерность прогрессии степени наказуемости в зависимости от характера и степени общественной опасности преступлений (А. Фейербах писал, что величина опасности служит мерилом степени наказания, а следовательно: чем опаснее деяние в отношении к правомерному состоянию, тем больше наказуемость. Степень наказуемости зависит от важности и числа нарушенных прав, характера и устойчивости побудительных причин и мотивов совершения преступления, формы вины, стадии и роли в преступлении[80]);

– закономерность иерархичности системы наказаний (Ч. Беккариа писал о лестнице наказаний, составленной по принципу от наиболее тяжкого до наиболее легкого, чтобы в дальнейшем наиболее тяжкие преступления не карались самыми легкими наказаниями; если бы существовала точная и всеобщая лестница преступлений и наказаний, то она могла бы служить нам не только для назначения наказания, но для оценки степени тирании и свободы, гуманности и жестокости различных народов[81]);

– закономерность незамедлительности и неотвратимости наказания («Чем быстрее наказание следует за совершённым преступлением, чем ближе оно к нему, тем оно будет справедливее и эффективнее», «ибо чем меньший промежуток времени отделяет наказание от преступления, тем сильнее и прочнее закрепится в душах людей взаимосвязь этих двух явлений: преступления и наказания. И они автоматически будут восприниматься в неразрывной взаимосвязи, одно – как причина, другое – как необходимое и неизбежное следствие». «Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупредить преступления. Неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, но сопровождаемый надеждой на безнаказанность»[82]).

---

[79] См.: Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 129.
[80] См.: Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 100 – 115.
[81] См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2024. С. 96.
[82] См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 2024. С. 115 – 116, 124.

Заслугой социологической школы в уголовно-правовой науке можно считать обоснование закономерностей: неизбежности (вечности) преступности как общественного явления и ее детерминированности социальными и индивидуальными факторами; социальной и криминологической обусловленности уголовно-правовых запретов; зависимости тяжести наказания не только от тяжести преступления, его общественной вредоносности, но и от личности виновного и причин его совершения; субсидиарности наказания относительно других социально-экономических и правовых регуляторов; приоритета предупреждения преступлений, исправления и ресоциализации виновных над карательными уголовно-правовыми целями и средствами; усиления судейского усмотрения для индивидуализации уголовной ответственности (Ф. Лист, А. Принс, В. Гамель, Э. Ферри, М. Ансель[83]).

Свою лепту в развитие закономерностей уголовного права внесли также представители антропологической школы в уголовном праве (Ч. Ломброзо и др.), обосновав тезисы о наступлении уголовной ответственности за преступление как виновное деяние, совершенное физическим вменяемым лицом, достигшим определенного возраста; о зависимости разнообразия применяемых мер уголовно-правового характера от совокупности признаков, определяющих правовой, возрастной и психический (медицинский) статус лица, совершившего уголовно-противоправное деяние и учета его физиологических, естественно-биологических и психических характеристик при назначении и освобождении от наказания[84].

При этом важно отметить, что большинство современных закономерностей (например, закономерность зависимости назначаемого наказания от характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного) синтезируют в себе идеи сразу нескольких школ: классической, социологической и антропологической. Так, Н. С. Таганцев писал, что

---

[83] См.: Лист Ф. Преступление как социально-патологическое явление. СПб.,1900; Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912; Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908; Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). М., 1970.

[84] См.: Криминология / под ред. И.И. Карпеца и др. М., 1976. С. 148; Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М., 1989.

«основанием, вызывающим осуществление карательного права, определяющим объём, а иногда и род кары, является преступное деяние, объем и значение причиняемых им вреда или опасности для правопорядка, для личности и общества. Личность преступника, проявленная в преступлении, ее физические и психические особенности, наклонности, черты характера, энергия ее воли представляются только одним из элементов, определяющим общественное и индивидуальное значение деяния, и через то влияющим на меру его наказуемости»[85].

Анализ различных направлений уголовно-правовой науки с точки зрения их влияния на формирование закономерностей уголовного права показывает, что идеологи каждой из трех основных школ (классической, социологической и антропологической) внесли свой заметный вклад во внедрение и развитие отраслевых закономерностей, прокладывая своими прогрессивными идеями им дорогу в уголовно-правовой действительности, обеспечивая социальную обусловленность, эффективность и справедливость уголовного законодательства и практики его применения.

Поэтому законосообразная концепция уголовно-правовой науки, исходя из действия в уголовном праве общих и специальных закономерностей, детерминирующих и характеризующих социально-криминологическое и специально-юридическое содержание, различные аспекты его бытия, предполагает не противопоставление основных ее направлений (школ), а интеграцию их лучших идей в современной уголовно-правовой политике и уголовном законодательстве, поскольку:

– социологи и антропологи призывали изучать именно реальное бытие уголовного права, а следовательно, предполагалось, что закономерности должны быть выявлены именно в жизни посредством социологических, статистических и генетических методов исследований преступности и преступника. Но эти школы в России не получили полноценного развития, программы изучения реальности были

[85] См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 927.

свернуты и заклеймены, потому поиск именно объективных закономерностей здесь не удался. Был риск того, что за закономерность будет выдано «целесообразное»;

– классики в большей степени изучали право, как нормативную систему, как модель, поэтому их «закономерности» – это не столько реальность (по крайней мере на тот момент времени), сколько законы в собственном смысле слова, т.е. программы желательного развития уголовного права. Это результат обработки уголовного права с позиций гуманистической философии. Их тезисы в большей степени – уголовно-политические. Право должно было развиваться, следуя этим закономерностям, но вовсе не обязательно развивалось и развивается именно так; «законы» классиков не имели эмпирического подтверждения и были взяты за основу развития уголовного права не потому, что они реально отражают закономерности, а потому что они выражают гуманистический идеал, к которому общества стремились;

– закономерности представляют собой связи социальных и правовых явлений, поэтому идеи классической, социологической и антропологической научных школ о преступлении и наказании служат своего рода связующими звеньями этих уголовно-правовых явлений, без которых они были бы формально-неопределенными или безжизненно-догматическими, они теоретически обосновывают их социально-криминологическое и специально-юридическое содержание.

Рассматривая проблему практической реализации достижений уголовно-правовой науки, которые несвоевременно и со значительным запозданием, время от времени и не в полной мере используются законодателем и правоприменителем, Н.А. Лопашенко верно отмечает, что «научные исследования с устоявшимися результатами рано или поздно воплощаются в правовые нормы через уголовное законодательство»[86].

Кроме того, учитывая, что закономерности выражают сущность права, а ее объяснение зависит от правопонимания, необходимо затронуть более общий

[86] См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 82 – 83.

вопрос влияния основных типов правопонимания на познание, развитие и использование закономерностей права.

В.В. Лапаева пишет: «Тип правопонимания как парадигма познания права представляет собой теоретико-методологический подход к формированию образа права и к пониманию сущности права, который осуществляется с позиции того или иного теоретического видения проблемы в рамках определенной методологии анализа. Тот или иной тип правопонимания не только предоставляет в руки исследователя метод, но и в известном смысле очерчивает возможный круг вопросов и способов их постановки»[87].

Как отмечал А.Ф. Черданцев, «каждая теория права создается не на пустом месте, не в отрыве от правового регулирования, но каждая из них берет за основу один-два феномена, участвующих в правовом регулировании. Так, теория естественного права кладет в основу идеи правосознания и морали о справедливости, юридический позитивизм подчеркивает связь права с государством, нормативизм делает упор на нормативный характер права, психологическая теория учитывает психологические мотивы в правовом регулировании, то, что право, прежде чем реализоваться в действиях людей, проходит через сознание и волю субъектов права и сопровождается определенными психическими переживаниями. Различные теории социологической юриспруденции делают упор на сферу реализации, применения права»[88]. Культурологический подход к пониманию права предполагает его познание как феномена культуры, выявление и анализ культурных факторов, лежащих в основе процессов его формирования и функционирования[89].

Каждый из подходов к пониманию права внес свою лепту в познание, развитие и действие его закономерностей. Заслугой юридического позитивизма и нормативизма является раскрытие специально-юридических, в том числе технико-

---

[87] См.: Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 28.

[88] См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 190.

[89] См.: Посконин В.В. Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса: теоретико-методологический аспект: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 1996; Бибик О.Н. Культурологический подход к исследованию государства и права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. №2 (19). С. 14 – 22.

юридических, закономерностей права, напротив, естественно-правовая, социологическая в том числе культурологическая и психологическая теории отметились большей проработкой закономерностей социально-политического содержания права.

Вместе с тем, поскольку сущность права является сложной и многогранной, отражается в комплексе закономерностей, характеризующих социально-политическое и специально-юридическое содержание права в аспектах его возникновения, развития, структурного построения и функционирования, то для познания и использования закономерностей права важно не противопоставление, а интегрирование типов правопонимания, так как каждый из них страдает определенной односторонностью взгляда. Интегративный подход обоснован еще и тем, что на содержание, действие и развитие права влияют не только его специальные, но и экономические, политические, социокультурные, психологические и иные закономерности общественной жизни.

Поэтому не какие-либо иные правовые явления, а именно закономерности права, выражающие, с одной стороны, связи права с экономикой, моралью и культурой, политикой и государством, объективно обусловленными общественными потребностями и социальными интересами, его социально-политический генезис, а с другой стороны, специально-юридический генезис, формально-логическое построение и тенденции реализации права, могут выступать точкой интегрирования и преодоления односторонности и крайности различных типов правопонимания.

В связи с этим есть основание говорить о концепции «права как законосообразности»[90] или законосообразном правопонимании как подходе, предполагающем понимание права как явления, содержание, действие и развитие которого обусловлено и характеризуется системой закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей самого права.

---

[90] Как пишет В.П. Тугаринов: «понятие закономерности означает законосообразность» (см.: Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. С.13). Категория «законосообразный» здесь и далее используется нами в значении закономерный, т.е. обусловленный действием и соответствующий требованиям объективных законов и закономерностей.

Основной упрек, который адресуется сторонникам интегративного понимания права заключается в том, что они включают в его понятие разнородные явления, лишая право онтологической однородности. На наш взгляд, объяснение сущности и различных аспектов бытия права через систему специальных и социальных закономерностей позволяет преодолеть этот недостаток, так как закономерности, относящиеся к различным сторонам содержания права и сферам жизни общества, выступают онтологически однородными явлениями, а именно существенными, необходимыми, повторяющимися и устойчивыми связями, обеспечивающими социальную обусловленность, правовую определенность и эффективность права.

Таким образом, сущность, качественное своеобразие права выражаются в его законосообразном (т.е. детерминированном объективными закономерностями и им соответствующем) возникновении, развитии, структурном построении и функционировании.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. Анализ зарубежной литературы на предмет публикаций, посвященных проблематике закономерностей уголовного права, уголовно-правовой политики и противодействия преступности, т.е. в уголовно-правовой сфере (criminal matter) позволяет прийти к выводу о том, что зарубежные юристы в силу развитости конкретно-социологических методов и методик исследований тяготеют к выявлению эмпирических и статистических закономерностей для решения преимущественно практических криминологических и криминалистических задач в области борьбы с преступностью.

В то время как российская правовая доктрина напротив, испытывая дефицит знаний о конкретных закономерностях в уголовно-правовой сфере (в частности, закономерностях социальной обоснованности уголовно-правовых норм и уголовно-политических решений, эффективности их действия, детерминации и причинности преступности, состояния правосознания, тенденций правоприменения), в силу недостаточно высокого уровня развития социологии

уголовного права, криминологии и их взаимодействия с другими науками, а также пороков официальной уголовной статистики, слабости и неустойчивости правоприменительной практики, пошла по пути раскрытия общего понятия, основных видов, классификации и выделения теоретических закономерностей уголовного права.

Учитывая важность каждого из этих подходов, законосообразная концепция уголовно-правовой науки должна сочетать в себе дедуктивный и индуктивный метод, что позволяет раскрыть и эмпирически доказать целостную систему конкретных закономерностей уголовного права.

2. Роль правовой науки не сводится только к открытию объективных закономерностей права, поскольку многие фундаментальные инновационные идеи, сформулированные и обоснованные выдающимися юристами предшествующих поколений, прошли «красной нитью» через разные периоды истории развития права и как существенные, необходимые и устойчивые концепции, соответствующие объективным потребностям общественного развития, легли в основу закономерностей развития, структурного построения и функционирования права и его отраслей.

Закономерности современного уголовного права выкристаллизовались не только в силу объективной логики многовековой истории его развития и функционирования как социального института и правовой отрасли, но и благодаря усилиям представителей классической, социологической и антропологической школ уголовно-правовой науки. Образно говоря, «за спиной» большинства закономерностей уголовного права явно просматриваются рациональные идеи теоретиков основных, зачастую одновременно нескольких, школ уголовного права. При этом закономерности, относящиеся к социально-криминологическому содержанию уголовного права, больше проникнуты концептуальными идеям социологической и антропологической школы, а закономерности, характеризующие его специально-юридическое содержание, – идеями классической школы.

Роль основных направлений (школ) в формировании закономерностей уголовного права доказывает, что несмотря на недостаточное внимание российской уголовной политики к актуальным научным рекомендациям и текущую невостребованность теоретических исследований, уголовно-правовая наука в той мере, в какой предметом ее познания становились объективные закономерности общественной жизни и специальные закономерности уголовного права, способна оказывать влияние на сущность, социальное предназначение и содержание уголовного права.

3. Сущность уголовного права выражается в комплексе закономерностей, относящихся к его социально-криминологическому и специально-юридическому содержанию, характеризующих его возникновение, развитие, структуру и функционирование, и синтезирующих в себе прогрессивные идеи классического, социологического и антропологического направлений в уголовном праве, поэтому его современное научное понимание и реформирование уголовного законодательства требуют интегративного законосообразного подхода (типа правопонимания).

Смысл *законосообразного правопонимания* состоит в том, чтобы сообразно сущности и сторонам содержания права, выраженным в комплексе специальных и социальных, экономических, социокультурных, политических и иных закономерностей, влияющих на формирование, действие и развитие права, обеспечить его социальную обоснованность, правовую определенность, внутреннюю юридическую согласованность и эффективность функционирования.

§ 3. Закономерности уголовного права как основа системности и устойчивого развития отрасли

Для всестороннего понимания значения отраслевых закономерностей, необходимо рассмотреть не только их роль в научном познании, но и в уголовном праве, законе и уголовно-правовой политике.

В научной литературе высказываются различные мнения о соотношении

уголовного права с уголовной политикой с точки зрения того, что шире, первично, консервативнее, стабильнее и мобильнее и т.д. В частности, Н.А. Лопашенко считает, что «уголовно-правовая политика первична по отношению к уголовному праву», «уголовное право аккумулирует в себе сущность уголовно-правовой политики». Однако в последние десятилетия сложилась ситуация, когда и право, и закон, и политика, ощутили свою полную независимость друг от друга и заговорили на разных языках, притом каждый на непонятном и неизвестным другому. По мнению ученого, принципы уголовного права и являются тем спасительным инструментом, который может помочь преодолеть указанную беду и проблему[91].

На наш взгляд, взаимодействие уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики должно строиться на *триедином законосообразном подходе*, обеспечивающем их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Законосообразный подход в уголовно-правовой сфере предполагает следующий цикл: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция должна обусловливать такую реализацию ее форм и методов, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

Эта триада включает в себя следующие компоненты:

– *законосообразное понимание уголовного права* – это парадигма его познания, заключающаяся в том, чтобы сообразно сущности и сторонам содержания уголовного права, выраженным в системе специальных и социальных, экономических, социокультурных, политических и иных закономерностей, влияющих на формирование, действие и развитие уголовного права, обеспечить его социальную и криминологическую обоснованность и адекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, правовую

[91] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 36 – 38.

определенность, стабильность и прогнозируемость, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую согласованность, оптимальность законодательной техники, эффективность функционирования и устойчивость развития;

– *законосообразная концепция уголовно-правовой политики* – эта такая доктрина законодательной и правоприменительной деятельности в уголовно-правовой сфере, которая базируясь на идее познания, учета и активного использования системы закономерностей уголовного права в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обеспечивает честность, эффективность и предсказуемость государства в обращении с уголовным кодексом, ограничивая законотворческое и правоприменительное своеволие; *законосообразная уголовно-правовая политика* – это такая реализация форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность, которая путем познания, учета и активного использования системы закономерностей, детерминирующих и характеризующих содержание и действие уголовного права и законодательства, обеспечивает законосообразность их развития и функционирования;

– *законосообразный уголовный кодекс* – это такой нормативный уголовно-правовой акт, который регламентирует вопросы преступности и наказуемости, а также иные аспекты уголовной ответственности в соответствии с закономерностями, влияющими на содержание, действие и развитие уголовного права, и его специальными, в частности технико-юридическими закономерностями.

Поскольку закономерности уголовного права детерминируют и реализуются через уголовно-правовую политику, поэтому от степени их познания, учета и активного использования в законотворческой и правоприменительной деятельности в процессе осуществления ее методов (криминализации, декриминализации, пенализации, депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности) зависит как законосообразность самой уголовной политики, так и законосообразность содержания, развития и

функционирования уголовного права и уголовного закона.

С триединым законосообразным подходом как перспективной моделью взаимосвязи уголовного права, уголовного закона и уголовно-правовой политики согласилось подавляющее большинство опрошенных нами научных сотрудников (81 %).

Характеризуя онтологический статус закономерностей уголовного права, главное, о чем надо сказать, что они как всякого рода закономерности имеют объективный характер и представляют собой такие существенные, необходимые и устойчивые связи, которые выражают качественное своеобразие его возникновения, развития, структурного построения и функционирования как самостоятельной правовой отрасли. Объективные закономерности придают уголовному праву социальную и криминологическую обусловленность и правовую определенность. Закономерности играют системообразующую роль, обеспечивая системность уголовного права, т.е. его структурированность и внутреннюю логику, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую согласованность, а также встроенность в общественную, политическую и нормативно-регулятивную системы общества.

Закономерности поддерживают устойчивое развитие уголовного права, предполагающее преемственность между его различными историческими периодами, накопление уголовно-правовых ценностей и достижений охранительно-предупредительной культуры уголовного права, соблюдение баланса между стабильностью и динамикой уголовного законодательства, уголовно-правовыми традициями и инновациями, планомерность, прогнозируемость развития уголовного права и его адаптивность к актуальным криминальным угрозам и современным тенденциям преступности, а также в целом подстраивание уголовного права под социальную действительность. Закономерности обеспечивают предсказуемость уголовного законодательства и единообразие практики его применения. Существует зависимость устойчивости развития уголовного права от развитости и устойчивости системы его закономерностей, стабильности их влияния на уголовно-правовую политику,

степени подчинения объективным закономерностям форм и методов ее реализации, а следовательно, защиты уголовного права от случая и произвола, а также поспешных политических решений.

Такой онтологический статус закономерностей права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя и характер последствий их решений. Отношение это может выражаться в изучении, учете и использовании объективных закономерностей общественной жизни и уголовного права при криминализации, пенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обеспечивая должный уровень социально-криминологической обоснованности и эффективности уголовного законодательства и практики его применения. Или, напротив, в игнорировании или «недоучете» объективных закономерностей социальной жизни и специальных закономерностей уголовного права, манипулировании ими в процессе реализации уголовной политики, которое вызывает серьезные негативные социальные последствия, такие как необоснованная криминализации, несправедливая пенализация, непоследовательная дифференциация уголовной ответственности.

Как верно отмечали В.Н. Кудрявцев и С.Г. Келина, более или менее длительное отступление от основных закономерностей, присущих любой правовой системе, недостаточно полный учет социальных закономерностей и тенденций, приводит к тому, что правовые регуляторы утрачивают свою силу, становятся нежизненными, правовые нормы бездействуют. Поэтому, чем более близок субъективный выбор законодателя к объективным закономерностям общественного развития, присущим данной исторической эпохе, тем более эффективно будет функционировать эта правовая система[92].

Онтологический статус закономерностей права дает основание для выделения двух типов уголовно-политических решений: законосообразные и незаконосообразные.

Первые – это такие решения в области реализации уголовной политики о

[92] См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С.10, 16.

криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые обусловлены и согласуются с объективными закономерностями общественной жизни и специальными закономерностями уголовного права.

Вторые – это субъективистские (произвольные, волюнтаристские), то есть не имеющие реальных предпосылок решения, пренебрегающие объективными социальными и специальными закономерностями уголовного права в процессе реализации форм и методов уголовно-правовой политики.

Но незаконосообразные решения также неоднородны, среди них можно выделить уголовно-политические акты, воплощающие невольные отклонения от закономерностей развития общества и уголовного права, и решения, сознательно игнорирующие такие закономерности.

Невольные отклонения от закономерностей есть результат непреднамеренных ошибочных решений в уголовной политике, т.е. просчеты, упущения законодателя, которые заключаются, например, в несоответствии объема уголовно-правового запрета содержанию общественно опасного деяния, в несогласованности уголовно-правовых норм между собой и с другими законами, в дублировании составов преступлений. Как справедливо отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин: «в рамках совершенно нормальной политики могут быть отдельные сбои, ошибки, просчеты в законодательной и правоприменительной практике, намеренные или невольные отклонения от требований, заключенных в формулах принципов уголовной политики, неизбежны. Не существует таких уголовно-политических систем, которые могли бы выстраивать свою законотворческую и правоприменительную практику без огрехов, в полном соответствии с этими провозглашаемыми общепринятыми принципами»[93].

Сознательное пренебрежение законодателя к объективным закономерностям развития общества и уголовного права, как правило, продиктовано конъюнктурными соображениями, основным фактором принятия таких решений

[93] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020. С. 16.

является эгоистические, узко-политические властные или лоббистские интересы, а сами решения воплощаются в чрезмерной или недостаточной криминализации и пенализации деяний.

Однако общим для таких решений в области уголовной политики является то, что любые, непроизвольные и намеренные отклонения от закономерностей развития общества и самого уголовного права, какова бы не была их причина, неизбежно влекут широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

Для того, чтобы оценить степень познания и учета различных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права в процессе уголовного правотворчества обратимся к анализу содержания пояснительных записок к законопроектам, ставшими законами в 2013 – 2024 годах[94].

Пояснительные записки с точки зрения тех факторов, которые приводятся в них в обоснование необходимости принятия соответствующих законопроектов, можно подразделить на два вида.

Первый – пояснительные записки, в которых круг факторов, на которые ссылаются авторы соответствующих законопроектов, ограничивается специально-юридическим уровнем содержания уголовного права, смежных и регулятивных отраслей.

В таких пояснительных записках в обоснование изменений уголовного закона говорится: об устранении отдельных недостатков и пробелов в действующих уголовно-правовых нормах (законопроекты № 196666-6; № 398894-6; № 1050812-7; № 1099900-7), о необходимости обеспечения единой системы уголовно-правовой защиты (законопроект № 231311-8), об отсутствии специального состава преступления (законопроект № 392886-6), о недостаточности существующих мер административной ответственности (законопроект № 237666-

[94] В нашем исследовании проведено сплошное изучение пояснительных записок ко всем законопроектам о внесении изменений в УК РФ, ставшими законами за период с 2013 по 2024 гг., проанализировано в общей сложности 212 таких документов. URL: https://sozd.duma.gov.ru

7), об обязательствах государств-участников принять необходимые меры по криминализации деяний (законопроекты № 151664-6; № 42307-8), о согласовании бланкетных норм уголовного законодательства с положениями регулятивного законодательства (законопроекты № 195130-8; № 140581-8), об исполнении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации (законопроект № 536-8), а также Указов Президента РФ (законопроект № 253939-8).

Второй вид пояснительных записок – те, в которых авторы оперируют факторами, относящимися к социально-политическому и криминологическому уровню содержания уголовного права.

В таких пояснительных записках в обоснование криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности отмечается, что «такого рода посягательства являются общественно опасными, поскольку нарушают традиционные и религиозные нормы, выработанные обществом на протяжении многих веков, его нравственные устои, противоречат морали, влекут тяжкие последствия и носят яркую антисоциальную направленность» (законопроект № 142303-6), что «принимая во внимание сложившуюся внутриполитическую и социальную ситуацию в стране, указанные изменения будут способствовать ее нормализации и недопущению дестабилизации обстановки» (законопроект № 1165661-7). Кроме того, приводятся различные экспертные оценки (законопроекты № 233026-6; № 416458-6; № 478806-6), статистические данные (законопроекты № 254761-6; № 129690-6; № 301629-6; № 435716-6; № 588894-5; № 485729-6; № 391791-6; № 186587-6; № 1142948-7; № 1157845-7; № 41607-8; № 388776-7; № 130391-8), материалы правоприменительной практики (законопроекты № 276472-6; № 509018-6; № 1142948-7; № 154146-8), анализ причины и условия совершения определенных деяний (законопроект № 352918-6), ссылки на принципы международного права (законопроект № 403815-6; № 197582-5).

Между тем, достаточно часто встречаются пояснительные записки, в которых просто излагаются предлагаемые изменения уголовного законодательства как данность, без их обоснования (законопроекты № 173958-6; № 337978-6; №

291364-6; № 428889-6; № 359513-6; № 105976-6; № 347667-6; № 464757-7; № 103503-8; № 130406-8) или которые не соответствуют содержанию самого законопроекта (законопроекты № 160006-8; № 9712-8; № 218171-8; № 232768-8).

Анализируя оба вида пояснительных записок с точки зрения обоснования предлагаемых ими уголовно-политических актов объективными закономерностями, следует отметить, что имеют место случаи, когда в пояснительных записках правильно обозначаются закономерности криминализации, например, указывается, что криминализация нарушений мотивирована их общественной опасностью и степенью негативного влияния, а предлагаемое изменение направлено на приведение уголовно-правовой нормы в соответствие с регулятивным законодательством в определенной сфере, но при этом отсутствует их подробное обоснование (законопроект № 1143531-7).

Среди факторов, лежащих в основе содержания пояснительных записок, к закономерностям можно также отнести данные статистики и правоприменительной практики, которые свидетельствуют об устойчивой тенденции и служат поводом для внесения изменений в Уголовный кодекс. При этом во многих случаях, когда законодатель приводит статистические и эмпирические закономерности, они не анализируются с точки зрения принципов криминализации, правил пенализации и дифференциации уголовной ответственности, а указываются как априорно доказывающие необходимость применения именно методов уголовной политики. Поэтому, по сути, такие пояснительные записки тоже не доказывают действие и влияние закономерностей как существенных и необходимых связей и зависимостей, обусловливающих объективную необходимость и целесообразность того или иного уголовно-политического решения о криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности.

В целом проведенный нами анализ 212 пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам показывает, что только порядка 30% из них содержит упоминание определенных закономерностей, как правило, имеющих характер статистических и эмпирических данных, при этом используемых вне комплексного

и последовательного учета системы закономерностей уголовного права.

Что по-прежнему свидетельствует о том, что изменения российского уголовного кодекса обусловливаются не действием и познанием объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права, а чьей-либо частной или групповой инициативой, под обоснование которой отбираются определенные оценочные, статистические, эмпирические и резонансные факты.

Вместе с тем, отсутствие в 70% пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам доказательств законосообразности их принятия еще не говорит о том, что все инициированные ими законотворческие решения не соответствуют или противоречат объективным социальным и уголовно-правовым закономерностям. А прямо свидетельствует только о невысоком общем уровне экспертно-аналитического и научного обеспечения уголовного нормотворчества, который в большинстве случаев не позволяет достичь должного обоснования необходимости, целесообразности и эффективности криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности на основе системного познания и учета закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права, и не является гарантией от возможных законотворческих ошибок.

Примечательно, что основная часть (78 %) опрошенных в ходе настоящего исследования научных сотрудников оценивают информационное и научно-методическое обеспечение реализации уголовно-правовой политики, в первую очередь законотворческой деятельности, как крайне неудовлетворительное[95].

Более прямым и конкретным свидетельством (критерием) несоблюдения,

[95] Подтверждают такое положение дел и результаты сплошного анализа всех законопроектов, прошедших через Государственную думу РФ в период с 1 августа 2014 по 1 августа 2016 г., выполненного Центром стратегических разработок. В качестве одного из выводом отмечается, что: «Качество основной массы законотворческих предложений низкое. Предложения не учитывают внутренней логики УК РФ и УПК РФ, взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права с правом конституционным, гражданским, административным. Обоснования законопроектов, как правило, недостаточно проработаны, они не опираются на доктрины уголовного и уголовно-процессуального права, не используют эмпирические данные, результаты правоприменительной практики и сравнительно-правового анализа, не содержат анализа рисков, не уделяют должного внимания анализу издержек» (См.: Николаев М. Развитие системы уголовного правосудия: векторы, меры реформирования, основные игроки / под ред. О. Шепелевой. М.: Центр стратегических разработок, 2017. С. 7).

игнорирования, нарушения закономерностей уголовного права выступает, в частности, неоднократное внесение изменений в одну и ту же норму в относительно короткий промежуток времени (например, декриминализация и криминализация клеветы и побоев, понижение и повышение возраста сексуального согласия в составах половых преступлений) или концепции (например, полный отказ от составов с административной преюдицией и последовательное насыщение ими уголовного закона), создание каких-либо частных уголовно-правовых предписаний в большом количестве (например, специальных норм о мошенничестве и злоупотреблении должностными полномочиями), существенная корректировка или неприменение уголовно-правовой нормы судебной практикой (например, неприменение или отсроченное применение некоторых видов наказаний, наличие «мертвых» норм), явное нарушение внутренней логики уголовного права (например, несоразмерность сравнительной тяжести преступлений и наказаний, непоследовательность использования законодателем квалифицирующих признаков), межотраслевая несогласованность (например, запрещение уголовно-правовыми нормами того, что разрешено регулятивными предписаниями, конкуренция уголовной и административно-деликтной противоправности), устойчивое расхождение законодательной и практической пенализации (например, явное тяготение статистики наказуемости определенных преступлений к нижнему или верхнему пределу соответствующей санкции), непредсказуемость уголовного законотворчества и правоприменения (например, социально-криминологически и специально-юридически необоснованные законодательные инициативы[96] и решения[97]), вмешательство уголовного права не в свою сферу, смешение предметов правового регулирования разных отраслей (например, регламентация в уголовном законе последствий совершения деяния невменяемым, все более широкое использование в нем административной

[96] Например, законопроект об уголовной ответственности для родственников террористов (URL: https://www.garant.ru/news/593155/?ysclid=m93w71co4d97876705), депутатское предложение о введение в том числе уголовной ответственности для родителей «детей-квадроберов» (URL: https://ria.ru/20241003/kvadrobery-1976065953.html?ysclid=m93wer3sfd932477724).

[97] Например, законопроекты № 160006-8 и № 9712-8 в окончательно принятом варианте кардинально расходятся по содержанию с тем, что изначально предлагалось и обосновывалось в пояснительных записках к соответствующим законопроектам и на что давал отзыв Верховный Суд РФ.

преюдиции), а также существенные дефекты законодательной техники уголовного законодательства (например, чрезмерный уровень оценочности признаков и казуистичности формулировок).

Однако, когда решения о криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности принимаются не на основе всестороннего познания и учета закономерностей жизни общества и специальных закономерностей уголовного права, а построены на внесистемном использовании более поверхностных факторов, то массовый характер подобных решений создает риск того, что уголовный закон становится социально необусловленным и неадекватным криминальным реалиям, избыточным, пробельным и несогласованным[98].

На наш взгляд, именно такое недостаточное внимание авторов законопроектов и законодателя к объективным закономерностям (как существенным, необходимым, устойчивым связям и зависимостям), придающим различным методам реализации уголовной политики должный уровень социальной и криминологической обоснованности, внутриотраслевой и межотраслевой согласованности, приводит, в конечном итоге, к тому кризисному положению дел, о котором пишет большинство специалистов[99].

---

[98] Как пишет А.Н. Конев: «Необходимо ярко и убедительно доказывать: метод проб и ошибок, на который нередко опирается законодатель, является не самым эффективным методом законотворчества именно потому, что игнорируются закономерности развития и формирования правовых и государственных институтов» (см.: Конев А.Н. Государственно-правовые закономерности в системе идеологических основ юридической науки и практики // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 12).

[99] См., например: Побегайло Э. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112–117; Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006; Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от рассвета до застоя // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая – 1 июня 2012 г.). М., 2012. С. 109–115; Побегайло Э.Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики / Современные проблемы уголовной политики. Материалы III Международной научно-практической конференции. Том. 1. Под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодарский университет МВД России. 2012. С. 14 – 24; Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica. 2014. №12. С. 21 – 32; Клепицкий И.А. Уголовная политика: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Первой Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2014. С.70 – 82; Максимов С.В., Валуйсков Н.В. Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 64; Кочои С.М. Уголовный кодекс РФ: новый этап поспешных изменений // Актуальные проблемы российского права. 2024. №11. С. 96 - 105; Антонченко В.В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т.18. №12 (157). С. 123 – 136.

Основная идея, проходящая красной нитью на протяжении многих лет через большинство публикаций, посвященных состоянию современной российской уголовной политики и реформированию Уголовного кодекса, заключается в выводе об их необоснованности, бессистемности, противоречивости и непоследовательности. Для иллюстрации приведем лишь некоторые критические суждения ученых:

– «Если нет последовательной уголовно-правовой политики, не может быть и хорошего уголовного закона. Непродуманные и научно не обоснованные изменения в УК РФ превращают этот закон в противоречивый, несбалансированный, неряшливый нормативный правовой акт» (А.И. Рарог)[100];

– За более чем 15-летний период применения действующего УК РФ в него внесено множество непродуманных, хаотично подготовленных, не имеющих плановости и не определенных внятной концепцией изменений и дополнений. Изменения уголовного закона системностью не отличаются, часто продиктованы конкретными событиями, а не обусловлены главными факторами – существенной трансформацией социальных отношений в обществе и государстве и (или) резким и продолжительным негативным изменением криминальной ситуации в России (В.П. Ревин)[101];

– «Мы имеем в России тот уголовный закон, который имеем: бессистемный, фрагментарный, внутренне разбалансированный, внешне аморфный. Налицо, таким образом, кризисные явления не только в отечественном уголовном праве как отрасли, но и в уголовно-правовой политике в целом» (А.И. Коробеев)[102];

---

[100] См.: Рарог А.И. Состояние российской системы уголовных наказаний // Современные проблемы уголовной политики: Материалы III Международной научно-практической конференции. Том 1. Под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2012. С. 34; Рарог А.И. Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: матер. X Международной научно-практической конференции (24 – 25 января 2013г.). М., 2013. С. 3 - 7 // Рарог А.И. Избранное: сборник статей. М., 2023. С. 248 – 253.

[101] См.: Ревин В.П. Современная реформа уголовного законодательства как отражение непоследовательности уголовной политики России // Российский следователь. 2014, № 21. - С. 13 – 15; Ревин В.П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №1 (27). С. 37 – 42.

[102] См.: Коробеев А.И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №3 (35). С.248. По мнению А.И. Коробеева, современное состояние уголовно-правовой политики России характеризуется отсутствием необходимых концептуальных основ, наличием отдельных спонтанных идей и директив, которые противоречиво и непоследовательно реализуются в действительности, и, наконец, деструкцией и десистематизацией уголовного закона (см.: Коробеев А.И. Уголовно-

– «В уголовно-правовой политике страны накопилась масса противоречий и непоследовательности, законодательство в этой сфере утратило системность и нуждается в тщательной криминологической экспертизе» (А.А. Толкаченко)[103];

– «Действующий УК РФ во многом утратил свою первоначальную стройность, системную связанность и логическую непротиворечивость» (В. С. Комиссаров)[104];

– «Законодательный опыт последних десятилетий показывает, что уголовная политика не отвечает потребностям времени, не является стабильной и не отражает ожидания общества в построении действительно эффективного уголовного законодательства. Уголовный закон подвержен настолько частым изменениям, что правоприменитель нередко не успевает их отслеживать, и это отрицательно влияет на практику применения уголовно-правовых норм, создает предпосылки для ее нестабильности, препятствует формированию устоявшейся позиции судебных органов, порождает представление о несистемном, спонтанном формировании законодательной базы по принципу «латания дыр»» (М.В. Бавсун, В.В. Векленко)[105].

Причем такие отрицательные оценки звучат не только со стороны отдельных ученых, но и целых сообществ и институтов.

Еще Первый Всероссийский конгресс по уголовному праву в своей резолюции 2006 года указал, что: «из практики законопроектной работы и криминализации исчезли научные основы. Изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации вносятся без изучения социальных, нравственно-психологических и криминологических оснований таких изменений и их

правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46 – 59; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Международной научно-практической конференции 3 окт. 2014 г.: в 3 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – Т. I. – С. 71 – 73).

[103] См.: Толкаченко А.А. Современные перспективы развития сферы уголовной юстиции // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, А.В. Бриллиантова. М., 2017. С. 114.

[104] См.: Комиссаров В. С. Характеристика состояния и основные тенденции развития уголовного законодательства России // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македония. Сборник научных статей. М., 2006. Вып. 1. С. 439 – 451.

[105] См.: Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. №5. С. 131 – 138.

возможных последствий»[106]. В резолюции Третьего Российского Конгресса уголовного права 2008 г. констатировалось, что «в результате многочисленных изменений и дополнений, внесенных в разное время под влиянием меняющихся тенденций уголовной политики, нарушилось системное соответствие между статьями Уголовного кодекса РФ»[107]. По оценке Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ для развития уголовного законодательства характерны: случайность, спонтанность, избыточность, дисбаланс санкций, рассогласование взаимосвязей в структуре норм и институтов уголовного права, неадекватность запросам общества[108].

С такой неблагоприятной характеристикой современной российской уголовно-правовой политики согласны 68 % опрошенных в рамках настоящего исследования научных сотрудников.

При этом ученые[109] называют две основные причины такого кризисного состояния российской уголовной политики и уголовного закона, первая – нередко отсутствие должной социальной и криминологической обусловленности и научной обоснованности законодательных решений, вторая – высокая частота и бессистемность вносимых изменений в УК РФ.

Так, Э.Н. Жевлаков, констатируя отсутствие в стране долговременной стратегии уголовно-правовой политики и наличие элементов волюнтаризма в ее осуществлении, приводящие к недостаткам закона и, как следствие, трудностям в практике его применения, усматривает причину такого положения дел и одновременно «точку опоры», способную его изменить в социальной обусловленности и системной согласованности[110].

---

[106] См.: Векленко С.В. Первый Всероссийский конгресс по уголовному праву (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 25 – 26 мая 2006 г.): Аналитический обзор // Научный вестник Омской академии МВД России. №2 (24). 2006. С. 68.

[107] См.: Третий Российский Конгресс уголовного права «Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты» // Уголовное право. 2008. №6. С.110.

[108] См.: Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / Отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015. С. 178 – 192.

[109] См., например: Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб., 2008. С. 10; Базаров Р.А. Уголовному кодексу Российской Федерации 20 лет: создание, становление, современное состояние // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. №4. С. 27.

[110] См.: Жевлаков Э.Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации и уголовная политика // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. №1 (1). С. 8 – 9; Жевлаков Э.Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации // Уголовное право. 2006. №5. С. 37 – 41.

В обобщенном виде эти причины, на наш взгляд, прямо указывают на то, что реализация уголовной политики и реформирование уголовного законодательства осуществляются без познания, учета и активного использования объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права.

Кроме того, отсутствие надлежащего познания, учета и использования системы закономерностей уголовного права как прочного и устойчивого объективного базиса его развития и функционирования, а нередко их подмена сиюминутными, скоротечными, несистемными, популистскими и «узко политическими» соображениями неизбежно приводит: во-первых, к непредсказуемости уголовного законотворчества, которое выражается в объективно непредопределенных и, следовательно, непредвиденных и неожиданных законодательных инициативах и решениях о криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации уголовной ответственности, а во-вторых, к нестабильности уголовного закона. Закономерным следствием такого отношения к законотворческой деятельности выступает непредсказуемость и неустойчивость практики применения уголовного закона. Несомненно, что «определенность закона, предсказуемость законотворческих и правоприменительных решений составляют одно из фундаментальных качеств права, некий идеал, к которому право должно быть максимально устремленным»[111]. Для нас вне сомнений и то, что единственный путь к достижению этих и других базовых настроек права – законосообразный подход, предполагающий твердое следование общим и специальным объективным закономерностям права путем их системного познания, учета и использования в правотворческой и правоприменительной деятельности.

При этом законосообразный подход не только не исключен, но и не менее важен в условиях сверхскоростной динамики и многообразия современной

[111] Подробнее о феномене уголовно-правовой непредсказуемости см.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Непредсказуемость в сфере создания и применения уголовного закона // Журнал российского права. 2025. Т. 29. №2. С. 121 – 136.

общественной жизни, необходимости опережающего правового регулирования, включая в себя возможность социального преобразования и прогресса, направления общественных отношений в наиболее благоприятное русло на основе учета закономерностей развития современного общества, проецирования на будущее прошлого и настоящего опыта, концентрированного в социальных и специально-юридических закономерностях. Через познание и творческое использование объективных закономерностей общественного бытия и самого права, выражающих относительную устойчивость, повторяемость и общность процессов прошлого, настоящего и будущего, открывается возможность реального предвидения и прогнозирования последствий правового регулирования новых общественных отношений, в том числе криминализации опасных деяний.

Как верно подмечает Д.А. Керимов, в настоящее время российский законодатель впадает в такую крайность, когда менее всего учитывается объективность регулируемых общественных отношений, в результате чего воцаряется не только неразбериха в самом законодательстве, но и правопорядок уступает место хаосу и произволу[112].

Таким образом, общая, основная и наиболее глубинная причина названных неблагоприятных черт современной российской уголовной политики заключается в низком уровне ее законосообразности, т.е. явно недостаточной степени детерминированности и предопределенности объективными закономерностями уголовного права принимаемых законодательных решений.

Следовательно, именно закономерности – это та фундаментальная объективная основа, которая дает онтологическое основание признать и гносеологическое основание преодолеть кризис российской уголовной политики.

Однако процесс развития уголовной политики, уголовного права и законодательства является сложным, обусловленным как специальными отраслевыми, так и социальными, экономическими, политическими, идеологическими и иными закономерностями, выражающими не только

---

[112] См.: Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. С. 104-106.

криминологические реалии, но и господствующие властные установки и тенденции управленческой государственной деятельности.

Исходя из многообразия влияющих на уголовную политику закономерностей, ее оценка не может быть однозначной и упрощенной.

Если оценивать ее с позиции закономерностей общественного развития и специальных закономерностей уголовного права, то такие характерные для УК РФ черты, как криминализационная избыточность, использование уголовно-правовых инструментов для решения текущих социально-экономических и политических проблем, чрезмерное ограничение уровня свободы в обществе, необоснованное дублирование и наличие «мертвых» уголовно-правовых норм, разбалансированность мер уголовно-правового характера, свидетельствуют о кризисе уголовной политики.

В то же время, с позиции политических, идеологических и закономерностей государственного управления такие процессы, происходящие в российской уголовной политике, как последовательное усиление репрессии, планомерное использование уголовного закона для решения задач социального управления и контроля, поддержки морально-идеологического единства общества и защиты стабильности политического режима, оказываются вовсе не случайными, а вполне закономерными и целенаправленно формируемыми, вытекающими из осуществляемой государством внутренней и внешней политики[113]. Поэтому если оценивать реализуемый в стране уголовно-политический курс со всеми его негативными и позитивными проявлениями под углом зрения политико-идеологических и государственно-управленческих закономерностей, то получается, что перед нами не «нарушение» и «недоучет» закономерностей, а наоборот – закономерное и сознательное использование уголовного закона в соответствии с государственной волей правящей политической власти[114].

---

[113] Подробнее о теории современной уголовной политики см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика России: кризис или становление новой модели // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции, 20 сент. 2019 г. В 2 т. Краснодар, 2019. Т.1. С. 8 – 24.

[114] Об ошибках и просчетах, конфликтных и кризисных ситуациях, наносящих ущерб людям, обществу и природе, как последствиях неправильного и слабого использования объективных закономерностей и их игнорирования в угоду достижению политических целей, говорит также Ю.А. Тихомиров. По мнению которого,

Такая научная оценка позволяет более точно соотнести российскую уголовную политику с теми типами уголовно-политических решений, которые мы выделили в начале параграфа исходя из онтологического статуса закономерностей права.

На наш взгляд, современная российская уголовная политика представляет собой смешенный тип, сочетающий в себе, во-первых, сознательное использование политико-идеологических закономерностей для уголовно-правового управления и контроля в обществе, а во-вторых, отчасти неосознанную, но зачастую именно сознательную деятельность законодателя, осуществляемую вопреки объективным закономерностям общественного (социального, экономического, социокультурного) развития и специальным закономерностям уголовного права.

Данный вывод разделяют 71 % опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников.

А.Э. Жалинский верно отмечал: «Уголовное право развивается под влиянием противоречивых интересов властных групп и общего давления населения, осознанно или неосознанно стремящегося к усилению безопасности путем усиления репрессии, а во многих ситуациях к психологическому удовлетворению различных стремлений (восстановление справедливости, реванш, месть, присоединение к сильной группе и проч.). Проблема в том, что должно оно развиваться все же на основе общих закономерностей, при обязательном учете сбалансированных интересов страны…»[115].

Учитывая, что отмеченные недостатки уголовной политики носят не единичный, а достаточно масштабный характер и свидетельствуют об отсутствии осознанности или сознательном игнорировании фундаментальных основ развития и функционирования уголовного права, их преодоление требует единого

становится очевидной необходимость не поверхностного, а более глубокого отражения объективных закономерностей в государственно-правовых решениях и действиях. Разные виды закономерностей должны в равной мере использоваться в юридической науке и практике, хотя в настоящее время явно преобладают политические интересы, решения и действия правящих элит, партий и иных группировок (см.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М., 2023. С. 42, 52).

[115] См.: Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. С. 18.

концептуального подхода[116]. В этой связи следует поддержать позицию о необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики, которая позволит упорядочить и оптимизировать ее реализацию. Говоря о содержательном наполнении такой концепции, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин пишут, что в ней должны быть отражены фундаментальные аспекты уголовного права, определяющие вектор трансформации и системного развития уголовного законодательства, а не номенклатура пробелов, просчетов, ошибок и конкретных вариантов их устранения[117].

Следует отметить, что мысль о создании и принятии концепции уголовно-правовой политики как официального документа высказывается не только со стороны ряда известных ученых, но и поддерживается общественными и государственными структурами (соответствующий проект был подготовлен рабочей группой Общественной палаты РФ; 22 ноября 2021 г. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации была организована научно-практическая конференция «О проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации»; 8 декабря 2023 г. в Министерстве юстиции Российской Федерации обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики в рамках научной конференции «Формирование уголовно-правовой политики в условиях гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Основные направления совершенствования»), но все еще, несмотря на острую необходимость и отсутствие достаточной политической воли, не продвинулась дальше обсуждения вопроса о целесообразности соответствующей концепции.

Особенно непоследовательно выглядит ситуация, при которой в отсутствии более общих концепций – правовой политики[118], государственной политики противодействия преступности и уголовно-правовой политики Российской

---

[116] О важности такого подхода см., в частности: Коробеев А. И., Чучаев А. И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиски реальной модели // Государство и право. 2023. № 8. С. 96 – 105.

[117] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3 – 16.

[118] См.: Матузов Н.И., Малько А.В., Шундиков К.В. Правовая политика современной России: предлагаем для обсуждения проект концепции // Правовая политика: от концепции к реальности / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., Саратов, 2004. №1. С. 6 – 27.

Федерации, разработка и принятие которых позволили бы обеспечить закономерность комплексности, внутреннего единства, органической взаимосвязи и гармоничного взаимодействия их частей и направлений, форм и методов, принимается концепция по ее отдельным направлениям и ведется фрагментарное и бессистемное «лавинообразное» уголовное нормотворчество. Так, распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 г. №4154-р была утверждена Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Концепция уголовно-правовой политики должна представлять собой систему положений о сущности, основных направлениях развития и критериях эффективности законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере уголовно-правового противодействия преступности. Представляется, что идея познания, учета и использования объективных закономерностей развития общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права, исходя из их онтологического статуса, должна иметь ключевое значение в концепции уголовно-правовой политики при определении ее целей и задач, основных направлений, условий и критериев эффективности, оснований изменения уголовного законодательства. То есть стать базовой идеей, блокирующей внесение в Уголовный кодекс произвольных изменений, обеспечивающей его социально-криминологическую обусловленность, правовую определенность и стабильность, а также предсказуемость законодательной и правоприменительной уголовной политики. Характер закономерностей как существенных, необходимых и устойчивых связей и зависимостей позволит не только подвести под реализацию уголовной политики и реформирование уголовного законодательства прочный объективный фундамент, но и преодолеть извечные научные споры о специфике, целях и объемах уголовно-правового воздействия, допускающие не меньше субъективизма, чем упрекаемая в произвольности законодательная деятельность. Объективные закономерности общественной жизни и специальные закономерности уголовного права задают наиболее надежные ориентиры и критерии в законодательной и правоприменительной деятельности, обеспечивают

адекватное отражение в уголовном законодательстве социально-экономических и криминологических реалий, то есть «честность» уголовно-правовой политики.

Как указал Конституционный Суд РФ: «…требования к нормам, устанавливающим уголовную ответственность, должны быть особенно высоки, что предопределяет повышенный стандарт обеспечения определенности правового регулирования»[119] в том числе его правовой стабильности и предсказуемости. А, следовательно, достижение такого высокого стандарта требует законосообразного подхода к реализации форм и методов уголовно-правовой политики, их соответствие требованиям объективных закономерностей. Стремление к законосообразности должно составлять непреложное требование уголовно-правового законотворчества.

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин верно отмечают, что разработка и реализация уголовной политики на основе истинной информации о криминальных угрозах и социальных последствиях уголовно-правового запрета, раскрытие информации, обосновывающей криминализацию либо конструирование мер уголовно-правового воздействия, должны стать ведущими требованиями к государственной деятельности[120]. Объективное, а не произвольное осуществление этих требований невозможно без познания, учета и использования системы закономерностей, лежащих в основе уголовного права.

В общетеоретическом плане доказано, что от глубины познания и степени учета объективных закономерностей в содержании правовых актов напрямую зависит эффективность их реализации: она тем выше, чем сильнее законодатель опирается на закономерности[121]. Так, В.А. Толстик отмечает: «эффективное

---

[119] См.: определение КС РФ от 9 июля 2021 г. №1374-О о прекращении производства по делу о проверке конституционности п. «г» ч.3 ст. 158 и ст. 159^3 УК РФ.

[120] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3 – 16.

[121] См.: Глазырин В.В., Никитинский В.И. Общие законы управления и правовое регулирование // Советское государство и право. 1978. №9. С. 47. Они же. О необходимости учета в нормотворческой деятельности общих законов управления // СССР – Франция: социальные аспекты правотворчества: По материалам Второго советско-французского симпозиума, Москва, 1978 г. М., 1980. С. 52 – 53. Так, по мнению С.Н. Овчинникова: «Познанные юридической наукой закономерности права являются орудием упрочения правовой основы государственной и общественной жизни. Сознательное использование открытых юридической наукой объективных закономерностей права помогает укреплению законности и облегчает эффективное действие права» (см.: Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: дисс. … канд. юрид. наук. Л.,1979. С. 5).

государственное управление невозможно без опоры на закономерности общественного развития», причем для его обеспечения «необходимо изучать механизм действия не только каждой отдельной закономерности, не только их взаимное влияние друг на друга, но и их «поведение» в реальной социальной среде во всем ее многообразии и специфике. Только в этом случае можно рассчитывать на позитивную результативность»[122].

Правовая политика как разновидность государственной и общей политики должна быть законосообразной, т.е. основываться на познании, сознательном учете и эффективном использовании системы общих и специальных закономерностей права, включающей в себя закономерности общественного и государственного развития. Требование законосообразности, на наш взгляд, имеет «сверх», «над» принципиальное значение, так как принципы правовой политики (социальной обусловленности, реалистичности и научной обоснованности, комплексности, устойчивости и предсказуемости, справедливости и гуманности, баланса интересов государства и личности, соответствия международным стандартам) пронизаны закономерностями и предполагают их познание, учет и использование в правотворческой и правоприменительной деятельности. Как верно отмечает Н.В. Витрук, научное познание закономерностей – это теоретический фундамент эффективной законотворческой и правоприменительной практики, в то время как их недостаточно глубокое познание, а подчас игнорирование социальных и государственно-правовых закономерностей с неизбежностью приводит к замедлению темпов общественного развития, к низкой политической эффективности и нерациональным социальным издержкам[123]. Следует также отметить, что изучение, учет и использование закономерностей права является не только необходимым и основополагающим условием научно-методического обеспечения эффективности правовой политики, но и ее реализации в направлении

[122] См.: Толстик В.А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 70 – 88.

[123] См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 33.

развития демократического правового социального государства, так как недемократические режимы стремятся игнорировать закономерности.

Это в полной мере относится и к уголовной политике, предназначением которой является охрана наиболее важных личных благ и социальных интересов от преступных посягательств, поэтому соответствующее объективным потребностям и эффективное осуществление этого направления государственной деятельности предполагает изучение закономерностей в явлениях преступности и мерах противодействия ей[124].

Не будет преувеличением сказать, что уголовно-правовая политика, особенно, в силу своей запретительно-карательной природы, должна быть «застрахована» от произвольного и непредсказуемого подхода к ее осуществлению. Как известно, даже правильное обращение с уголовным законом и мерами уголовно-правового воздействия неизбежно сопряжено с негативными последствиями, когда же уголовно-правовая политика игнорирует закономерности общественной жизни и уголовного права, ее издержки кратно возрастают. На наш взгляд, законосообразный подход – это единственная возможность, не впадая в крайние и утопические рассуждения об отмене уголовного закона, не совместимого с правами человека и граждан[125], уменьшить негативные последствия его существования и действия[126], сократить вред от наказания[127].

Следовательно, общенаучное значение закономерностей как основы объективно обусловленной, целесообразной и эффективной практической деятельности человека, позволяющей ему руководствуясь требованиями объективных закономерностей оптимально регулировать общественные отношения и рационально управлять социальными процессами, предопределяет их исходное значение в разработке и реализации концепции уголовно-правовой политики. Это дает философское основание судить о законосообразности, т.е.

---

[124] См.: Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С.140 – 141, 512.

[125] См.: Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker&Humblot, 1988. S.3.

[126] См.: Жалинский А.Э. Избранные труды. Т.1. Криминология. М., 2014. С.66.

[127] См.: Гилинский Я.И. Преступность: Что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №1 (35). С. 11.

соответствии уголовной политики, форм и методов ее реализации объективным закономерностям развития общества и специальным закономерностям уголовного права.

Несколько слов о деструктивной степени отклонения современной уголовной политики от объективных закономерностей.

Очевидно, что существующие в современной уголовной политике решения, выражающие невольное и сознательное пренебрежение законодателя к объективным закономерностям общественного развития и специальным закономерностям уголовного права, не достигли той «критической массы» и разрушительной степени, которая позволяла бы оценить кризис российской уголовной политики как тотальный и глубочайший, блокирующий функционирование уголовного законодательства и вызывающий «распад» уголовного права как отрасли. Конечно, такие оценки были бы несоответствующими действительности.

Закономерности уголовного права, складывающиеся на протяжении долгой истории его развития, обладают определенным запасом прочности и устойчивости, поэтому, с одной стороны, их нарушение, «недоучет» и игнорирование законодателем хотя и «размывает» их действие и влечет негативные последствия, но не отменяет их объективного существования, а с другой стороны, они выступают в роли «системосохраняющих» факторов, как бы вшитых «в подкладку» отрасли и поддерживающих ее относительную устойчивость к законотворческим ошибкам, позволяющих «сгладить» дефекты и недостатки современной уголовной политики.

По мнению А.Б. Баумштейна, отсутствие внятной и осознанной уголовной политики в настоящее время в Российской Федерации могло бы угрожать разрушением уголовного права, однако этого не происходит и не может произойти. Обусловлено это тем, что за поверхностью позитивного уголовного законодательства находится материя, образующая каркас уголовного права. Как считает ученый, роль такого каркаса или фундамента выполняют определенные концептуальные начала уголовного права, а именно начала уголовного закона,

преступления и наказания. Указанные «начала» ставят границы законодательному произволу и определяют пределы теоретической мысли; они же являются историческим наследием российского уголовного права, восходя к его доктринальным истокам начала XIX века. Концептуальные начала позволяют не только оценить современное состояние уголовного законодательства, но и спрогнозировать его развитие в будущем[128].

Следует согласиться с тем, что такой фундамент, «скелет» уголовного права действительно существует, но на наш взгляд, его роль выполняют не эфемерные «начала», чей онтологический статус не разъяснен А.Б. Баумштейном, а именно объективные закономерности отрасли как существенные, устойчивые и повторяющиеся связи.

Другое дело, что когда мы видим такое «лоскутное одеяло», как ткань современного уголовного кодекса, которое «ткалось» сотнями или тысячами людей в разное время, нередко по каким-либо политически конъюнктурным, популистским и сиюминутным соображениям, в отсутствии научно-обоснованной концепции уголовной политики носящим социально и криминологически необоснованный, бессистемный и противоречивый характер, то значительно сложнее проследить в такой правовой материи внутреннюю логику и закономерные связи и зависимости.

Но несмотря на то, что современной уголовной политикой закономерности отчасти нарушены и завуалированы, действуют как бы в приглушенном виде, они несомненно существуют и уходят корнями в глубь веков развития уголовного права. Иначе бы уголовное право, как отрасль не возникло, не развивалось и не функционировало на протяжении своей долгой истории, поскольку по своей сущности и главному в содержании уголовное право вовсе не случайно, хаотично и бессистемно, а имеет свою специфическую социальную обусловленность, внутреннюю логику и организацию, преемственность, находится в существенных и устойчивых связях с социальной жизнью и другими правовыми отраслями,

[128] См.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России. Дисс. … д-ра. юрид. наук. Курск, 2016. С.5 – 6.

подчиняется определенным рациональным правилам и принципам, то есть закономерно.

Между тем, не вполне справедливо упрекать законодателя в недостаточном учете того, о чем наука еще не имеет точного, полного и всестороннего знания. Поэтому отсутствие в современной уголовной политике и уголовном законодательстве необходимой степени социальной и криминологической обусловленности, последовательности и системности, правовой определенности, стабильности и прогнозируемости, свидетельствующей о неудовлетворительном уровне их законосообразности, должно быть восполнено разработкой теории закономерностей уголовного права.

Однако реализация законосообразного подхода, позволяющего анализировать, учитывать и воплощать закономерности в процессе осуществления уголовной политики, требует не только построения соответствующей теории закономерностей уголовного права, но и механизма их действия, использования и обеспечения.

Механизм действия раскрывает то, как объективно реализуются закономерности в уголовном праве, механизм использования определяет законосообразное субъективное отношение к ним законодателя и правоприменителя, а механизм обеспечения описывает правовые средства гарантирования реализации закономерностей уголовного права и устранения их нарушений.

Механизм действия закономерностей в уголовном праве – это комплекс социально-правовых факторов, детерминирующих и опосредующих реализацию форм и методов уголовной политики, включающий в себя, с одной стороны, социально-экономические и политические условия жизни общества, актуальные криминальные угрозы и тенденции в развитии преступности, объективные потребности в охране социальных ценностей от преступных посягательств, в справедливом разрешении преступного конфликта и социальной реинтеграции лиц в него вовлеченных, – как детерминирующие факторы, а с другой стороны, уголовно-правовые средства, приемы и правила, – как факторы опосредующие

криминализацию и декриминализацию, пенализацию и депенализацию, дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности[129].

Механизм использования закономерностей в уголовном праве – это законосообразное осуществление процессов уголовного нормотворчества и правоприменения на основе соблюдения комплекса научно обоснованных положений, определяющих условия и основания, средства и приемы, принципы и правила анализа, учета и реализации закономерностей.

Механизм обеспечения закономерностей в уголовном праве – это комплекс общих и специальных правовых средств, которые поддерживают механизмы действия и использования закономерностей уголовного права, а в случае их возможного нарушения, игнорирования и недоучета позволяют устранить или исправить незаконосообразное уголовно-политическое решение.

Для обеспечения законосообразного подхода к реализации уголовной политики считаем необходимым:

а) принять Федеральный закон Российской Федерации «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и закрепить в нем общее требование к обоснованию законосообразности нормотворчества, предполагающего познание, учет, использование и изложение в пояснительных записках к проектам нормативных юридических актов информации о социальных и специально-юридических закономерностях, детерминирующих введение, изменение или отмену правовых норм;

б) установить в Федеральном законе от 13.06.1996 г. №64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» специальное требование обоснования законосообразности уголовного нормотворчества в виде обязательного указания в пояснительных записках к проектам федеральных

[129] Поскольку закономерности – это связи явлений, то с одной стороны этой связи должны быть детерминирующие, а с другой детерминируемые явления. Поэтому понятие механизма действия закономерностей уголовного права показывает эти детерминирующие и детерминируемые явления. К примеру, механизм действия закономерности обусловленности криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности включает в себя и объективные условия жизни общества, потребности защиты интересов личности, общества и государства – детерминирующие факторы, и технико-юридические средства и приемы конструирования состава преступления, построения диспозиции и санкции уголовно-правового запрета – факторы, опосредующие процесс криминализации и пенализации, и установление за него уголовной ответственности – детерминируемое явление.

законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации информации о познании, учете и использовании соответствующих закономерностей уголовного права, выражающих социально-криминологическую обусловленность и специально-юридическую обоснованность их содержания[130];

в) разработать и принять Концепцию уголовно-правовой политики Российской Федерации как специального политико-правового документа, который отражает законосообразный подход в качестве базовой идеи, определяющей социальное предназначение и содержание, обусловливающей адекватную меру и эффективную модель уголовно-правового воздействия в обществе.

По сути, наука и концепция уголовной политики, разрабатываемые учеными принципы, правила и средства реализации ее отдельных форм и методов, это, в конечном счете, – попытка оптимизировать процесс познания, учета и активного использования объективных закономерностей общественного развития и специальных закономерностей уголовного права при криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Несмотря на значимость активно-творческого, интеллектуально-созидательного и индивидуального подходов в реализации уголовной политики, убеждены, что во главу угла должна быть поставлена идея о закономерном развитии и устройстве уголовного права, о том, что уголовное законодательство зиждится не на фантазиях акторов уголовной политики, а на объективных закономерностях общественной жизни и специальных закономерностях самого

---

[130] В этой связи предлагается Федеральный закон от 13.06.1996 г. №64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» дополнить статьей 9 следующего содержания: «Статья 9. В пояснительных записках к проектам федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации обосновывается их соответствие требованиям объективных закономерностей уголовного права. В связи с этим, исходя из содержания вносимых изменений, указывается информация: об их адекватности актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, о невозможности обеспечения достаточной охраны личности, общества и государства от конкретного вида общественно опасных посягательств иными, более мягкими мерами, соответствии положениям Конституции Российской Федерации, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, согласованности с действующими нормами уголовного, регулятивного и административно-деликтного законодательства, о соответствии объема уголовно-правового запрета и строгости (видов и размеров) наказания характеру и степени общественной опасности деяния, о правовой определенности признаков преступного поведения, сбалансированности карательных и восстановительных уголовно-правовых средств и санкций, о целесообразности выделения специальных из общих уголовно-правовых норм.».

уголовного права. Особенно остро проблема познания и учета закономерностей стоит в сфере криминализации и пенализации. Как пишет А.И. Коробеев, «казалось бы, не должен вызывать сомнения тот, ставший уже бесспорным, факт, что признание деяния преступным и уголовно наказуемым не есть произвольный акт законодателя, результат его прихоти или «игры ума». Нормотворчество в сфере уголовного законодательства не может, образно говоря, носить характер действия, «свободного в своей причине». Однако масса примеров, увы, убеждают в противном»[131].

Поэтому предлагаемый нами законосообразный подход, выражая органическое единство объективного и субъективного в праве, вовсе не посягает на конституционно-правовую независимость законодательной власти и деятельности, не ограничивает исключительную компетенцию парламента по определению содержания уголовного законодательства, а призван обеспечить правовую определенность, стабильность и предсказуемость, социальную и криминологическую обусловленность и эффективность уголовного законотворчества[132], сдержать произвольное и немотивированное нормотворчество на основе познания, учета и использования системы закономерностей уголовного права.

При этом законосообразный подход не означает неизбежного фатализма, не

---

[131] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С. 342.

[132] Такого рода требования к законотворческой деятельности и конституционной ответственности депутатов предъявляются в решениях Конституционного Суда РФ, см. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона "О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей" в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41. Ст. 7154; Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 51. Ст. 9343; Определение Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 № 1031-О «По запросу Суда по интеллектуальным правам о проверке конституционности пункта 3 статьи 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision687178.pdf (дата обращения: 5.04.2025).

является «механически-зеркальным», пассивным отражением и копированием объективно существующей действительности, но и не исключает влияния идеологии на содержание уголовного права и уголовной политики, а также собственно уголовно-правовой идеологии.

В социологии доказано, что эффективное функционирование и развитие общества и государственное управление им невозможно без идеологии, одобряемой и поддерживаемой большинством его членов. В частности, наличие ясной и понятной общей идеологической основы уголовно-правового воздействия и внутреннее согласие с ней абсолютного большинства является важнейшей закономерностью его результативности. Как верно отмечают М.В. Бавсун и В.В. Векленко, «в случае возникающего дисбаланса между общественным правосознанием и теми концептуальными основами, которые начинают доминировать в нормах уголовного закона, неизбежно снижается эффективность их реализации»[133].

Исходя из этой идеологической закономерности ряд ученых критикуют современную уголовную политику и уголовный закон за разрозненность, нестабильность и противоречивость идей, составляющих их основу, их несоответствие ценностям нормального функционирования и эволюционного развития общества, считая актуальной задачей определение концептуальных идей об уголовном праве и его будущем[134].

Что особенно актуально «в период трансформации, идейного плюрализма и ценностного релятивизма, когда в пространстве идеологического поля нет прочно устоявшихся взглядов и широкого консенсуса, первоочередное значение приобретает система ценностных ориентиров социальной группы, которой принадлежит политическая власть»[135].

Осознавая, что уголовное право и уголовная политика должны основываться

---

[133] См.: Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. №5. С. 136.

[134] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018, № 1 (41). С.181 – 189.

[135] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 110 – 125.

на более общих идеях, отражающих стратегию социального, государственного и правового развития, ученые затрудняются сказать что-то определенное по поводу содержания такой идеологической платформы, либо сводят ее к одной или нескольким отдельным идеям (в частности, справедливости, гуманизации, компромисса, возмездия, устрашения, исправления, обеспечения безопасности общества) или предлагают на роль таких центральных идеологем задачи и принципы уголовного права[136].

Так, В.В. Антонченко говоря о том, что «способность/неспособность формирования оптимальной уголовной политики связана с *объективной* (курсив наш. – А.В.) возможностью/невозможностью обеспечения безопасности и благополучия общества» считает ценностный подход в праве основным методом к рационализации и достижению эффективности уголовно-правовой политики[137]. Несмотря на важность аксиологического подхода как такового, оперирующего понятиями о справедливости, равенстве и гуманизме, полагаем, что он не может быть основным и «страхующим» от произвольного обращения государства с уголовным законом в силу неустойчивости ценностно-идеологического каркаса уголовной политики. Даже за относительно короткий 20-летний период (с 1997 по 2009 гг.) уголовно-правовой истории он кардинально сменился с либеральной модели уголовной политики, признающей приоритет охраны прав и свобод человека как высшей ценности, на достаточно репрессивную ее модель, основанную на консервативных патриархальных ценностях и первоочередной защите государственных и общественных интересов. Поэтому строить эффективную модель уголовной политики на столь «зыбкой почве» какой является идеологическая основа это значит не опять, а снова ставить в зависимость от субъективных предпочтений правящей элиты то ее смягчение, то ужесточение.

На наш взгляд, идеология уголовно-правового воздействия должна

---

[136] См.: Кобзева Е.В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. №5 (100). С. 76.

[137] См.: Антонченко В.В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т.20. №1. С. 131 – 140; Антонченко В.В. Аксиология уголовного права как метод рациональной криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. №12. С. 91 – 106.

базироваться на триедином законосообразном подходе, который предполагает в качестве основной – идею соответствия уголовного права, уголовного кодекса и уголовной политики объективным закономерностям общественной жизни и специальным закономерностям уголовного права, исключая правотворческое и правоприменительное своеволие.

В контексте изложенного кратко остановимся еще на одной обсуждаемой в теоретической литературе и актуальной для нас в силу указанных дефектов уголовной политики проблеме соотношения закономерности и случайности в праве, объективно обусловленных и субъективно произвольных уголовно-политических решениях[138].

По мнению Д.А. Керимова, поскольку социальная действительность включает в себя также и случайное, а поэтому незакономерное, одна из функций права состоит в том, что, отражая необходимое (а не вообще действительное), оно охраняет его от случайного, ограничивает влияние случайного на закономерное развитие действительности, тем самым способствуя наиболее благоприятному развитию необходимого[139]. Это обеспечивается путем познания, учета и использования в праве социальных закономерностей. Важная роль в процессе продвижения и поддержки закономерностей общественной жизни как социально необходимого и, напротив, препятствия и изживания отрицательных явлений и негативных тенденций социальной действительности принадлежит уголовному праву, обладающего наиболее суровыми средствами государственного принуждения.

Философская наука определяет случайность как «то, что не детерминировано ни в внутренними факторами системы, ни внешними обстоятельствами ее существования или же детерминировано, но не однозначно»[140]. Если рассматривать

---

[138] См.: Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки. М.,1980. С.66 – 82; Свинин Е.В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности: Дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006; Андрианов В.К. Закономерность и случайность в уголовно-правовом регулировании // Социально-политические науки. 2019. №3. С. 118 – 122.

[139] См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. С. 261.

[140] См.: Ивлев В.Ю. Категории необходимости, случайности и возможности: их смысл и методологическая роль в научном познании // Философия и общество. 1997. №5. С. 108 – 125.

как случайность все, что не имеет абсолютно жесткой предопределенности и линейной детерминации, то по сути, случайными следует признать все социальные в том числе правовые явления и процессы, исходя из вариативного, неоднозначного, вероятностно-статистического и социально-относительного характера большинства общественных и правовых закономерностей[141]. А представить себе явления в области права, в частности уголовной политики, которые вообще ничем не детерминированы, даже узко политическими и управленческими соображениями, недостатками организации законотворческой и правоприменительной деятельности, отступлением от регламента или некомпетентностью, весьма утопично.

Теоретики права, противопоставляя понятию закономерности категорию случайности, характеризуют ее как нечто «субъективное: непредсказуемое, неопределенное, неожиданное, вероятностное»[142]; непредвиденное, маловероятное и нетипичное (необычное, уникальное, выбивающееся из стандартных представлений о сущем и должном)[143], то, что «противоречит законам природы и общественной жизни»[144]. При этом правоведы признают, что невозможно провести отчетливое разделение между закономерностью и случайностью в социальной и правовой жизни общества. Но ища выход из этого традиционного философского противопоставления закономерного и случайного в сфере права, некоторые авторы вынуждены изобретать такие формулы: «закономерность, как правило, определяет лишь общие контуры любого явления, его основное содержание, конкретные же частности остаются на долю случайности»[145]. Убеждены, что более частные вопросы правового регулирования тоже нельзя решать по воле случая, просто в их решении больший удельный вес и роль приобретают субъективно-творческие элементы, исходящие от правосознания законодателя и правоприменителей.

---

[141] См., например: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 191.

[142] См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2024. С. 299 – 300.

[143] Ю.Ю. Ветютнев предлагает следующее определение: случайностью в правовой науке является непредвиденное, нетипичное стечение обстоятельств в сфере государства и права, происходящее с малой степенью вероятности и не обусловленное сущностью права (см.: Ветютнев Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. 2003. №7. С.72 – 78).

[144] См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 350.

[145] См.: Ветютнев Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. 2003. №7. С. 75.

Придерживаясь диалектико-материалистической точки зрения в понимании закономерности мы не разделяем марксистско-ленинского восприятия действия социальных закономерностей как тотального подчинения им общественного бытия, исключающего случайности, поскольку случайное могло нарушить идеализированную картину мира, подорвать социалистические догмы и на поверку оказаться вовсе не случайным.

Дело в другом. На наш взгляд, категория случайности не позволяет оценить результат правотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку на содержание, действие и развитие права влияют различные закономерности (правовые, социальные, экономические, политические, идеологические, государственного управления), поэтому то, что с точки зрения одних закономерностей может быть признано случайным, с позиции других является вполне закономерным[146]. Поэтому точнее говорить о законосообразности или незаконосообразности, которая может выражаться в волюнтаризме, субъективизме, произволе или дефектах (ошибках, просчетах и упущениях) в законодательстве и правоприменении как следствии игнорирования или недоучета системы общих и специальных закономерностей права, продиктованных узкополитическими властными и лоббистскими интересами или недостаточной компетентностью.

Кроме того, признание какого-либо явления случайным предполагает наличие более жестких, точных и однозначных связей и зависимостей, нежели характерны для закономерностей в социальной, в том числе правовой, действительности, которые преимущественно проявляются как законы-тенденции. Особенно в современном обществе, в котором процессы социальных изменений характеризуются как многофакторно обусловленные, нелинейные,

[146] Выше мы говорили о том, что кризисные явления в современной уголовной политике – это не только результат отступления и отклонения законодателя от объективных закономерностей общественного развития и специальных закономерностей уголовного права, но и вполне закономерные явления с точки зрения политико-идеологических и государственно-управленческих закономерностей. Это относится и к различным законотворческим и правоприменительным ошибкам (дефектам, просчетам, упущениям, огрехам), которые тоже оказываются не случайными, а закономерными явлениями, если рассматривать их с точки зрения общесоциальной практики («errare humanum est» - «человеку свойственно ошибаться») и несовершенств организации юридической деятельности и несоблюдения в ней определенных требований (в частности, типичные квалификационные ошибки, повторяющиеся недостатки законодательной техники уголовного закона, устойчивые причины их допущения).

разнонаправленные и чрезвычайно ускоренно протекающие. В этой связи отмечается, что «современная философия лишила понятия закономерности и случайности их былого абсолютного значения»[147].

К тому же реализация закономерностей права в законодательных и правоприменительных актах опосредуется юридически значимой деятельностью субъектов, имеющей волевой, активно-творческий характер и проецирующих в них свой жизненный и профессиональный опыт. Поэтому здесь более уместна и адекватна терминология разрабатываемого нами законосообразного подхода.

Ф. Гегель выражал основополагающую мысль о том, что в позитивном праве только то, что закономерно и является правовым или, собственно говоря, и есть право[148]. Ж.П. Марат писал: чтобы быть справедливыми, юридические законы общества никогда не должны идти вразрез с объективными закономерностями жизни, первейшими из всех законов. И дополнял это требование во многом сохраняющими актуальность словами о том, что «известно злополучное противоречие, вот уже столько веков существующее между правом естественным и правом уголовным у всех народов»[149]. На наш взгляд, именно учет закономерностей общественной жизни позволяет снять это противоречие, приблизив законы общества к идеалам справедливости и права.

Поскольку право должно представлять собой отвечающую объективным потребностям социальной жизни, справедливую и определенную меру специально-юридического содержания, детерминированного закономерностями общественной жизни, постольку именно – его соответствие требованиям объективных закономерностей, «управляющих» развитием, структурным построением и функционированием права, выступает тем объективным критерием, который позволяет отграничивать право от бесправия.

В этой связи обосновываемая нами концепция «права как законосообразности», предполагающая познание, учет и использование системы

---

[147] Подробнее см.: Пашков С.Н. Общество в условиях интенсификации социального транзита: автореф. дисс. … канд. философ. наук. Нальчик, 2007. С. 15.

[148] См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.,1990. С. 250.

[149] См.: Марат Ж.П. Избранные произведения. Т.1. План уголовного законодательства. М.,1956. С. 219.

закономерностей, детерминирующих и характеризующих содержание, действие и развитие права, дает возможность отличать и защищать его от произвола законодателя и правоприменителя.

Следовательно, чем точнее и полнее познание, учет и использование объективных закономерностей жизни общества и специальных закономерностей уголовного права в процессе реализации уголовной политики, тем больше степень соответствия уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности, его правовой определенности, стабильности и предсказуемости, оптимальности и справедливости разрешения конфликта, вызванного преступлением.

Вместе с тем, рассматривая проблему законосообразности и незаконосообразности уголовно-политических решений нельзя не учитывать того, о чем пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев: «есть, конечно, большой соблазн утверждать, что уголовная политика является всецело закономерным отражением объективных потребностей и возможностей общества в противодействии преступности. Однако это было бы большим методологическим заблуждением. Равно как большой ошибкой следовало бы считать, что все в уголовной политике зависит от случайной воли какого-либо одного субъекта. Когда мы утверждаем, что любая уголовная политика должна отвечать требованиям закономерности, мы вовсе не предполагаем, что случайности в ней не должно быть места в принципе. Проблема возникает в том случае, когда случайные, необдуманные, противоречащие объективным потребностям уголовно-политические решения становятся закономерным, устойчивым уголовно-политическим трендом»[150]. В таком случае, критически низкий уровень законосообразности уголовной политики как результат длительного и системного нарушения и игнорирования закономерностей уголовного права, будет иметь своим следствием: социально-криминологическую необоснованность уголовного законодательства и его неадекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям преступности,

[150] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Необходимость обновления методологии исследований в науке уголовного права // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 4. С. 32.

правовую неопределенность, бессистемность и нестабильность, непредсказуемость уголовного законодательства и практики его применения, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую несогласованность и неэффективность.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. С онтологической точки зрения закономерности уголовного права как объективные, существенные, необходимые, устойчивые внутрисистемные и межсистемные связи придают отрасли социальную и криминологическую обусловленность, межотраслевую и внутриотраслевую юридическую согласованность, системность, правовую определенность, стабильность и прогнозируемость, технико-юридическую рациональность, эффективность функционирования и устойчивость развития.

2. Онтологический статус закономерностей уголовного права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя и дает основание для *выделения двух типов уголовно-политических решений*: законосообразные – это такие акты криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые принимаются на основе изучения, учета и использования системы закономерностей уголовного права; незаконосообразные – это субъективистские (произвольные, волюнтаристские), то есть не имеющие реальных (объективных) предпосылок решения в области уголовной политики, пренебрегающие системным изучением, учетом и использованием закономерностей, характеризующих и влияющих на социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, влекущие широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

Но незаконосообразные решения неоднородны, среди них можно выделить уголовно-политические акты, воплощающие невольные отклонения от закономерностей уголовного права (непреднамеренные ошибочные решения в уголовной политике, просчеты и упущения в законодательной и

правоприменительной деятельности), и решения, намеренно игнорирующие такие закономерности (по узкополитическим властным или лоббистским интересам).

3. Взаимосвязь уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики должна быть основана на *триедином законосообразном подходе*, включающем в себя законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс, обеспечивающем их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Законосообразный подход в уголовно-правовой сфере предполагает следующий цикл: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция должна обусловливать такую реализацию ее форм и методов, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

Нарушение триединого законосообразного подхода, состоящее в игнорировании и недоучете, выборочном и манипулятивном использовании, пренебрежении одними в ущерб другим видам закономерностей, влияющих на содержание, действие и развитие уголовного права, неизбежно влечет за собой общие для всей триады негативные последствия (социально-криминологическую необоснованность уголовного законодательства и его неадекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям преступности, правовую неопределенность, бессистемность и нестабильность, непредсказуемость уголовного законодательства и практики его применения, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую несогласованность и неэффективность).

4. Современная российская уголовная политика имеет ряд общих, существенных, типичных, устойчивых и повторяющихся недостатков и длительный период неблагоприятно оценивается многими специалистами, что свидетельствует не об отдельных, подлежащих точечному устранению дефектах, а о ее неудовлетворительном состоянии, глубинные причины которого заключаются в отсутствии осознанности и сознательном игнорировании («недоучете»),

выборочном и бессистемном использовании) ее акторами объективных закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права и могут быть преодолены посредством разработки и принятия концепции уголовно-правовой политики.

Поэтому соблюдение законосообразного подхода к реализации уголовно-правовой политики должно стать базовой (ключевой) идеей ее концепции, препятствующей волюнтаристскому осуществлению форм и методов уголовной политики и произвольному изменению и применению уголовного законодательства.

5. Сама по себе детерминированность уголовного права и уголовно-правовой политики сложным комплексом закономерностей, учитывая, что они выступают частью социальной среды, правовой системы и внутренней политики государства, является нормальной, другое дело, что в зависимости от особенностей того или иного общественно-политического строя разнообразные объективные закономерности, которые влияют на содержание, действие и развитие уголовного права, могут иметь несбалансированное развитие, быть оттеснены на второй план и находиться в противоречии. В таких случаях один вид закономерностей, например, государственно-политические, может оказывать доминирующее влияние на сущность и содержание уголовного права, при котором другие виды закономерностей становятся недостаточно учтенными или проигнорированными.

В целом, поскольку закономерности отражают сущность, то по соотношению их влияния и отражения в содержании уголовного права и уголовно-правовой политики можно более глубоко и объективно судить об общей направленности уголовно-правового воздействия.

В сложившейся модели уголовной политики, которая характеризуется широким применением уголовно-правовых средств для решения текущих социально-экономических проблем, сокращения масштабов свободы в целях большей безопасности, государственного управления, идеологического контроля и поддержания морального единства общества, преобладанием процессов криминализации и ужесточения наказуемости нередко при отсутствии

необходимых для этого социально-криминологических оснований, использованием их для приоритетной защиты государственных интересов и стабильности политического режима, – политические и управленческие закономерности становятся доминантой, влияющей на общий фон и общее предназначение уголовного права и законодательства. В то время как социальные, экономические, социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые закономерности в значительной степени игнорируются или отступают на второй план.

Преодоление излишней политизированности и идеологизированности уголовной политики и переосмысление ее места и роли в современном российском обществе возможно только в силу полного, всестороннего и системного познания, учета и использования специальных отраслевых и разнообразных закономерностей общественной жизни.

Глава 2. Основы теории закономерностей уголовного права

§ 1. Закономерности уголовного права: от философского к отраслевому пониманию

Подобно тому, как увядают и опадают старые и вырастают новые листья, но корни и ствол дерева живут, так и в праве, одни нормы устаревают, другие появляются, но закономерности правовой системы, обладая относительной устойчивостью, обеспечивают ее адекватность социально-экономическим условиям, стабильность развития и функционирования.

Объективные закономерности, как известно, присущи не только физической (движение атомов и элементарных частиц и их взаимодействие), механической (перемещение в пространстве), химической (взаимодействие молекул органических и неорганических веществ) и биологической (развитие растений и животных) формам движения материи. Социальная жизнь во всех своих сферах также подчиняется определенным закономерностям.

И подобно тому, как любыми экономическими, социальными, политическими и психологическими явлениями и процессами, управляют свои закономерности, в основе права как неотъемлемого компонента общественной жизни лежат специфические закономерности, придающее ему качественное своеобразие.

Поскольку по своей природе закономерности уголовного права обладают всеми чертами общенаучного понятия закономерностей и относятся к категории социальных и правовых закономерностей, то логика определения признаков и выявления специфики закономерностей в уголовном праве предполагает рассуждения от общего к частному и конкретному.

Поэтому отправным пунктом нашего исследования послужит философское понятие закономерности[151], отражающее в себе общие признаки, характерные для любых объективных закономерностей природы и общества.

Среди философских учений, как представляется, диалектический материализм наиболее точно выразил природу закономерностей, определив их как общие, существенные, необходимые, повторяющиеся и устойчивые связи явлений[152].

Близкой к закономерности является категория «закон», которая часто употребляется в философской и естественнонаучной литературе и характеризуется такими же признаками[153]. Однако для обозначения существенных и устойчивых связей и зависимостей в правовой действительности предпочтительнее использовать понятие закономерности, так как термин «закон» имеет в юридической науке известное и вполне определенное значение. К тому же понятие закономерности как выражающее меньшую по степени жесткости, однозначности, конкретности и повторяемости связь явлений по сравнению с законом, более соответствует характеру отношений и процессов в социальной жизни. «В отдельно взятой закономерности доминирует вероятность, возможность, переходящая в действительность при наличии или отсутствии определенных условий среды, факторов, средств осуществления. Если закон есть выражение устойчивой объективной неизбежности во взаимосвязях явлений, то закономерность чаще всего выглядит как доминирующая тенденция развития, в проявлении которой значительную роль играет субъективный фактор, в частности человеческая

---

[151] Подробнее об этом философском понятии см.: Тугаринов В.П. Избранные философские труды. Л., 1988. С.11-56; Туленов Ж.А. Закон как философская категория. Алма-Ата, 1959; Асатрян М.В. Закон и условия его действия: (философский очерк). Ереван, 1973; Панибратов В.Н. Категория «закон»: проблема истории и объективно-диалектического содержания. Л.,1980; Карпович В.Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск,1980; Друянов Л.А. Категория закона в диалектическом материализме. Дисс. … д-ра. филос. наук. М.,1982; Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007. С. 496-501.

[152] См.: Голованов В.Н. Законы в системе научного знания. М., 1970. С. 41.

[153] Рассматривая соотношение понятий закономерности и закона, В.П. Тугаринов писал, что закономерность более общая универсальная категория, которая включает в себя частные закономерности различных областей и сторон действительности, поэтому частнонаучное употребление понятия закономерности обоснованно в специальных науках; закон более узок по содержанию, чем закономерность; выделяемые в философии объективные признаки законов суть не что иное, как конкретизация объективных черт закономерности (см.: Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955. С. 11 – 18).

деятельность»[154].

Далее, исходя из принятой логики, следует обратиться к определению социальных закономерностей. Социологи, распространяя на определение социальных закономерностей[155] общие черты соответствующего философского понятия, дополняют его тем, что это связи социальных явлений и процессов, складывающиеся и реализующиеся благодаря массовой деятельности людей[156].

Вместе с тем, исследователи социальных закономерностей усматривают их особенности не только в том, что они проявляются в человеческой деятельности, но и не могут выражаться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону[157]. Иными словами, общественные закономерности зачастую действуют как законы-тенденции, осуществляясь приблизительным образом как некая средняя равнодействующая зависимость[158]. Это дало некоторым правоведам основание утверждать, что все без исключения объективные закономерности права выступают как тенденции и имеют статистический характер[159]. Действительно, природные и прочие естественнонаучные явления поддаются точному описанию посредством строгих и однозначных законов и формул, что нельзя сказать о многих

---

[154] См.: Вопленко Н.Н. О понятии государственно-правовых закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 231 – 232.

[155] См.: Виноградов В.Г., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. М.,1972; Гончарук С.И. Общественные законы и закономерности. Таллинн, 1980; Попов С.К. Общественные законы: сущность и классификация. М.,1980; Осипов Г.В. Социология. М., 2008. С. 34.

[156] Так, А.К. Уледов считает правильным рассматривать общественную закономерность как логику самой деятельности людей и видеть, что деятельность людей носит необходимый и объективный характер, что только в ходе ее и складывается общественная закономерность. Он пишет, что общественные закономерности, складываются и существуют не помимо деятельности людей, а в самой деятельности и через нее (см.: Уледов А.К. Социологические законы. М.,1975. С. 36 – 37). На эту черту социальных закономерностей указывают и другие авторы (см.: Караев Г.Г., Белова Л.В. О специфике социального закона // Проблемы закона и закономерностей в обществознании. Л.,1975; Зеркин Д.П. Объективные законы общественного развития и механизм их реализации. М.,1976; Приписнов В.И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор. Душанбе, 1972; Сирин А.Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов. Томск, 1979; Мишин В.И. Социальная закономерность. Горький, 1970).

[157] Г.В. Осипов пишет: «Действие одного и того же социального закона проявляется с различной степенью интенсивности в однотипных ситуациях, что позволяет рассматривать его действие не как постоянную величину, а как тенденцию, измеряемую в каждом конкретном случае с той или иной степенью вероятности» (см.: Осипов Г.В. Социология. М., 2008. С. 34 – 39).

[158] См.: Философия. Ростов н/Д, 2003. С. 165 – Автор гл. В.П. Кохановский.

[159] См.: Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: дисс. … канд. юрид. наук. Л.,1979. С. 10.

закономерностях в праве[160]. Но это утверждение справедливо лишь отчасти, поскольку не учитывает существование в праве жестких, четких связей и зависимостей, близких по своему характеру к естественнонаучным закономерностям. С.С. Алексеев, выделяя в праве, особенно в его технико-юридическом содержании, закономерности «математического» типа, отмечал: «в связи с тем что право отличается высоким уровнем институционности и, следовательно, устойчивостью присущих ему свойств, структуры и других его черт, закономерности права характеризуются весьма значительной четкостью, подчас математически точным выражением»[161]. Поэтому одни закономерности в праве действуют как тенденции, другие имеют более точный характер.

Следующей ступенью в исследовании закономерностей уголовного права является определение общетеоретического понятия правовых закономерностей.

В юридической литературе представлены различные определения закономерностей права, на наш взгляд, не лишенные некоторых недостатков. Они либо не охватывают всех существенных признаков закономерных связей[162]; либо совпадают с философской трактовкой закономерностей и не отражают специфических черт, обусловленных правом как предметной сферой их действия[163]; либо объединены в единое понятие государственно-правовые

---

[160] См.: Шаров В.И. Предмет криминалистики как система закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. С.498 – 499.

[161] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 97, 103 – 105.

[162] Так Ю.Ю. Ветютнев определяет государственно-правовую закономерность как объективную, систематическую повторяемость взаимосвязанных фактов в сфере государства и права (см.: Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 28).

[163] Так, В.М. Сырых, сославшись на философское определение закономерностей, минуя специфическую характеристику правовых закономерностей, перешел к рассмотрению их отдельных разновидностей (см.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1. Элементный состав. М.,2004. С. 49 – 55).

закономерности[164]; или понимаются слишком узко[165]; или не отражают все аспекты бытия права, которые обусловливаются закономерностями[166].

На наш взгляд, для восполнения отмеченных недостатков нет необходимости строить громоздкое определение закономерностей права, достаточно перечислить их характерные черты, учитывающие философское, социологическое понимание закономерностей и специфику их онтологического и гносеологического значения в праве.

Исходя из этой логики следует отметить, что закономерности права:

– представляют собой объективные, общие, существенные, необходимые, повторяющиеся, устойчивые, внутренние и внешние связи системы права;

---

[164] По мнению П.М. Рабиновича, «государственно-правовая закономерность это объективная, необходимая, существенная, для определенных условий устойчивая и общая связь государственно-правовых явлений (как между собой, так и с другими общественными явлениями), которая непосредственно обусловливает и воплощает их качественную определенность в социальной системе, проявляющуюся в юридических свойствах» (см.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность развитого социализма. (Теоретико-методологические проблемы). Дисс. … докт. юрид. наук. Львов, 1978. С. 15. Он же. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 26, 33.). П. Н. Панченко полагает: «Государственно-правовые закономерности в их кратком определении есть устойчивые зависимости между взаимосвязанными государственно-правовыми явлениями, то есть зависимости, систематически повторяющиеся, причем в актах, характеризующихся определенными общими признаками, отражающими к тому же глубинную суть названных явлений, наиболее общие тенденции их развития, и при определенных условиях и обстоятельствах реализуемые в государственно-правовой практике» (см.: Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С. 34). На наш взгляд несмотря на то, что государство и право закономерно связанные между собой явления, каждое из них обладает своими специфическими, особыми закономерностями.

[165] Так, С.Н. Овчинников под специфической закономерностью права понимал «внутреннюю связь элементов права» (см.: Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Л.,1979. С. 12). Близкую позицию занимает Е.В. Свинин, определяя государственно-правовую закономерностью как «такую существенную и необходимую связь явлений правовой действительности, в которой проявляются качественное своеобразие и специфика права как особого регулятора общественных отношений, а также степень его эффективного упорядочивающего воздействия на них» (см.: Свинин Е.В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности: дисс. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 8). Однако, как известно, сущность права определяется не только и не столько закономерными связи правовых явлений как таковых, а сколько закономерными отношениями взаимной обусловленности и взаимодействия права с разнообразными явлениями общественной жизни (социального, экономического, политического, психологического характера).

[166] Н.Н. Вопленко предлагает определение государственно-правовой закономерности как «объективной, устойчивой связи государственно-правовых явлений с неизбежностью, выражающейся в определенной деятельности субъектов в виде тенденции и существенно влияющей на развитие государства и права»; «другими словами, это некая тенденция государственно-правового развития» (см.: Вопленко Н.Н. О понятии государственно-правовых закономерностей // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 238). Очевидно, что закономерности характеризуют не только развитие права.

Более широким, но тем не менее не охватывающим всех аспектов правового бытия, которыми управляют закономерности права, является определение С.Г. Дробязко, по мнению которого «закономерности права - это объективно обусловленные и объективно необходимые тенденции, выражающие сущность права в процессе его становления, развития и функционирования» (см.: Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 7).

– складываются и осуществляются через юридическую деятельность людей (правотворческую и правореализующую);

– обусловливают и выражают социально-политическое и специально-юридическое содержание права, его сущность;

– характеризуют возникновение, развитие, структурирование и функционирование права;

– придают праву социальную обусловленность, системность, внутреннюю юридическую согласованность, правовую определенность, стабильность, предсказуемость и эффективность.

Итак, поскольку понятие «закономерности уголовного права» является частным случаем таких, более общих понятий, как «закономерности», «социальные закономерности» и «правовые закономерности», то, прежде всего, оно содержит в себе признаки этих родовых понятий, а также специфические черты, обусловленные отраслевой принадлежностью.

Следовательно, в философском смысле закономерности уголовного права – это связи объективные, общие, существенные, необходимые, повторяющиеся и устойчивые; в социальном смысле – это связи, которые складываются и реализуются через деятельность людей; в общеправовом значении – это связи, выражающие внутреннюю логику правовой действительности; и, наконец, в отраслевом смысле – это связи, характеризующие возникновение, развитие, структуру и функционирование уголовного права.

Рассмотрим эти признаки применительно к содержанию уголовного права подробнее, чтобы в дальнейшим сконцентрировать их в определении закономерностей уголовного права и иметь четкий критерий для выявления конкретных закономерных связей и тенденций. Итак, закономерности уголовного права:

– *это связи (зависимости, тенденции, отношения)* между явлениями или между их свойствами, сторонами.

Например, закономерность обусловленности криминализации деяния существованием его общественной опасности, а декриминализации деяния –

утратой или снижением им общественной опасности, выражает связь между установлением или отменой уголовной ответственности за совершение определенного деяния и его свойством причинять значительный вред правоохраняемым интересам.

Но закономерностью является не всякая связь, встречающаяся в уголовно-правовой действительности, для этого она должна быть:

– *существенной*. Признание закономерностью лишь существенной связи означает, что она выражает определенный аспект, грань сущности явления, а в целом сущность выражается комплексом существенных связей[167].

К примеру, сущность уголовно-правового запрета выражается, с одной стороны, в зависимости признания определенного деяния преступным и наказуемым от наличия его достаточной общественной опасности и распространенности, возможности и целесообразности уголовно-правового воздействия (социально-криминологический аспект), а с другой стороны, в его внутриотраслевой согласованности и неизбыточности, а также межотраслевой связи с охраняемыми нормам регулятивного законодательства (специально-юридический аспект). Тем самым только через совокупность отмеченных закономерных связей можно всесторонне и целостно раскрыть сущность уголовно-правового запрета. Последовательное выявление и описание всей системы закономерностей уголовного права является ключом к пониманию его сущности в целом.

– *общей*. Закономерность выражает такую связь, которая должна быть присуща всем явлениям определенной группы и предполагает подчинение ей всего множества таких явлений.

Например, построение состава преступления из четырех элементов, является существенной внутренней связью, свойственной всем преступлениям, и, следовательно, имеющей закономерный характер. Или, скажем, строение

---

[167] В.С. Степин пишет: «Сущность объекта представляет собой взаимодействие ряда законов, которым подчиняется данный объект. Задача теории как раз и заключается в том, чтобы, расчленив эту сложную сеть законов на компоненты, затем воссоздать шаг за шагом их взаимодействие и таким образом раскрыть сущность объекта» (см.: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. С. 160).

уголовно-правового запрета из диспозиции и санкции выражает структурную закономерную связь присущую всем видам таких норм уголовного права.

Закономерность в уголовном праве выступает как отражение общего единообразного порядка для всех уголовно-правовых явлений, которые ею охватываются.

И даже в тех случаях, когда какое-либо явление или процесс происходят в обход или в нарушении закономерности, например, обусловленности криминализации актуальной криминальной угрозой, это не отменяет действие самой закономерности, а только приводит к негативным последствиям.

– *необходимой*. Необходимыми являются такие связи, которые вытекают из природы уголовного права как элемента общественной и правовой системы, обусловлены логикой уголовно-правового воздействия, выступают обязательными для его эффективного функционирования[168].

В частности, без связей, обеспечивающих соответствие уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, его межотраслевую согласованность с регулятивным, процессуальным и исполнительным законодательством, а также внутриотраслевую целостность, непротиворечивость и сбалансированность, невозможно эффективное осуществление уголовным правом своих функций. Следовательно, все эти связи являются существенными и необходимыми.

– *устойчивой*. Закономерные связи обладают относительным постоянством и не зависят от многообразия явлений, которые они связывают[169].

Инвариантность закономерностей права означает неизменность фиксируемых ими связей явлений по отношению к изменению их социально-экономического, политического и юридического содержания.

---

[168] Ш.Л. Монтескье писал, что «законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» (см.: Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955. С.163).

[169] «Существование устойчивых, постоянных инвариантных отношений среди беспрестанно изменяющихся свойств, признаков и характеристик явлений служит основой для выделения или абстрагирования закономерностей» (см.: Рузавин Г.И. Методы научного исследования. М., 1975. С. 167).

Например, в состав явлений, охватываемых закономерностью соответствия уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам, в разные исторические периоды входили различные по содержанию, характеру и степени общественной опасности и распространенности деяния. Круг этих общественно опасных деяний и соответствующий им перечень преступлений время от времени изменяется, но сама закономерность не изменяется, а поддерживает эти постоянные отношения социально-криминологической обусловленности и адекватности уголовного законодательства.

Ряд закономерностей права выражают связь явлений, которые состоят из столь разнообразного и меняющегося содержания, что закономерность фиксирует лишь общий принцип зависимости, взаимодействия этих явлений. Например, закономерность соразмерности между тяжестью преступления и строгостью наказания; соответствия альтернативности санкции вариативности диспозиции уголовно-правовой нормы.

– *повторяющейся*. Б.М. Кедров писал, что «признак повторяемости явлений всегда принимается наукой за объективный критерий наличия у них внутренней закономерности, носящей объективный характер»; «повторяемость явлений есть необходимый признак всякой закономерности»[170].

Чем обусловлена повторяемость явлений и их связи в общественной и правовой жизни? Гельвеций писал: «Если физический мир подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса»[171].

Следовательно, повторяемость правовых явлений происходит в результате осуществления типичной и привычной юридической деятельности (правотворческой и правореализующей), вызванной необходимостью регулярного удовлетворения однотипных правовых потребностей и интересов людей. На этой почве и складываются правовые закономерности. В области уголовного права эти

---

[170] Ученый полагал, что: «Особое значение имеет доказательство повторяемости явлений в истории, в развитии общества. Доказав их повторяемость, наука тем самым доказывает существование определенных закономерностей общественного развития, которым подчинены общественные явления» (см.: Кедров Б.М. О повторяемости в процессе развития. М., 2006. С.21, 26, 36).

[171] См.: Гельвеций К.А. Сочинения. В 2-х томах. Т.1. М., 1973. С. 186.

потребности и интересы связаны с необходимостью охраны личности, общества и государства от актуальных криминальных угроз, справедливого урегулирования вызванного преступлением конфликта и социальной реинтеграции лиц в него вовлеченных. В связи с постоянством этих потребностей и интересов общество выработало ставшие привычными уголовно-правовые методы и средства их удовлетворения в процессе криминализации, пенализации и индивидуализации уголовной ответственности.

Из принадлежности закономерностей уголовного права к числу социальных, вытекает еще ряд их характерных признаков:

- *социокультурность*. Как известно, любая объективная закономерность действует лишь при определенных условиях. Закономерности права, как надстроечного явления и элемента определенной общественной системы, выражают связи права с социальными, экономическими, политическими и культурными условиями жизни конкретного общества, которые выступают его социокультурной средой[172]. Следовательно, в зависимости от социальной среды закономерности права различаются по составу, действию, степени влияния на его содержание и развитие.

Поэтому социальные в том числе правовые закономерности значительно более относительны, чем закономерности природы. В отличие от естественнонаучных закономерностей они не обладают такой пространственно-временной универсальностью. Некоторые из них характерны лишь для определенных исторических типов права, отдельных правовых семей и национальных правовых систем, и даже конкретных периодов истории их развития.

По мнению С.Г. Дробязко, «закономерности права как одного из явлений общества имеют общесоциальную специфику в сравнении с естественными законами. Она состоит в том, что правовые закономерности не могут

[172] Как верно пишет О.Н. Бибик, уголовное право является неотъемлемой составной частью общего культурного пространства, в связи с этим все без исключения институты уголовного права в той или иной степени оказываются под воздействием культуры (см.: Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. Дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 5). Это в полной мере относится к закономерностям в праве, которые являются «сгустками» социальной и правовой культуры.

реализовываться без активного участия людей, деятельность которых может быть осознанной и стихийной, соответствующей механизму функционирования объективных закономерностей и противоречащая им. Это ведет к изменению условий, в которых действуют объективные закономерности права. Изменения же условий могут быть эволюционными и скачкообразными, незначительными и существенными, относительно устойчивыми и часто меняющимися. Все это приводит к тому, что закономерность права проявляется не абсолютно (как в природе), а лишь как необходимая для общества тенденция, реально являющаяся импульсивной - то усиливающейся по мере создания благоприятных условий, то ослабевающей при нарастании неблагоприятных обстоятельств»[173].

Следовательно, изменение социальных, экономических, социокультурных и политических условий жизни общества вызывает усиление или ослабление, а также изменение содержания и смену закономерностей права. Например, в области уголовной политики в отдельные периоды российской истории мы наблюдаем смену репрессивной и либеральной тенденций в развитии уголовного законодательства и практике его применения, что является вполне закономерным, если учитывать социально-политическую конъюнктуру развития этих трендов. Однако если исходить из более широкого исторического и социокультурного контекста, учитывающего общий вектор эволюции общества, то закономерностью развития уголовного права является его гуманизация. В любом случае это показывает важность социально-политической среды для возникновения, развития и осуществления закономерностей права.

Между тем, в отличие от большинства других правовых явлений (норм, институтов права, законодательства), которые часто изменяются в текущих условиях жизни общества, закономерности права обладают относительной устойчивостью и если подвергаются изменению, то только в силу трансформации

[173] См.: Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3 – 16. Эту особенность отмечает и И.Л. Честнов (См.: Честнов И.Л. Постклассическое измерение закономерностей права // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 475.).

социальной, экономической и политической обстановки в стране, в переломные моменты истории развития общества, государства и права. Более того, многие закономерности права малочувствительны или вовсе не чувствительны даже к смене реализуемого в стране социально-экономического и политического курса, их динамика протекает менее наглядно и неощутимо по сравнению с другими правовыми явлениями и может быть заметна только в более широком социально-историческом контексте и масштабе[174].

Поэтому изменения в закономерностях развития и функционирования уголовного права мы можем наблюдать в ситуации кардинальных и существенных общественных изменений, крупных социальных сдвигов, вызывающих трансформацию социально-политического и специально-юридического содержания уголовного права[175].

Соотнося закономерности с различными видами динамики права, следует отметить, что в условиях его прогрессивного развития специальные закономерности права и закономерности общественной жизни правильно (т.е. полно, всесторонне и равно) учитываются, отражаются и используются в правовой политике, напротив, в условиях регрессивной динамики права наблюдается пренебрежение к закономерностям и их «недоучет» законодателем и правоприменителем; в процессе эволюционного правового развития происходит поступательное развертывание и упрочение специальных закономерностей права и его подстраивание под социальные, экономические, политические и иные закономерности развития общества; в ситуации революционного преобразования права закономерности могут изменяться, а также служат его системообразующим и системосохраняющим фактором, обеспечивающим обновление социально-политического и специально-юридического содержания права в ответ на трансформацию общества.

---

[174] Эта особенность закономерностей права и может служить критерием проверки формулируемых учеными связей, зависимостей и тенденций на предмет соответствия признакам закономерности.

[175] Подробнее о трансформации уголовного права см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 37 – 52.

- *надындивидуальность* (*интерсубъективность)*[176]. Это специфическое проявление объективного характера любых закономерностей применительно к социальным и правовым закономерностям, поскольку они хотя и складываются, и осуществляются через правотворческую и правореализующую деятельность людей, но в силу ее социальной обусловленности, многократной повторяемости, типичности и массовости, существуют независимо от воли и сознания конкретных субъектов, т.е. объективно[177].

- *эластичность (гибкость, подвижность).* Эта общая черта общественных закономерностей, которые редко действуют с такой «железной необходимостью», жесткостью и неумолимой регулярностью какая свойственна многим естественным законам точных наук (природы).

В этом смысле, ни одна закономерность в сфере социальной формы материи не может сравняться с природной и потому всегда более вероятностна и относительна, тем более закономерности права как надстроечного явлений.

Эта черта проявляется в правовой действительности в том, что закономерности права обладают определенной подвижностью, мягкостью и эластичностью, особенно действуя в условиях сверхскоростной динамики, многообразия, неопределенности, нестабильности и противоречивости современной общественной жизни, мультипарадигмальности и смены политико-правовых доктрин.

Состояние непредсказуемости и неустойчивости общественного развития, периодической трансформации российского общества, снижает степень устойчивости и повторяемости закономерностей права, при которой расширяется диапазон колебаний их содержания, риск и вероятность перевеса тех или иных

---

[176] Интерсубъективный означает межличностный, общий, в противоположность личному, индивидуальному, уникальному (см.: Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1997. С. 132).

[177] Эта особенность, выражающая наличие в социальных и правовых закономерностях субъективного фактора, дала Ю.А. Тихомирову основание для выделения двух групп законов: объективных законов природы и существования человека, действующих независимо от сознательно-волевой деятельности людей, и субъективных закономерностей (морально-нравственных, юридических и др.), приводимых в действие интересами людей, их сообществ и организаций, общественных и государственных институтов (см.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М., 2023. С. 15 – 17).

закономерностей, их модификации конкретно-историческими обстоятельствами и преобладающей доктриной.

Рассматривая вопрос о характере проявления объективных закономерностей уголовного права в реальной действительности – насколько неизбежным следует признать их действие, важно сказать и о роли субъективных факторов в механизме их реализации, производных от правосознания законодателя и правоприменителей.

Поскольку правотворческая, правореализующая и научная юридическая деятельность людей включается в процесс формирования и развития, в механизм действия, использования и обеспечения закономерностей права, то важным элементом этого механизма является правовая культура, в том числе профессиональное и научное правосознание, правовые доктрины и парадигмы[178].

Учитывая, что основным каналом действия и использования закономерностей уголовного права выступает уголовно-правовая политика, то сложившаяся в стране ее модель, концепция[179], зависимость от большой политики, накладывают существенную печать и оказывают влияние на познание и учет закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права в процессе реализации форм и методов уголовной политики.

Это позволяет в определенной мере управлять закономерностями, задавать им траекторию, создавать необходимые условия их реализации и развития, способствовать развертыванию их качественной полноты и действию в наиболее чистом виде, или наоборот, игнорировать, локализовать и избирать закономерности, и таким образом определять «точку роста» и вектор развития самого уголовного права (усиление репрессивных или гуманистических начал, карательных или восстановительных средств, роли «воздающего» или «управляющего» уголовного права, соотношение в нем частных и публичных интересов и т.д.). Кроме того, под влиянием социально-экономических и политических изменений в разное время по-разному могут разрешаться

---

[178] В предшествующей главе было показано, что существенное воздействие на формирование закономерностей уголовного права оказывают различные школы уголовно-правовой науки.

[179] О концептуальной обусловленности уголовно-правовой политики см.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. М., 2019. С. 5 – 15.

диалектические противоречия уголовного права, что приводит к изменению, наложению и реверсивности тенденций его развития (например, отмечают «инверсионные тенденции развития уголовно-правового явления общественной опасности»[180]).

Некоторая степень гибкости закономерностей права, в том числе влияющих на его содержание и действие социальных закономерностей, с одной стороны, обосновывает потребность в институте усмотрения в правоприменительной деятельности, а с другой стороны, задает объективно обусловленные и социально необходимые границы свободы правоприменителя, в том числе, позволяет обеспечить индивидуализацию уголовной ответственности. Это дает основание говорить о законосообразных пределах правоприменительного усмотрения как объективно обусловленных и социально оправданных с точки зрения закономерностей права границах свободы правоприменителя, в рамках которых компетентные органы осуществляют поднормативное индивидуальное регулирование общественных отношений[181].

---

[180] См.: Корнеев С.А., Головастова Ю.А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т.15. Вып.4. С. 993 – 1011.

[181] Как пишет Ю.В. Оносов, «исходя из анализа подходов ученых-правоведов к содержанию понятия пределов правоприменительного усмотрения, можно выделить три источника пределов правоприменительного усмотрения – правосознание правоприменителя, норма права и смешанный подход (источник – норма права и правосознание правоприменителя)» (см.: Оносов Ю.В. О теоретической модели пределов правоприменительного усмотрения // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т.8. №1. С. 8 - 10). На наш взгляд, каждый из названных источников пределов правоприменительного усмотрения является весьма субъективным, а поэтому не исключающим произвол в правоприменительной деятельности. Не создают отчетливых границ усмотрения при вынесении решений такие принципы и нравственные категории, как разумность, добросовестность, целесообразность и справедливость (см.: Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретические и нравственно-правовые аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С.8), поскольку представление о них правоприменителей также весьма субъективно.

По нашему мнению, объективным источником правоприменительного усмотрения выступают закономерности права, обусловливающие необходимость индивидуального регулирования, в частности, обосновывающие потребность в строго индивидуальном подходе к назначению наказания (чем более справедливо наказание, тем результативнее достижение его целей), а также определяющие допустимые границы такого усмотрения и ограничивающие свободу выбора правоприменителя. Однако, с точки зрения специально-юридического содержания уголовного права, права Ю.В. Грачева, отмечая, что источником судебного усмотрения может быть только уголовный закон, только он наделяет суд правомочиями по выбору решения в конкретном случае, устанавливая через законодательную технику пределы такого выбора (см.: Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения / Отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2011. С. 123; Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011).

Но у этой зависимости реализации закономерностей от правосознания[182] есть теневая сторона, при которой невысокий уровень правовой культуры общества, власти и проблемы с утверждением начал правового государства в России, явное преобладание «узко политического» подхода в уголовной политике негативно влияют на механизм действия и использования системы закономерностей уголовного права, приводят к пренебрежению объективными закономерностями в угоду государственно-управленческих соображений и реализации уголовно-политических методов вопреки социально-криминологическим и специально-юридическим закономерностям.

Следовательно, такая относительно объективная природа закономерностей права не только способствует их воплощению в жизнь, но и создает риски их игнорирования и искажения.

Как верно замечает В.В. Мамчун, формулирование закономерностей в идеологическом ключе несет на себе «печать эпохи» и в большей степени обусловлено экспансией идеологии на сферу науки, нежели открытием и формулированием закономерностей самой юридической наукой. Как показала практика общественного развития, многое из позиционированного в качестве закономерностей в государственно-правовой сфере оказалось попыткой выдать желаемое за действительное[183].

Эта специфика объективных закономерностей права предопределяет и особенность отражающих их законов юридической науки, которые в отличие от естественнонаучных законов несут больший «налёт» субъективизма, связанный с уровнем правосознания и типом правопонимания у автора их формулировки. Отсюда недостаточная определенность и разноречивость правоведов в понимании и количестве свойственных праву закономерностей.

Исходя из родовидовых отношений между понятиями «закономерности»,

---

[182] См., в частности: Пивоварова А.А. Значение правосознания судьи для эффективности уголовного наказания // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции. М., 2006. С.121.

[183] См.: Мамчун В.В. Закономерность, случайность и риск в правовом регулировании // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 67.

«социальные закономерности», «правовые закономерности», «закономерности уголовного права» и учитывая предметную область последних, можно дать следующее определение.

Закономерности уголовного права – это обладающие общими признаками[184] социальных и правовых закономерностей межсистемные и внутрисистемные связи, выраженные в социально-криминологическом и специально-юридическом содержании уголовного права, характеризующие его возникновение и развитие, структуру и функционирование, место в системе социального и правового нормативного регулирования, роль в общественно-политической жизни общества, механизм действия, использования и обеспечения которых предполагает триединый законосообразный подход (законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс)[185].

В литературе встречается еще одно понимание закономерностей уголовного права. А.В. Денисова определяет их «как проявления объективных правил отраслевых взаимосвязей, существенные, постоянно повторяющиеся характеристики процессов развития и действия отраслевой системы»[186].

Это определение представляется нам не совсем точным, поскольку, во-первых, не закономерности являются проявлением правил, а сами правила отражают, позволяют учитывать и реализовывать объективные закономерности, во-вторых, закономерности – это не любые характеристики процессов развития и действия отраслевой системы, а только ее существенные связи и зависимости, в-третьих, закономерности характеризуют не только указанные процессы уголовного

---

[184] В этом смысле являющиеся объективными, общими, существенными, необходимыми, повторяющимися и устойчивыми связями социально и правовых явлений.

[185] Вместе с тем, в дальнейшем следуя логике соотношения родовых и видовых понятий, общее понятие закономерностей уголовного права должно быть конкретизировано, развито и дополнено определениями отдельных видов специфических закономерностей уголовного права, отражающими особенное – видовые признаки в их характеристике, которые отличают между собой специфические закономерности уголовного права различных видов. При этом, прямое не упоминание в видовых определениях закономерностей уголовного права всех общих признаков закономерностей не говорит об их отсутствии, а продиктовано необходимостью в большей степени специфицировать в них характеристику отдельных видов закономерностей, не перегружая соответствующие определения, акцентировать внимание на специфических особенностях.

[186] См.: Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2018. С. 16 – 17.

права, но и его структурное построение.

Это подводит нас к следующему важному вопросу о категориальном соотношении, с одной стороны, закономерностей «уголовного права» в разных значениях этого понятия, а с другой стороны, «закономерностей», «принципов», «концептуальных начал» и иных понятий, выражающих основы уголовного права.

В современной литературе понятие «уголовное право» используется в нескольких ипостасях - как отрасль права, отрасль законодательства, научная отрасль и учебная дисциплина.

В этой связи важно определить соотношение закономерностей этого многообразия проявлений уголовного права. Его можно представить следующими рассуждениями:

- для начала следует выделить: онтологические закономерности, присущие уголовному праву как отрасли права и законодательства, которые характеризуют содержание и внешнюю форму уголовно-правовой материи, и гносеологические закономерности, свойственные уголовному праву как научной отрасли и учебной дисциплине, характеризующие познание предмета данной науки;

- далее следует отметить, что поскольку закономерности уголовного права как отрасли права определяют материально-правовую сущность трех остальных его проявлений, то среди них они имеют первичный характер;

- уголовное законодательство есть форма уголовного права, а последнее как отрасль права представляет собой его содержание, поэтому их закономерности органически связаны между собой;

- и, наконец, предмет уголовно-правовой науки органично связан с уголовным правом и законодательством, а потому взаимообусловлены закономерности уголовно-правовой действительности и ее познания как в целом взаимосвязаны закономерности развития общества и науки.

Однако в этом переплетении закономерностей разнообразных ипостасей уголовного права нас интересует именно система закономерностей уголовного права как отрасли права и законодательства.

Отсутствие четких знаний о закономерностях, свойственных праву и его отраслям, но при этом представление о них как о глубинных, общих и сущностных явлений содержания права, приводит к тому, что закономерности достаточно часто ассоциируется с принципами, концептуальными началами и общими правилами.

Поскольку наиболее часто в юридической литературе мы сталкиваемся с пересечением категорий «закономерности» и «принципы» права, прежде всего, остановимся на их соотношении.

С одной стороны, среди видов правовых закономерностей некоторые ученые указывают принципы права и его отдельных отраслей. С другой стороны, сами принципы права и его отдельных отраслей определяются и рассматриваются через категорию закономерностей.

В.М. Сырых пишет, что «обоснованность претензий правовых принципов на роль юридических закономерностей видится в том, что они выступают идеологической, научно обоснованной формой отражения объективных законов. Иначе говоря, правовой принцип есть не что иное, как познанный юристами объективный юридический закон»[187]. В.Д. Перевалов определяет принципы права как «руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе, они выражают закономерности права и представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют во всей сфере правового регулирования и распространяются на всех субъектов»[188].

В уголовно-правовой науке также встречаются определения принципов с использованием понятия закономерностей. Так, по мнению Е.Е. Чередниченко принципы уголовного законодательства «представляют собой требования нравственного, идеологического и политического характера, обусловленные потребностями и закономерностями общественного развития, направленные на выполнение задач уголовного законодательства, обязательные как для

---

[187] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1. Элементарный состав. М., 2004. С.63 – 71. О правовых принципах как отражении основных объективных закономерностей развития общества писали и другие ученые (см., например: Остроумов Г.С. Соотношение права и политического сознания // Вопросы философии. 1964. №5. С. 23).

[188] См.: Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2023. С. 141.

законодательных, так и для правоприменительных органов и выполняющие функцию непосредственного и опосредованного регулирования общественных отношений»[189].

П.Н. Панченко полагает, что «государственно-правовые закономерности общего характера, на которых основывается уголовное право, возведены им в принципы» и рассматривает содержание каждого принципа уголовного права как закономерность. Кроме того, по мнению ученого, «есть в уголовном праве и закономерности, вытекающие из его принципов, но имеющие относительно самостоятельное значение», к числу таких закономерностей он относит ряд общих уголовно-правовых правил, в частности: о запрете аналогии, объективного вменения, повторной ответственности, об основании ответственности, о действии уголовного закона, о лицах, подлежащих уголовной ответственности. Отсюда следует вывод ученого о том, что «каждая уголовно-правовая норма (как и любая правовая норма вообще) фиксирует ту или иную закономерность», поскольку «отнюдь не случайно, что в основе термина «закономерность» - термин «закон»[190]. Такое отождествление принципов, общих положений отрасли, а тем более любых уголовно-правовых предписаний и закономерностей, на наш взгляд, размывает их значение как существенных связей и зависимостей.

С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев рассматривали соотношение закономерностей и принципов права с точки зрения влияния на эффективность функционирования правовой системы того, в большей или меньшей степени правовые принципы отражают существующие закономерности общественного развития[191].

На наш взгляд, закономерности и принципы имеют общие черты, различия и взаимодействуют друг с другом.

---

[189] См.: Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации (комплексное теоретическое исследование). Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 7. На обусловленность уголовно-правовых принципов историческими, экономическими, социальными и нравственными закономерностями указывается и И.А. Гревнова (см: Гревнова И.А. Некоторые содержательные аспекты уголовно-правовых принципов // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации. Саратов, 2002. С. 48).

[190] См.: Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С. 167 – 169.

[191] См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С. 7 – 16.

Сходство рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности и принципы выражают сущность права и основы его социально-политического и специально-юридического содержания; носят общий и устойчивый характер; играют направляющую роль в правотворческой и правоприменительной деятельности; учет и использование закономерностей и принципов обеспечивает эффективность права и правовой политики, а нарушение или игнорирование влечет наибольшие негативные последствия; содержание некоторых закономерностей и принципов права составляют одни и те же существенные и необходимые связи явлений (например, закономерность соразмерности преступления и наказания – принцип справедливости).

Между тем, это все же разные категории. Закономерности права имеют объективный, а принципы субъективный, производный от правосознания характер, выступают как руководящие идеи[192]; свойственные праву и влияющие на его содержание, действие и развитие закономерности значительно шире и глубже и лишь частично отражаются в принципах права; в тех случаях, когда закономерность и принцип выражают одну и ту же связь явлений – закономерность первична, а принцип есть вскрытая правоведами объективная закономерность права.

Взаимодействие закономерностей и принципов заключается в следующем. С одной стороны, основные закономерности общественной жизни и самого права обусловливают его принципы и в них непосредственно выявляются. Например, принцип законности продиктован закономерностью о том, что если преступность и наказуемость деяния будут определяться не только уголовным законом, но и свободным усмотрением правоприменителя, то это неизбежно приводит к произволу запретительно-карательной деятельности государства. Принцип неотвратимости ответственности основывается на давно известной закономерности о том, что безнаказанность неминуемо влечет к совершению

[192] П.М. Рабинович отмечал, что принципы права сами по себе не могут быть «растворены» в праве до того, как сформулируются в качестве суждений, идей правосознания законодателя (см.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 62).

новых преступлений. Принцип вины зиждется на том, что ответственность за невиновное причинение вреда, т.е. объективное вменение глубоко чуждо морально-этическим представлениям общества. Принципы равенства, справедливости и гуманизма (ст. 4, 6, 7 УК РФ) обусловлены важнейшими закономерностями общественной жизни, выражающими стремление к социальному равенству, соразмерному воздаянию за зло и поощрению добра добром, человеколюбию, уважению человека и признанию его высшей ценностью, созданию условий для всестороннего развития личности и заботе о благе людей.

С другой стороны, правовые принципы, выражающие объективные закономерности права, выступают наиболее надежным гарантом их реализации. Например, закономерность соответствия тяжести наказания опасности преступления поддерживается принципом справедливости (ст. 6 УК РФ).

При этом мнение о том, что принципы выявляют внутренние объективные закономерности уголовного права[193], на наш взгляд, требует уточнения. Во-первых, многие закономерности не отражаются в содержании принципов уголовного права; во-вторых, в принципах выявляются не только внутренние, но и внешние закономерности уголовного права. Например, закономерность соответствия уголовного законодательства конституционным и общепризнанным принципам и нормам международного права составляет содержание принципа законности; а закономерность социальной обусловленности и криминологической обоснованности уголовного закона находит отражение в принципе справедливости.

На наш взгляд, еще один возможный аспект соотношения закономерностей и принципов уголовного права может проявиться в случае коллизии последних. Поскольку принципы уголовного законодательства не имеют иерархии, а выступают явлениями одного порядка, то в случае столкновения заложенных в них идей возникает необходимость руководствоваться некими «надпринципами», имеющими более глубинный характер. Существование таких

[193] См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 157, 159.

«сверхпринципиальных» философских и теоретических идей, исходных положений или постулатов доктрины, лежащих за пределами уголовного закона, признает ряд ученых[194].

Мы полагаем, что роль таких оснований для разрешения коллизий принципов уголовного права способны выполнять именно объективные закономерности общественной жизни. Закономерности, влияющие на развитие и действие права, – это единственное, что можно справедливо возвысить над принципами, разумно разрешив их возможную коллизию. Например, половая принадлежность лица, совершившего преступление, в ряде предусмотренных уголовным законом случаев (ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53[1], ч. 2 ст. 54, ч. 2 ст. 57, ст. 58, ч.2 ст. 59 УК РФ) влияет на его уголовную ответственность, что создает коллизию между принципом равенства граждан и принципом гуманизма. Разрешить их коллизию и признать подобные исключения для женщин обоснованными можно только руководствуясь определенной социальной и психофизиологической закономерностью, выражающей большую уязвимость и слабость женщин во взаимодействии с внешней средой по сравнению с мужчинами. Поскольку указанные ограничения для женщин закономерны, выражают объективно обусловленное стремление государства проявить к ним заботу и гуманность, постольку такие положения нельзя считать нарушением принципа равенства[195]. Отказ от принципа равенства в зависимости от возраста (в частности, гл. 14) в пользу принципа гуманизма обусловлен закономерностью, выражающей психосоциальные особенности несовершеннолетних, которые характеризуются недостаточной зрелостью и социализацией и большей подверженностью внешнему влиянию, а отсюда социальной закономерностью об особой защите детства со стороны общества и государства.

Наряду с принципами для отражения наиболее глубинных и устойчивых

---

[194] См.: Уголовное право России. Общая часть. Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 66 (автор главы – А.И. Бойцов); Жук М.С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар, 2010. С. 100 – 101; Асланян С.Г. Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм: Дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 55 – 61.

[195] Близкую позицию занимает В.Д. Филимонов (см.: Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 88 – 89).

пластов уголовно-правовой материи в литературе выделяется понятие «концептуальные начала уголовного права».

По мнению А.Б. Баумштейна: «концептуальные начала уголовного права представляют собой основные идеи, определяющие содержание и наполнение уголовного права и обусловленные сложившейся в рамках школ уголовного права определённой системой социально-философских взглядов на природу уголовного права, его задачи и используемый им инструментарий в их решении»[196].

При этом ученые предпринимают попытки сформулировать перечень таких концептуальных начал, относя к ним как определенные тенденции развития уголовного права (например, отказ от классового подхода и идеологизации, признание приоритета общечеловеческих ценностей и недопустимости ограничения естественных прав и свобод граждан)[197], так и основные идеи «закона», «преступления» и «наказания» (нет преступления без указания на то в законе, понятие состава преступления в качестве единственного, необходимого и достаточного основания уголовной ответственности, система наказаний и иных мер уголовно-правового характера, применяемых с учётом тяжести деяния и личности его совершившего)[198] либо только принципы уголовного права[199].

На наш взгляд, выделяемые учеными концептуальные начала или основы уголовного права и законодательства (уголовно-правовые постулаты, аксиоматические положения)[200] являются формой научного отражения и обоснования отдельных аспектов закономерностей специально-юридического и социально-политического содержания уголовного права, они, как и принципы

---

[196] См.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России. Дисс. … докт. юрид. наук. Курск, 2016. С.10 – 11.

[197] См.: Иванцова Н. О совершенствовании уголовного законодательства // Законность. 2009. №3. С. 31 – 34.

[198] См.: Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России. Дисс. … докт. юрид. наук. Курск, 2016. С. 36 – 37.

[199] См.: Сверчков В. В. Концептуальные основы российского уголовного законодательства: работа над ошибками // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 250 – 251.

[200] См.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России (история и современность): Дисс. … докт. юрид. наук. Казань, 1996; Наумов А. В. Идеологические основы уголовного закона // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов. Саратов, 2008. С. 56 – 60; Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. №5 (92). С. 131 – 138; Верина Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России. М., 2018.

уголовного права, способствуют действию тех или иных закономерностей, включаются в механизм их использования.

Таким образом, категории «закономерности», «принципы» и «концептуальные начала» уголовного права, характеризуют базис современного уголовного права, но под разным углом: первая - носит объективный характер и выражает его существенные и устойчивые связи и зависимости, две другие – имеют субъективный характер и выражают основополагающие политико-правовые идеи о преступлении и наказании, которые включаются в механизм использования и развития уголовно-правовых закономерностей в качестве необходимого идеологически направляющего элемента. Следовательно, между ними складывается тесное взаимодействие, с одной стороны, «принципы» и «концептуальные начала» уголовного права могут вызревать только в условиях стабильной объективно обусловленной основы права, которую создают закономерности, а, с другой стороны, сами закономерности права как устойчивые и повторяющиеся связи могут реализовываться и развиваться только в условиях достаточно укоренившихся общих идей и установок.

Это показывает взаимообусловленность между объективной основой уголовного права, выраженной в закономерностях, и идеологической (мировоззренческой) основой, выраженной в принципах и концептуальных началах уголовного права.

Исследуя закономерности в уголовном праве, нельзя не остановиться на проблеме их соотношения с такими выражающими основы уголовно-правового воздействия категориями, как предмет и метод, задачи и функции уголовного права.

Несмотря на дискуссионность содержания понятий предмет и метод уголовного права, ученые единодушны в том, что предметом регулирования уголовного права выступают общественные отношения возникающие в связи с совершением преступления, а метод уголовно-правового регулирования носит преимущественно императивный запретительно-карательный характер.

Соотношение закономерностей с этими понятиями видится в том, что

закономерности уголовного права, главным образом, выражающие зависимость его возникновения и развития от объективно обусловленных потребностей в защите личности, общества и государства от преступных посягательств, во-первых, обусловили сущность предмета уголовно-правового регулирования, а во-вторых, предопределили специфику соответствующего ему метода уголовного права.

Задачи, стоящие перед уголовным правом, изложены в уголовном кодексе (ст. 2 УК), при этом учитывая, что охрана определенных благ от преступных посягательств является основной исторической задачей отрасли, независимой от общественно-политического строя, большинство ученых признают главной функцией уголовного права охранительную.

Исходя из этого понимания задач и функций уголовного права следует, что закономерности имеют для них смыслообразующее значение. Отражая зависимость возникновения, развития и функционирования уголовного права от объективных потребностей общества в его охране от преступных посягательств и справедливом разрешении конфликта, вызванного преступлением, закономерности обусловливают целеполагание отрасли, своеобразие ее задач и функций.

В заключении скажем о соотношении закономерностей уголовного права с принципами и правилами уголовно-правовой политики, а также с ее концепцией.

Принципы и правила криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности – это выработанные в науке прикладные идеи осуществления того или иного метода уголовной политики, с помощью которых устанавливается необходимый, справедливый и эффективный уголовно-правовой запрет, позволяющие избежать ошибок в криминализации и пенализации, связанных с необоснованным или избыточным установлением уголовной ответственности, несогласованностью или разбалансированностью санкций.

Роль таких принципов и правил уголовной политики заключается в том, чтобы рационализировать осуществление ее отдельных форм и методов, а, следовательно, способствовать познанию, учету, действию и использованию закономерностей уголовного права. Поэтому принципы и правила реализации форм и методов уголовной политики, с одной стороны, включаются в механизм

действия и использования закономерностей уголовного права, а с другой стороны, служат критериями проверки и выявления фактов соблюдения или нарушения самих закономерностей. Но для этого сами принципы и правила отдельных методов уголовной политики должны отвечать критерию законосообразности, т.е. соответствовать требованиям объективных закономерностей уголовного права.

Концепция уголовно-правовой политики представляет собой систему положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства[201].

Образно говоря, если закономерности общественной жизни и специальные закономерности уголовного права – это фундамент и несущие стены здания уголовного законодательства, то концепция уголовной политики, а также научно обоснованные принципы и правила реализации ее конкретных методов – это генеральный и архитектурный план их возведения.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности уголовного права* – это обладающие общими признаками социальных и правовых закономерностей межсистемные и внутрисистемные связи, выраженные в социально-криминологическом и специально-юридическом содержании уголовного права, характеризующие его возникновение и развитие, структуру и функционирование, место в системе социального и правового нормативного регулирования, роль в общественно-политической жизни общества, механизм действия, использования и обеспечения которых предполагает триединый законосообразный подход (законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс).

2. Доказаны и раскрыты взаимообусловленность и взаимодействие между

[201] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. №4. С. 5.

объективной основой уголовного права, выраженной в закономерностях, и идеологической основой, выраженной в принципах и концептуальных началах уголовного права.

Так, закономерности и принципы уголовного права имеют общие черты, различия и взаимодействуют друг с другом:

– сходство рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности и принципы выражают сущность права и основы его социально-политического и специально-юридического содержания; носят общий и устойчивый характер; играют направляющую роль в правотворческой и правоприменительной деятельности; учет и использование закономерностей и принципов обеспечивает эффективность права и правовой политики, а нарушение или игнорирование влечет наибольшие негативные последствия; содержание некоторых закономерностей и принципов права составляют одни и те же существенные и необходимые связи явлений;

– различие рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности права имеют объективный, а принципы субъективный, производный от правосознания характер, выступают как руководящие идеи; свойственные праву и влияющие на его содержание, действие и развитие закономерности значительно шире и глубже и лишь частично отражаются в принципах права; в тех случаях, когда закономерность и принцип выражают одну и ту же связь явлений – закономерность первична, а принцип есть вскрытая правоведами объективная закономерность права;

– взаимодействие закономерностей и принципов уголовного права заключается в том, что, с одной стороны, принципы обусловлены основными закономерностями общественной жизни и права, а, следовательно, закономерности способны выполнять роль оснований для разрешения коллизий принципов, с другой стороны, правовые принципы, выражающие объективные закономерности права, выступают наиболее надежным гарантом их реализации.

§ 2. Систематизация закономерностей в уголовном праве

Поскольку уголовное право выступает частью социально-политической и правовой системы общества, оно подчиняется не только своим специфическим закономерностям, но и более общим закономерностям.

С одной стороны, уголовное право не возникло и не функционировало бы в качестве самостоятельного элемента общественно-политической системы и отдельной отрасли правой системы, если бы не имело своих специфических закономерностей. С другой стороны, уголовное право не смогло бы развиваться и функционировать как органичный элемент этих более общих социальных систем, если бы не подчинялось свойственным им закономерностям.

Как верно отмечал Д.А. Керимов: «право подчиняется в своем развитии общим объективным закономерностям развития общества, изучаемым общей социологией, социальной философией. Вместе с тем, будучи относительно самостоятельным звеном общественной жизни, право имеет свои закономерности, которые оказываются специфическими по отношению к общесоциальным закономерностям и одновременно общими по отношению к тем конкретным закономерностям, которые действуют в пределах отдельных сфер правовой практики и которые изучаются отраслевыми юридическими науками. В соответствии с этим общая теория права изучает как общие закономерности социальной жизни, определяющие развитие правовых явлений, так и те относительно самостоятельные специфические закономерности, которые вместе с тем являются общими для всех частей правового механизма»[202].

---

[202] См.: Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008. С. 20 – 21. С этим соглашается и В.В. Мамчун, который пишет: действительно существуют общие закономерности бытия человеческого общества, и с учетом того, что правовое бытие есть часть социального бытия вполне обосновано говорить о том, что они действуют и в правовой сфере как части человеческого бытия. Так, трудно отрицать, что в государственно-правовой сфере действуют законы развития, которым подчиняется не только общество, но и природа. Вместе с тем, право – особый срез всех иных сфер бытия. Право опосредует экономические, политические, социальные и иные отношения. При этом, будучи тесно связанным, оно не сливается ними, а сохраняет свою качественную определенность. Отсюда наличие собственных закономерностей, по которым право возникает, развивается и функционирует, а также собственных специфических форм их проявления – государственно-правовых закономерностей (См.: Мамчун В.В. Закономерность, случайность и риск в правовом регулировании // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 66 – 67).

Так как, уголовное право представляет собой специфическую сложную систему и является элементом более обширных системных образований – общественной, политической и правовой системы, то для него характерна разветвленная сеть закономерностей, выражающих многообразие его внутренних и межотраслевых связей, а также взаимоотношений с внешней социальной средой.

Поэтому необходимым инструментом изучения свойственных уголовному праву и влияющих на него закономерностей является проведение их систематизации как деятельности по составлению номенклатуры закономерностей уголовного права, проведению их классификации и определению их системы, которая имеет научное и практическое значение для реализации уголовной политики.

На наш взгляд, наиболее целостная, полная и всесторонняя систематизация закономерностей уголовного права предполагает составление их номенклатуры (доказывание и формулирование перечня конкретных закономерностей)[203], проведение классификации (подразделение закономерностей на виды) и определение их системы (выделение иерархиезированных групп закономерностей).

Понятие «номенклатура закономерностей уголовного права» позволяет составить систематизированный список конкретных закономерностей, «классификация закономерностей уголовного права» подразделить их на виды, «система закономерностей уголовного права» выявить и обобщенно представить их группы.

Проведение такой систематизации закономерностей уголовного права необходимо по ряду причин:

– это первая в уголовно-правовой науке попытка раскрыть систему его закономерностей, выделив конкретные закономерности, их виды и группы;

– позволит, с одной стороны, сформулировать, назвать и системно изложить конкретные закономерности уголовного права, а с другой стороны, даст возможность получить целостное, полное и всестороннее представление о

[203] Как отмечают специалисты, «в основе любой правильно построенной номенклатуры всегда лежит определенная система классификации» (см.: Философская энциклопедия. В 5 т. Ч.4. М., 1960 – 1970).

присущих уголовному праву закономерных связях и тенденциях;

– краткий и емкий стиль изложения номенклатуры специальных закономерностей уголовного права соответствует общенаучной традиции их формулирования[204] и более удобен для использования в научных и практических целях по сравнению с рассеянным, рассредоточенным и фрагментарным их рассмотрением и обоснованием в контексте отдельных проблем уголовно-правовой науки;

– позволит предметно и подробно изучать механизм действия, использования и обеспечения отдельных закономерностей, в том числе обосновывать принципы и правила их учета и соблюдения, выявлять критерии, случаи и последствия игнорирования и нарушения;

– доказанная и выверенная система закономерностей уголовного права составит научно-практическую основу триединого законосообразного подхода (законосообразного понимания уголовного права, законосообразной концепции и реализации уголовно-правовой политики, законосообразного уголовного кодекса), т.е. должна стать своего рода «таблицей Менделеева» в уголовно-правовой сфере.

В этой связи может возникнуть вопрос о том, требует ли систематизация полного перечисления всех закономерностей каждых групп и видов и можно ли дать исчерпывающих перечень закономерностей? На наш взгляд, уголовно-правовая, как и любая другая наука, должна стремиться как можно более точно, полно и всесторонне открыть и сформулировать закономерности, которые управляют явлениями и процессами, образующими предмет ее изучения, и тем самым раскрыть систему таких закономерностей.

При этом, разумеется, мы не претендуем на формулирование исчерпывающего и неоспоримого перечня закономерностей уголовного права. Наша цель – попытаться их систематизировать, т.е. раскрыть систему

---

[204] Эта традиция апробирована и в общетеоретических исследованиях правовых закономерностей (см.: Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: дисс. … канд. юрид. наук. Л.,1979. С. 12 – 14; Дробязко С.Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия: сб. науч. тр. Минск, 1999. Вып. 10. С. 8 – 9; Петров А.В. Система закономерностей права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №5. С. 108 – 115).

закономерностей, выделив группы, виды и конкретные закономерности, влияющие на содержание, действие и развитие уголовного права, которую в дальнейшем совместными усилиями ученых предстоит актуализировать и специфицировать, подтверждая или опровергая, а также уточняя, развивая и дополняя представленную номенклатуру и классификацию закономерностей[205].

Что касается количества выявляемых закономерностей и степени абстрактности их формулировок, то здесь есть несколько правил: чем ниже статус закономерности, тем больше их количество, чем выше статус – тем их меньше; и в то же время есть зависимость по охвату проблем: малое количество общих закономерностей охватывает своим содержанием больший объем явлений и процессов, тогда как большое количество специальных закономерностей охватывает малый круг явлений и процессов. Поэтому, учитывая эти правила, в дальнейшем изложении мы стремились, четко следуя понятию «закономерности», выявить как более общие, так и более специальные закономерности, действующие в сфере уголовного права.

Учитывая природу закономерностей как общих, существенных и повторяющихся связей и зависимостей вполне естественной является ситуация при которой одна и та же закономерность характеризует различные аспекты бытия и институты уголовного права, принадлежит к разным группам и видам закономерностей, а следовательно, пересечение закономерностей в разных классификационных рубриках должно восприниматься не как тавтология и недостаток классификации, а как свидетельство закономерного характера выделяемых связей и тенденций.

Исходя из места и роли уголовного права в общественной, политической и правовой системе необходимо выделить следующие *группы закономерностей*,

---

[205] В философской литературе отмечается сложность и противоречивость процесса познания закономерностей объективной действительности как вечного приближения к ним путем создания и использования целого ряда понятий и абстрактных формулировок, приемов и методов (наблюдения, эксперимента, моделирования, идеализации и т.д.) (см.: Философия. Ростов н/Д., 2003. С. 163 – Автор гл. В.П. Кохановский). Лауреат Нобелевской премии по физике Р. Фейнман отмечал, что законы науки «нередко не имеют очевидного прямого отношения к нашему опыту, а представляют собой его более или менее абстрактное выражение… Очень часто между элементарными законами и основными аспектами реальных явлений дистанция огромного размера» (см.: Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1987. С. 110).

влияющих на его содержание, действие и развитие:

1) *специальные (криминологические, уголовно-правовые, уголовно-политические и иные закономерности в сфере противодействия преступности*[206]*) закономерности* выражаются, в частности[207]:

– в комплексности государственной политики противодействия преступности, единстве и внутренней координации всех ее частей и направлений;

– в ограниченной возможности уголовного закона и иных правовых мер противодействия преступности и необходимости их взаимодействия с социальными, экономическими, идеологическими и другими средствами;

– в субсидиарности уголовно-правового воздействия и его обоснованности лишь постольку, поскольку эффективная охрана социальных ценностей от посягательств не может быть обеспечена с помощью более мягких мер;

– в оптимальном сочетании форм и методов реализации уголовно-правовой политики;

– в соответствии уголовного права актуальным криминальным угрозам и устойчивым тенденциям развития преступности;

– в обусловленности криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности, а декриминализации деяния – утратой или снижением им общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов;

– в сочетании превентивных, карательных и восстановительных средств в структуре метода уголовного-правового воздействия;

---

[206] Данные виды специальных закономерностей выделены нами исходя из устоявшегося в науке понятия и содержания государственной политики противодействия преступности в том числе уголовной (уголовно-правовой) политики как ее составляющей части см., в частности: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. М., 1970. С. 179; Панченко П.Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Сборник научных статей. Ярославль, 1996. С. 104 – 112; Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. М., 1997; Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции и взаимовлияние: Сб. науч. трудов. Саратов, 2004. С. 87 – 88; Алексеева А.П. «Противодействие» преступности и его отличие от других смежных понятий // Российский криминологический взгляд. 2006. №4. С. 159 – 163; Дуюнов В.К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 17 – 21; Лопашенко Н.А. Уголовная политика России. М., 2009. С. 18 – 46; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014).

[207] Более подробный перечень специальных закономерностей дается нами при их классификации применительно к конкретному аспекту бытия уголовного права, который характеризует та или иная закономерность (правообразование, структурное построение и функционирование), а также в рамках глав и параграфов, посвященных отдельным группам и видам закономерностей уголовного права.

– в имманентности уголовному праву преступлений как категории юридических фактов и наказаний как правовых последствий;

– в зависимости различных аспектов реализации уголовной ответственности от категоризации совершенного преступления.

2) *общеправовые закономерности* проявляются, в частности:

– в историческом возникновении правовых норм из санкционирования государством обычаев, сложившихся в первобытных обществах;

– во взаимообусловленности государства и права;

– в генезисе права от казуса к общей норме;

– в социальной обусловленности и адекватности юридических норм объективным правовым потребностям общественной жизни (в соответствии содержания юридических норм объективным закономерностям регулируемой сферы общественных отношений и специальным закономерностям самого права);

– в зависимости уровня восприятия и соблюдения правовых норм от степени их объективной обусловленности (в той мере, в какой правовые нормы отражают объективные закономерностей регулируемых общественных отношений, поведение людей независимо от знания ими закона будет соответствовать его требованиям);

– в органическом единстве объективного и субъективного в праве (в определяющей роли объективных законов и закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей права в правотворческой и правоприменительной деятельности, и дополнительной созидательной и индивидуализирующей роли субъективно-творческих элементов, исходящих от правосознания законодателя и правоприменителей);

– в соблюдении баланса между стабильностью законодательства и динамикой меняющихся условий жизни общества;

– во взаимообусловленности социального и правового прогресса;

– в трансформации социальной свободы и ответственности в субъективные юридические права и обязанности;

– в гуманизации и демократизации правовых систем в том числе повышение

в них удельного веса и значения субъективных прав и усиление гарантированности прав и свобод личности;

– в совершенствовании механизмов юридического обеспечения (системы санкций, юридических процедур и процессуальных форм);

– в зависимости содержания законности от политического режима (в антидемократических режимах она существует только в качестве общеобязательности норм, в условиях демократических режимов законность выступает в качестве всеобщности, верховенства, равенства, гарантированности и стабильности права);

– в преемственности развития национальных правовых систем и общности правовых семей и исторических типов права;

– в гибком соотношении национального и международного права в условиях суверенизации и интеграции стран, процессов глобализации и социально-политической поляризации;

– в сочетании социокультурного своеобразия, правовой самобытности и сближении национальных правовых систем, в том числе на основе международного права;

– в объективно обусловленной «мере» (выражающей объем и интенсивность) правового регулирования в каждом исторически конкретном обществе;

– в зависимости меры и регулятивного потенциала права от состояния общей системы социального регулирования и взаимодействия между входящими в нее регуляторами;

– в полиисточниковом характере и многообразии форм выражения права;

– в возрастании количества правовых принципов и норм по мере усложнения общественных отношений в процессе эволюции социума;

– в единстве и балансе процессов повышения уровня нормативных обобщений (интеграции) и усиления специализации (конкретизации и дифференциации) в праве;

– в интеграции юридических норм в институты и отрасли в рамках правовой системы;

– в зависимости доступности понимания законов от краткости, ясности и точности их изложения;

– в системности права, его внутренней юридической согласованности, органической взаимосвязи и гармоничном взаимодействии его структурных подразделений (элементов);

– во взаимозависимости (в единении) системности права, системы законодательства и систематизации в праве;

– в соответствии системы законодательства исторически развивающейся и объективно обусловленной структуре права (при этом, чем более крупными являются компоненты (отрасли, институты) системы права, тем меньше степень их зависимости от усмотрения законодателя и субъективных факторов законотворчества; и наоборот, чем меньше структурные компоненты (нормы, их элементы), тем больше степень их зависимости от законодательного усмотрения);

– во взаимосвязи юридической техники и структуры права (при которой объективно обусловленная структура права предопределяет содержание и состав юридической техники, а технико-юридические средства и приемы через форму права осуществляют строительство его структуры);

– в соответствии юридической нормы и первичной структурной единицы текста нормативного акта (статьи или ее подразделения);

– в иерархичности системы нормативных правовых актов и субординации норм по юридической силе;

– в определяющем воздействии конституционных положений на содержание других правовых отраслей в том числе их прямое действие;

– во взаимодействии в праве различных подсистем: регулятивной и охранительной, частной и публичной, материальной и процессуальной;

– в обусловленности материальными отраслями своеобразия процессуальных отраслей права;

– в единстве предмета и метода правового регулирования;

– в зависимости преобладания императивных и диспозитивных элементов в отраслевом методе от публично-правового или частноправового характера

регулируемых общественных отношений;

– в зависимости способов правового регулирования от особенностей отраслевых методов (превалирование запрещения и обязывания характерно для императивного регулирования, а дозволения для диспозитивного регулирования);

– в сочетании общего дозволения с конкретными запретами при общедозволительном типе регулирования и общего запрета с конкретным дозволением при разрешительном типе регулирования;

– в зависимости видов норм и правоотношений от соответствующих специально-юридических (регулятивной и охранительной) функций права, обусловленных задачами системы, вытекающими из потребностей и общесоциальных закономерностей жизни общества;

– в трехчленной (гипотеза, диспозиция, санкция) структуре логической нормы права;

– в типичном порядке правового регулирования общественных отношений путем определения жизненных обстоятельств, приводящих в действие нормы права, круга субъектов, их юридических прав и обязанностей, гарантий и ответственности;

– во внутренней связи элементов состава правоотношения (субъективных прав и юридических обязанностей, субъектов права и объектов);

– в соответствии юридических норм и правоотношений, а также юридического и материального содержания в правоотношении;

– в типичном порядке динамики правоотношения, обусловленной юридическими фактами и состоящей из возникновения, изменения и прекращения;

– в возникновении регулятивных правоотношений в результате правомерного и охранительных на основании противоправного поведения субъектов;

– в зависимости форм реализации юридических норм от выраженных в них способов правового регулирования (обязывание – исполнение, дозволение – использование, запрещение – соблюдение);

– во взаимодействии нормативного и индивидуального правового

регулирования общественных отношений;

– в зависимости видов противоправности и наказуемости деяний от объективно присущей им степени общественной опасности;

– в неотвратимости наступления юридической ответственности за правонарушение[208].

3) *закономерности общественной жизни[209] (социальные, экономические, социокультурные, политические, научно-технического развития)* выражаются[210], в частности:

– во взаимовлиянии различных сторон общественной жизни;

– во взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, в том числе функционирования общественной психологии и идеологии;

– во взаимоотношении социальных субъектов (социальных классов и групп, общества и личности, общества и государства);

– во взаимосвязи общественных потребностей и деятельности людей;

– в соотношении социального управления и внутренней самоорганизации социальной системы (чем выше степень внутриколлективного саморегулирования, тем меньше мера внешнего административного, государственно-правового воздействия на общественные процессы);

– во взаимодействии общества и природы (естественнонаучные законы)[211].

Кроме того, поскольку уголовная политика выступает как часть внутренней

---

[208] Еще одна попытка построения целостного перечня общеправовых закономерностей предпринималась в российской науке только С.Н. Овчинниковым в советский период ее развития (см.: Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: дисс. … канд. юрид. наук. Л., 1979. С. 12 – 14).

[209] Экономические, социокультурные, политические и иные социальные закономерности входят в предмет уголовно-правовой науки в той мере, в какой они влияют на содержание, действие и развитие уголовного права, поэтому их изучение и использование требуют тесного взаимодействия с социологией, экономикой, политологией, психологией и другими общественными науками, проведение комплексных междисциплинарных исследований для обеспечения социальной обоснованности и эффективности уголовного законодательства. С этой точки зрения, мы не согласны с мнением о том, что «феномен правового хаоса вызывается «экспансией» политических, экономических и прочих факторов, вытесняющих собой собственно правовые закономерности» (см.: Ветютнев Ю.Ю. О правовой случайности и правовом хаосе // Журнал российского права. 2003. №7. С. 78). Такое восприятие права и закона как «вещи в себе» - прямой путь к произволу и бесправию.

[210] См.: Ковалев А.М. Общество и законы его развития. М.,1975; Уледов А.К. Социологические законы. М.,1975; Проблема закона и закономерностей в обществознании: Сборник статей / Под ред. проф. Г.Г. Караева. Л.,1975; Антошин В.Н. Социальные законы и социальное управление // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. №1-1. С. 594 – 597.

[211] См., в частности: Залесский В.В. Законы природы и законы юридические // Журнал российского права. 2007. №10. С. 35 – 41; Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом. М., 2021.

политики государства, а уголовное законодательство как ее управленческий инструмент, то на нее распространяются и влияют общие *закономерности государственного управления*[212], выражающиеся:

– в урегулированности и упорядоченности общественных отношений;

– в обусловленности функций управления целями и задачами системы, и зависимости от них выбора средств управления;

– в соответствии структуры системы функциям управления;

– в оптимальности соотношения внутренних и внешних функций, целей и возможностей, стимулов и антистимулов;

– в соответствии разнообразия управляющей системы разнообразию управляемого объекта.

4) *всеобщие или универсальные закономерности* (законы развития: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количества в качество, закон отрицания отрицания)[213].

Поскольку уголовное право отвечает признакам любой системы[214], так как представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов (уголовно-правовых норм, институтов, Общей и Особенной частей), образующих его структуру, взаимодействует с социальной и правовой средой, являясь частью систем более высокого порядка (общественной, политической и правовой систем общества), на него распространяются и *общесистемные закономерности*[215].

Исследуя системность российского уголовного права, А.В. Денисова выявила следующие закономерности функционирования его системы: закономерность возникновения у отраслевой системы новых интегративных

---

[212] Подробнее об этих закономерностях см.: Глазырин В.В., Никитинский В.И. Общие законы управления и правовое регулирование // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 40 – 47; Герасимов А.П. Противоречия и закономерности государственного управления // Советское государство и право. 1986. № 4. С. 27 – 35; Толстик В.А. Закономерности эффективного государственного управления //. Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 70 – 88.

[213] См.: Философия: учебник / под ред. А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина. М., 2011. С. 408 – 416; Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учеб. М., 2007. С. 537 – 564.

[214] См.: Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М,1973. С. 177; Исследования по общей теории систем / Общ. ред. и вступ. статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М., 1969. С. 12.

[215] Подробный анализ общесистемных закономерностей см.: Аполов О.Г. Теория систем и системный анализ. Уфа, 2012. С.108 – 138.

качеств, не свойственных ее компонентам (эмерджентности), закономерность количественных изменений свойств отраслевой системы (синергии), закономерность относительной обособленности элементов системы (аддитивности), закономерность поддержания «динамического равновесия» (гомеостаза) системы, закономерности «необходимого разнообразия», оптимальности, самосохранения, самоорганизации, коммуникативности, иерархичности, потенциальной эффективности и историчности[216].

Общесистемные закономерности, несомненно, действуют в уголовном праве как системном явлении, но характеризуют не только функционирование, но и развитие, структурный и коммуникативный аспект системы уголовного права.

Поэтому следует очертить те системные закономерности, которые влияют на действие и развитие уголовного права:

– Целостность. Эта закономерность характеризует систему как комплекс связанных элементов и показывает, что содержание, изменение и функционирование одного элемента отражается на других. Целостность уголовно-правовой системы складывается в силу ее внутриотраслевых связей между Общей и Особенной частями, институтами, отдельными нормами, элементами норм уголовного права, благодаря чему достигается внутренняя согласованность и подчиненность содержания уголовного права единым принципам, задачам и правилам, соразмерность преступлений и наказаний, сбалансированность санкций и всего комплекса мер уголовно-правового характера, гармония и слаженность превентивных, карательных и восстановительных средств уголовно-правового воздействия.

Важной характеристикой целостности в праве является юридическая согласованность, единство и непротиворечивость правовой системы[217], включая внутриотраслевую и межотраслевую согласованность уголовного права.

– Эмерджентность, синергизм. Эта закономерность, выражающая переход

---

[216] См.: Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2018. С. 17, 364 – 420.

[217] См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.,2010. С. 13.

количества в качество, показывает: чем сложнее система за счет большего числа составляющих ее элементов и связей, тем больше ее системный эффект отличается от свойств отдельных элементов. Применительно к уголовному праву это проявляется в том, что только целостная уголовно-правовая система способна обеспечить всестороннюю охрану личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства от преступных посягательств, а также оптимальное и справедливое разрешение конфликта, порожденного преступлением, на основе одновременного решения превентивных, карательных и восстановительных задач.

– Прогрессирующая изоляция и прогрессирующая систематизация. В области правового прогресса эти тенденции выражаются в сочетании процессов, с одной стороны, усиления целостности и системности права за счет развития нормативных обобщений (единых принципов, дефиниций и других общих предписаний), межотраслевых и внутриотраслевых связей, а с другой стороны, усиления специализации и разветвления структуры права за счет формирования и обособления различных правовых институтов и отраслей. Применительно к уголовному праву это выражается в разнонаправленных, но существующих одновременно тенденциях интеграции (формирование Общей части уголовного закона и насыщение его декларативными, дефинитивными и другими обобщающими предписаниями о преступлении и наказании) и дифференциации (квалифицированные составы и другие специальные нормы) уголовно-правового регулирования.

– Иерархичность. Как известно, система права в целом, включая уголовное, иерархическое образование, состоящее из норм как первичных элементов, объединенных в институты и отрасли, имеющая субординацию источников, форм внешнего выражения.

– Коммуникативность. Данная закономерность выражает связь системы с окружающей ее средой, ее включенность в качестве элемента в системы более высокого порядка и взаимодействие с одноуровневыми системами[218]. Для системы

[218] Как отмечает И.Л. Честнов: «право, как и правовые закономерности, – это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами (закономерностями), вне и без которых

уголовного права коммуникативный аспект выражается в ее закономерных связях с общественной средой (социальная и криминологическая обусловленность и эффективность функционирования), политической (зависимость от политического режима, внутренней и внешней политики государства, государственной политики противодействия преступности) и правовой системой (межотраслевые связи с конституционными, международными, регулятивными нормами, административно-деликтным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом)[219].

Для характеристики взаимодействия уголовного права с социальной средой следует сказать еще о двух общесистемных закономерностях: закономерности необходимого разнообразия, которая выражает зависимость эффективности управления от адекватности разнообразия управляющей системы разнообразию управляемого объекта, и закономерности развития, которая выражает адаптивность системы к изменению среды[220]. Применительно к уголовному праву эти закономерности выражаются в необходимости соответствия уголовного законодательства прежде всего разнообразию форм преступного поведения, характера и степени его общественной опасности, которое зависит от текущей исторической, социальной, экономической и политической обстановки в стране и ее существенного изменения.

Воздействие на уголовное право названных универсальных, общесистемных, социальных и общеправовых закономерностей проявляется двояким образом, часть из них действует в рамках уголовного права, наполняясь соответствующим ему специфическим содержанием (например, закон единства и борьбы противоположностей, составляющих содержание уголовного права), другие закономерности остаются внешними по отношению к уголовному праву, но влияют

право не существует, и с обществом как социальным целым» (см.: Честнов И.Л. Постклассическое измерение закономерностей права // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 2. С. 485).

[219] Как пишет А. И. Бойко, экономика, преступность, этнокультура, язык, юридическая практика, наука, политика, международные стандарты и т.д. образуют внешнюю системную среду уголовного права, под которую последнее вынуждено подстраиваться в целях самосохранения и решения социальных задач (см.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008. С. 5).

[220] См.: Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959.

на его содержание, действие и развитие (например, закономерности общественной жизни, обусловливающие объективные потребности в установлении уголовно-правовых запретов).

Кроме того, каждое общество на конкретном этапе своего исторического развития объективно требует определенной меры и содержания правового регулирования, поэтому свойственные ему закономерности общественной жизни детерминируют, с одной стороны, качественное содержание права, а с другой стороны, его количественное содержание. В этой связи объективные закономерности как факторы социальной, экономической, культурной и политической саморегуляции и самоорганизации выступают в качестве ограничителя пределов вмешательства государства в управление различными сферами бытия общества и обусловливают удельный вес, место и предназначение права в его нормативной системе. Причем в большей степени такое ограничивающее влияние касается именно уголовного права, которое в отличие от позитивных правовых отраслей, служащих обеспечению объективных законов и закономерностей общественной жизни и «прямо пропорционально» отражающих их действие, отражает их «обратно пропорционально», т.е. в той мере, в какой они сами по себе в ходе естественного порядка вещей не справляются с саморегуляцией.

Использование системного подхода к уголовному праву позволяет выявить и определить систему закономерностей уголовного права как комплекс всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых и специальных закономерностей (криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности), которые во взаимосвязи обусловливают и характеризуют содержание, действие и развитие уголовного права как качественно своеобразного элемента общественной, политической и правовой системы общества.

Каждая из выделенных групп закономерностей выполняет свою функцию применительно к уголовному праву: *всеобщие закономерности* – обеспечивают его диалектическое развитие; *общесистемные закономерности* – придают ему

свойство системности (внешней и внутренней); *закономерности общественной жизни* – выражают его социальную обусловленность и обоснованность; *общеправовые закономерности* – характеризуют его как профилирующую охранительную отрасль внутренне согласованной правовой системы, подчиненную общим тенденциям ее генезиса; *специальные*: *криминологические закономерности* – обеспечивают его адекватность актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности, *уголовно-правовые закономерности* – выражают специфику его возникновения, формирования, тенденций развития, структурного построения и технико-юридического конструирования, а также функционирования, *уголовно-политические закономерности* – характеризуют целесообразность и эффективность применения средств уголовного права, *иные закономерности в сфере противодействия преступности* – определяют результативность взаимодействия правовых, социальных, экономических и других мер по предупреждению и реагированию на преступность, а также внутренней координации всех частей и направлений политики борьбы с ней.

Только познание, учет и использование комплекса данных закономерностей позволит добиться эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности по защите личности, общества и государства от преступных посягательств.

Учитывая, что по своим исходным началам процесс формирования уголовного права имеет исторически необходимый, объективно обусловленный характер, то наиболее глубинное влияние на его содержание должны оказывать закономерности, выражающие связи уголовного права с социальными, экономическими, социокультурными и политическими факторами, позволяя при их надлежащем учете обеспечить социальную обоснованность уголовного законодательства.

От того, в какой мере законодатель опирается на эти закономерности и каким из них отдает приоритет, зависит социально-политическое содержание уголовного права и законодательства.

Так, недоучет или игнорирование закономерностей экономического развития

в процессе осуществления уголовной политики в сфере экономической деятельности приводит к тем существенным недостаткам современного экономического уголовного права, к главным из которых специалисты относят излишнюю криминализацию многих форм отклоняющегося экономического поведения («ложные экономические преступления») и недостаточное использование для противодействия им гражданской или административной ответственности, отсутствие четкой и последовательной пенализации (наказуемости) экономических преступлений, нестабильность экономического уголовного законодательства и значительный урон от него хозяйствующим субъектам и экономике страны[221].

Влияние на уголовное законотворчество социальных, экономических и специальных закономерностей, выражающих объективную потребность общества в криминализации и пенализации, может вытесняться и притесняться политическими и управленческими закономерностями. Преобладание последних в области уголовной политики закономерно приводит к такой ее модели, для которой характерно расширенное использование средств уголовно-правового воздействия, зачастую вызывающее криминализационную избыточность и чрезмерную репрессивность уголовного закона, оно выражает стремление власти с помощью криминализации и пенализации обеспечить приоритетную защиту государственных интересов, включая безопасность и стабильность политического режима, и решить задачи государственного контроля и социального управления[222].

Между тем господство политических закономерностей и закономерностей государственного управления в той или иной степени ограничивается закономерностями функционирования общественного сознания (идеологическими, социально-психологическими и иными социокультурными закономерностями). Степень такого ограничения и взаимовлияния закономерностей завит от зрелости,

---

[221] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 214 – 332; Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография. М., 2020. С. 56 – 70; Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. М., 2021.

[222] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131 – 144.

прочности и устойчивости содержания названных элементов массового правового сознания: от бессилия до способности общественного правосознания противостоять своеволию государственных структур и сдерживать произвольное осуществление ими уголовной политики.

При этом важно учитывать, что уголовно-правовое воздействие реализуется через общественное сознание, со свойственными ему идеологическими и социально-психологическими закономерностями, отражающими исторически сложившиеся устойчивые представления большинства населения о добре и зле, справедливости и несправедливости, моральности и аморальности поведения, поэтому в той мере, в какой их содержание соответствует друг другу, повышает или снижается эффективность такого воздействия. Как верно указывает О.Н. Бибик, «эффективность уголовной политики находится в прямой зависимости от того, насколько она соответствует ценностям народной (неофициальной) культуры»[223].

Множественность видов, многоуровневость системы закономерностей уголовного права, специфика механизма их действия и использования, создают ситуацию возможного противоречия и игнорирования закономерностей, их выборочного учета и манипулятивного использования, пренебрежения одними в угоду других видов закономерностей. Поэтому для законосообразного подхода недостаточно выявления, формулирования и группирования закономерностей, а необходимо выделение основной (генеральной) закономерности, роль которой состоит в обеспечении его внутренней логики.

На наш взгляд, основная закономерность уголовного права заключается в тезисе о зависимости содержания, понимания и применения охранительных и предупредительных уголовно-правовых мер общества против посягательств на условия его существования и развития от социальных, экономических, политических и прочих особенностей переживаемой эпохи, объективно обусловленных ими актуальных криминальных угроз и ведущих тенденций

[223] См.: Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. Дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 14.

преступности, а также от более консервативной ментальности населения, выражающей его исторически сложившиеся моральные представления о добре и зле, справедливости и несправедливости.

Значение основной закономерности уголовного права состоит в том, что она охватывает и определяет все остальные его связи и зависимости, выражает их целостность и единство, а конкретные закономерности, раскрывающие отдельные части и стороны основной закономерности, подчиняются ее общей логике, предполагающей первоочередный учет закономерностей общественной жизни как наиболее глубоких факторов, объективно обусловливающих ее потребности, далее преломление этих потребностей в криминологических и уголовно-правовых закономерностях для признания допустимости и целесообразности их удовлетворения уголовно-политическими методами, а затем реализация этих методов с учетом иных закономерностей в сфере противодействия преступности.

Основная закономерность уголовного права определяет следующую последовательность и иерархичность учета и использования закономерностей, влияющих на содержание, действие и развитие уголовного права: всеобщие, общесистемные, социальные, общеправовые, криминологические, уголовно-правовые, уголовно-политические и иные закономерности в сфере противодействия преступности. Основная закономерность указывает: чем более глубокий слой содержания уголовного права выражает та или иная закономерность, их вид и группа, тем существеннее их онтологический статус, масштабнее, негативнее и разрушительней последствия игнорирования (от отдельных недостатков законодательной техники до общей необоснованности и бессистемности уголовного законодательства), а следовательно, тем приоритетнее ее учет и использование в реализации уголовно-правовой политики.

Поэтому возможное противоречие между закономерностями общественной жизни, объективно обусловливающими актуальные криминальные угрозы, тенденции в развитии преступности и потребности уголовно-правового противодействия им, и закономерностями государственного политического управления, должно разрешаться в пользу социально-криминологических

закономерностей.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. Поскольку уголовное право выступает в качестве специфического элемента социальной, политической и правовой систем, имеющего генетические, структурные и функциональные связи с этими более крупными системными образованиями общества, содержание которого включает в себя социально-криминологическую и специально-юридическую стороны, постольку оно детерминировано общими закономерностями общественной и государственно-правовой жизни, а также подчиняется специальным закономерностям.

2. На основе системного подхода к уголовному праву выделены и раскрыты следующие группы закономерностей, характеризующие и влияющие на его содержание, действие и развитие: всеобщие, общесистемные, социальные, общеправовые и специальные закономерности.

Следовательно, *система закономерностей уголовного права* – это комплекс всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых и специальных закономерностей (криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности), которые во взаимосвязи обусловливают и характеризуют содержание, действие и развитие уголовного права как качественно своеобразного элемента общественной, политической и правовой системы общества.

3. Поскольку система закономерностей уголовного права включает в себя различные их группы и виды, а механизм действия и использования закономерностей сочетает обусловливающие уголовное право не только объективные, но и субъективные факторы – деятельность субъектов уголовно-правовой политики, то создается риск игнорирования и противоречия закономерностей, их выборочного учета и манипулятивного использования, пренебрежения одними в угоду других закономерностей уголовного права (как правило, политических и государственно-управленческих).

Исходя из понимания закономерностей уголовного права как системы

з*аконосообразный подход* предполагает системное, т.е. *комплексное и иерархически последовательное* познание, учет и использование всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых, криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности с целью обеспечения адекватности уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и тенденциям в развитии преступности, его межотраслевой и внутриотраслевой юридической согласованности, а также оптимальности законодательной техники.

Нарушение законосообразного подхода, игнорирование или недоучет закономерностей выделенных групп приводит к дефектам и недостаткам социально-криминологического и специально-юридического содержания уголовного права (его необоснованности, неопределенности, бессистемности, несогласованности, непредсказуемости, неэффективности).

§ 3. Классификация закономерностей в уголовном праве

Классификация является следующим важным шагом на пути к пониманию закономерностей в уголовном праве и раскрытию их системы.

В уголовно-правовой науке еще не предпринималось попыток классификации закономерностей, свойственных уголовному праву и влияющих на его действие и развитие. Однако в общей теории права правовые закономерности уже подвергались подразделению на отдельные разновидности.

Так, П.М. Рабинович классифицировал государственно-правовые закономерности по следующим основаниям: 1) по системному расположению в социальном пространстве (на внешние и внутренние); 2) по историческим пределам действия (на всеобщие, общие и особенные); 3) по степени охвата государственно-правовой сферы (на общие и частные); 4) по типу связей государственно-правовых явлений (на генетические и структурно-

функциональные); 5) по форме осуществления (на статические и динамические)[224].

В.Н. Кудрявцев полагал, что право отражает и воплощает в своих институтах и нормах три группы закономерностей, во-первых, те общие экономические и социально-исторические закономерности, которые свойственны данному общественному строю в целом, во-вторых, внутренние закономерности самого права как определенного социального явления и, в-третьих, закономерные связи первых со вторыми[225].

Известна классификация закономерностей права С.С. Алексеева, который делит их на: 1) общие, относящиеся к социально-политическому содержанию права и являющиеся специфическим проявлением общих закономерностей общественной жизни; 2) специальные, относящиеся к специально-юридическому содержанию права и характеризующие тенденции его развития, правовой прогресс и технико-юридическое содержание[226].

В современной теории права предпринимаются попытки уточнить и дополнить классификацию государственно-правовых закономерностей.

Ю.Ю. Ветютнев предложил подразделение государственно-правовых закономерностей по уровню обобщения на эмпирические и теоретические, а по логической природе на логически допустимые и логически необходимые[227]. По мнению Н.А. Власенко, учитывая социальное значение закономерностей права, возможно их деление на позитивные, способствующие положительным изменениям, и негативные, отрицательно сказывающиеся на правовой жизни[228].

С точки зрения Н.В. Витрука, закономерности правового положения личности можно классифицировать на: закономерности бытия (онтологии); закономерности генезиса (возникновения); закономерности обеспечения, действия и реализации; закономерности охраны и защиты; закономерности развития в

---

[224] См.: Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 37 – 52.

[225] См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С. 6; Кудрявцев В.Н. Право развитого социализма: принципы и закономерности // Вопросы философии. 1983. №12. С. 54.

[226] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М.,2008. С. 98 – 104.

[227] См.: Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 52 – 53.

[228] См.: Власенко Н.А. Закономерности развития политико-правовой реформы // Проблемы осуществления правовой реформы. Тезисы научно-практической конференции. Тюмень, 1990. С.3 – 5.

будущем; общие (относящиеся в целом к правовому положению личности), частные (распространяющиеся на его структурные элементы) и специфические закономерности (действующие в рамках специальных правовых статусов) [229].

Исходя из очерченной в предшествующем параграфе системы закономерностей, присущих уголовному праву и влияющих на его содержание, действие и развитие, считаем необходимым предложить свою классификацию.

1. По степени общности закономерностей для уголовно-правовых систем современного мира[230] они могут быть подразделены на:

1) *общие* – это закономерности, действующие во всех или нескольких системах (семьях) уголовного права (эти закономерности выражаются, например: в соответствии содержания уголовного права актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям развития преступности; в соответствии уголовно-правовых запретов исторически сложившимся в общественном сознании нравственным представлениям о добре и зле, справедливости и несправедливости, моральности и аморальности; в соразмерности тяжести преступления и наказания);

2) *особенные* – это закономерности, действие которых характерно для какой-либо одной системы (семьи) уголовного права (например, для романо-германской семьи уголовного права характерны закономерность приверженности к писанному уголовному праву, единственным или главным источником которого выступает уголовный закон, имеющий, как правило, кодифицированный характер, предполагающей отрицание обычного и прецедентного уголовного права, а также закономерность стремления к абстрактному формулированию уголовно-правовых норм. Для англосаксонской системы уголовного права характерны закономерность тяготения к судебным прецедентам как источникам уголовного права, а мусульманская система уголовного права отличается закономерностью его развития как составной части религии ислама и норм шариата).

---

[229] См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 33 – 34.

[230] Подробнее об уголовно-правовых системах современного мира см.: Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. №6; Ведерникова О.Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. №1; Кибальник А.Г. Универсализация уголовно-правовых систем и национальный интерес // Уголовное право. 2005. №5; Кибальник А.Г. Тенденции развития мировых уголовно-правовых систем // Правоведение. 2007. №2.

Между тем, как отмечает А.В. Наумов, «примерно с 1970-х гг. по некоторым, в том числе и очень принципиальным позициям, началось на первых порах достаточно робкое, а затем и вполне видимое сближение соответствующих правовых систем»[231]. Это свидетельствует о том, что происходит постепенное сближение уголовно-правовых систем и подчинение их в большей степени общим, чем особенным закономерностям. К примеру, закономерность полной и строгой кодификации, изначально характерная для романо-германской системы уголовного права, в настоящее время утратила прежнюю жесткость и непоколебимость, сменившись тенденцией к множественности источников уголовно-правовых норм (Франция, Германия) и повышению роли судебного прецедента в уголовно-правовом регулировании (Россия); напротив, в странах англосаксонской семьи уголовного права наметилась тенденция к кодификации уголовного законодательства.

Поэтому, несмотря на национальную специфику уголовного права, обусловленную особенностями социально-экономического уклада и культурно-историческими традициями различных стран, и достаточно отчетливое выделение основных правовых семей и систем уголовного права в современном мире, тем не менее, не стоит преувеличивать глубину их различий, особенно в плане закономерностей, как более общих историко-правовых корней, основополагающих и устойчивых параметров и характеристик уголовного права. В этой связи, а также учитывая тенденцию сближения уголовного законодательства различных стран и систем, в наименованиях и формулировках отельных закономерностей и их групп мы сознательно не указывали на их национальную принадлежность к российскому уголовному праву.

Важно отметить, что само сближение различных систем уголовного права обусловливается процессом глобализации, в частности, конвергенцией закономерностей общественной жизни разных государств, постепенной

[231] См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учебник для вузов / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2023. С.17; Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 23 – 28, 510.

демократизацией и гуманизацией социальной жизни, унификацией экономических отношений, универсализацией охраняемых уголовным законом социальных ценностей.

2. По сфере действия закономерности уголовного права могут быть подразделены на:

1) *внутриотраслевые* – это закономерности, выражающие внутренние связи элементов системы уголовного права (например: систематизация запретительных уголовно-правовых норм по охраняемым объектам; обусловленность наступления уголовной ответственности совершением деяния, содержащего все признаки состава преступления; предопределенность различных аспектов реализации уголовной ответственности категорией совершенного преступления);

2) *межотраслевые* – это закономерности, выражающие взаимосвязи уголовного права с другими правовыми отраслями (к ним относятся: детерминированность уголовно-правовых запретов регулятивными нормами и встречное обеспечение их реализации; взаимодействие уголовного материального, процессуального и исполнительного права как формы и содержания урегулирования конфликта, вызванного преступлением; координация уголовного и административно-деликтного права для всесторонней защиты личности, общества, государства и дифференцированной ответственности за посягательства на их интересы);

3) *социально-правовые* – это закономерности, выражающие связи уголовного права с другими социальными явлениями, с различными факторами общественной, экономической и политической системы (проявляются, в частности: в социальной и криминологической обусловленности предписаний уголовного закона; в зависимости эффективности действия уголовно-правовых запретов от оценки их справедливости и целесообразности в общественном сознании; в зависимости уровня социальной напряженности в обществе и уровня карательных притязаний населения от оптимальности и справедливости разрешения конфликта, вызванного преступлением).

3. По отраслевой значимости закономерности уголовного права бывают:

1) *основные* – это базовые закономерности уголовного права, которые пронизывают собой все содержание, правовую и социальную сущность отрасли (генеральная закономерность уголовного права, определяющая все остальные его связи и тенденции, выражается в зависимости содержания, понимания и применения защитных и предупредительных мер общества против посягательств на условия его существования от социальных, экономических, политических и прочих особенностей переживаемой эпохи, объективно обусловленных ими актуальных криминальных угроз и ведущих тенденций в развитии преступности, а также от более консервативной ментальности населения, отражающей его исторически сложившиеся представления о добре и зле, справедливости и несправедливости; кроме того, к их числу следует отнести закономерность исторической изменчивости категорий преступление и наказание как основных понятий уголовного права);

2) *институциональные* – это закономерности, характеризующие развитие и функционирование отдельных уголовно-правовых институтов (например, возникновение и развитие института освобождения от уголовного наказания характеризуется следующими закономерностями: постепенное накопления в уголовном законодательстве определенных «извинительных» обстоятельств, служащих основаниями неприменения наказания; систематизация такого рода обстоятельств в предписаниях общей части уголовного законодательства, и последующее формирования на их основе института освобождения от наказания; обособление института освобождения от наказания в структуре уголовного закона и дальнейшее его развитие путем расширения перечня видов освобождения и распространения возможности освобождения от уголовного наказания на больший круг осужденных[232]).

Разработанный в рамках настоящего исследования законосообразный подход был апробирован и эмпирически подтвержден при рассмотрении закономерностей институтов освобождения от уголовной ответственности, освобождения от

[232] См. подробнее: Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания // Журнал российского права. 2022. Т.26. №6. С. 91 – 104.

уголовного наказания, а также закономерностей, характеризующих развитие и функционирование системы мер уголовно-правового характера. Это позволило показать методологическую значимость и познавательную возможность теории закономерностей применительно к отдельным уголовно-правовым институтам[233].

4. По форме проявления закономерности уголовного права могут быть подразделены на:

1) *абсолютные*[234] – это закономерности, которые фиксируют четкие, жесткие связи и зависимости между уголовно-правовыми явлениями (это, в частности: подразделение состава преступления на четыре элемента; в имманентности составу любого преступления шести признаков (основной объект, деяние, вина, физическое лицо, возраст, вменяемость); в построении уголовно-правового запрета из диспозиции и санкции).

2) *статистические* – это закономерности, которые отражают основные тенденции и вероятностные связи явлений в области уголовного права; формируются, отчетливо проявляются и управляют поведением в «больших данных» о состоянии преступности, ее причинности, наказуемости и судимости; их математической основой служит закон больших чисел[235] (например, тенденция большого применения на практике институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания в условиях свойственной уголовному закону широкой

---

[233] См.: Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // В кн.: Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2021. С. 9 – 25; Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера // В кн.: Меры уголовно-правового характера: монография // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 566 – 588; Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания // В кн.: Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2023. С. 6 – 30.

[234] Разумеется, термин «абсолютные» имеет применительно к правовым закономерностям условный характер, он призван показать наличие в праве, особенно в его технико-юридическом содержании, более жестких и точных связей и зависимостей относительно тех вероятностных и статистических зависимостей, которые характеризуют, к примеру, преступность, преступления и преступников.

[235] К числу вероятностно-статистических закономерностей, которые влияют на содержание, действие и развитие уголовного права, как уже отмечалось выше, относятся криминологические закономерности. Характеризуя понятие криминологических закономерностей, В.В. Лунеев пишет: «Криминология не относится к точным наукам, где действуют четкие законы как необходимое, устойчивое, повторяющееся отношение между изучаемыми явлениями (например, преступлениями и их причинами). Криминология в исследовании своего предмета опирается не на однозначные законы точных наук (математика, физика, химия), а на устанавливаемые ею социальные, криминологические закономерности, которые, условно говоря, рангом ниже естественных законов»; «социальные или криминологические закономерности проявляются не в виде строгих и однозначных законов, а в форме соответствующих тенденций или основных линий поведения» (см.: Лунеев В.В. Криминология: учебник для вузов. М., 2024. с. 17).

криминализации и пенализационной разбалансированности; в зависимости предупредительного эффекта наказания от восприятия его тяжести сквозь призму уровня социальной жизни; возрастание числа корыстных преступлений в связи с падением благосостояния граждан).

По мнению П.Н. Панченко: «закономерности в преступности и мерах борьбы с ней, как и вообще любые закономерности в общественных процессах, проявляются, как правило, не с неизбежностью, а лишь с той или иной степенью вероятности»[236].

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, мнение об исключительно вероятностном характере государственно-правовых закономерностей представляется нам не только не соответствующим действительности, но и даже «опасным». По крайней мере, уголовное право, по своей императивной, запретительно-карательной природе не может основываться только на вероятностных закономерностях и функционировать «по воле случая», а наоборот, должно стремиться к определенности и предсказуемости уголовного законодательства и практики его применения а, следовательно, управляться закономерностями, имеющими черты точных и однозначных связей и зависимостей. Поэтому закономерным в сфере права является не только то, что со значительной степенью вероятности должно произойти, как полагает Ю.Ю. Ветютнев[237], но и то, что однозначно или с высокой степенью точности и определенности должно иметь место.

5. В зависимости от вида юридической деятельности, посредством которой реализуются закономерности в уголовном праве, они подразделяются на:

а) *закономерности, реализующиеся в процессе уголовно-правового законотворчества* (например, соответствие уголовного права актуальным криминальным угрозам и устойчивым тенденциям развития преступности;

---

[236] См.: Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С. 149.

[237] См.: Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 40.

обусловленность криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности, а декриминализации деяния – утратой или снижением им общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов; предопределенность различных аспектов реализации уголовной ответственности законодательной категоризацией преступлений);

б) *закономерности, реализующиеся в процессе применения уголовного права* (например, соразмерность тяжести назначенного наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; целесообразность освобождения от уголовной ответственности и наказания, определяемая в зависимости от утраты или снижения общественной опасности лица, совершившего преступление).

6. По степени устойчивости закономерности уголовного права могут быть подразделены на:

1) *постоянные (перманентные)* – это закономерности, присущие уголовному праву на протяжении всей его истории (выражающиеся, например: в органичности для содержания уголовного права понятий преступление и наказание и неразрывной связи между этими понятиями; в доминировании в структуре уголовного права запрещающих норм, обусловленном его охранительным назначением; в преобладании властно-императивных и запретительно-карательных начал в методе уголовно-правового регулирования);

2) *периодические* – это закономерности, время от времени повторяющиеся в уголовном праве (например, объединение однородных уголовно-правовых норм в соответствующие институты уголовного права; обусловленность криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности, а декриминализации деяния – утратой или снижением им общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов).

3) *конкретно-исторические* – это закономерности, действующие только на определенном этапе развития уголовного права (например, для этапа возникновения уголовного права характерны закономерности, выражающиеся: в генетической зависимости уголовно-правовых запретов от сакральных табу

догосударственного общества; в появлении уголовного права лишь в государственно-организованном обществе; в последовательном закреплении в уголовном законе вначале преступлений mala in se, затем преступлений mala prohibita; в исключительности уголовного права как наказательного права в обществе).

Между тем закономерности могут не только постоянно существовать, периодически повторяться и утрачиваться, но и менять свою силу: как активизировать свое действие, при котором закономерность выходит на передний план, становится более актуальной, так и ослаблять свое действие, когда закономерность отходит на второй план. Например, закономерности, характеризующие процессы криминализации и пенализации, конструирования составов преступлений и санкций уголовно-правовых норм, имеют наибольшую активность в период принятия нового уголовного кодекса. В период действия уголовного кодекса эти закономерности имеют меньшую активность, уступают место закономерностям функционирования уголовного права.

7. По тому, какой процесс – бытие или познание – характеризуют закономерности уголовного права, они могут подразделяться на:

1) *онтологические* – это закономерности бытия уголовного права (к примеру, закономерности выражающиеся: в соответствии системы уголовного закона исторически складывающейся структуре уголовного права; в соответствии вида и размера наказания, предусмотренного за совершение преступления, характеру и степени его общественной опасности);

2) *гносеологические* – это закономерности познания уголовного права. Как известно, существуют общенаучные и частно-научные методы исследования, подобно этому складываются общие закономерности эволюции научного знания и специфические закономерности развития конкретной науки. В числе общих закономерностей развития науки ученые указывают: преемственность в развитии научных знаний; единство количественных и качественных изменений в развитии науки; дифференциация и интеграция наук; взаимодействие наук и их методов; углубление и расширение процессов математизации и компьютеризации;

теоретизация и диалектизация науки; ускорение развития науки; свобода критики, недопустимость монополизма и догматизма; взаимовлияния науки и практики[238].

В развитии уголовно-правовой науки также явно прослеживаются тенденции: преемственности между дореволюционным, советским и современным периодом в развитии уголовно-правовых учений (о преступлении и составе преступления, о наказании); применения общенаучных методов и методологических положений иных наук (в частности, социологии, психологии, политологии); взаимодействие уголовно-правовой теории и практики, особенно в области применения уголовного закона (научно-обоснованные правила квалификации, позиции высшей судебной инстанции по вопросам применения уголовно-правовых норм). К числу гносеологических закономерностей следует отнести связи процессов социальных трансформаций, общего развития науки и ее отдельных отраслей, трансформации права и изменений уголовно-правовой науки (в частности, ее зависимости от состояния общества, идеологической ситуации в стране, международных отношений, влияния политических факторов, в том числе правовой политики государства, развития технологий, диалектической борьбы конкурирующих концепций)[239].

8. По тому, какой аспект бытия уголовного права характеризуют закономерности, они подразделяются на:

1) *правообразующие* – это закономерности, характеризующие процесс уголовного правообразования, т.е. лежащие в основе возникновения, последующего формирования и развития уголовного права.

К числу закономерностей возникновения и дальнейшего формирования уголовного права следует отнести:

– естественное становление в первобытных обществах самобытной системы социального регулирования – обычаев, главные из которых под страхом суровой ответственности (зачастую жестокой кары) запрещали действия, опасные

[238] См.: Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999. С. 85 – 118.

[239] Подробнее см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 270 – 282, 290 – 300.

для жизнедеятельности рода (в частности, о недопустимости убийства своего соплеменника, инцеста, хищений), и явились предпосылкой зарождения уголовного права;

– генетическую зависимость уголовно-правовых запретов от первобытных обычаев, выраженных в табу, обладающих родственными для уголовного права свойствами жесткой обязательности и строгой наказуемости;

– происхождение основных методов уголовной политики (криминализации и пенализации) от средств первобытного табуирования (запрещения опасных действий и их наказуемости);

– появление уголовного права лишь в государственно организованном обществе;

– принадлежность уголовно-правовых норм к наиболее древним и глубинным пластам системы социального регулирования и права;

– возникновение уголовного права с предписаний, аналогичным современным нормам особенной части, т.е. норм-запретов;

– возникновение уголовного права связано с осознанием преступления как наиболее опасного посягательства, противоречащего интересам не только отдельного человека, но и всего общества, и угрожающего внутренней безопасности общественной жизни;

– обусловленность норм о преступном и наказуемом нравственными представлениями общества о добре и зле, моральности и аморальности, справедливости и несправедливости;

– имманентность уголовно-правовой материи преступлений как категории юридических фактов и наказаний как правовых последствий;

– происхождение названия отрасли от органически присущих ее содержанию основных понятий преступление и наказание («уголовное» право от «головничество» или «головы не имати»; criminal law, criminalrecht, penal law, strafrecht);

– взаимообусловленность преступления и наказания (диалектическая связь между ними состоит в том, понятию преступления органически присущ признак

наказуемости, а наказание обусловлено сущностью и производно от преступления);

– последовательное закрепление в уголовном праве вначале преступлений mala in se, затем преступлений mala prohibita;

– соответствие уголовного законодательства, в том числе объектов и приоритетов уголовно-правовой охраны, сложившейся в обществе системе и иерархии социальных ценностей;

– стабильность объектов уголовно-правовой охраны, отражающих универсальные ценности (блага) человека, и изменчивость объектов, выражающих относительные ценности, зависящие от текущих социально-экономических и политических условий жизни общества;

– зависимость меры уголовно-правового воздействия (объема уголовно-правовых запретов, степени репрессивности наказаний, бескомпромиссности карательных мер) в обществе от политического режима в стране и уровня легитимности государственной власти (антидемократические режимы характеризуются большим удельным весом уголовного права в системе социального регулирования и большей степенью его репрессивности, и наоборот, по мере демократизации жизни удельный вес и степень репрессивности уголовного права снижаются);

– обусловленность выбора средств уголовно-правового воздействия задачами, стоящими перед уголовным правом;

– социальную и криминологическую обусловленность содержания уголовного права и его стремление к соответствию актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям развития преступности;

– органическую связь криминализации с пенализацией;

– обусловленность криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности и распространенности, а декриминализации деяния – утратой или снижением им общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов;

– преемственность криминализации, обусловленная наличием в любом обществе деяний, посягающих на особо важные, непреходящие ценности;

– зависимость объема первичной криминализации от существенности изменения социальной, экономической и политической обстановки в стране;

– зависимость объема криминализации от уровня развития и сложности общественных отношений: чем более развиты и многообразны общественные отношения, тем потенциально больше видов их нарушений и непосредственных объектов уголовно-правовой охраны а, следовательно, шире круг криминализированных деяний;

– адекватность разнообразия составов преступлений, предусмотренных уголовным законом, объективному разнообразию форм общественно опасного поведения в обществе, требующих криминализации;

– соответствие объема уголовно-правового запрета, в том числе меры наказания за его нарушение, характеру и степени общественной опасности криминализируемого деяния;

– зависимость количества криминообразующих признаков в составе преступления от общественной опасности криминализируемого деяния (чем ниже опасность деяния, тем больше криминообразующих признаков включает законодатель в состав преступления, и наоборот, чем выше опасность деяния, тем меньше криминообразующих признаков включается законодателем в состав преступления);

– целесообразность установления уголовной ответственности, если положительные последствия криминализации существенно превышают отрицательные;

– субсидиарность криминализации относительно всех иных, более мягких, мер реагирования на вредоносное деяние, если их применение несоразмерно и недостаточно содеянному;

– целесообразность криминализации деяния в зависимости от глубины причин и масштабов его социального воспроизведения (чем массовее поведение и глубиннее его социальные причины, тем меньше целесообразность и эффективность установления на него уголовно-правового запрета; чем выше удельный вес субъективных причин в детерминации общественно опасного

поведения, тем больше оснований и потенциальная эффективность его криминализации);

– зависимости установления и корректировки (усиления или ослабления) уголовной ответственности от динамики (увеличения или уменьшения) опасности, распространенности деяния и оценки достаточности существующих уголовно-правовых и иных мер;

– обусловленность процессов криминализации, пенализации и депенализации процессуальной осуществимостью, ограниченностью и затратностью преследования, судопроизводства и исправления;

– направляющее воздействие положений конституции на содержание и развитие уголовного права, и его соответствие конституционным нормам;

– согласованность внутригосударственных уголовно-правовых норм с общепризнанными принципами и нормами международного права, с учетом национальной самобытности;

– зависимость степени соответствия национального уголовного законодательства международным стандартам прав человека и безопасности от уровня открытости или изоляционизма государства;

– детерминированность уголовно-правовых запретов содержанием регулятивных норм, которые они охраняют от нарушений;

– взаимообусловленность оснований установления уголовной и административной ответственности;

– межотраслевую и внутриотраслевую согласованность предписаний уголовного права, в том числе неизбыточность запретов, сбалансированность санкций, а также всей системы мер уголовно-правового характера;

– зависимость качества уголовного правотворчества от уровня социально-правового, криминологического мышления и технико-юридической культуры законодателя.

Закономерностями развития уголовного права являются:

– историческая преемственность в развитии уголовного права;

– гуманизация уголовного права;

– полная кодификация уголовного права;

– дифференциация уголовно-правового регулирования.

2) *структурные* – это закономерности внутреннего строения, выражающие связи и зависимости элементов системы уголовного права и закона.

К закономерностям структуры уголовного права и закона относятся:

– системность и структурированность уголовного права и закона;

– четырехэлементная структура состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) с набором характерных для каждого элемента объективных и субъективных категорий признаков;

– конститутивное значение объективной стороны среди элементов состава преступления;

– включенность в состав любого преступления шести признаков (основной объект, деяние, вина, физическое лицо, возраст, вменяемость);

– сосредоточенность всех признаков всех составов преступлений в уголовном законе;

– обусловленность целостного состава преступления совокупностью признаков, установленных в положениях общей и особенной частей уголовного права;

– зависимость числа составов преступлений от количества частей и единых (неделимых на части) статей особенной части уголовного закона;

– обусловленность выбора законодателем конструкции объективной стороны преступления (формальный и материальный составы) от степени опасности самого деяния, а также возможности точного определения и процессуального доказывания общественно опасных последствий;

– соответствие вида и размера наказания, предусмотренного в санкции, характеру и степени общественной опасности преступления, описанного в диспозиции уголовно-правовой нормы;

– построение системы наказаний и санкций норм особенной части уголовного права по строгости наказаний: от менее строго к более строгому виду наказания;

– сбалансированность санкций различных уголовно-правовых запретов, предполагающая внутренне согласованную и соразмерную по общественной опасности и карательной строгости всеобщую шкалу преступлений и наказаний;

– зависимость вариативности санкции (видов и пределов наказаний) от степени конкретизации (правовой определенности) и альтернативности диспозиции уголовно-правового запрета (во-первых: чем точнее и полнее описаны признаки состава преступления в диспозиции, тем уже должны быть пределы санкции, и наоборот; во-вторых: чем меньшее количество вариантов преступного поведения указано в диспозиции, тем уже должны быть пределы санкции, и наоборот);

– зависимость вариативности санкции от уровня общественной опасности преступления (чем больше этот уровень, тем меньше вариативность санкции и, следовательно, меньше пределы судейского усмотрения при индивидуализации наказания, и наоборот, чем меньше уровень опасности деяния, тем больше вариативность санкции и шире рамки судейского усмотрения при выборе вида и размера наказания);

– последовательная цепочка составов преступлений, включающая основной состав и разновидности квалифицированного состава, обусловленные наличием отягчающих обстоятельств;

– преемственность признаков основного состава в квалифицированном составе преступления;

– расположение квалифицированных составов по частям статей в строго определенной последовательности – по мере возрастания степени общественной опасности преступления и соответственно – строгости наказания за него;

– углубление дифференциации уголовной ответственности за счет роста числа квалифицированных составов и увеличения разнообразия квалифицирующих признаков;

– преобладающая обусловленность квалифицированных составов признаками объективной стороны преступления и наибольшая распространенность среди квалифицирующих признаков, характеризующих совершение преступления

группой лиц;

– соразмерность между повышением степени общественной опасности квалифицированного состава и усилением характера его наказуемости относительно основного состава преступления;

– равносильность (пропорциональность) влияния одинаковых квалифицирующих признаков на изменение типовой степени общественной опасности и наказуемости различных преступлений;

– связка общих и специальных уголовно-правовых норм, обусловленная необходимостью конкретнее и полнее отразить определенный вид преступления и регламентировать особенности уголовной ответственности;

– типичная двухэлементная (гипотеза – диспозиция; диспозиция – санкция) структура запретов и регулятивных норм уголовного права;

– преобладание в структуре уголовного права запрещающих норм, обусловленное его охранительным назначением;

– систематизация уголовно-правовых запретов по охраняемым объектам;

– зависимость последовательности расположения групп преступлений в системе особенной части уголовного права от социальной иерархии ценностей, образующих объекты уголовно-правовой охраны;

– формирование институтов уголовного права на основе объединения однородных уголовно-правовых норм;

– обусловленность общей части процессом нормативного обобщения предписаний особенной части уголовного права по мере накопления опыта создания и применения уголовного законодательства, повышения уровня нормативно-регулятивной культуры и развития уголовно-правовой науки;

– соответствие системы уголовного закона исторически складывающейся структуре уголовного права;

– внутренняя упорядоченность структурного построения уголовного закона (многоуровневой структуры);

– систематизация нормативного уголовно-правового материала по статьям, главам (разделам), общей и особенной частям уголовного закона;

– типичный порядок расположения статей в уголовном законе: от общего к частному (общая и особенная части), от причины к следствию (преступление – наказание), от более тяжких к менее тяжким разновидностям преступлений (особенная часть: раздел преступления против личности: глава преступления против жизни и здоровья: статья об убийстве и т.д.);

– соответствие уголовно-правовых норм определенным структурным подразделениям текста уголовного закона (как правило, частям статей или статьям);

– соответствие между уголовно-правовыми институтами и главами уголовного закона.

3) *функциональные* – закономерности, выражающие связи и тенденции уголовно-правового воздействия.

К закономерностям функционирования уголовного права и закона относятся:

– зависимость уголовно-правовой защищенности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от соответствия уголовного права актуальным криминальным угрозам;

– зависимость эффективности уголовно-правовой охраны социальных интересов от качества самого уголовного закона;

– зависимость результативности уголовно-правового воздействия от его соответствия исторически сложившимся в общественном сознании нравственным представлениям о добре и зле, моральном и аморальном, справедливости и несправедливости;

– зависимость уровня удовлетворения карательных притязаний населения и снижения криминальной напряженности в обществе от оптимальности и справедливости разрешения конфликтов, вызванных преступлениями;

– зависимость эффективности уголовного-правового воздействия от оптимальности сочетания в нем превентивных, карательных и восстановительных средств;

– преобладание властно-императивных и запретительно-карательных

начал в методе уголовного права соответствующее природе регулируемых им отношений;

– обусловленность средств уголовно-правового регулирования охранительными задачами и функциями уголовного права;

– обусловленность наступления уголовной ответственности от наличия деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом;

– предопределенность различных аспектов реализации уголовной ответственности категорией совершенного преступления;

– соразмерность строгости назначенного наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного;

– минимальная достаточность карательного содержания наказания, обусловливающая возможность выбора более строгого вида наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение его целей;

– обратная зависимость объемов криминализации и уровня репрессивности правоприменительной практики (чем избыточнее криминализация, тем выше уровень применения на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания);

– обратная зависимость масштабов криминализации и «мертвых» норм в условиях недостаточного качества уголовного правотворчества (чем меньше степень социальной и криминологической обусловленности уголовного закона, тем больше «мертвых» уголовно-правовых норм);

– обратная зависимость между законодательной и практической пенализацией в условиях разбалансированности системы уголовных наказаний и санкций (чем более избыточна, несогласованна и сложна их система, тем меньше видов наказаний применяется на практике и не равномернее удельный вес назначенных наказаний);

– прямая зависимость между качеством и социальной результативностью

криминализации (чем выше степень социальной и криминологической обоснованности криминализации, тем больше ее положительные последствия превышают отрицательные);

– зависимость уровня репрессивности уголовной политики в том числе практики применения уголовного закона от доминирующих социально-психологических установок в обществе (чем более укоренена и распространена в общественном и профессиональном сознании идея сильного государства, тем выше роль и мера запретительно-карательных инструментов социального регулирования и репрессивнее мышление правоприменителя);

– зависимость объема и эффективности применения уголовного права в обществе от результативности профилактики преступности и качества некарательного социального управления (чем более уголовное право функционирует как субсидиарное, опираясь на действие социально-экономических, моральных и позитивных правовых регуляторов и мер предупреждения преступности, тем оно эффективнее);

– зависимость степени интенсивности уголовно-правового воздействия от уровня развития общественного правосознания и состояния преступности;

– согласованность уголовно-правовых запретов с содержанием регулятивных норм, обеспечивающая их реализацию;

– взаимосвязь уголовного и административно-деликтного права для всесторонней защиты интересов личности, общества, государства, предупреждения смежных правонарушений и дифференциации ответственности за их совершение;

– координирующая роль уголовного права в комплексе отраслей по борьбе с преступностью и их взаимодействие для обеспечения материальных и процессуальных аспектов урегулирования конфликта, вызванного преступлением, одновременного решения превентивных, карательных, восстановительных и социально-реинтеграционных задач.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в основе уголовного права лежит сложная система закономерностей, характеризующих его

возникновение, развитие, структурное построение и функционирование как части социальной, политической и правовой системы общества.

И хотя данные закономерности подлежат подразделению на отдельные группы и виды, имеющие свои обобщенные характеристики, и могут быть представлены перечнем абстрактных формулировок, важно отметить, что в реальной действительности выделенные закономерности не проявляются в «чистом виде», а действуют комплексно, во взаимосвязи, взаимопроникая, пересекаясь и переплетаясь в различных генетических и структурно-функциональных аспектах содержания уголовного права. Поэтому реальный механизм действия и использования закономерностей в уголовно-правовой политике представляет собой закономерную цепочку, включающую в себя ряд закономерностей, относящихся к социально-криминологическому и специально-юридическому в том числе технико-юридическому содержанию уголовного права. Системный характер закономерностей уголовного права требует соответствующего ему не схематичного, а органичного рассмотрения и учета закономерностей, сообразно тому, как они проявляются в уголовно-правовой действительности.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. Систематизация закономерностей уголовного права включает в себя составление их номенклатуры (доказывание и формулирование перечня конкретных закономерностей), проведение классификации (подразделение закономерностей на виды) и определение их системы (выделение иерархиезированных групп закономерностей).

Систематизация представляет собой инструмент их познания, выполняющий следующие научно-практические функции: дает возможность получить полное и всестороннее, краткое и емкое представление о присущих уголовному праву и влияющих на его содержание, действие и развитие общих и специальных закономерностях; позволяет предметно и подробно изучать механизм действия, использования и обеспечения закономерностей, в том числе обосновывать

принципы и правила их учета и соблюдения, выявлять критерии, случаи и последствия игнорирования и нарушения; составляет основу триединого законосообразного подхода.

2. Классификация закономерностей уголовного права обосновывает их подразделение *по* следующим восьми *основаниям*: по степени общности для уголовно-правовых систем современного мира (общие и особенные); по сфере действия (внутриотраслевые, межотраслевые и социально-правовые); по отраслевой значимости (основные и институциональные); по форме проявления (абсолютные и статистические); по виду юридической деятельности (закономерности, реализующиеся в процессе уголовно-правового законотворчества, и в процессе применения уголовного права); по степени устойчивости (постоянные, периодические и конкретно-исторические); по тому, какой процесс – бытие или познание, выражают закономерности (онтологические и гносеологические); по тому, какой аспект бытия уголовного права характеризуют закономерности (правообразующие, структурные и функциональные).

Глава 3. Закономерности уголовного правообразования

§ 1. Закономерности возникновения уголовного права

Закономерности уголовного правообразования представляют собой существенные, необходимые и устойчивые связи и тенденции, характеризующие генезис уголовного права, т.е. историю становления, дальнейшего формирования и развития отрасли.

Несмотря на то, что генезис уголовного права представляет собой единый исторический процесс его возникновения и последующего развития, для более предметного выявления и рассмотрения различных закономерностей уголовного правообразования необходимо условное разделения генезиса на элементы.

Философия ориентирует на различение в процессе генезиса возникновения или становления как начального момента и последующего изменения и развития явления[240].

Поскольку сам термин генезис и генетические закономерности имеет ассоциацию с естественными науками, мы предпочитаем понятие «закономерности уголовного правообразования» для обозначения той группы закономерностей, которые отражают происхождение уголовного права, обусловленность образования новых или изменения действующих уголовно-правовых норм, преемственность и основные направления развития отрасли.

Процесс уголовного правообразования является сложным и многофакторно обусловленным, зависящим от исторически изменяющейся социальной, экономической и политической обстановки в стране. Однако во всем этом множестве объективных и субъективных факторов, детерминирующих уголовное право, можно выделить те связи и зависимости, которые являются существенными, необходимыми, повторяющимися и устойчивыми для его формирования. Именно

[240] См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007. С. 522.

эти связи и зависимости выступают закономерностями уголовного правообразования.

Поскольку право, в том числе уголовное, функционирует как часть общественно-политической системы, то первичные генетические связи права выражают его зависимость от объективно обусловленных потребностей в правовом регулировании и правовой охране жизни общества, а следовательно, от факторов конкретно-исторической среды.

Поэтому нельзя согласиться с В.М. Сырых в том, что «генетическая связь – это всегда внутренняя связь, которая характеризует процессы, происходящие непосредственно с самим явлением, его сущностью, формой и содержанием»[241]. Формирование права по своим исходным началам носит объективно обусловленный, исторически необходимый характер[242]. Верно отмечает А.И. Бойко, что «существование и эволюция каждого объекта зависит от сочетания их внутренних (структурных) и внешних (со средой) связей. Уголовное право сохраняет свои идентификационные черты и функциональную результативность лишь благодаря одновременному, но разновекторному давлению нескольких внешних детерминант и прочности ранее выработанных конструкций своего содержания»[243].

Поскольку уголовное право является неотъемлемым элементом системы социального регулирования всякого общества, по неумолимой логике исторического процесса возникающим на определенном этапе его развития и выполняющим традиционные и однозначные задачи в любом государстве, то вполне очевидно, что существует некая историческая предопределенность происхождения уголовного права. Выявление закономерностей, характеризующих эту историческую предопределенность, требует установления тех социальных факторов, с которыми существенным, необходимым и повторяющимся образом было связано возникновение уголовного права в любом обществе.

---

[241] См.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т.1. Элементный состав. М., 2004. С. 84.
[242] См.: Правотворчество в СССР / Под ред. А.В. Мицкевича. М.,1974. С. 5.
[243] См.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008. С. 16.

Исследование системы социального регулирования первобытных обществ и исторических процессов формирования права в разных странах позволяет, на наш взгляд, выделить три фактора – «табу», «государство» и «потребности общества в охране его интересов от наиболее опасных посягательств», которые выступили необходимыми предпосылками возникновения уголовного права.

Первая предпосылка сложилась в эпоху первобытного общества и коренилась в системе его социального регулирования, роль которой выполняли разнообразные обычаи. Накопленный в эту эпоху нормативно-регулятивный опыт (регламентации поступков людей посредством общих правил, установления запретов на совершение тех или иных действий, строгая обязательность соблюдения которых обеспечивалась жесткими и твердо фиксированными санкциями, применения наказания в зависимости от степени общественной значимости содеянного) был, по достижении государственной ступени развития общества, существенно востребован в процессе начального формирования позитивного уголовного права, а сами первобытные обычаи («не убей», «не укради» и т.д.), санкционируемые государством, послужили его первоисточником, исходным «строительным материалом».

Как верно пишет С.С. Алексеев, «позитивное право при переходе общества к цивилизации возникло не вдруг, не на пустом месте: его появление в какой-то мере было подготовлено развитием системы социального регулирования первобытных обществ»[244].

В исторической и этнографической литературе отмечается, что в первобытности регулирование жизнедеятельности каждой общины осуществлялось не только посредством конкретных индивидуальных решений ее старейшин и главарей, но и с помощью определенных норм поведения, которые отвечали жизненно важным интересам общины, поэтому имели безусловно обязательный и общественно охраняемый характер, а переходя из поколения в поколение, получали идеологическое закрепление и становились обычаями.

[244] См.: Алексеев С.С. Право: азбука - теория - философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 188.

Однако как бы ни были эти обычаи строги и непререкаемы, овеяны религиозными предписаниями и мифами, как и современное, первобытное общество было не свободно от нарушителей социальных норм. Несоблюдение общинных норм вызывало применение общественного воздействия, в том числе и мер принуждения, строгость которых различалась в зависимости от тяжести проступка вплоть до физических наказаний за его совершение (в числе таких наказаний практиковались побои и увечья, умерщвление, изгнание из коллектива). Как правило, наказания определялись и приводились в исполнение старейшинами, с учетом не только характера содеянного, но и некоторых особенностей личности виновного (в частности, его родственных и общинных связей)[245]. В плане изучения исторических корней уголовного права важно также отметить, что по крайней мере в некоторых первобытных обществах существовала фиксированная шкала санкций[246].

Однако, отмеченные элементы регулятивной системы первобытного общества послужили только предтечей уголовного права, поскольку права еще не было. Эта система первобытной норматики, имеющая малодифференцированный характер, объединяющая в себе зачатки права, моральные императивы, религиозные предписания, а также этикет, получила наименование «мононорм»[247].

Вместе с тем, несмотря на определенную «морально-правовую» синкретичность в нормативной системе первобытных обществ уже прослеживаются разнообразные по своим регулятивным функциям правила поведения – запреты, позитивные обязывания и дозволения, которые впоследствии, при возникновении права, послужили прообразом выделения способов правового регулирования и формирования своеобразия отраслевых юридических методов.

Еще одна закономерность обнаруживается в той очередности, в которой социальные нормы первобытнообщинного строя и правовые нормы

---

[245] См.: Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007. С.194 – 195. Подробнее о первобытных нормах см.: Токарев С.А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. Л.,1972; История первобытного общества: эпоха первобытной родовой общины. М., 1986;

[246] См.: Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979. С. 218.

[247] См.: Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979. С. 214.

государственно организованного общества появлялись на свет. Как полагают ученые, само формирование норм-обычаев исторически происходило так, что первоначально появились запреты, и только потом позитивные обязывания и дозволения[248]. Н.И. Пикуров отмечает, что первым условием существования общества было соблюдение запретов: не убей, не укради, не желай жены ближнего[249]. В аналогичной последовательности складывалась нормы и в истории права[250]. Н.М. Кропачев считает, что древнейшие источники права свидетельствуют: чем древнее право, тем в большей степени оно является уголовным, поскольку запрет исторически и логически был первичен[251]. Полагая, что корни содержания уголовного права уходят в глубокую древность, Н.В. Генрих объясняет первоочередное появление уголовно-правовых норм естественным стремлением людей к коллективной безопасности, которая сначала обеспечивается с помощью первобытных запретов, а позже писаных норм, санкционирующих применение наказаний к нарушителям общественного порядка[252]. Первичность запретов обусловлена и необходимостью изжить сексуальные и пищевые животные инстинкты, обеспечить господство социального над биологическим в природе человека, отсюда их непререкаемая обязательность и обеспеченность жесткими санкциями.

Следовательно, чем более примитивен уровень развития общества, тем более система его социального регулирования, в том числе и право, имеет запретительно-карательный характер и тяготеет к уголовному праву.

Закономерность первоочередности возникновения и принадлежности уголовного права к наиболее глубинным слоям системы социального регулирования подтверждается тем, что традиционные уголовно-правовые

---

[248] См.: Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С. 12 - 13.

[249] См.: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 32. По мнению А.Н. Медушевского, для диких народов характерно только уголовное право с системой жестких предписаний и автоматического подчинения (см.: Медушевский А.Н. Социология права. М.-Берлин, 2015. С. 434).

[250] См.: Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л., 1983. С.65; Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. С. 36; Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С. 361.

[251] См.: Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 66 – 69.

[252] См.: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Дис. … докт. юрид. наук. – Рязань, 2011. С. 81.

запреты, как-то «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства» восходят еще к издревле известным библейским заповедям Моисея[253].

Рассматривая возникновение уголовного права как закономерный процесс развития системы социального регулирования первобытного общества, следует отметить, что степень его «родства» с различными элементами регулятивной культуры этого общества неодинакова. Как представляется, наиболее тесная и глубокая генетическая связь в процессе становления позитивного уголовного права существовала между уголовно-правовыми запретами и табу, их содержанием, свойствами и характером регулятивного воздействия. Табу как древнейшая форма запрета, по признанию ученых, составляют «генотип других нормативных регуляторов»[254], «зародыш правовых норм»[255].

Если быть точнее, то именно табу, со свойственными им неукоснительным требованием соблюдения и строгим наказанием за нарушение, выступили в системе первобытных обычаев в качестве ближайшей предпосылки появления уголовно-правовых запретов и, следовательно, «прародителей» самого уголовного права, которое началось с их формулирования[256].

По своей сущности табу представляли собой строжайшие запреты определенных действий, которые отличались непререкаемостью и составляли наиболее распространенную форму правил поведения людей в первобытных обществах, особенно в начале их эволюции, поскольку первым делом возникла потребность устранения опасности, которую представляли для общины животные

---

[253] Подробнее см.: Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015; Иванов Н.Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь. М., 2018.

[254] См.: Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. С. 117.

[255] См.: Дроздов М.А. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 90.

[256] К такому же выводу приходит и С.А. Маркунцов, отмечая, что запрет на совершение того или иного деяния, именуемого в уголовном законе преступлением, в своем первородном бытии был обращен в лоно иных (не уголовно-правовых) социальных регуляторов общественных отношений. Существовавшие в первобытном обществе запреты-табу, по сути, носили уголовно-правовой характер (см.: Маркунцов С.А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов. М., 2012. С.58 - 60; Тот же автор. Теория уголовно-правового запрета. М., 2015. С. 130 – 165; Исторические особенности возникновения первичных уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2014. №1. С. 132 – 134).

инстинкты людей, так называемый «зоологический индивидуализм»[257]. С нормами табу связана и первая практика наказаний.

Как считают специалисты, табу были свойственны следующие компоненты: ощущение значительной коллективной опасности от определенных действий и человека, который их совершает, а следовательно, необходимости запрещения этих опасных действий и наказания за них для защиты общества и воздержания людей от их совершения[258]. Наличие этих компонентов свидетельствует о генетической связи табу с уголовным правом, которое сродни этим древним регуляторам основано на наличии общественной опасности деяний, лиц, склонных к их совершению, и потребности в признании опасных деяний преступными и наказуемыми.

Генетическая близость института табу первобытного общества и позитивного уголовного права заключается в общем для них охранительном и предупредительно-карательном предназначении в общественной жизни. В этом убеждает анализ самих норм-табу, которые подобно уголовно-правовым запретам, вводились в социальную жизнь с целью охраны общества и защиты тех или иных интересов членов общины. З. Фрейд писал, что цели табу разнообразны и заключаются в охране важных лиц, предметов от возможных повреждений; в защите слабых; в защите от опасностей; в охране важных жизненных актов (родов, брака, сексуальной деятельности); в охране нерожденных и маленьких детей от разнообразных опасностей; в защите собственности какого-нибудь лица, его орудий, его поля от воров[259].

Анализ первой предпосылки возникновения уголовного права показывает, что на начальном этапе своего генезиса уголовное право с присущими ему безусловными запретами и жесткими наказаниями более всего ассоциируется с институтом табу первобытного общества. Именно первобытные обычаи в форме

---

[257] Подробную характеристику табу как норм первобытного общества см., в частности; Фрэзер Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 2006.

[258] См.: История первобытного общества. В 3 т. Т. 1. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 315 – 316.

[259] См.: Фрейд З. Тотем и табу. М., 2005. С. 40 – 41.

табу с характерными для них непререкаемыми запретами, соблюдаемые людьми под страхом наказания, явились прототипом и предвестником таких фундаментальных и первичных компонентов права, как уголовно-правовые запреты. А само табуирование в первобытном обществе, состоящее в запрещении и наказуемости какого-либо поведения в силу его опасности для всего коллектива, стало прообразом криминализация и пенализация как основных методов уголовно-правового политики.

Вторая предпосылка возникновения уголовного права связана с появлением государственной власти.

Как пишет А.И. Першиц, на последнем этапе первобытнообщинного строя, в эпоху процессов социальной дифференциации (расслоения общества и классообразования) и образования государства начинается и процесс становления права, однако, этот процесс не следует понимать упрощенно – так, будто сперва возникли классы, затем их антагонизм привел к появлению государства и, наконец, государство установило правовые нормы. Все эти процессы шли параллельно, диалектически взаимодействуя и стимулируя друг друга. Право возникло в процессе расщепления первобытных мононорм, из которых, помимо него, выделилась и мораль[260].

Однако не все разделяют эту закономерность правогенеза, подчеркивающую связь права с формированием государственности (там, где нет государства, нет и права)[261], некоторые ученые связывают возникновение права с обществом или с определенной ступенью его развития (где общество, там и право)[262].

Но, как бы то ни было, по крайней мере, уголовное право, требующее для своего воздействия на общественную жизнь не только свойств общеобязательной нормативности и формальной определенности, но и особого, общеобязательного и

---

[260] См.: Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии. В кн.: Исследование по общей этнографии. М., 1979. С. 219 - 220.

[261] См.: Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 2007. С. 280; Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. С. 41 – 42.

[262] См.: Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 53 – 54; Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С.17; Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2001. С. 329; Шалютин Б.С. Становление права // Государство и право. 2011. №.5. С.5.

всеми признаваемого механизма принуждения, органически связано с возникновением государства и деятельностью его органов власти.

Мы разделяем мнение А.И. Бойко о том, что официальное, «настоящее» уголовное право начинается у всех народов по достижению государственной ступени общежития, появляется государство, а с ним и уголовное право в классическом его понимании[263].

Третья предпосылка непосредственно обусловила формирование уголовного права в общем русле общеправовых закономерностей возникновения правовых норм. Она предопределила главное в предмете уголовного права и заключалась в объективной потребности защиты общества и его членов от наиболее опасных посягательств на их безопасность. Как реакция на эту объективную потребность социальной жизни возникло уголовное право с характерными для него запретительно-карательными средствами воздействия. Верно утверждает А.Э. Жалинский, уголовное право «возникло в качестве ответа на потребности как населения в безопасности, предсказуемости, повышении – в возможных пределах – комфортности социальной жизни, хотя бы минимальной, так и власти, стремящейся к легитимации необходимого ей насилия»[264].

Следует отметить, что третья предпосылка формирования уголовного права выражалась не только в возникновении объективно обусловленной потребности защиты общества и его членов от наиболее вредоносных посягательств на их безопасность, но была связана с важным идеологическим моментом - с коллективным осознанием того, что преступление это не только частное, но и общественное зло, представляющее социальную опасность для всего общества. На закономерную зависимость установления уголовно-правового запрета от общественного интереса обращали внимание еще дореволюционные ученые[265]. «Путем долгого и горького опыта человечество пришло к сознанию, что преступник задевает не только непосредственно потерпевшего, страшен не ему

---

[263] См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Петрашева. М.,1999. С.19-20.

[264] См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 10.

[265] См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. Том 1. СПб., 1902. С.74.

одному, но и всем окружающим»[266]. Следовательно, в самой зависимости возникновения уголовного права от формирования представления о преступлении как деянии, причиняющем вред всему обществу как целостному организму, обнаруживается еще одна закономерность.

Действие этой закономерности предопределило существенный, выражающий социальную сущность, материальный признак всякого преступления, его общественную опасность как способность причинять значительный вред интересам и условиям существования общества. В силу этой закономерной связи, высказанная в российской литературе идея об отказе от этого объективного свойства преступления в его определении, обоснованная политизированностью и декларативностью признака общественной опасности[267], представляется нам не только опасной, но и искусственной, как раз из-за декларативности и политизированности формального определения преступления без указания его материального признака[268]. Именная эта закономерная связь возникновения, дальнейшего развития уголовного права и преступления как его имманентного явления с категорией общественной опасности легитимизирует репрессивную реакцию государства на человеческое поведение, придает государственному насилию справедливый и правовой характер. Существенная и необходимая связь уголовного права с явлением общественной опасности, дающая объективное основание для криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности, обусловливающая конструирование составов преступлений и санкций уголовно-правовых норм, обеспечивающая справедливость наказания, влияющая на категоризацию преступлений и дальнейшее, посткриминальное положение виновного, позволяет признать в качестве ключевой генетической, а

[266] См.: Абрашкевич М.М. Эволюция идеи о преступлении и наказании. Публичная лекция. Одесса, 1903. С. 9.

[267] См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 3: Понятие преступления. СПб., 2005. С. 63.

[268] См.: Рожнов А.П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. №3. С. 38 – 42.

далее функциональной закономерности органическую связь уголовного права с категорией общественной опасности[269].

Возникновение правовых норм из мононорм первобытного общества, имеющих моральное и религиозное содержание, предопределило глубокую связь права с моралью и религией, особенно это касается уголовного права, освященного моральными идеалами и ценностями (принципами равенства, справедливости, гуманизма). Поэтому не случайно, что субъективное восприятие и оценка населением уголовного закона и практики его применения происходит главным образом с точки зрения этих моральных и этических категорий.

Отсюда вполне закономерно то существенное, необходимое и традиционное влияние, которое оказывают принятые в обществе нравственные представления о добре и зле, моральном и аморальном, справедливости и несправедливости, на решение вопросов о преступном и наказуемом.

Поэтому не случайно, что проблема соотношения преступного и аморального, а также в целом моральных и уголовно-правовых норм, всегда привлекала внимание ученых. Некоторые авторы, исходя из этой органичной связи, признавали обязательным свойством преступного деяния его аморальность, т.е. нарушение им не только уголовного закона, но и моральных норм[270]. Так, Н.Ф. Кузнецова утверждала, что «все без исключения преступления аморальны», но «близость соприкосновения их со средой аморальной различна»[271], а И.И. Карпец писал, что «уголовный закон должен иметь не только политическое, но и этическое обоснование»[272].

О морально-этической и религиозной обусловленности и обоснованности уголовного права говорят и современные ученые[273]. О.Н. Бибик рассматривает

---

[269] О существенном влиянии категории общественной опасности на уголовное право см., в частности: Устинова Т.Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т.100, №3. С. 63 – 72.

[270] См.: Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 49 – 53.

[271] См.: Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967. С. 50.

[272] См: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 9.

[273] См.: Пудовочкин Ю.Е. Об этических вопросах уголовно-правового запрета // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4); Тер-Акопов А.А. Христианство. Государство. Право. М., 2000; Герасимов А.М. Нравственность в уголовном праве России: Дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006; Галактионов С.А. Принцип справедливости: уголовно-правовой аспект: Дисс. … канд. юрид. наук. Рязань, 2004.

влияние на уголовное право норм морали, считает, что его наиболее значительным среди иных социальных норм, поскольку во многих случаях уголовное право осуществляет охрану моральных норм, оказываясь таким образом обусловленным по содержанию охраняемыми моральными нормами. Религиозные нормы, по мнению автора, также выступают в качестве социального источника уголовного права[274].

Как верно отмечает А.И. Коробеев, учет моральных категорий (в частности, справедливости) столь же необходим и в процессе пенализации общественно опасных деяний, ибо наказания за преступления должны адекватно отражать нравственные воззрения народа на преступления, на лиц, их совершающих, на меры борьбы с ними[275].

Исследуя нравственно-религиозные корни уголовного права, А.И. Бойко формулирует ряд тезисов, раскрывающих закономерность взаимовлияния уголовного права и морали: религия и мораль служат очищающей средой для уголовного права, задающей ему общечеловеческое измерение; в случае возможной коллизии уголовного права и морали, последняя должна иметь приоритет; «золотое правило нравственности» должно найти отражение в основании уголовной ответственности, каковым должно признаваться деяние, противоречащее не только уголовному закону, но и основным нравственным заповедям; при этом нарушение лицом при совершении умышленного преступления основных нравственных и религиозных заповедей должно исключать его освобождение и поощрение[276].

Истина, как всегда, где-то посередине, с одной стороны, нельзя отрицать существенную и необходимую связь уголовного права с моралью, позволяющую справедливо решить многие вопросы уголовного права (определения круга преступного, характера наказуемости, смягчения и освобождения от ответственности и наказания) и тем самым добиться его соответствия

---

[274] См.: Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 11.

[275] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С.45.

[276] См.: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. С. 18 -19.

общественным интересам и моральным ценностям, с другой стороны, нельзя ставить в абсолютную зависимость решение эти вопросов от идеологических, особенно религиозных воззрений, поскольку современное общество в этом отношении плюралистично и релятивно[277].

Исторический анализ показывает, что уголовное право в своем возникновении было связано с институтом табу, потребностями общества по охране его интересов от наиболее опасных посягательств, а также с появлением государственной власти, представители которой осознали угрозу общественной безопасности от преступных деяний и, основываясь на опыте запретительно-карательной деятельности первобытной эпохи, начали противодействовать им с помощью позитивного уголовного права. Поэтому обусловленность появления уголовного права указанными социальными явлениями, содержит в себе ряд генетических закономерностей, поскольку имеет существенный, необходимый, повторяющийся в любом обществе характер.

Однако при формулировании этих закономерностей надо учитывать не только то, что уголовное право возникло из табу, но еще и то, что в какой-то момент табу и прочие архаичные нормы перестали выполнять свои охранительные функции в новых, более развитых, сложных и цивилизованных общественных условиях, потребовался новый инструмент. Этот инструмент не мог быть совсем другим, он учитывал опыт табуирования, но формировался с учетом качественно своеобразных условий и потребностей классового и государственно организованного общества, приобрел новые качества писаных общеобязательных юридических норм, обеспечиваемых государственным принуждением.

Поэтому хотя становление уголовного права есть исторический процесс, имеющий нормативно-регулятивные предпосылки в первобытном обществе, тем не менее ближайшим и непосредственным образом возникновение отрасли связано с появлением писаных источников запретов, установленных государством для

[277] Например, брак умыканием или похищение невесты, достаточно распространенный в кавказских республиках обычай, если учесть его в основании уголовной ответственности и освобождении от нее, то для разных народов это будет влечь различные уголовно-правовые последствия.

охраны общего блага и поддерживаемых угрозой наказания как государственного принуждения.

Следовательно, возникновение позитивного уголовного права исторически ознаменовано появлением писаных его норм, первые из которых у всех народов содержали запреты на такие безусловные посягательства, как убийства, нападения на здоровье, хищения.

Как пишет М.В. Владимирский-Буданов, «общее значение уголовных постановлений договоров с греками для истории русского уголовного права заключается в том, что ими определяется исходный момент развития этого права: если право народа столь первобытного, каковы были руссы X в., легко могло быть согласовано с правом народа такой древней цивилизации, каковы были византийцы, то, очевидно, что основные уголовные понятия тождественны у людей всяких ступеней развития. И младенческие народы признают, что убивать, наносить побои, красть непозволительно. Уголовное право исходит из общих законов физической и психической природы человека, а не из искусственных воспрещений законом тех или других деяний[278].

Поэтому здесь, на начальном этапе развития содержания уголовного права, общем для любого общества и государства, обнаруживается еще одна закономерность: чем древнее уголовное право, тем более оно связано с удовлетворением потребностей людей в охране их естественных прав и интересов и тем более оно едино у всех народов. И, напротив: чем развитей уголовное право, тем более оно связано с социально-экономической и политической обстановкой в конкретной стране и тем более оно приобретает национальное своеобразие.

Существование этой закономерности, отражающей наличие первичных или традиционных уголовно-правовых запретов, дало основание для выделения в уголовном праве двух категорий преступлений – mala in se и mala prohibita[279]. К числу первых принадлежат те, которые посягают на естественные неотчуждаемые

[278] См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.,2023. С. 367.

[279] См.: Фокс В. Введение в криминологию. Перевод с английского / Под ред.: В.М. Коган, Б.С. Никифоров. М, 1980. С. 266.

права человека поэтому являются общественно опасными в силу естественно-природных причин и признаются преступными независимо от конкретных социально-экономических и политических условий (в частности, убийства, изнасилования, хищения). К числу вторых относятся деяния, общественная опасность и преступность которых обусловлена нарушений принятых государством регулятивных норм (в частности, различные преступления, связанные с нарушением специальных правил). Поэтому если первые одинаково преступны в любом обществе и государстве, то круг преступлений второй группы различается в зависимости от культурных традиций, социально-экономического и политического строя и национальной правовой системы страны.

Из того факта, что естественно-природное бытие человека предшествовало его социально-экономическому, общественно-политическому и правовому бытию, вытекает закономерность, которая выражается в последовательности закрепления в уголовном праве сначала преступлений mala in se (по своей природе), затем преступлений mala prohibita (согласно закону).

Несмотря на то, что единого термина «преступление» длительное время не существовало[280], тем не менее, само явление преступного как запрещенного общественно опасного деяния и связанное с ним наказание как кара за содеянное были органично присущи содержанию уголовного права с момента его возникновения. Понятия преступного и наказуемого неотъемлемы от уголовного права, наиболее глубоко выражают его сущность и содержание. Если, скажем, понятия соучастия, множественности, стадий, безусловно важны для уголовного права, но влияют на более или менее эффективное его функционирование, то категории преступление и наказание представляют собой конститутивные явления, определяющие сущность и основное социально-политическое и специально-юридическое содержание уголовного права. Фундаментальным значением понятий «преступление» и «наказание» для уголовно-правовой материи обусловливается и

[280] См.: Георгиевский Э.В. Общее понятие преступного в истории уголовного права России: терминологическое многообразие // Государство и право. 2008. №4. С. 83 – 89.

само название отрасли («уголовное» право от «головничество» или «головы не имати»; criminal law, criminalrecht, penal law, strafrecht)[281].

Таковы закономерности, выражающие общую логику становления уголовного права, прокладывающие себе дорогу и в истории России, дорогу, хотя и проторенную этими общими закономерностями возникновения отрасли, но вымощенную конкретными историческими памятниками законодательства и событиями[282].

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности уголовного правообразования* – это существенные, устойчивые и повторяющиеся связи уголовного права с социальными и правовыми факторами, обусловливающими его содержание, а также между различными периодами истории российского уголовного права (дореволюционным, советским и постсоциалистическим), которые выражают особенности его возникновения, дальнейшего формирования и развития в системе социального и правового регулирования и характеризуют его социально-политический и специально-юридический генезис.

Среди закономерностей, характеризующих уголовное правообразование как сложный и длящийся процесс, могут быть выделены: закономерности возникновения, закономерности формирования и закономерности развития уголовного права.

2. *Закономерности возникновения уголовного права* – это общие, существенные и необходимые связи, выражающие предпосылки и условия его появления в системе социального и правового регулирования.

3. Проведенное историко-правовое исследование дает основание выделить следующие закономерности возникновения уголовного права:

– становление уголовного права на основе нормативно-регулятивного

[281] См.: Голик Ю., Елисеев С. Понятие и происхождение названия «уголовное право» // Уголовное право. 2002. №2. С. 14 – 16.

[282] Подробнее см.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. М., 2014.

опыта первобытных обществ (регламентации поступков людей посредством общих правил, установления запретов на совершение тех или иных действий, строгая обязательность соблюдения которых обеспечивалась жесткими и твердо фиксированными санкциями, применения наказания в зависимости от степени общественной значимости содеянного, санкционирование обычаев, запрещающих действия опасные для жизнедеятельности рода, в частности, о недопустимости убийств, хищений);

– генетическая зависимость уголовного права от первобытных обычаев, выраженных в табу, обладающих родственными для уголовно-правовых запретов свойствами (охранительного и предупредительно-карательного предназначения в общественной жизни, непререкаемости запретов определенных опасных деяний, неукоснительности их соблюдения под страхом наказания и строгой наказуемости за нарушения);

– происхождение основных методов уголовной политики (криминализации и пенализации) от средств первобытного табуирования (запрещения опасных действий и их наказуемости);

– возникновение уголовного права обусловлено тем, что табу и прочие архаичные обычаи, действующие в условиях родоплеменной организации первобытных обществ, по мере ее разложения и их движения к цивилизации, социального развития и усложнения, классового расслоения и государственной организации перестали выполнять свои охранительные функции, в связи с чем потребовалась более мощная запретительно-карательная система;

– обусловленность возникновения уголовного права появлением письменных источников его запретов, установленных государством для охраны общественного порядка и поддерживаемых угрозой наказания как государственного принуждения;

– происхождение уголовно-правовых норм от «мононорм» и табу первобытного общества, имевших моральное и религиозное содержание, предопределило глубокую связь уголовного права с моралью, обусловленность норм о преступном и наказуемом нравственными представлениями общества о добре и зле, справедливости и несправедливости, праведности и грехе;

– имманентности уголовно-правовой материи преступления и наказания как основных понятий и производности от них названия отрасли («уголовное» право от «головничество» или «головы не имати», criminal law, criminalrecht, penal law, strafrecht);

– возникновение уголовного права с предписаний, аналогичным современным нормам-запретам Особенной части;

– последовательное закрепление в уголовном праве вначале преступлений mala in se (по своей природе), затем преступлений mala prohibita (согласно закону).

§ 2. Закономерности формирования уголовного права

Формирование уголовного права представляет собой социально и криминологически обусловленный перманентный процесс, благодаря которому появляются, изменяются и отменяются уголовно-правовые нормы, складываются различные институты уголовного права, позволяющие адаптировать его содержание под актуальные криминальные угрозы и ведущие тенденции развития преступности, модернизировать систему уголовно-правовых мер и последствий для более эффективного решения предупредительных, карательных и восстановительных задач, обеспечить его межотраслевую согласованность и взаимосвязь с предписаниями других правовых отраслей.

Несмотря на множество объективных и субъективных факторов, которые влияют на этот процесс, можно выделить ряд наиболее существенных связей и зависимостей, детерминирующих содержание уголовного права.

Для более предметного и всестороннего выявления закономерностей формирования уголовного права следует учитывать влияние на его содержание многообразных факторов, выражающих, с одной стороны, его экономическую, политическую, социокультурную и криминологическую обусловленность, а с другой стороны, его конституционно-правовую, международно-правовую, регулятивно-правовую и административно-деликтную обусловленность.

Сообразно этому можно выделить закономерности формирования социально-криминологического и специально-юридического содержания уголовного права.

К закономерностям формирования социально-криминологического содержания уголовного права относятся:

1) *экономическая обусловленность уголовного права*.

Влияние явлений экономического характера на формирование уголовного права заключается в следующем[283].

Влияние экономических отношений на криминализацию деяний. Осуществляя охрану сложившихся в обществе экономических отношений посредством установления уголовной ответственности за их общественно-опасные нарушения, уголовное право отражает принципы и специфику этих отношений, их рыночный, административно-командный или смешанный характер. Следовательно, существенное изменение экономических отношений, при котором рыночная экономика сменяет административно-командную систему или наоборот, обусловливает трансформацию и так называемого экономического уголовного права.

Так, уголовное законодательство советского периода охраняло плановую экономику, основанную на социалистической собственности, особенно с конца 1920-х гг. когда в ней усилились планово-директивные начала, в связи с чем уголовно-правовые нормы предусматривали повышенную ответственность за преступления против социалистической собственности, признавали преступными ростовщичество, частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество, спекуляцию, занятие индивидуальной трудовой деятельностью, злостное повышение цен на товары в условиях государственного ценообразования, несоблюдение обязательных стандартов, нарушения законов о национализации земли, тунеядство, искажение отчетности о выполнении государственных планов,

[283] Некоторые аспекты взаимосвязи уголовного права и экономики уже обсуждались в литературе см., например: Русанов Г.А. Проблемы уголовно-правового воздействия государства на экономику. М., 2019; Генрих Н.В. Экономика как объект уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 45 – 50.

поборы и нарушение правил торговли в условиях товарного дефицита, обеспечивали охрану государственной монополии в большинстве сфер экономической деятельности и выполнение производственного плана.

Советский опыт свидетельствует, что в условиях плановой, с административно-командной системой управления экономики, с господством одной формы собственности и высоким уровнем монополизации[284], государство все в большей степени стремится контролировать экономическую деятельность и решать хозяйственные проблемы, используя для этого репрессивные в том числе уголовно-правовые методы; по мере же либерализации экономической политики в период перестройки сокращается вслед за ограничением вмешательства государства в сферу экономической деятельности и объем действующих в ней уголовно-правовых запретов[285].

Переход России к рыночной экономике и процесс принятия нового «экономического» законодательства обусловили не только декриминализацию вышеназванных деяний, но и защиту новых рыночных отношений путем закрепления единых пределов наказуемости преступлений против всех форм собственности, установление уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, посягательства на интересы кредиторов и отношения добросовестной конкуренции, незаконное предпринимательство и иные нарушения порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

С точки зрения влияния экономики на криминализацию следует отметить ряд закономерностей:

---

[284] См.: Ясин Е.Г. Российская экономика. В 2-х книгах. Книга 1. Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2019. С. 37.

[285] Подробное историко-правовое доказательство этой закономерности см.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 28 – 64. А.В. Похмелкин и В.В. Похмелкин верно пишут: «Тоталитарная уголовная политика свято служила охране государственного монополизма в экономике и удержанию всех субъектов экономического взаимодействия в рамках, заданных административно-командной системой. В корне иное положение складывается в условиях рыночной экономики, где абсолютно преобладают естественно формирующиеся договорные хозяйственные связи, а авторитарным отношениям отводится весьма скромное место… Фронт борьбы с экономической преступностью в результате значительно сужается. Уголовная политика сосредотачивается на защите рыночных отношений от действий, нарушающих их природу и законы функционирования» (см.: Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Идеология и уголовная политика. М., 1992. С. 106 – 107; Похмелкин А. Идеология, рынок, уголовная политика // Социалистическая законность. 1991. №1. С. 50 – 52).

– зависимость объема криминализации в сфере экономических отношений от уровня их сложности: чем более развиты и многообразны экономические отношения, тем потенциально больше видов их нарушений и непосредственных объектов уголовно-правовой охраны а, следовательно, шире круг криминализированных деяний в экономической сфере;

– зависимость объема криминализации от вида экономической системы: при сравнительно равном уровне развития экономических отношений для стран с административно-командной (плановой) системой экономики характерен наибольший объем уголовно-правового воздействия, а для стран с рыночной системой наименьшее давление криминализации на экономику.

Кроме того, состояние экономики, уровень благосостояния населения отражается на экономических показателях криминообразующих признаков, выражающих стоимостное значение ущерба, дохода или размера, необходимого и достаточного для признания деяния преступлением.

Влияние экономических отношений на пенализацию деяний. Уголовный закон предусматривает ряд наказаний и иных уголовно-правовых мер имущественного характера (штраф, исправительные работы, конфискация имущества, судебный штраф). Размер штрафа определяется с учетом среднего уровня дохода населения и имущественного положения лица, совершившего преступление.

Влияние экономических отношений на депенализацию деяний. Уголовный закон устанавливает ряд оснований смягчения и освобождения от уголовной ответственности и наказания, связанных с имущественным, в том числе денежным возмещением ущерба и заглаживанием вреда, причиненного преступлением. При это социальное предназначение восстановительных мер в уголовном праве также зависит от вида экономической системы: при плановой экономике они в большей мере удовлетворяют государственный и общественный интерес (например, ст. 51, 52 УК РСФСР 1960 г.), а в условиях рыночной экономики они нацелены на преимущественное устранение вреда, причиненного преступлением частному интересу потерпевшего (в частности, ст. 76, 104^3 УК РФ)

Таким образом, закономерности экономической обусловленности уголовного права – это связи экономической и уголовной политики, которые выражают зависимость процессов криминализации и пенализации от основных принципов, законов и закономерностей действующей в стране экономической системы, характерных для нее свободы экономической деятельности и ограниченного вмешательства государства, многообразия и равенства форм собственности, добросовестной конкуренции и рыночного ценообразования или, наоборот, административно-командных и планово-регулирующих начал.

Проведенный нами анализ позволяет выявить два аспекта взаимосвязей уголовного закона с общими и специфическими экономическими законами и закономерностями[286].

Первый аспект – обусловленности объективными экономическими законами и закономерностями уголовно-правовых запретов в сфере экономики. Например, развитием конкуренции как закономерности рыночной экономики[287] обусловлено установление уголовной ответственности за ряд деяний, нарушающих отношения добросовестной конкуренции (ст. 178, 179, 180, 181, 183, 184 УК РФ).

Второй аспект – ограничения объективными экономическими законами и закономерностями, характеризующими функционирование и развитие экономики, пределов ее правового, в том числе уголовно-правового регулирования. Поскольку свободная рыночная экономика функционирует и развивается по своим собственным объективным законам и закономерностям, постольку не только регулятивное, но и уголовное правотворчество, чтобы найти оптимальный баланс между целесообразностью уголовно-правовой борьбы с общественно опасными формами поведения в сфере экономической деятельности и необходимостью ограниченного вмешательства государства в рыночную экономику, должно учитывать непосредственно управляющие ею экономические закономерности и

---

[286] Подробнее об этих категориях экономической науки см., например: Ашмаров И.А., Сурель И.А. Экономические законы и закономерности в экономической теории // Вестник экономической теории. 2009. Т.1. №1. С. 38 – 41.

[287] См.: Медушевская И.Е. Конкуренция как закономерность рыночной экономики и специфика ее проявления в транзитарном хозяйстве России: дисс. … канд. эконом. наук. Тамбов, 2001.

законы спроса и предложения, производства и обмена, распределения и потребления[288]. Как пишут специалисты, они «действуют прямо и неотвратимо, их следует знать и учитывать, и нельзя идти вразрез с объективными законами, иначе будут иметь место невосполнимые потери ресурсов, продукции, стоимости и капитала»[289].

Объективные экономические законы и закономерности ограничивают вмешательство государства в том числе уголовного закона в сферу экономической деятельности в той мере, в какой они сами, как естественный порядок вещей, приспосабливают производственные отношения к изменению производственных сил, определяют рыночную стоимость, разделение, перемены, кооперации и производительность труда, экономию времени и энергии, ограниченность ресурсов и возвышение потребностей, спрос и предложение.

В связи с этим важно отметить, что функционирование в современной России смешанной экономики, сочетающей черты рыночной и административно-командной системы[290], с тенденцией усиления зависимости от административной власти[291], сопровождается достаточно широкой, местами чрезмерной криминализацией в сфере экономической деятельности. В такой ситуации особую актуальность приобретают рассуждения А.В. Наумова о том, что «высшее назначение уголовно-правовых норм в развитии экономических отношений – это их способность не мешать им»[292].

2) *политическая обусловленность уголовного права*.

Поскольку уголовное право находится в распоряжении государства, а вопросы преступного и наказуемого относятся к его политическим задачам, поэтому реализуемый им внутри- и внешнеполитический курс, его интересы и

---

[288] См., например: Гусаков В.Г. Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики. Мн., 2006.

[289] См.: Аграрная экономика: термины и понятия: энциклопедический справочник / В.Г. Гусаков, Е.И. Дереза. Мн., 2008. С. 118 – 126.

[290] См., например: Викуленко А.Е. Характеристика развития экономической системы России // Экономический вектор. 2019. №3 (18). С. 6.

[291] См.: Явлинский Г.А. Экономическая система современной России и вопросы экономической политики. URL: https://www.yavlinsky.ru/article/lektsiya-i-resh-tsemi-ran-ekonomicheskaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-voprosy-ekonomicheskoj-politiki/ (дата обращения - 10.08.2024 г.).

[292] См.: Наумов А.В. Переход к рынку и уголовный закон // Известия. 1990. 29 окт.; Он же. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. №2. С. 28 – 35.

приоритеты, через уголовно-правовую политику детерминирует содержание уголовного законодательства.

Влияние внутренней и внешней государственной политики на формирование уголовного права выражается в следующем.

Влияние внутриполитических процессов на криминализацию деяний и ценностные приоритеты уголовно-правовой охраны. Известно, что революционные события, произошедшие в России в начале XX века, связанные со свержением монархии и установлением советской власти, существенным образом повлияли и на формирование нового социалистического уголовного права, которое началось с криминализации наиболее опасных для возникшего советского государственного строя деяний, затем окончательно систематизировалось для приоритетной охраны классовых интересов правящей коммунистической партии. Столь же закономерно, что общественно-политические изменения, связанные с демократизацией социальной жизни в конце XX века и распадом Союза ССР, существенно затронули и уголовное право, что повлекло, в частности, отмену ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду, за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй, и одновременно смену приоритетов и расширение уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина. Начавшиеся с 2000-х годов и обострившиеся в настоящее время внешне- и внутриполитические процессы обусловили очередную смену уголовно-политического курса в России, преобладающими чертами которого является смещение приоритета охраны на государственную безопасность, увеличение объема криминализации и ужесточение санкций, прежде всего, в сфере защиты государственных и общественных интересов[293].

Влияние политического режима на роль, объем и репрессивность уголовного права.

[293] Подробнее см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 93.

В истории уголовного права отчетливо прослеживается зависимость меры и репрессивности уголовно-правового воздействия в обществе от политического режима в стране и уровня легитимности государственной власти: антидемократические режимы характеризуются ведущей ролью уголовного права в системе социального-правового регулирования, высокой степенью его репрессивности и широкими рамками криминализации, и наоборот, по мере демократизации общественно-политической жизни на передний план выходят позитивные социально-правовые регуляторы, роль уголовного права и степень его репрессивности снижаются, а границы криминализации сужаются и формализуются.

Исторический опыт (в частности, Германии, Италии, СССР) свидетельствует, что везде и всегда авторитарные и тоталитарные режимы широко используют средства уголовно-правового воздействия для защиты своей политической власти, социально-экономического управления и государственного контроля за внешними и идеологическими аспектами жизни общества и человека. Слом авторитаризма и тоталитаризма, демократические процессы обновления жизни общества, как видно на примере указанных стран, закономерно приводят к смене репрессивной на либеральную модель уголовной политики а, следовательно, к гуманизации и либерализации уголовного законодательства.

Как верно отмечает О.С. Капинус, рост объемов уголовной репрессии детерминирован наличием глубокого кризиса в отношениях общества и государства. Общая закономерность здесь такова. Когда общество и государство отчуждены друг от друга, когда их интересы расходятся, интенсивность уголовно-правовой репрессии, как правило, возрастает, так как уголовно-правовые меры используются не только для противодействия деструктивному антиобщественному поведению, борьбы с реальными криминальными угрозами, но и для обеспечения безопасности элит, сохранения власти, для репрессий в отношении протестных групп населения, «инакомыслящих». И наоборот: если векторы общественных и

государственных интересов совпадают, если уровень взаимного доверия высок, то объемы и интенсивность уголовно-правовой репрессии снижаются[294].

Данная закономерность имеет еще один важный аспект, который выражается следующим образом: в странах с антидемократическими политическими режимами господствует роль уголовного права как средства управления обществом со стороны государства, и, напротив, в демократических странах преобладает его роль как средства управления государством со стороны общества (иными словами, не человек существует для уголовного права, а уголовное право для человека, приоритетной охраны его прав, свобод и интересов от преступных посягательств, ограничения произвола государственной власти).

Отмеченная закономерность зависимости содержания уголовного права от политического режима в стране служит достаточно точным и тонким индикатором, который позволяет зафиксировать весьма существенные и последовательные изменения в уголовном законодательстве, происходящие вследствие смены политического курса[295]. Курс на построение сильного государства в России, взятый с начала 2000-х годов, закономерно сопровождается трансформацией содержания российского уголовного права в направлении расширения сферы криминализации, преимущественной защиты государственных интересов прочно ассоциированных со стабильностью действующей политической власти и отождествляемых с главой государства, активного его использования для решения текущих социально-экономических задач и идеологического контроля. Рассматривая связь концепции сильного государства с содержанием уголовной политики и уголовного права, Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев справедливо отмечают, что такое направление их

---

[294] См.: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. №4. С. 37 – 46. Об особенностях права при авторитаризме см., например: Тирских М.Г. Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. 2011. №3 (54). С. 109.

[295] Политологи и социологи, говоря о трансформации политического режима в стране, считают его «авторитарным, имитирующим демократию» (см.: Денисов С.А. Политический режим современной России // Политическая концептология. 2018. №2. С. 146 – 156); режимом «мягкого авторитаризма» (см.: Дорожкин Ю.Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. 2016. №8. С. 14 – 18); «гибридным режимом парадемократии, находящимся на стыке авторитаризма и демократии, с опорой на ее институты и процедуры» (см.: Антонов Ф.С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. №2 (18). С. 174 – 184).

развития «несет в себе потенциальные риски тотального государственного контроля и сокращения масштабов свободы»[296].

Влияние качества внутренней политики государства на значение и содержание уголовного права.

Поскольку уголовная политика является частью внутренней политики государства и системы социального управления, то ее содержание зависят от общей политической эффективности: чем ниже профессионализм, желание и легитимность власти решать текущие социально-экономические и иные проблемы жизни общества посредством позитивных стимулов и регуляторов, тем выше востребованность и репрессивность уголовного закона (как следствие: уменьшение в правовом регулировании удельного веса субъективных прав, дозволений и смещение центра тяжести на обязывание и запреты, сужение границ социальной свободы и активности, доминирование страха в обществе, рост социального напряжения, недовольства и протеста). Исходя из субсидиарной роли уголовного права и минимально необходимых объемов криминализации и пенализации в системе социального, нормативно-правового регулирования и государственного управления следует, что объективно криминологически необусловленное возрастание меры, удельного веса и значения уголовно-правового воздействия в общественной жизни, одновременно означает «недостаток» и неэффективность других элементов этой системы в решении социальных задач, как правило, вызванные нежеланием или неспособностью государства выполнять свои социально-экономические функции нерепрессивными средствами, противодействовать преступности повышением уровня и качества жизни населения[297].

Влияние геополитических факторов на изменение национальной уголовной политики и уголовного законодательства.

---

[296] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131 – 144.

[297] Подробнее о проблеме связи уголовного закона и бессилия власти см.: Бабаев М.М. Пудовочкин Ю.Е. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. №3. С. 419 – 430.

Международная политическая обстановка оказывает наиболее существенное влияние на формирование уголовного права в условиях ее обострения, нарастающей геополитической напряженности, усиления межгосударственных противоречий и международных конфликтов, угроз глобальной и национальной безопасности, естественной и закономерной реакцией на которые является усиление ее защиты уголовно-правовыми средствами, а следовательно, преобладание в уголовной политике государственных и общественных интересов. При этом усиление мер уголовно-правовой охраны публичных интересов неизбежно, о чем свидетельствует мировой опыт, приводит к издержкам и потерям в области прав и свобод человека.

Наглядным подтверждением этой закономерности является современная российская уголовная политика, которая в условиях происходящих геополитических событий, связанных с противостоянием России и Запада (США, НАТО, Евросоюз) характеризуется приоритетной и усиленной уголовно-правовой охраной основ конституционного строя и национальной безопасности.

Об этом свидетельствуют многочисленные изменения, внесенные в УК РФ, на фоне неблагоприятной международной обстановки, направленные на криминализацию новых форм преступной деятельности и угроз, а также ужесточение уголовной ответственности за посягательства в области государственной и общественной безопасности (в частности, федеральные законы от 08.12.2020 г. №425-ФЗ, от 01.07.2021 №281-ФЗ, от 04.03.2022 г. №32-ФЗ, от 14.07.2022 г. №260-ФЗ, от 29.12.2022 г. №586-ФЗ, от 18.03.2023 г. № 58-ФЗ, от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ, от 31.07.2023 г. №398-ФЗ, от 25.12.2023 г. №641-ФЗ, от 28.12.2024 г. №510-ФЗ).

Как верно отмечает М.В. Бавсун, в условиях изменяющейся мировой конъюнктуры, в результате чего в опасное положение в первую очередь попадают государственные устои, приоритет охраны всегда будет смещаться в сторону основ

государственной власти и конституционного строя, в том числе в ущерб интересам личности[298].

3) *социокультурная обусловленность уголовного права*.

Влияние факторов социокультурного и цивилизационного развития на формирование уголовного права выражается в следующем.

Влияние состояния и особенностей общественного сознания на криминализацию и пенализацию.

История развития всякого человеческого общества и права отчетливо выражает в качестве общей тенденции то обстоятельство, что по мере приспособления людей к социальной жизни и овладения ее нормами и ценностями, по мере роста общественного правосознания, установления контроля над преступностью и снижения общего уровня ее общественной опасности, удельный вес уголовно-правового воздействия в системе социального регулирования постепенно уменьшается, а сами его методы становятся более гуманными. Об этом свидетельствует смягчение наказаний, появление альтернативных им восстановительных и превентивных средств и развитие позитивных социально-правовых регуляторов.

Между тем эта общая тенденция, имеет разную степень развития и устойчивости в зависимости от особенностей национального характера, оказывающих существенное влияние на процессы криминализации и пенализации.

Закономерность влияния этнопсихологических и этнокультурных факторов такова, что роль, объем и репрессивность уголовного права в жизни общества уменьшаются в условиях присущих ему индивидуализма, внутренней свободы, социальной активности, плюралистичности и саморегуляции и, наоборот, возрастают в условиях коллективизма, пассивности, традиционализма, патернализма и этатизма.

---

[298] См.: Бавсун М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. №3. С. 485; Бавсун М.В. Предпосылки и перспективы трансформации Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации в условиях современной геополитической обстановки / М. В. Бавсун // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летнему юбилею профессора В.П. Коняхина: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Краснодар, 01–02 февраля 2024 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. – С. 332-336.

В области правосознания данные идеологические и социально-психологические особенности народов, продуцируют репрессивное или либеральное мышление большей части населения страны, уровень ее карательных притязаний, представления о роли и возможностях использования уголовно-правовых средств в решении текущих социально-экономических и политических проблем и, тем самым, обусловливают тот или иной объем и уровень репрессивности уголовно-правового воздействия.

Кроме того, эта ментальная основа в зависимости от ее репрессивного или либерального характера благоприятствует или препятствует политической власти проводить ту или иную модель уголовной политики. Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев верно отмечают, что общественное мнение, выступающее за решительное усиление мер наказания преступникам, является мощным и энергичным источником карательных идей, которые «подхватывает» законодатель[299].

Философы и социологи[300] отмечают в российском национальном характере, в том числе советских и постсоветских людей, весьма противоречивые черты, с одной стороны, говорят о свойственных ему стойкости и терпении, служении высоким идеалам, Родине, чувстве долга, самоотречении и подвижничестве, душевной теплоте и заботе о близких, тяги к справедливости и праведности, духовности, а с другой стороны, пишут о низкой самодисциплине и самоорганизации без принуждения и подчинения, разобщенности и приспособленчестве, правовом нигилизме, подданичестве и патернализме,

---

[299] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. М., 2020. С. 79.

[300] См.: Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3 – 6; Пибоди Д., Шмелёв А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии. 1993. №3. С. 101 – 112; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994; Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 112 – 114; Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69; Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 87 – 91; Бердяев Н.А. Судьба России. М. 2004; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997 – 2002. М., 2004; Кукоба О. А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 191 – 208; Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки. 2000 – 2005. М. 2006; Гудков Л. Д. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) // Вестник общественного мнения. 2007. №4. С. 8 – 27; Гудков Л. Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2 (100). С. 8 – 37; Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 22 – 33; Яковенко И.Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России / В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера (сост. А.П. Давыдов). М. 2009; Степун Ф. А. Мысли о России. М., 2017.

принятии контроля и произвола власти как должного, склонности к холуйству и раболепию, шовинизму, нетерпимости, насилию и крайностям.

Несмотря на некоторую идеологизированность оценок, разнообразие и изменчивость российского менталитета[301], безусловно, что его достоинства и слабые черты в силу закономерности связи правосознания с иными формами общественного сознания (морально-нравственным, политическим и философским) накладывают своеобразный отпечаток на содержание российской уголовной политики и уголовного законодательства, которые традиционно характеризуются, с одной стороны, достаточно высокой репрессивностью, избыточностью и завышенными ожиданиями, а с другой стороны, стремлением к гуманизации и либерализации, тем самым отражая противоречивость «русского национального характера», присущие ему метания из крайности в крайность.

Влияние ценностно-идеологической основы и ориентации общества на уголовное право.

Общая закономерность здесь выражается в аксиологической обусловленности уголовного права, в соответствии его содержания, в том числе объектов и приоритетов уголовно-правовой охраны, сложившейся в обществе системе и иерархии социальных ценностей[302]. Поскольку от степени адекватности объектов уголовно-правовой охраны социальным ценностям, разделяемым большинством населения, существенным образом зависит оценка справедливости и уровень соблюдения уголовно-правовых запретов в обществе.

Прежде всего, благодаря ценностному подходу к уголовному праву обнаруживается следующая закономерность. Как писал Н.Д. Сергеевский: «область преступных деяний изменяется в истории; но при том важнейшие преступные деяния отличаются несравненно меньшей изменчивостью, чем

---

[301] См.: Розов Н.С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика // Мир России. 2011. №2. С. 100 – 112.

[302] Подробнее о проблема аксиологической обусловленности уголовно-правовых запретов см.: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975; Винокуров В.Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. №8. С. 100 – 106; Усс А.В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 2015; Бочкарев С.А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т.2. №4. С. 73 – 80; Карабанова Е.Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №4. С. 72 – 83.

преступные деяния маловажные. Изменение первых зависит от крупных, коренных реформ и переворотов в государстве и обществе; между тем, вторые могут изменяться и действительно меняются быстро под влиянием самых скоропреходящих условий»[303]. Данную закономерность наглядно подтверждает развитие российского уголовного права. Сравнение дореволюционного, советского и современного уголовного законодательства показывает, что оно существенно отличается нормами, которые устанавливают уголовную ответственность за преступления, связанные с экономическими отношениями, организацией общественной безопасности и порядка, государственной власти, научно-техническим прогрессом и значительно совпадает в перечне преступлений, посягающих на общечеловеческие ценности (жизнь, здоровье, неприкосновенность, свобода, честь и достоинство, собственность)[304].

Следовательно, чем более универсальны ценности (блага), которые выступают объектами преступных посягательств, тем стабильнее они охраняются уголовным законом. Это доказывает важную для формирования и развития уголовного права закономерность стабильности объектов уголовно-правовой охраны, отражающих абсолютные ценности человека, и изменчивость объектов, выражающих относительные ценности, зависящие от современных социально-экономических и политических условий жизни общества. На основе системы общечеловеческих ценностей происходят процессы глобализации в области уголовно-правовой охраны и унификации уголовного права.

Вместе с тем, появление новых социальных ценностей и переоценка их иерархии как объектов уголовно-правовой охраны обусловливается не только экономическим, общественно-политическим и техническим развитием, но и фактором культуры[305].

---

[303] См.: Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. СПб., 1910. С. 62.

[304] Подробнее о развитии системы юридических фактов уголовного права см.: Андрианов В.К. Юридические факты в уголовном праве. Дисс. … канд. юрид. наук. М., 2013.

[305] Подробнее о роли культуры в развитии экономических, политических и иных институтов общества см.: Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000; Семененко И. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис (Политические исследования). 2003. №1. С. 5 – 23.

История российского государства конца XX века наглядно свидетельствует, что демократические процессы перестройки[306], связанные не только с кардинальными экономическими и политическими переменами, а, прежде всего, со сменой коммунистической идеологии на либеральную[307], признающую приоритет общечеловеческих ценностей, закономерно вызвали изменения уголовного законодательства, которые выразились в отказе от классового подхода к определению оснований уголовной ответственности и провозглашении уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина как первоочередной задачи и основополагающей идеи криминализации. Вместе с тем, как верно подмечают Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, к сожалению, сегодня эта идея выглядит «не более чем данью традиции, заложенной в начале 90-х гг. прошлого столетия, и по большому счету не отражает действительности»[308].

С точки зрения обусловленности уголовного права социокультурной традицией и динамикой общества может быть выделен еще ряд идеологических закономерностей формирования уголовного права.

Наиболее общая закономерность данной группы выражается в обусловленности содержания уголовного права и приоритетов уголовно-правовой охраны ценностно-нормативной моделью общества: для этакратического общества характерно существование такой ценностно-нормативной системы, которая

---

[306] По мнению М.С. Горбачева: «Оказалось, что нам нужны были не только глубочайшие преобразования политических и экономических структур. Нужна была революция в умах, глубочайшая перемена в области мышления» (см.: Горбачев М.С. Годы трудных решений. Избранное. 1985 – 1992. М., 1993. С.5). А.Н. Яковлев, один из идеологов демократического обновления социалистического общества, так характеризовал этот период: «Реформаторам перестроечной волны многое удалось сделать. Свобода слова и творчества, парламентаризм и появление новых партий, окончание «холодной войны», изменение религиозной политики, прекращение политический репрессий и государственного антисемитизма, возобновление реабилитации жертв репрессий, удаление из Конституции шестой статьи – о руководящей роли партии – все это совершилось в удивительно короткий срок – во время революции – Перестройки 1985 – 1991 годов. Это были сущностные реформы, определившие переход к новому общественному строю на советском и постсоветском пространстве» (см.: Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 29).

[307] Н.В. Елисеева, анализируя культурно-ценностное измерение истоков реформаторства в СССР, пишет, что перестройка была вызвана «не столько экономическим отставанием от развитых стран Запада, не столько сокращением производства и тому подобными факторами, сколько идеологическим обновлением, качественным перерождением политической культуры на всех уровнях советского общества под воздействием влияния на нее прогрессивной мировой мысли». По ее мнению, «сущность советского социализма обусловливалась в первую очередь идеологическими скрепами. Поэтому смена идеологии в конечном счете привела к распаду советской политической системы» (см.: Елисеева Н.В. Перестройка: советский проект реформирования СССР // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. №5. С. 55, 63).

[308] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 122.

предполагает расширение сферы государственного регулирования, включая сферу криминализации, приоритетную защиту государственных и общественных интересов в том числе в иерархии объектов уголовно-правовой охраны, а также использование правовых и уголовно-политических инструментов для обеспечения социальной сплоченности на основе единства коллективистских ценностей; и, наоборот, ценностно-нормативная система обществ демократического типа характеризуется приоритетом самоорганизации, саморегулирования, самостоятельности и индивидуалистических ценностей и подключением уголовного закона в качестве крайнего средства правового регулирования.

Среди более частных закономерностей данной группы могут быть выделены связи, выражающие зависимость содержания уголовного права от идеологии и аксиологии общества.

Одна из таких закономерностей состоит в том, что общество, в котором существует идеологический монизм, с характерной для него единой государственной и общеобязательной идеологией, объективно требует значительно большей уголовно-правовой охраны и меры воздействия, чем общество с идеологическим плюрализмом. В этом убеждает советское прошлое, с характерным для него существованием уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду, за диссидентство и иные опасные для господствующей официальной коммунистической идеологии действия.

Поэтому вполне закономерно, что «идеологическая составляющая уголовно-правового запрета была особенно востребована законодателем во времена существования социалистического уголовного права»[309]. Современный уголовный закон также играет заметную роль в противодействии распространению деструктивной идеологии, обеспечивая охрану государственной информационной политики и официальных идеологических установок, формирование безопасного информационного пространства, защиту российского общества и граждан от инакомыслия и иностранного идеологического и информационно-

[309] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 60; Голик Ю.В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб., 2007.

психологического влияния (ст. 205^2, 207^1, 207^2, 207^3, 212^1, 280, 280^3, 280^4, 282, 282^4, 284^1, 284^2, 330^1, 354^1 УК РФ).

Следующая закономерность обнаруживается в зависимости роли и содержания уголовного права в жизни общества от коллективистского и индивидуалистического типа его культуры: в обществе, тяготеющем к коллективным ценностям, предполагающим более высокую меру социальной ответственности и выполнение долга перед обществом, роль уголовного права как средства обеспечения социальной интеграции и сплоченности выше, а пределы вмешательства государства в частную жизнь, запретов и ограничений прав человека шире, чем в обществе, в котором преобладают индивидуальные ценности личности.

Социологические исследования свидетельствуют, что в российском массовом сознании сосуществуют как традиционные ценности (патернализм, этатизм, сакральное отношение к государству и упование на него, предоставление инициативы и ответственности «верхам», отношение к жизни в духе коллективизма и общинности, соборности и утверждения общенациональных ценностей для достижения согласия в стране) и ценности, сложившиеся в советский период (приоритет общенародных и государственных интересов, государственные гарантии социальной защищенности, социальная солидарность, державный комплекс), так и индивидуалистические ценности (права и свободы человека), связанные с демократизацией российского общества в 90-х гг. XX века[310]. При этом первые две категории коллективистских ценностей преобладают в российском менталитете[311], детерминируя определенную модель уголовной политики, особенностью которой является достаточно свободное конструирование уголовного закона государством и его активное вмешательство в социально-

[310] См.: Стратегия реформирования экономики России. Аналитический доклад Института экономики РАН // Вопросы экономики. 1996. №3. С. 4 – 73; Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5 – 23; Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 15 – 26; Он же. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. №3. С. 232 – 242.

[311] См.: Милюкова О.В., Федотов А.С. Этакратизм российского массового сознания // Власть. 2012. №7. С. 10 – 15.

экономическую, политическую и духовно-идеологическую сферы жизни общества, для обеспечения его сплоченности на основе единства традиционных, коллективных ценностей.

Основываясь на анализе эмпирических данных Института социологии РАН, специалисты отмечают, что российское массовое сознание является целостным мировоззрением державного типа, для которого характерна особая роль государства и его ответственность за обеспечение консенсуса в обществе, понимание России как особой цивилизации, которая зиждется на ценностной общности россиян[312]. Причем, как фиксирует Н.Е. Тихонова, «убежденность в том, что государство должно отстаивать интересы всего народа в целом как единой общности, а не права и интересы конкретных входящих в нее людей, с годами даже нарастает. Из этой нормы вытекают и многие другие. Так, с точки зрения россиян, в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их гражданских прав»[313].

Этакратизм общественного сознания как социокультурная специфика России, обусловленная объективными (природными, социальными, экономическими, политическими и иными) потребностями в сильном централизованном государстве[314], которое способно обеспечить целостность многонациональной и многоконфессиональной страны на основе единых ценностей, требует адекватного правового в том числе уголовно-политического сопровождения, которое в этой связи, не случайно, а в ходе естественного порядка вещей всегда воспроизводит более репрессивную по сравнению с западной либеральной традицией модель уголовно-правового воздействия. Как точно пишут

---

[312] См.: Аникин В.А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №5. С. 203 – 232; Аникин В.А. Глава 14. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / под общ. ред.: М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2016. С. 313 – 333.

[313] См.: Тихонова Н.Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №1. С. 24 – 34.

[314] См., в частности: Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб., 2004, с. 194 – 195; Розов Н.С. Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Политические исследования. 2011. № 1. С. 29 – 41.

Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев: «такая политика ориентирована на ширящееся вслед за расширением сферы присутствия государства в социальном пространстве применение средств уголовно-правового воздействия для преимущественной защиты государственных интересов, которые состоят в обеспечении стабильного (неизменяемого) функционирования сильной вертикали власти в обществе, консолидированном, в том числе посредством норм уголовного права, на основе консервативных патриархальных ценностей»[315].

Отсюда вполне закономерно, что в условиях становления нового коллективизма в современном российском обществе[316] и доминирования в нем «неоэтакратического» типа ценностно-нормативной системы со стержневой ролью государства[317] повышается и роль уголовного закона в обеспечении социальной интеграции.

Как отмечается в литературе, «идея использования уголовного закона не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов организаций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции, в том числе для поддержания социального спокойствия, доверия к государству, веры в справедливость, окончательно оформилась в масштабную законотворческую практику к 2010 г.»[318].

Не отрицая в принципе возможность использования правовых, в том числе уголовно-политических инструментов для поддержки социальной интеграции и обеспечения морального единства общества следует отметить, что характер такого использования зависит от того, вокруг какой системы ценностей происходит сплочение общества.

---

[315] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131 – 144.

[316] См.: Грищенко М.А. Новый коллективизм в социальном позиционировании россиян // Гуманитарий юга России. 2017. Т. 6. №3. С. 215 – 224.

[317] См.: Шкаратан О.И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 5 – 22; Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995 – 2010 годы // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 5 – 19; Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. С. 318.

[318] См.: Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2018. № 3. С. 12

В плане характера уголовной политики и уголовного права эта зависимость выражается в вопросе о том, насколько охраняемые уголовным законом ценности органичны для общества, поскольку российская история XX в. доказывает в качестве закономерности, что общественная консолидация вокруг политической власти и ее «морального кодекса», как правило, обеспечивается более силовыми и уголовно-репрессивными средствами, чем сплоченность общества на основе защиты его самобытных моральных ценностей. Следовательно, чем менее ценностно-идеологическая основа уголовной политики и уголовного права внутренне присуща общественному сознанию, чем менее глубокие корни она имеет в мировоззрении большинства граждан, тем уголовное законодательство более репрессивно к ним.

В этой связи важно упомянуть принятие в России Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[319].

В условиях утверждаемых и распространяемых в обществе ценностей традиционализма, гражданственности, державного патриотизма, служения и ответственности за судьбу Отечества, приоритета духовно-нравственных ценностей над материальными, коллективизма и народного единства, вполне закономерно, что современная практика криминализации обеспечивает уголовно-правовую охрану религиозных чувств верующих[320], исторической памяти

[319] См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «Консультант Плюс». Еще в 1999 г. В.В. Путин в своей статье вполне отчетливо назвал те исконные, традиционные ценности россиян, которые образуют и реализуют «российскую идею» и служат опорной точкой консолидации российского общества: патриотизм (чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями), державность (Россия была и будет оставаться великой страной), государственничество (у нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа; сильное, крепкое государство для россиянина источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен; общество желает восстановления направляющей и регулирующей роли государства), социальная солидарность (это факт, что в России тяготение к коллективным формам жизнедеятельности всегда доминировало над индивидуализмом; факт и то, что в российском обществе глубоко укоренены и пока преобладают патерналистские настроения) // Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря.

[320] См.: Иванчин А.В., Силантьев С.А. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т.8, №4. С. 52 – 57.

народов[321], объектов культурного наследия[322], традиционных сексуальных отношений[323], межнационального и межконфессионального согласия[324], доверия к государственной службе[325], а также противодействие насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей[326].

М.В. Бавсун пишет: «Как бы то ни было, но охрана традиций представляет собой важное условие сохранения целостности, самобытности и стабильности любого общества с возможным его развитием в дальнейшем»; напротив, игнорирование традиционных ценностей российского общества означает автоматическое игнорирование его менталитета, что обусловливает противоречивость и конфликтность содержания уголовного закона с общественным сознанием[327].

Ф.В. Чирков, рассматривая уголовно-правовую охрану традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве отдельного направления современной уголовной политики, полагает, что ее легитимность и эффективность напрямую определяются степенью воплощения в принимаемых государством нормотворческих и правоприменительных решениях конституционных стандартов и принципов регулирования уголовно-правовых отношений, первоочередное значение среди которых имеет обеспечение конституционной идентичности,

---

[321] См.: Шамсунов С.Х., Меркурьев В.В., Агапов П.В., Новиков А.В., Радченко Т.В., Шевелева К.В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука. 2022. Т.16, №2 (58). С. 127 – 145.

[322] См.: Редчиц М.А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №3. С. 50 – 60.

[323] См.: Али А.А., Минязева Т.Ф. Уголовная ответственность за нетрадиционные сексуальные отношения в Норвегии и Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1 – 4), №1. С. 97 – 110.

[324] См.: Бастрыкин А.И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т.16. №6. С. 167 – 170.

[325] См.: Луценко Е.П. Уголовная ответственность за фейки по действующему уголовному законодательству // Право и управление. 2022. №10. С. 145 – 149.

[326] См.: Хлебушкин А.Г. Осуществление деятельности организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности: вопросы квалификации и совершенствования законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №4 (80). 114 – 119; Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 204 – 209.

[327] См.: Бавсун М.В. Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики // Общество и право. 2016. №4 (58). С. 35.

баланса конституционных ценностей и солидарности общества[328]. Расценивая конституционализацию уголовной политики и уголовного права в качестве важнейшей закономерности их формирования и реализации, все же отметим, что традиционные ценности российского общества[329] влияют на уголовное право, прежде всего, в рамках его социокультурной обусловленности, выражающей более глубокий слой детерминированности его правового содержания закономерностями исторического процесса, при которой сущность, социальное предназначение и содержание уголовной политики и уголовного права прямо связаны с ценностно-смысловым ядром российского менталитета.

Именно доминирование в обществе коллективистских, консервативных, государственнических и авторитарных или индивидуалистических и либерально-демократических ценностей предопределяет существенные особенности уголовного права, характеризующие приоритеты в уголовно-правовой охране, объем криминализации и уровень репрессивности уголовно-правового воздействия.

Да и понятие конституционной идентичности определяется специалистами через ее соотношение с национально-культурной идентичностью[330], предполагает корреспондирование с цивилизационно-культурными основаниями и социокультурными ценностями конкретного общества и народа[331].

Следовательно, гораздо важнее и существеннее для формирования и эффективности системы уголовно-правовой охраны, в том числе, традиционных духовно-нравственных ценностей, не само по себе их провозглашение в документах стратегического планирования и обеспечение их соответствия

---

[328] См.: Чирков В.Ф. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 58 – 69.

[329] Согласно Указу Президента РФ от 09.11.2022 г. №809: «Традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России».

[330] См.: Информация Конституционного Суда РФ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

[331] См.: Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 36 – 42.

конституционным ценностям, а их национальная идентичность, их соответствие мировоззрению большинства граждан и имманентность ценностно-нормативной системе общества.

В этой связи современная уголовная политика и система уголовно-правовой охраны, основанная на традиционных, консервативных патриархальных ценностях, идеи государственности, является, с одной стороны, адекватной сложившемуся в России державному восприятию общества, при котором общие (страны, народа, государства) интересы и ценность общественного порядка ставятся выше интересов отдельной личности[332], а с другой стороны, в значительной мере расходится с запросом граждан на модернизацию и демократизацию в российском обществе, на уравновешивание сильного государства принципом социальной справедливости[333].

В рамках социокультурной обусловленности уголовного права может быть выделена также закономерность, выражающая зависимость эффективности криминализации и пенализации от того, насколько они соответствуют представлению общества о справедливости.

Поскольку через соответствие уголовно-правовых запретов своим интересам общество оценивает их справедливость, внутреннее убеждение граждан в их справедливости выступает наиболее эффективным мотивом, сдерживающим преступное поведение, а способность наказания восстанавливать социальную справедливость достигается тогда, когда оно само является воплощением справедливости, постольку законодатель должен учитывать принцип

---

[332] По мнению большинства россиян, государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности (см.: Тихонова Н.Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. №1. С. 29). Идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы имеет наибольшую и устойчивую поддержку у российского населения (Бызов Л. Г. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. 2010. Т. 19. № 1. С. 3 – 44; Дробижева Л.М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе // Мир России. Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 91 – 110).

[333] По данным соцопроса, 63% россиян считают, что «Россия должна стать демократическим государством, в котором обеспечиваются права человека, свобода самовыражения личности», в то время как 37% уверены, что «в России демократия не приживается». При этом, «служение стране и интересам своего народа отнюдь не является сегодня для россиян безоговорочной ценностью. Готовность к такому служению все в большей степени зависит от поведения власти, бюрократизация и коррумпированность которой разрушают ту систему норм и ценностей, в которой именно государство является становым хребтом нации и общества» (см.: Аникин В.А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №5. С. 211 – 214, 221 – 223).

справедливости при установлении уголовной ответственности за те или иные деяния[334].

При этом важно отметить, что влияние социального принципа справедливости на содержание уголовной политики и уголовного права зависит от особенностей развития этого явления общественного сознания. На наш взгляд, в тех обществах, в которых принцип справедливости больше направлен на внутренние политические и социально-экономические процессы общественной жизни (равный доступ к государственной службе, экономическим ресурсам, культурным ценностям, выравнивание условий для повышения качества жизни и благосостояния граждан, а также равенство других возможностей), он оказывает большее влияние на уголовную политику, сдерживающее и ограничивающее объем и репрессивность уголовно-правового воздействия, чем в обществах, в которых принцип справедливости нацелен на внешнеполитические процессы (обеспечение безопасности государства, восстановления баланса международных отношений и равноправного сотрудничества, защита соотечественников за рубежом и позитивного вклада государства в мировую историю и культуру) или недостаточно развит.

Оценивая закономерность связи уголовной политики и уголовного права с идей справедливости, следует учитывать, что представления о ней обладают разным морально-этическим и политико-экономическим содержанием и разной силой в различных обществах, выражаясь в мечте о правильном и честном устройстве государства, власти, политики, права, юстиции, экономики, гражданского общества, солидарности, высоких нравственных идеалах, свободных средствах массовой информации и доступе к полноте информации, общественном контроле над властью и т.п.

Как отмечает Л.Д. Гудков, материалы социологических исследований общественного мнения (1989 – 2023 гг.) показывают одну повторяющуюся,

---

[334] Подробнее см.: Социальные отклонения. М., 1989. С. 162; Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 67; Галактионов С.А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект): дисс. … канд. юрид. наук. Рязань, 2004; Городнова О.Н. Феномен справедливости как критерий оценки и модернизации уголовного закона и наказания: теоретический и прикладной аспекты. М., 2013.

устойчивую тенденцию состоящую в том, что российское общество живет с осознанием хронической несправедливости общественного порядка – относительно устройства государства, работы судебной системы, правоохранительных органов, оплаты труда, распределения доходов и материальных благ в стране, доступа к качественным медицинским и образовательным услугам, международных отношений с западными странами, военных конфликтов, т.е. жалуется на дефицит справедливости в самых разных сферах жизни. При этом сама возможность осознания причин дефицита справедливости полностью подавлена, она блокируется коллективным табу, превращающим вопрошающего об этом в ненормального (что толку об этом говорить, если изменить ничего нельзя?). В российском обществе «справедливость» пропитана мыслью о том, что права распределяются исходя из символической близости к власти, а ассоциация с ней является способом избавления от хронического чувства несправедливости[335].

В условиях отсутствия свободной рефлексии и подавления проблемы справедливости в массовом сознании, неразвитость институтов гражданского общества, реализующих принципы справедливости и способных защищать от произвола власти[336], законодатель и правоприменитель свободны в своей деятельности по криминализации и пенализации от учета критерия справедливости, что повышает вероятность репрессивной модели уголовной политики и уголовного закона и одновременно требует такой модели для поддержания табу на рефлексию социальной справедливости.

Влияние уровня общей и правовой культуры и благосостояния общества на уровень карательных притязаний его населения. Выражающая такое влияние закономерность состоит в том, что в обществе с более низким уровнем культуры и благосостояния, обусловленном экономическим кризисом, конфликтами,

---

[335] См.: Гудков Л. Призрачная справедливость. О чем думают в России на самом деле: разбираем важные соцопросы. URL: https://gorby.media/articles/2024/05/31/prizrachnaia-spravedlivost (дата обращения - 23.07.2024 г.).

[336] Как пишет Л.Д. Гудков: «Стремление к социальной справедливости в отсутствие сильного гражданского общества, способного сдерживать произвол «суверенной» власти, всегда будет таить в себе потенциал насилия и массовой безадресной агрессии» (см.: Гудков Л. Призрачная справедливость. URL: https://www.levada.ru/2024/07/03/prizrachnaya-spravedlivost/ (дата обращения - 23.07.2024 г.).

некачественным здравоохранением, образованием и просвещением, социальным неравенством и незащищенностью, ограниченным участием граждан в жизни общества и доступом к ресурсам и услугам, существует значительно больший запрос населения не только на уголовно-правовые методы регулирования, но и на усиление карательных мер, чем в обществе с более высоким уровнем социально-экономического, социокультурного развития и удовлетворения потребностей населения.

М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин верно пишут: «Общество неопределенности, нестабильности и риска закономерно вызывает поиск точки опоры – «твердой руки». В таком обществе объективно существует потребность в неких жестких правилах, рамках, стандартах, оно демонстрирует повышенный порог готовности в жестком ограничении свободы ради обеспечения безопасности»[337].

Следует отметить, сам запрос на «сильную руку» в России, который появился в конце 1990-х гг. как следствие глубокого экономического спада и уменьшения доходов населения, межнациональных конфликтов и многих других негативных процессов общественно-политической жизни, сопровождающих распад СССР и становление новой государственности[338], в современных условиях санкционного,

---

[337] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 31.

[338] Учитывая сложившуюся в 1990-е годы неблагоприятную социально-экономическую и политическую ситуацию, по ощущениям многих россиян длительного бардака и разграбления, социологи еще в начале 2000-х гг. прогнозировали в качестве вполне вероятного сценария дальнейшего развития российского общества его возврат от неудачного «демократического» настоящего к авторитарному прошлому (см., например: Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. М., 1996. С. 63 – 64). Так, Т.И. Заславская среди наиболее вероятных альтернативных сценариев развития России называла «авторитарно-силовой», предполагающий резкое усиление государства, повышение роли силовых структур, ужесточение контроля за рыночным сектором экономики, расширение репрессивных и сужение демократических практик, «консервативно-государственнический», означающий формальное сохранение рыночных отношений и демократических процедур при значительном усилении контрольных функций бюрократии в экономике и других сферах общественной жизни, и «полукриминальный олигархический» сценарий, означающий затягивание ситуации смутного времени, сложившейся в 1990-е гг. (см.: Заславская Т.И. О субъективно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // «Кто и куда стремится вести Россию? Макро-, мезо- и микро-акторы трансформационного процесса». М., 2001. С. 3-16). В 2012 году Е.Б. Григорьева, анализируя политические процессы в современной России, отмечала тенденцию нарастания в общественном сознании авторитарности как одной из главных «субъективных» угроз демократического развития (см.: Григорьева Е.Б. Современный взгляд на исследование авторитарности в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. №3 (19). С. 182. Тот же автор. Авторитарный синдром как фактор российского политического режима // Вестник Самарского государственного университета. 2013. №8/1 (109). С. 235). В настоящее время А.В. Шубин констатирует, что история развития России в 2012 – 2014 гг. повернула в сторону усиления авторитарных черт (см. также: Шубин А.В. Россия, постсоветское пространство, и мир начала 20-

военного и информационного противостояния с Западом, вызвал очередную волну «ресталинизации», которая несет в себе еще больший риск нарастания репрессивности государства, а следовательно, повышения роли и применения уголовного закона.

Данные социологического исследования Института социологии РАН свидетельствуют о росте распространенности установки на агрессивные и насильственные действия в общественном сознании россиян как следствие испытываемых ими чувств несправедливости происходящего, стыда за состояние страны и собственной беспомощности повлиять на происходящее[339].

Современные социологические опросы показывают, что в российском обществе преобладает мнение о том, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука», способная держать страну и народ, навести порядок, укрепить дисциплину, ужесточить наказание за коррупцию и повысить уровень жизни людей, а наряду с психологической потребностью в авторитете в общественном мнении «работает мощная система защиты первых лиц», стремление защитить высшее руководство страны от обвинений в злоупотреблении властью, «отсюда устойчивость сложившейся системы бесправия и авторитаризма»[340].

В рамках данной закономерности взаимообусловленности особенностей политического режима и массового сознания, следует, что распространенность в российском обществе авторитарного синдрома[341] и неразвитость демократической культуры выступают существенным фактором формирования соответствующей репрессивной модели уголовной политики как органичной части внутренней политики государства и общественного сознания.

х годов XXI века – взгляд из 2005 года: опыт прогнозирования // Постсоветское пространство: между Европой и Азией. М., 2022. С. 91).

[339] См.: Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. С. 72 – 73, 313.

[340] См.: Гудков Л. Призрачная справедливость. О чем думают в России на самом деле: разбираем важные соцопросы. URL: https://gorby.media/articles/2024/05/31/prizrachnaia-spravedlivost (дата обращения - 23.07.2024 г.).

[341] По мнению Е.Б. Григорьевой в российском обществе можно обнаружить следующие политико-культурные компоненты авторитарного синдрома: установка на этатизм, патернализм, эгалитаризм, порядок и иерархию, великодержавность и представления о величие России, потребность в сильном лидере и желание жесткого стиля управления, неверие в собственные силы, склонность к ксенофобии (см.: Григорьева Е.Б. Авторитаризм и политический процесс в современной России: дис. … канд. полит. наук. СПб., 2014. С. 7, 167 – 168).

Взаимодействие отмеченных социокультурных и политических закономерностей, свойственных современному этапу развития России, неизбежно привело к такой конфигурации ее уголовной политики, для которой характерны первоочередная защита государственных и общественных интересов, прежде всего, безопасности, расширение криминализации и ужесточение наказаний, т.е. усиление репрессивности на фоне общей тенденции нарастания авторитаризма и расширения управленческих (административных, контролирующих, нормативно-регулятивных) функций государства в различных сферах общественной жизни. Это вполне закономерно отражается на современном российском уголовном законодательстве, которое, обеспечивая запретительно-карательную поддержку строительства и функционирования сильного государства, содержит возрастающий объем криминализированных деяний в экономических (ст. 170^1, 170^2, 171^2, 171^3, 171^4 и т.д.), управленческих (ст. 322^2, 322^3, 330^2 и т.д.), государственно-служебных (ст. 285^1, 285^2, 285^3, 285^4 и т.д.), информационно-идеологических отношениях (ст. 207^1, 207^2, 207^3, 280^3, 284^1 и т.д.).

Влияние стереотипов преступного и наказуемого поведения на процессы криминализации и пенализации.

В общественном сознании в условиях этно-социокультурной среды исторически складываются и трансформируются определенные нравственные представления большинства населения о добре и зле, правде и неправде, праведности или греховности, справедливости и несправедливости, моральности и аморальности, дозволенных и запрещенных поступках[342].

На основе этих архетипов и непосредственно-социальных карательных притязаний населения относительно охраны его интересов от наиболее опасных посягательств, главным образом традиционных уголовно-правовых запретов, формируются и передаются из поколения в поколение определенные стереотипы

[342] Подробнее см.: Гринберг М.С. Уголовное право как феномен культуры // Правоведение. 1992. № 2. С. 57 – 62; Зюков А.М. Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X – XX вв. Владимир, 2008; Бибик О.Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве. М., 2014; Георгиевский Э.В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014; Нравственные основы уголовной ответственности. Екатеринбург, 2018; Культурно-исторические корни отечественного уголовного права. М., 2018.

(стандарты) преступного и наказуемого поведения, которые служат социально-психологическим барьером, удерживающим людей от его совершения, а также критерием оценивания новой криминализации и пенализации.

Поэтому, принимая решение об установлении уголовной ответственности за те или иные деяния, законодатель должен учитывать эти стандарты преступного поведения. От степени соответствия им криминализации и пенализации (по шкале общественной опасности) во многом зависит эффективность реализации уголовно-правовых запретов: чем произвольнее законодатель отклоняется от этих стандартов, тем расплывчатей и неопределеннее в общественном сознании границы запретов, образ преступников и характер их наказуемости[343].

По поводу криминализации деяний, которые не обладают достаточной для этого общественной опасностью К. Маркс писал, что: «народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому, что он видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание»[344].

Поэтому необходим баланс между существующими в общественном правосознании стереотипами преступного и наказуемого поведения и первичной криминализацией, иначе граждане будут воспринимать преступника не злодеем, а больше жертвой, что понизит разделяющий их социально-психологический барьер и в целом девальвирует уголовный закон в глазах населения.

Как справедливо отмечает В.В. Кулыгин, в обыденной уголовно-правовой ментальности, особенно характерной для российского общества, субъективное ощущение справедливости, правды всегда доминировало и, как исторически сформировавшаяся этнокультурная традиция, продолжает преобладать над формальной законностью. Поэтому уголовно-правовой запрет, воспринимаемым как несправедливый или безнравственный, либо остается «мертвой буквой» закона, либо реализуется крайне неэффективно[345].

---

[343] Как верно пишут Л.В. Кондратюк и В.С. Овчинский: «Власть при отделении преступного от непреступного должна опираться не на произвольные усмотрения, но на содержание поведения субъектов, содержание, измеренное и оцененное по всеобщей для человечества, имеющей этическую природу шкале добра и зла» (см.: Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологической измерение. М., 2008. С. 22).

[344] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. М., 1955. С.122 – 123.

[345] Кулыгин В.В. Этнокультура уголовного права: дисс. … докт. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 8 – 9, 33 – 34.

Не случайно Конституционный суд РФ указывает на недопустимость того, чтобы при применении юридической ответственности подвергалась сомнению вера в добро и справедливость[346].

Влияние цивилизационного развития общества на процессы криминализации и пенализации. В силу закономерности детерминированности криминализационной и пенализационной политики социокультурным и экономическим развитием, гуманитарным и научно-техническим прогрессом, эволюцией информационно-коммуникационных технологий общества, в истории развития уголовного права происходят процессы изменения круга и объема криминализации (появляются экономические, экологические, транспортные, компьютерные, цифровые, ятрогенные преступления и т.д.), а также качественные и количественные изменения института наказания (его целей, видов, карательного содержания и степени репрессивности, правил назначения). Однако относительно динамики охраняемых уголовным законом социальных ценностей и перечня преступлений, система наказаний является более консервативной и традиционной, что связано с исторически медленным и неустойчивым развитием прав и свобод как потенциальных сфер карательных правоограничений и лишений. Например, вследствие интенсивного развития процессов информатизации, компьютеризации и цифровизации в обществе и в связи с появлением цифровых прав и свобод в перспективе возможно появление новых наказаний, связанных с их ограничением[347].

4) *криминологическая обусловленность уголовного права*.

Влияние криминологических факторов на формирование уголовного права заключается в следующем.

Влияние криминологических факторов на криминализацию и пенализацию деяний.

---

[346] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 №4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савченко» // СПС «КонсультантПлюс».

[347] См.: Русскевич Е.А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. №7. С. 77 – 84.

Это влияние выражают следующие закономерности:

– органической связи криминализации с пенализацией;

– обусловленность установления уголовно-правового запрета объективной потребностью в охране интересов личности, общества и государства от преступных посягательств;

– стремление содержания уголовного права к соответствию актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности;

– обусловленность криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности и распространенности, а декриминализации деяния – утратой или снижением им общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов;

– преемственность криминализации, обусловленная наличием в любом обществе деяний, посягающих на особо важные интересы и непреходящие ценности;

– зависимость объема первичной криминализации от существенности изменения социальной, экономической и политической обстановки в стране;

– зависимость объема криминализации от уровня развития, сложности и нарастающего разнообразия общественных отношений: чем более развиты и многообразны общественные отношения, тем потенциально больше видов деяний, причиняющих им вред, и непосредственных объектов уголовно-правовой охраны а, следовательно, шире круг криминализированных деяний;

– адекватность разнообразия составов преступлений, предусмотренных уголовным законом, объективному разнообразию форм общественно опасного поведения в обществе, требующих криминализации;

– соответствие объема уголовно-правового запрета, в том числе меры (видов и размеров) наказания за его нарушение, характеру и степени общественной опасности криминализируемого деяния;

– зависимость количества криминообразующих признаков в составе преступления от общественной опасности криминализируемого деяния (чем меньше опасность деяния, тем больше криминообразующих признаков включает

законодатель в состав преступления, и наоборот, чем больше опасность деяния, тем меньше криминообразующих признаков включается законодателем в состав преступления);

– обоснованность установления уголовной ответственности, если позитивные последствия криминализации значительно преобладают над негативными (если затраты и издержки от криминализации и пенализации гораздо меньше, чем общественная опасность самого деяния);

– субсидиарность криминализации и крайний характер уголовно-правовых мер относительно позитивных и менее репрессивных правовых средств противодействия вредоносным деяниям;

– целесообразность криминализации деяния в зависимости от глубины причин и масштабов его социального воспроизведения (чем массовее поведение и глубиннее его социальные причины, тем меньше целесообразность и эффективность установления на него уголовно-правового запрета; чем выше удельный вес и значение субъективных причин в детерминации общественно опасного поведения, тем больше оснований и потенциальная эффективность его криминализации);

– зависимость установления и корректировки (усиления или ослабления) уголовной ответственности от динамики (увеличения или уменьшения) опасности, распространенности деяния и оценки достаточности (эффективности) существующих уголовно-правовых и иных мер;

– согласованность санкций и сбалансированность всей системы мер уголовно-правового характера;

– обусловленность процессов криминализации, пенализации и депенализации процессуальной осуществимостью, ограниченностью и затратностью преследования, судопроизводства и исправления;

– зависимость качества криминализации и пенализации от уровня социально-правового и криминологического мышления, информационного обеспечения законодателя в том числе уголовно-правового и криминологического прогнозирования.

В целом указанные существенные и необходимые связи выражают зависимость уголовной политики, состояния ее адекватности, целесообразности и эффективности от соответствия реально существующим и распространенным общественно опасным деяниям, структурным тенденциям динамики преступности, а также возможностям противодействия таким деяниям уголовно-правовыми мерами.

Криминологические закономерности имеют ключевое значение среди закономерностей формирования социального содержания уголовного права. Именно через них проявляется обусловливающее влияние закономерностей общественной жизни на формирование уголовного права. Поэтому от степени учета и использования этой группы закономерностей зависит правильное решение законодателем вопросов о социально-правовой необходимости и целесообразности признания определенных деяний преступными и наказуемыми. Отступление от закономерностей социально-криминологической обусловленности криминализации и пенализации свидетельствует о той или иной степени произвольности осуществления этих процессов.

Стоит отметить, что основная часть научных сотрудников, опрошенных в рамках настоящего исследования (73 %), оценивают уровень социально-криминологической обоснованности уголовного законодательства как невысокий.

Так, наблюдаемое в современной законотворческой практике отступление от закономерности детерминированности криминализации наличием достаточной общественной опасности деяния приводит к признанию преступлением опасного состояния (ст. 210[1] УК)[348], к преобладанию в новой криминализации преступлений небольшой и средней тяжести (86,5 %), распространенность «превентивной криминализации» и «криминализации гипотетических преступлений»[349], «информационно-идеологической криминализации»[350], расширение составов с

---

[348] Подробнее см.: Иванов Н.Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. 2017. №1. С. 17 – 22.

[349] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 115, 119 – 120.

[350] См. подробнее: Фильченко А.П. Юридическое значение проявлений мыслей и убеждений в механизме формирования основания уголовной ответственности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. Вып. 2. Ч. II. С. 305 – 312.

административной преюдицией[351].

Однако отдельные ученые вообще ставят под сомнение само существование закономерности объективной обусловленности криминализации деяния наличием его достаточной общественной опасности, считая этот метод уголовной политики в большей мере результатом конструирования социальной реальности[352], а преступления и преступность не онтологическими явлениями, а социальными мыслительными конструктами, которые почти полностью конструируются акторами уголовной политики, устанавливающими нормы и придающими поступкам то или иное значение[353].

На наш взгляд, общественная опасность деяния объективно существующая категория, которая должна служить основанием для криминализации посредством познания, учета и использования закономерностей общественной жизни (социальных, экономических, социокультурных, политических)[354], которые в зависимости от объекта и сферы посягательства обусловливают это свойство деяния и позволяют правильно решить вопрос о признании его преступным и наказуемым. Вместе с тем, поскольку речь идет об учете социальных закономерностей как результата социальной деятельности людей в этом смысле уместно говорить о том, что преступление и преступность «суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов»[355], понятия относительные, имеющие исторический и изменчивый характер[356], однако это вовсе не означает, что преступления являются выдумкой людей и порождаются уголовным законом[357]. Поэтому слова А.Э. Жалинского о том, что «сложившееся отношение к

---

[351] См.: Корнеев С.А., Головастова Ю.А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т.15. Вып.4. С. 993 – 1011.

[352] См.: Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. №10. PP.63-80.

[353] Подробнее см.: Гилинский Я.И. Преступность: Что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №1 (35). С. 6-13.

[354] Поскольку общественная опасность существенная категория уголовного права, то и определяться она должна на основе объективных закономерностей. Попытки измерить эту категорию на основе учета более поверхностных факторов или вовсе умозрительно приводят к дефектам криминализации (избыточность или недостаточность), пенализации (несоразмерность и разбалансированность) и дифференциации уголовной ответственности (неадекватность и непоследовательность).

[355] См.: Christie N. A Suitable Amount of Crime. NY-L.: Routledge, 2004. C. 10-11.

[356] См.: Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

[357] См.: Robinson M. Why Crime? An integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ: Pearson. Prentice Hall, 2004, P.2.

преступности должно быть демистифицировано. Она должна изучаться и оцениваться как имеющая подобно другим явлениям статистическую характеристику часть реального поведения»[358], на наш взгляд, предполагают, что преступления должны восприниматься как закономерные явления общественной жизни, процесс генезиса, криминализации и пенализации которых должен подчиняться объективным закономерностям, а не выступать объектом свободного конструирования уголовной политики.

Недостаточный учет общей закономерности адекватности уголовного законодательства ведущим тенденциям в развитии преступности[359] выражается в том, что несмотря на постепенное, но устойчивое сокращение общего количества зарегистрированных в России преступлений (с 2006 по 2024 гг. на 50%)[360] число актов криминализации и пенализации значительно превалирует над актами декриминализации и депенализации (так, за период действия УК РФ актов криминализации осуществлялось в три раза больше, чем декриминализации)[361].

Вместе с тем применительно к конкретным видам общественно опасного поведения законодатель часто использует закономерность зависимости установления и корректировки (усиления или ослабления) уголовной ответственности от динамики (увеличения или уменьшения) опасности, распространенности деяния и оценочной достаточности существующих уголовно-правовых и иных мер (например, законопроект №215694-5; №93181-5; №130391-8; №1157845-7; №41607-8; №685843-7).

Неучет закономерностей соответствия объемов уголовно-правового запрета в том числе меры наказания за его нарушение характеру и степени

---

[358] См.: Жалинский А.Э. Избранные труды. Т.1. Криминология. М., 2014. С.63.

[359] Разрыв между состоянием уголовной политики и состоянием преступности становится еще более очевидным и масштабным, если учесть содержание не только реализованных, но и нереализованных уголовно-правовых законопроектов, большинство которых также выражают криминализационный настрой в условиях подтверждаемого статистикой устойчивого тренда снижения уровня преступности (см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 139 – 141, 223 – 226), что, по-прежнему, подтверждает актуальность вывода о том, что направленность современной российской уголовной политики главным образом зависят не от тенденций динамики преступности, а от политико-управленческих факторов (см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. М., 2020. С. 44 – 45).

[360] См.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России. URL: https://мвд.рф.

[361] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 244 – 255, 279 – 280.

общественной опасности криминализируемого деяния и согласованности санкций уголовно-правовых норм приводит к их разбалансированности и расширению пределов судейского усмотрения (ч.2 ст. 14, ч.6 ст. 15, ст. 64 УК).

Влияние социально-криминологических факторов на разнообразие мер уголовно-правового воздействия.

В современном обществе встречные процессы, с одной стороны, усиления интеграции людей в социальную систему и ее усложнения, а с другой стороны, ограниченной результативности специальной и общей превенции, основанной на традиционном карательном подходе к противодействию преступности в условиях сохранения достаточно высокого ее уровня[362] в том числе рецидива[363], обусловливают объективную необходимость оптимального сочетания превентивных, карательных и восстановительных средств в системе уголовно-правового воздействия.

Как пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, в современных сложнейших (неоднозначных, многовариантных, нелинейных) процессах социального бытия исключительно запретительно-карательное управление сферой борьбы с преступностью является глубоко архаичным, стратегически неверным и даже опасным[364].

Это влияние усиливается и так называемым «кризисом наказания», под которым ученые понимают «неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных, санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления»[365]. Как пишет Я.И. Гилинский, «осознание неэффективности традиционных средств контроля над

---

[362] См.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2022г. URL: https://мвд.рф/

[363] См.: Филиппова О.В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. №38. С. 87-100.

[364] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. №8. С. 36 – 37.

[365] См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 425; Тот же автор. Преступность: Что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. №1 (35). С. 10. О недостаточной эффективности наказания см.: Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003; Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.

преступностью, более того, негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера». В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (War on crime) к стратегии «сокращения вреда» (Harm reduction)[366].

Отмеченные социальные процессы и объективно ограниченные возможности уголовного наказания закономерно приводят к появлению альтернативных лишению свободы и в целом уголовному наказанию уголовно-правовых последствий, сочетающих в себе не только карательные, но и восстановительные и превентивные средства уголовно-правового регулирования.

Однако, тенденция гуманизации наказания и появления некарательных уголовно-правовых последствий, учитывая требование их соразмерности совершенным преступлениям, несет в себе риск того, что смягчение тяжести последствий приведет к уменьшению уровня общественной опасности вновь криминализируемых деяний и тем самым к расширению объема криминализации.

Говоря о закономерности расширения объема криминализации под влиянием гуманизации уголовного наказания, Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев предостерегают, что «расширенный объем малорепрессивных мер уголовно-правового воздействия – это соблазн и одновременно возможность втягивать в него определенные виды отклоняющегося поведения, которые, будь уголовное наказание более жестким, могли бы остаться за рамками уголовного права»[367]. Эта закономерность действует и в отношении санкций уголовно-правовых норм, поскольку «заниженный порог наказуемости преступлений закономерным образом занижает порог общественной опасности, достаточный для криминализации, и тем самым открывает путь для установления уголовной ответственности за деяния, которые при более высоком пороге наказуемости не могли бы быть

[366] См.: Гилинский Я.И. «Кризис наказания» и его последствия. URL: http://www.rodon.org/society-080630145740 (дата обращения: 02.06.2023).

[367] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. №4. С. 50.

криминализированы»[368]. А далее создается замкнутый круг, так как криминализация деяний, не представляющих большой общественной опасности, в свою очередь, приводит к «измельчанию» преступлений и снижению «порога входа» в уголовный закон а, следовательно, открывает дверь для признания преступными и наказуемыми деяний со все более низкой общественной опасностью[369].

К закономерностям формирования специально-юридического содержания уголовного права относятся:

1) *конституционно-правовая обусловленность уголовного права*.

В ч. 2 ст. 1 УК РФ законодательно закреплено, что данный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации[370].

Влияние конституционно-правовых норм на формирование уголовного права заключается в следующем.

Влияние конституционных положений на формирование принципов уголовного права и закона.

Так, принцип законности (ст. 3 УК) базируется на конституционном предписании о том, что «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» (ч. 2 ст. 54 Конституции РФ), а принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) исходит из положения ст. 19 Конституции РФ. На основе ч. 1 ст. 50 Конституции РФ в уголовном законе закреплен принцип справедливости, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же

---

[368] См.: Пудовочкин Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5. С. 166 – 172; Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 116.

[369] Подробнее о проблеме см., например: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. №4. С. 37 – 46.

[370] См.: Пикуров Н.И. Нормы Конституции РФ в системе уголовно-правового регулирования // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2006. С. 453 – 454; Елинский А.В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский следователь. 2010. №17. С. 21 – 24; Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. №6. С. 25 – 30; Вертепова Т.А. Взаимосвязь конституционных норм и норм уголовного закона // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №4 (34). С. 13 – 15; Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. М., 2021; Кадников Н.Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // Журнал российского права. 2023. №6. С. 89 – 96.

преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ). В соответствии с конституционным положением о том, что «никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ) законодатель предусмотрел принцип гуманизма в ч. 2 ст. 7 УК РФ указывав, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Вместе с тем, здесь следует отметить одну генетическую закономерность: конституционные положения влияют на формирование принципов уголовного права в той степени, в какой они соответствуют его основным началам и руководящим идеям. Подтверждает эту закономерность, в частности, принцип non bis in idem, первоначально сложившийся как уголовно-правовое достижение, а затем после конституционного общеправового признания получил и закрепление в уголовном законе.

Влияние конституционных ценностей на объекты уголовно-правовой охраны.

Конституционные нормы закрепляют наиболее важные блага и основы, которые задают ценностно-охранительную ориентацию уголовному праву.

Содержание уголовного права должно соответствовать конституционным основам и сохранять приверженность охране приоритетов, провозглашенных Конституцией.

Как известно, основными ценностями конституций советского периода (в частности, Конституции СССР 1977 г.) признавался коллективизм, предполагающий приоритет общественных интересов над частными, и первичность экономического базиса по отношению к «надстройке» в том числе праву, в соответствии с этой ценностной иерархией во главу угла советского уголовного законодательства была поставлена задача охраны общественного и государственного строя, социалистической собственности, а уже после личности и прав граждан (ст. 1 и 7 УК РСФСР 1960 г.).

Напротив, признание человека, его прав и свобод высшей ценностью в ст. 2 Конституции РФ еще в момент принятия нового уголовного кодекса отразилось на нормативном закреплении его задач, на первое место среди которых поставлена охрана этих ценностей (ст. 2 УК РФ), на систематизации его Особенной части, которая начинается с раздела о преступлениях против личности, и даже на описании конкретных преступных деяний (например, ч. 1 ст. 171 УК РФ).

Под влиянием Конституции РФ в УК РФ появились специальные главы о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19) и против основ конституционного строя (гл. 29), направленные на охрану соответствующих положений Основного закона (гл. 1 и 2), в которых эти основы, права и свободы закреплены.

Существенное конституционное влияние на формирование уголовного права подтверждается и недавними поправками в Основной закон[371], связанными с укреплением ценностей суверенитета, территориальной и государственной целостности, согласия в стране (ч. 2.1 ст. 67, ч. 2 ст. 80), исторической памяти и государственного единства (ч. 2 – 3 ст. 67^1), культуры (ч. 4 ст. 68, ч. 3 ст. 69), традиционных семейных отношений (п. «$ж^1$» ч. 1 ст. 72, п. «в» ч. 1 ст. 114), безопасности (ст. 79.1), внесение которых в Конституцию РФ вызвало и ряд изменений в уголовном законодательстве, обеспечивающих защиту этих ценностей (в частности, ст. 207^3, 243^4, 280^1, 280^2, 280^3, 330^1, 354^1 УК РФ).

Влияние соотношения конституционных ценностей на пределы уголовно-правового воздействия.

Поскольку методы уголовной политики, в частности, криминализации и пенализации, всегда связаны с ограничением прав и свобод человека ради интересов личности, общества и государства, то проблема поиска баланса частных и публичных интересов, конституционных ценностей является важнейшей задачей ее реализации. Ведь пределы уголовно-правового воздействия существенным образом зависят от балансировки конституционных ценностей (прав и свобод

[371] См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

человека, общественных и государственных интересов) на определенном этапе общественного развития. По мнению В.Д. Зорькина: «баланс интересов между государством и правами и свободами отдельной личности является самым болезненным аспектом проблемы конституционных ценностей»[372].

Так, например, введение ограничений прав граждан, в том числе уголовной ответственности (Федеральный закон от 01.04.2020 №100-ФЗ) ввиду распространения опасных для жизни и здоровья, а также грозящих тяжелыми социально-экономическими последствиями эпидемических заболеваний потребовало поиска конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан, с одной стороны, и, с другой стороны, правами и свободами конкретного гражданина, в частности установления баланса между жизнью и здоровьем человека как высшим благом и свободой передвижения[373].

В частности, уголовная ответственность за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК исключается для определенных лиц в силу положения ст. 51 Конституции РФ, отражающего баланс публичного интереса по реализации задач правосудия и частного интереса личности по сохранению нормальных семейных отношений.

Специалисты отмечают не только противоречивый характер или аксиологический плюрализм («бинарность») ценностной основы Конституции РФ, которая, с одной стороны, обеспечивает защиту индивидуальной свободы от вмешательства государства, а с другой стороны, гарантирует охрану публичных интересов и провозглашает солидарность как конституционный принцип, но и признают равновесность конституционных ценностей[374], что в силу закономерности обусловленности российской уголовной политики ценностным содержанием Конституции предполагает поиск необходимого баланса между частными и публичными интересами и в сфере уголовного права.

---

[372] См.: Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность: доклад на международной научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2005 г.). URL: http://www.ksrf.ru.

[373] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 года №49-П, Определение Конституционного Суда РФ от 20 июля 2021 года № 1680-О.

[374] См.: Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. №3 (27). С. 12; Гаджиев Г.А. Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии // Юридический мир. 2013. №12. С. 27 – 30; Бондарь Н.С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. №1 (49). С. 23 – 30.

Как указал Конституционный Суд РФ: «Лишь обращение к методу баланса, применяемого в том числе в контексте аксиологического подхода, обеспечивает конституционно должное соотнесение частных и публичных интересов, выступающих основаниями ограничений прав и свобод»[375].

Само по себе взаимодействие частных и публичных интересов, индивидуальной свободы и социального долга, прав человека и обязанности государства по охране общественного порядка, общественной безопасности и конституционного строя, относится к числу диалектических противоречий общества, от справедливого соотношения и равновесия которых зависит полноценное и гармоничное развитие и функционирование его правовой системы.

Однако в условиях реального преобладания публичных интересов и принципа солидарности[376] над индивидуальными правами и либеральными ценностями[377], возникает риск нарушения их баланса в процессе криминализации, который грозит воплотиться в несоразмерном, а в случае репрессивного сценария развития уголовной политики и существенном ограничении прав и свобод человека и гражданина ради широкого перечня интересов общества и государства. Следует признать, что на сегодняшний день мы находимся в зоне такого риска, при котором под ширмой конституционных ценностей безопасности возможно дальнейшее расширение криминализации.

О чем среди прочего свидетельствует практика Конституционного Суда РФ, который, по сути, исходит из «презумпции свободной защиты государством публичных интересов» путем допустимости ограничения прав человека, если «их осуществление может серьезно посягнуть на общественные интересы», «нанести ущерб общественной безопасности», тем самым отдавая скорее приоритет

---

[375] См.: Информация Конституционного Суда РФ Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

[376] См.: Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 – 2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «Консультант Плюс».

[377] Кстати, один из разработчиков Конституции РФ С.С. Алексеев писал о том, что в конституционном тексте изначально были заложены возможности для таких истолкований и новелл, которые вели к созданию «образа» Конституции с акцентом на государственно-властные приоритеты (см.: Алексеев С.С. У истоков Конституции России: Субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 42).

ценностям публичного характера[378]. В такой ситуации индивидуальные права становятся менее гарантированными от нападок на них законодателя, который в целях защиты публичных, а нередко своих государственно-властных интересов, может ограничить их до чисто декларативного состояния. Тем более, что инерция исторического развития общественно-политической системы, социокультурная преемственность и сложившаяся конституционно-правовая традиция России, тяготеющие к преобладанию публичных интересов над частными, повышают вероятность такого сценария. Как верно пишет Т.В. Кленова: «требования о признании, соблюдении и защите прав человека и гражданина имеют особый смысл для России, в истории которой вопрос о соотношении прав личности и государства обычно решался не в пользу личности»[379].

В этой связи следует отметить закономерность зависимости аксиологической ориентации и содержания уголовного права от выраженной в Конституции и иных основополагающих политико-правовых документах ценностной концепции государственной политики, основанной на приоритете интересов личности и ценностей свободы или государства и его безопасности. Акцент на защите государственных интересов и безопасности государства, как правило, сопровождается расширением сферы и усилением уголовно-правового воздействия и сокращением масштабов свободы в обществе. И наоборот, чем больше конституционные права и свободы человека и гражданина имеют реально гарантированный характер, тем меньше сфера уголовно-правовых запретов. Для подтверждения можно вспомнить, к сожалению, не утративший актуальности пример, когда Конституция СССР 1936 г. декларировала свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций (ст.125), а УК РСФСР 1960 г. одновременно предусматривал ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду (ст.70) и другие нормы по борьбе с инакомыслием.

---

[378] См.: Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике ее толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. №4 (131). С. 79 – 82.

[379] См.: Кленова Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве // Уголовное право. 2006. №2. С. 45.

Анализ базовых документов стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности (с 1997 по 2021 годы)[380] и законотворческой практики реагирования на криминальные угрозы свидетельствует о тенденции перемещения центра тяжести внутренней, в том числе уголовной политики, от интересов личности, в первую очередь, состоящих в реальном обеспечении и защите конституционных прав и свобод, в сторону приоритетного обеспечения и охраны интересов государственной и общественной безопасности[381].

Вместе с тем история развития права показывает и оставляет надежду, что «стремление усилить позиции публичного интереса за счет ограничения частного постепенно приводит к противоположным тенденциям и в итоге – к восстановлению равновесия между нами, в том числе и за счет введения уголовной ответственности за необоснованное ограничение сферы частной жизни»[382].

Таким образом, объем и содержание уголовно-правового регулирования отличаются существенными особенностями в зависимости от исторически сложившегося на определенном этапе общественного развития соотношения частных и публичных интересов и баланса конституционных ценностей. Выражающая эту зависимость общая закономерность такова: если центр тяжести в правовом регулировании смещается к публичным интересам, то сфера прав и свобод человека ограничивается, как предполагается, в пользу защиты общих (общественных и государственных) интересов, и, наоборот, если приоритетом обладают индивидуальные права, то усиливается уголовно-правовая охрана

---

[380] См.: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»; Указ Президента РФ от 30 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

[381] Такая тенденция современной российской уголовной политики, выражающая приоритетность защиты коллективной, в первую очередь, государственной безопасности, обусловленная внутриполитической трансформацией и внешнеполитической обстановкой, вполне закономерно вызвала увеличение объема криминализации и меры пенализации в сфере уголовно-правовой охраны данной конституционной ценности (в частности, вследствие этого начина с 2009 г. глава 29 УК РФ дополнилась ст. 275.1, 276.1, 280.1, 280.2, 280.3, 280.4, 281.1, 281.2, 281.3, 282.3, 282.4, 283.1, 283.2, 284.1, 284.2, 284.3).

[382] См.: Пикуров Н.И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М., 2024. С. 6.

интересов личности и сужаются пределы вмешательства государства в частную жизнь и границы ограничения прав человека.

Вместе с тем, в рамках действия этой закономерности следует различать случаи обоснованного ограничения прав и свобод человека для защиты публичных интересов и необоснованного и чрезмерного ограничения прав и свобод в результате злоупотребления государственной властью, которое их умоляет. Исходя из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и ч. 2 ст. 29 Всеобщая декларация прав человека 1948 г. ограничение прав и свобод человека должно основываться на принципах – признания их высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), а федерального закона единственным формальным источником ограничения, его соразмерности и соответствия конституционным целям и международно-правовым стандартам[383]. Однако, как верно отмечают специалисты, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, предоставляя возможность ограничения прав и свобод «по широкому кругу оснований» в той «мере, в какой это необходимо», создает угрозу ограничительного произвола и выхолащивания их содержания[384].

Влияние конституционных положений в качестве критерия оценки правового характера предписаний уголовного права.

Это влияние связано с деятельностью Конституционного Суда РФ, обладающего компетенцией в связи с запросом судов или обращениями граждан рассматривать вопрос о соответствии норм Уголовного кодекса положениям Конституции РФ.

Обзор практики Конституционного Суда РФ показывает, что за время действия УК РФ (в ред. от 28.02.2025 г.) было вынесено 14 постановлений о признании отдельных его норм не соответствующими Конституции РФ[385].

---

[383] См., например: Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

[384] См.: Гаджиев Г.А. Рыночная экономика в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. №6. С. 19; Он же. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2004. С. 71; Лапаева В.В. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: подходы к выработке правовой позиции // Законодательство и экономика. 2005. №6. С. 7-15; Тот же автор. Проблемы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. №7. С. 16 – 19; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2007. С. 193.

[385] Так признаны неконституционными: ч. 1 ст. 188 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. №8-П; Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. №15-П); взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 10 УК РФ и пп. «а» п. 3.2 ст. 4 Федерального закона от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ (Постановлением

Результатом такого признания было либо исключение неконституционной нормы (ст. 159[4] УК РФ) или внесение в нее изменений (ст. 200[1] УК РФ) либо корректировка правоприменительной практики[386].

Важно отметить роль Конституционного Суда Российской Федерации в механизме обеспечения закономерностей, который осуществляя свою деятельность подтверждает и поддерживает действие и использование общих закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей в уголовном праве и уголовно-правовой политике.

В частности, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений указывает на важность закономерностей субсидиарности криминализации (использования уголовного закона как крайнего средства реагирования) относительно всех иных правовых мер, соразмерности и неизбыточности уголовно-правового запрета, правовой определенности и межотраслевой согласованности предписаний уголовного права, их социальной адекватности и справедливости[387]. Так, в одном

Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. №20-П); взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. №24-П); положение ч. 4 ст. 222 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 17 июня 2014 г. №18-П); положения ст. 159.4 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. №32-П); положение п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ в нормативном единстве с п. 1 и 2 ст. 1064 ГК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. №7-П); положение ст. 226.1 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. №22-П); п. 2 прим. к ст. 264 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. №17-П); ст. 116.1 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. №11-П); ч. 7 ст. 53.1 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2022 г. №8-П); п. «в» ч. 1 ст. 78 УК РФ во взаимосвязи с ч. 2 ст. 27 УПК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. №33-П); п. 1 прим. к ст. 158 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2022 г. №53-П); ч. 3.1 ст. 72 УК РФ (Постановлением Конституционного Суда РФ от 15 марта 2023 г. №8-П).

[386] Подробнее см.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика: монография. М., 2022. С. 409 – 413.

[387] См., в частности: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Смирнова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26.05.2000 «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2022 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О. А. Мельниковой» // СПС «Консультант Плюс».

из своих постановлений высший орган конституционного контроля указал: «Уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности; соответственно, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния, а его составообразующие признаки, наличие которых в совершенном деянии, будучи основанием уголовной ответственности, позволяет отграничивать его от иных противоправных, а тем более законных деяний, точно и недвусмысленно определены в уголовном законе, непротиворечиво вписывающемся в общую систему правового регулирования»[388]. «В случаях, когда предусматриваемые законом меры публично-правовой ответственности перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель вправе обеспечить их приведение в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства, справедливости и гуманизма»[389].

Кроме того, Конституционный Суд РФ учитывает и использует общие закономерности развития общества и иные социальные и специальные закономерности в рамках понимания основных принципов, которыми он руководствуется при принятии решений.

Как показывает анализ практики Конституционного Суда РФ (более 250 решений), в рамках механизма обеспечения закономерностей, в том числе

---

[388] См.: Постановления Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. №8-П, от 13.07.2010 г. №15-П, от 17.06.2014 г. №18-П, от 16.07.2015 г. №22-П, от 10.02.2017 г. №2-П // СПС «Консультант Плюс».

[389] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» // СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

уголовного права и уголовно-правовой политики, орган конституционной юрисдикции:

– отстаивает гуманистические ценности в нормотворчестве и правоприменении;

– стремится гарантировать основные права и свободы от посягательств со стороны политической власти и вместе обеспечить баланс между индивидуальной свободой и социальной солидарностью, интересами личности и общества;

– ограничивает на основе конституционных норм, отражающих социальные, экономические, социокультурные и политические закономерности общества, законодательную, административную и судебную волю;

– обеспечивает баланс взаимодействия международного и национального правопорядка;

– осуществляет казуальное толкование конституционного текста с учетом закономерностей развития общества поддерживает «живую Конституцию»;

– на основе требования закономерности социальной справедливости, выступающей высшей целью права, выражающей идею баланса (непротиворечивого соотношения) индивидуальных и коллективных, частных и публичных, отдельных частных интересов, придает этой категории нормативно-правовое значение (например, ретрибутивная трактовка понятия справедливости применительно к уголовному праву выражает требование соразмерности опасности деяния и воздаяния за него, а также разграничения дискриминации и дифференциации в уголовно-правовом регулировании);

– общесоциальная закономерность равенства, наполняясь специфическим правовым содержанием во многих конституционных положениях, используется и раскрывается в конституционно-контрольной практике, получает отражение во многих решениях Конституционного Суда;

– в том числе учитывая и используя социальные и правовые закономерности как объективное и разумное основание, Конституционный Суд формулирует требования правовой определенности (стабильности, ясности и согласованность юридических норм, единообразие и устойчивость правоприменительной практики)

и предсказуемости, разумности, необходимости и соразмерности правового регулирования, исходит из недопустимости внесения произвольных изменений в том числе в уголовно-правовые нормы и поддержания доверия граждан к уголовному закону и уголовной политике государства;

– признает на основе специально-юридических, в том числе технико-юридических закономерностей, нормотворческие дефекты, снижающие качество закона (спонтанность, недостатки систематизации, непоследовательность структуры, фрагментарность, межотраслевая и внутриотраслевая коллизионность, юридико-технические недочеты), которые как следствие игнорирования и недоучета законодателем этих закономерностей приводят к выводу о неконституционности норм и их применения;

– учитывая закономерность толкования законодательства во взаимосвязи с практикой его применения орган конституционного нормоконтроля может дисквалифицировать не сам нормативный акт или его норму, а блокировать ее неконституционный смысл;

– на основе системного учета и использования закономерностей общественной жизни и правовых закономерностей как критерия объективной необходимости, оценивает соразмерность (пропорциональность) ограничения прав и свобод при разграничении частной и публичной сфер, что, особенно важно, учитывая расширение сферы влияния государства в том числе нарастание криминализации для преимущественной защиты интересов государства и его безопасности;

– учитывая национально-социокультурные закономерности и обусловленную ими конституционную идентичность российского общества, Конституционный Суд определяет пределы внешнего международного и наднационального нормативного и юрисдикционного воздействия.

2) *международно-правовая обусловленность уголовного права*.

В развитии ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в ч. 2 ст. 1 УК РФ закреплено, что правовую основу уголовного кодекс составляют также общепризнанные принципы и нормы международного права[390].

Влияние международных правовых норм на формирование уголовного права заключается в следующем.

Влияние международно-правовых норм на криминализацию и пенализацию.

Такое влияние осуществляется посредством включения в УК РФ уголовно-правовых запретов на определенные деяния или их реформирования во исполнение международных актов.

Примерами таких уголовно-правовых запретов, установление которых обусловлено не только существованием определенного общественно опасного поведения в российских реалиях, но и выполнением Россией своих международных обязательств по борьбе с ним, могут служить ст. 127^1 и 127^2 УК РФ – Конвенция относительно рабства от 25.09.1926 г., Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 02.12.1949 г., Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством от 07.09.1956 г.; ст. 211 УК РФ – Гаагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16.12.1970 г.; ст. 206 УК РФ – Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 17.12.1979 г.; ст. 227 УК РФ – Конвенция ООН об открытом море от 12.04.1958 г., Конвенция ООН по морскому праву от 10.12.1982 г.; ст. 228 – 233 УК РФ – Единая конвенция о наркотических средствах от 30.03.1961 г., Конвенция о психотропных веществах от 21.02.1971 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота

---

[390] См. также: Наумов А.В. О соотношении норм международного и уголовного права (правотворческие и правоприменительные аспекты) // Советская юстиция. 1993. №19. С. 17 – 23; Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М.,1999; Наумов А.В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем // Уголовное право в XXI веке: Материала Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. М., 2002. С. 18 – 23; Блинов А.Г. Общепризнанные принципы и нормы международного права и уголовное законодательство Российской Федерации // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, 29 – 30 мая 2003 г. М., 2004. С. 376 – 378; Наумов А.В. О роли и сохранении значения общепризнанных принципов и норм международного права в уголовной политике Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №1. С. 42 – 51; Давитадзе М.Д. Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 58 – 60.

наркотических средств и психотропных веществ 20.12.1988 г.; ст. 290, 291 УК РФ – Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999 г., Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г.; гл. 34 УК РФ – Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 г.

Влияние международно-правовых норм через бланкетное изложение уголовно-правовых норм. Такое влияние осуществляется в случаях, когда нормы российского уголовного закона содержат отсылку к международным правовым нормам (ч. 3 и 4 ст. 11, ч. 2 и 3 ст. 12, ч. 2 ст. 13, ст. 271, 355, 356, 360 УК РФ).

Влияние международно-правовых стандартов прав и свобод человека на содержание уголовного права.

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

В этой связи нормы международного права, закрепляя права и свободы человека и гражданина (Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. и др.[391]), с одной стороны, определяют ценностные приоритеты уголовно-правовой охраны, а с другой стороны, призваны ограничивать сферу криминализации и в целом сдерживать репрессивность уголовной политики.

Во влиянии международных правовых норм на формирование российского уголовного права прослеживается ряд закономерностей. С одной стороны, поскольку Россия является частью мирового сообщества, в силу усиления интеграционных процессов в современном мире вполне закономерно, что международно-правовые акты влияют на содержание ее национального уголовного законодательства, с другой стороны, степень такого влияния существенным образом зависит от внутренней политики и международной обстановки.

[391] По нашим подсчетам по состоянию на 01.09.2023 г. в России действует 55 многосторонних международных договоров РФ в сфере защиты прав и свобод человека.

В условиях возросшего противостояния России и Запада в лице США и Евросоюза происходящие события, связанные с признанием лишь условного приоритета международного права (ст. 79 и 125 Конституции РФ)[392], выходом России из Совета Европы и денонсации его конвенций (в частности, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), а также выходом из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека, создают риск уменьшения роли и степени влияния норм международного права и международно-правовых стандартов прав и свобод человека в российской уголовной политике. Тем более, что сравнительно недавний советский опыт избирательного отношения к нормам международного права, а зачастую несоответствия социалистического уголовного законодательства общепризнанным международным нормам о правах и свободах человека, только усиливает такой риск.

Оценивая степень этого риска следует учитывать следующую закономерность: чем более антидемократический и идеологизированный характер государства, тем меньше уровень взаимодействия международного и национального права, и наоборот, чем более демократично и деидеологизировано государство, тем выше уровень открытости его национального правопорядка для международного права. Эта закономерность, характеризующая пределы действия норм международного права в национальном праве, предопределяет и степень соответствия внутригосударственного уголовного законодательства международно-правовым стандартам прав и свобод человека.

3) *регулятивно-правовая обусловленность уголовного права*.

Влияние правовых норм регулятивных отраслей на формирование уголовного права заключается в следующем.

Влияние регулятивных норм на криминализацию деяний.

Это влияние обусловлено специализацией как объективной закономерностью развития права, выражающей тенденцию к «разделению труда» между его нормами и отраслями, при котором одни из них фокусируются на

[392] Подробнее см.: Исполинов А.С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверки конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. №12. С. 61 – 73.

выполнение регулятивных, а другие – охранительных задач, что приводит к их обособлению и вместе с тем необходимому взаимодействию в системе права[393].

В связи с этим позитивное регулирование общественных отношений посредством регламентации прав и обязанностей их участников по внутренней логике права неизбежно предполагает установление юридической ответственности за их нарушение и неисполнение для обеспечения их реализации.

Следовательно, охранительные нормы, описывая отклоняющееся от регулятивных норм поведение как что-то противоположное, основываются на их содержании[394]. Достаточно точно эта закономерность выражена в утверждении Е.Я. Мотовиловкера о том, что охранительная норма в качестве гипотезы имеет отрицание диспозиции регулятивной нормы, но содержимое отрицания определяется тем, что отрицается. Диспозиция регулятивной нормы (отрицаемое) и является точкой отсчета, задающей смысловую нагрузку отрицающей логической форме[395].

Данная закономерность имеет важное значение для формирования уголовного права, большую часть содержания которого образуют охранительные нормы-запреты, предусматривающие в качестве преступных наиболее опасные нарушения обязанностей, возлагаемых регулятивными нормами, поэтому в значительной мере обусловленного соответствующими предписаниями гражданского, налогового, семейного, трудового, избирательного, экологического, военного законодательства (например, ст. 198 и 199 УК РФ) .

Однако данную закономерность взаимосвязи регулятивных и охранительных норм нельзя абсолютизировать[396], особенно в связи с появлением новых, еще не познанных и сложно регулируемых общественных отношений и процессов, вызывающих необходимость безотлагательного и первоочередного установления

---

[393] Подробнее см.: Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. №1. С. 41 – 49.

[394] Подробнее см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 24 – 29; Мальцев В.В. Понятие место уголовного права в системе отраслей права // Государство и право. 2000. № 5. С. 54; Энциклопедия уголовного права. Т.1: Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 390; Бойко А.И. Системная среда уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. М.,2008. С. 5, 10.

[395] См.: Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 10.

[396] См.: Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. 2015, №10. С. 76 – 92; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С.184, 190 – 192;

уголовно-правовых запретов[397]. Как верно пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, «в данном случае устанавливаются «красные линии», которые лицо не может переходить, вне зависимости от того, каким будет позитивное регулирование этих отношений, тогда как последующее развитие позитивного законодательства может привести к корректировке ранее установленных уголовно-правовых запретов»[398].

Вместе с тем эту закономерность нельзя и игнорировать, широко применяя уголовно-правовые нормы в роли обыденного, ординарного регулятора общественных отношений, основного средства утверждения необходимого общественного порядка, подменяющего собой позитивные нормы, используя криминализацию в отношении лишь потенциально опасного поведения.

В технико-юридическом плане закономерность детерминированности уголовно-правовых запретов регулятивными нормами, которые они охраняют от нарушений, выражается в бланкетных диспозициях статей уголовного закона.

Причем здесь, в самой этой детерминированности можно выделить еще несколько закономерностей, характеризующих количество уголовно-правовых запретов, а также различную степень распространенности (удельный вес) норм с бланкетными диспозициями в структуре Особенной части уголовного кодекса и уровень их бланкетности:

– чем шире круг обязанностей, возлагаемых регулятивными нормами на участников общественных отношений, тем потенциально больше число охранительных норм, обеспечивающих их исполнение;

– чем более сложным, многоуровневым, объемным, динамичным и специализированным является законодательство, регулирующее определенный вид общественных отношения, тем чаще законодатель использует бланкетный способ изложения уголовно-правовых запретов, обеспечивающих их охрану (эта закономерность предопределяет наибольшую частоту использования,

---

[397] Подробнее см.: Сергеев Н.Д. Новая криминализация в сфере генетики // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности: материалы VI Тихоокеанского юридического форума, 8 октября 2021 г. / сост. В.В. Гаврилов. Владивосток, 2021. С. 202 – 204.

[398] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 120.

концентрацию бланкетных диспозиций в статьях главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, составляющую порядка 96%);

– чем больше степень интенсивности (плотности) правового регулирования определенных общественных отношений соответствующими нормами и теснее связь с ними уголовно-правовых запретов, тем выше уровень бланкетности их диспозиций (например, статьи о преступлениях против безопасности движения и эксплуатации транспорта)[399].

В этой связи характерное для современной жизни усложнение общественных отношений и увеличение массива регулятивных нормативных актов вполне закономерно обусловливают тенденцию повышения бланкетности действующего уголовного закона. Вместе с тем, тенденция бланкетизации уголовного законодательства, особенно в случаях отсылки к актам подзаконного характера, несет в себе уголовно-политический риск содержательного наполнения уголовно-правового запрета не только органами законодательной, но и исполнительной власти[400].

Влияние изменений регулятивного законодательства на изменение содержания уголовно-правовых норм.

Из закономерности обусловленности уголовно-правовых запретов регулятивными предписаниями вытекает ряд следствий: изменение регулятивной нормы отражается через бланкетную диспозицию на фактическом или законодательном изменении (увеличении или уменьшении объема, терминологической корректировке) содержания уголовно-правового запрета[401]; в частности, отмена (полная или частичная) обязанности, возлагаемой регулятивной нормой, должна вызывать и отмену (полную или частичную) ответственности за ее

---

[399] Эту закономерность отмечают также Н.И. Пикуров (см.: Энциклопедия уголовного права. Т.1. Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 387. Он же. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009.) и И.В. Шишко (см.: Шишко И.В. Экономические правонарушения.: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 67 – 68).

[400] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 162 – 164.

[401] С этим следствием связана и проблема обратной силы уголовного закона при изменении бланкетной основы уголовно-правовой нормы, подробнее см.: Пудовочкин Ю.Е. Действие уголовного закона во времени. Обратная сила уголовного закона. М., 2014. С. 93-103.

нарушение; признание регулятивной нормы неконституционной влечет неприменимость соответствующего уголовно-правового запрета.

Здесь, в корреляции изменений регулятивных норм и уголовно-правовых запретов тоже есть своя специальная закономерность, выражающая зависимость степени устойчивости уголовно-правовых запретов от уровня абстрактности изложения их бланкетных диспозиций: чем выше этот уровень, тем больше адаптивность запрета, тем больше изменений регулятивного законодательства он в состоянии выдержать, без вмешательства законодателя.

4) *административно-деликтная обусловленность уголовного права*.

Влияние норм административно-деликтного права на формирование уголовного права заключается в следующем.

Влияние административно-деликтных норм на криминализацию деяний.

Из субсидиарной роли криминализации в процессе борьбы с общественно опасным поведением и принципа экономии репрессии следует, что установление уголовной ответственности допустимо лишь постольку, поскольку противодействие определенному деянию иными мерами, в том числе административной ответственности, является несправедливым и неэффективным. Эта закономерность поддерживается и последовательной позицией Конституционного Суда РФ, указывающего, что «уголовный закон, будучи в силу своей правовой природы крайним средством, с помощью которого государство осуществляет реагирование на факты правонарушающего поведения, распространяет свое действие лишь на те сферы общественных отношений, регулирование которых с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, в том числе норм, устанавливающих административную ответственность, оказывается недостаточным»[402].

Учитывая близость предметов, методов, задач уголовного и административно-деликтного права вполне закономерно, что законодатель, признавая наиболее общественно опасные формы и виды отклоняющегося

[402] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 г. №270-О.

поведения преступными и уголовно наказуемыми, исходит из менее вредоносных, расцениваемых в качестве административных правонарушений[403].

Особое значение закономерность взаимовлияния оснований установления уголовной и административной ответственности приобретает в связи с характерной для УК РФ тенденцией к расширению использования составов преступлений с административной преюдицией. Действующая редакция УК РФ (от 28.02.2025 г.) насчитывает уже 32 статьи (ст. 116^1, 151^1, 157, 158^1, 171^4, 171^5, 191, 193, 201^2, 201^3, 212^1, 215^3, 215^4, 217^3, 255, 264^1, 264^2, 264^3, 274^2, 280^1, 280^3, 282, 282^4, 284^1, 284^2, 285^5, 285^6, 314^1, 315, 321^1, 330^1, 330^3 УК РФ), предусматривающих такие составы. При этом анализ указанных статей показывает, что в большинстве случаев законодатель использует административную преюдицию для криминализации (28 статей), т.е. признает преступным повторное или многократное совершение однородных правонарушений лицом, находящимся в состоянии административной наказанности. Эта тенденция подтверждает мнение о том, что административная преюдиция служит инструментом «мягкой» криминализации[404].

Признав практику конструирования составов преступлений с административной преюдицией законной, Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал: «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить

---

[403] Подробнее о связях уголовного и административно-деликтного права см.: Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права: монография / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина, Н.И. Пикурова. М., 2017; Чуличкова Е.А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности: Дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

[404] См.: Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. №6. С. 81.

серьезный вред общественных отношениям, поставленным под охрану уголовного закона»[405].

Закономерность взаимообусловленности формирования уголовного и административно-деликтного права выражается в ряде аспектов:

– чем выше социальная ценность благ (интересов), выступающих объектами посягательств, тем больше центр тяжести в их правовой охране смещается к уголовному праву (жизнь, здоровье, физическая свобода, половая неприкосновенность и половая свобода личности, основы конституционного строя и безопасности государства, мир и безопасность человечества);

– чем ниже социальная ценность благ (интересов), выступающих объектами посягательств, тем условнее и подвижнее граница между их уголовно-правовой и административно-правовой охраной;

– при совпадении объектов правовой охраны граница между уголовным и административно-деликтным правом смещается в зависимости от степени общественной опасности посягательств на охраняемые блага (интересы) и характеристики виновного;

– максимальная степень общественной опасности административного правонарушения служит точкой отсчета минимальной степени общественной опасности смежного с ним преступления, и наоборот;

– двухэтапного привлечения к уголовной ответственности, предполагающего на первом этапе превентивную административную наказуемость деяния, трансформирующуюся в случае ее неэффективности в уголовную наказуемость за неоднократное его совершение;

– чем меньше степень общественной опасности правонарушений, тем большее условий, в первую очередь, связанных с количеством привлечений к административной ответственности, требуется для обоснованности конструирования составов преступлений с административной преюдицией.

---

[405] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 №2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212^1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «Консультант Плюс».

Влияние административной наказуемости на пенализацию в уголовном праве.

Из закономерностей взаимообусловленности оснований установления уголовной и административной ответственности и соразмерности наказуемости вытекает необходимость межотраслевой согласованности и сбалансированности уголовных и административных наказаний, при которой обе системы были бы подчинены общей логике прогрессии карательного содержания наказаний от менее строгих к более строгим видам и размерам (в частности, максимальный размер административного наказания должен являться критерием установления минимального размера аналогичного уголовного наказания, и наоборот). Сравнительный анализ в целом систем уголовных и административных наказаний (гл. 3 КоАП РФ и гл. 9 УК РФ) в принципе свидетельствует о стремлении к соблюдения этой логики. Однако наличие в обеих отраслях пересекающихся с точки зрения характера и объема правоограничений наказаний в виде штрафа, дисквалификации (лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), обязательных работ и ареста, а также тенденция к ужесточению административной ответственности, свидетельствую о том, что в настоящее время закономерность межотраслевой согласованности и сбалансированности наказаний в уголовном и административно-деликтном праве является в значительной степени нарушенной[406].

Оценивая в целом реализацию закономерности межотраслевой координации уголовного и административно-деликтного права, предполагающую согласованность и беспробельность границ между уголовной и административной противоправностью и наказуемостью для всесторонней защиты личности,

[406] Подробнее см.: Шергин А.П., Шергина К.Ф. Проблемы интеграции административной и уголовной ответственности // Научный портал МВД России. 2010. №4. С. 16 – 20; Князева И.Н. Сравнительно-правовой анализ обязательных работ как административного и уголовного наказания // Административное право и процесс. 2013. №12. С. 46 – 48; Попугаев Ю.И. О необходимости дифференциации размеров административных и аналогичных уголовных наказаний с учетом степени общественной опасности деяний // Административное право и процесс. 2014. №2. С. 43 – 46; Денисенко В.В. Административное правонарушение и преступление, административная и уголовная ответственность: нетождественное сходство // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти В.Д. Сорокина (3 – 6 октября 2013 г.). Краснодар, 2014. С. 92 – 107; Кисин В.Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. №7. С. 12 – 16; Розенко С.В. Уголовные и административные виды наказания в российском праве: проблемы разграничения и системного развития // Oeconomia et Jus. 2017. №4. С. 65 – 70.

общества, государства и справедливой дифференциации ответственности за посягательства на их интересы, следует отметить, что несмотря на ее более последовательное соблюдение при формировании специально-юридического содержания смежных отраслей, со стороны своего социально-криминологической содержания они сохраняют и увеличивают разбалансированность. Об этом свидетельствует, с одной стороны, ужесточение административно-деликтного права и его широкое использование как альтернативы уголовному праву[407], а с другой стороны, смешивание их предметов и вмешательство уголовного права «не в свою сферу»[408].

С указанным согласны большинство опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников (72 %).

Таким образом, от этой многофакторной социально-правовой обусловленности зависит содержание уголовного права, т.е. определенная мера уголовно-правового воздействия в обществе.

Следует отметить, что в силу этой системной обусловленности каждое общество в конкретный исторический период для своего безопасного и устойчивого развития и эффективной защиты личных, общественных и государственных интересов от преступных посягательств объективно требует определенной меры уголовно-правового воздействия, которая выражает объем криминализации, степень репрессивности наказаний и баланс карательных, превентивных и восстановительных средств.

Поэтому в процессе определения и установления социально необходимой меры уголовно-правового воздействия следует руководствоваться законосообразным подходом, предполагающим системное (комплексное и иерархически последовательное) познание, учитывание и использование закономерностей уголовного права.

---

[407] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики // Уголовное право. 2022. № 3. С. 3 – 16.

[408] См.: Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. №9. С. 106 – 107.

Напротив, игнорирование и неучет системы закономерностей, влияющей на содержание, действие и развитие уголовного права, неизбежно приводит к установлению неадекватной объективным потребностям общества (недостаточной или избыточной) меры уголовно-правового воздействия, которая столь же неминуемо вызывает негативные социальные последствия для общественной жизни.

Если недостаточная мера уголовно-правового воздействия выражается в пробельности, неполноте уголовно-правовых запретов, малодифференцированной уголовной ответственности и излишней мягкости наказаний, то избыточная мера такого воздействия, напротив, проявляется в необоснованной, чрезмерной криминализации деяний и репрессивности наказаний, наличии «мертвых», «дублирующих», «конъюнктурных» уголовно-правовых норм.

Отрицательными социальными последствиями недостаточной меры уголовно-правового воздействия является незащищенность определенных общественных отношений от деяний, которые причиняют им вред, препятствующая их развитию и создающая риск применения уголовного закона по аналогии, а также нехватка разнообразия диспозиции и карательного содержания санкции относительно реальных проявлений общественно опасного поведения.

Негативные социальные последствия избыточной меры уголовно-правового воздействия, как более характерной для истории и современного состояния российской уголовной политики, заключаются в излишнем ограничении уровня свободы и активности граждан, давлении на экономику и иные стороны общественной жизни, создании препятствий социально-экономическому развитию, деградации иных методов социального регулирования, неоправданном привлечении к уголовной ответственности большого или выборочного числа людей, что, в конечном итоге, приводит к социальной вредности уголовного закона, снижению его авторитета и обесцениванию.

Вместе с тем, не только пренебрежение законодателя к закономерностям, но и бессистемность (выборочность, манипулятивность и непоследовательность) их учета и использования в процессе криминализации, пенализации и

дифференциации уголовной ответственности приводит к установлению неадекватной меры уголовно-правового воздействия.

Общая закономерность здесь такова: чем больше мера уголовно-правового воздействия (объем криминализации, степень репрессивности пенализации и баланс карательных, превентивных и восстановительных средств) детерминирована объективными социально-экономическими, социокультурными и специальными закономерностями, тем она адекватнее актуальным криминальным угрозам, состоянию и тенденциям развития преступности и потребностям общества противодействия ей. И наоборот: чем мера уголовно-правового воздействия в большей степени политически ангажирована, политико-конъюнктурна и детерминирована закономерностями государственного управления, и в меньшей степени социально и криминологически обусловлена, тем она неадекватнее объективным потребностям противодействия общественно опасным посягательствам.

Для правильного определения меры уголовно-правового воздействия следует учитывать:

– во-первых, закономерности отдельных сфер и отношений общественной жизни, выступающих объектом уголовно-правовой охраны, поскольку они объективно обусловливают социальные потребности в криминализации и пенализации общественно опасных деяний;

– во-вторых, общеправовые закономерности, выражающие общие тенденции развития права (его системности, специализации, внутренней юридической согласованности, дифференциации юридической ответственности), позволяющие обеспечить межотраслевые взаимосвязи уголовного с конституционным, международным, административно-деликтным правом и регулятивными правовыми отраслями;

– в-третьих, криминологические, уголовно-правовые и уголовно-политические закономерности, в соответствии с которыми устанавливается социальная необходимость, правовая возможность и целесообразность, технико-юридическая оптимальность реализации методов уголовной политики.

В связи с такой последовательностью и иерархичностью закономерностей, на наш взгляд, точка зрения[409] о том, что объективные закономерности жизни общества носят слишком общий характер, не отражающий специфики установления уголовно-правового запрета, поэтому в силу отдаленности этих закономерностей от процесса законотворчества они в ходе криминализации могут быть учтены не как ее основания, а при анализе причин и условий, порождающих ту или иную разновидность девиантного поведения, не должна восприниматься как недооценка значимости познания, учета и использования закономерностей общественной жизни. Поскольку именно закономерности конкретной сферы жизни общества, в нарушении которых существует определенная разновидность отклоняющегося поведения, объективно обусловливают его общественную опасность и потребность признания этого поведения преступным и наказуемым. Поэтому объективные закономерности общественной жизни не только могут, но и должны быть учтены законодателем в процессе установления им уголовно-правовых запретов в качестве факторов, характеризующих основание криминализации. Тем более, что А.И. Коробеев совершенно справедливо пишет о важности уголовно-правового прогнозирования, в частности, последствий криминализации, пенализации[410], осуществление которого предполагает получение информации об основных тенденциях и перспективах развития уголовного права, законодательства, отдельных уголовно-правовых институтов и норм, а следовательно, требует знания объективных закономерностей жизни общества как социальной среды их функционирования.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности формирования уголовного права* – это существенные, устойчивые и повторяющиеся связи, детерминирующие социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, системный учет которых позволяет установить адекватную актуальным

[409] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 64.
[410] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 101, 106.

криминальным угрозам и тенденциям в развитии преступности, потребностям справедливого разрешения конфликта, вызванного преступлением, оптимально сочетающую карательные, восстановительные и превентивные средства, согласованную с другими правовыми отраслями – меру уголовно-правового воздействия в обществе (достаточную и неизбыточную по объему криминализации, степени репрессивности пенализации и балансу используемых средств).

2. Учитывая влияние на формирование уголовного права многообразных факторов, среди закономерностей данной группы могут быть выделены: закономерности формирования социально-криминологического и закономерности формирования специально-юридического содержания уголовного права.

3. *Закономерности формирования социально-криминологического содержания уголовного права выражают его*:

– экономическую обусловленность (влияние экономических отношений на криминализацию, пенализацию и депенализацию деяний, в частности, зависимость объема криминализации в сфере экономических отношений от уровня их сложности и вида экономической системы, обусловленность объективными экономическими законами и закономерностями уголовно-правовых запретов в сфере экономики и пределов уголовно-правового регулирования);

– политическую обусловленность (влияние внутриполитических процессов на перечень криминализированных деяний и ценностные приоритеты уголовно-правовой охраны, влияние политического режима на роль, объем и репрессивность уголовного права, влияние качества внутренней политики государства на значение и содержание уголовного права, влияние геополитических факторов на изменение национального уголовного права);

– социокультурную обусловленность (влияние состояния и особенностей общественного сознания на криминализацию и пенализацию, влияние ценностно-идеологической основы и ориентации общества на уголовное право, влияние общей и правовой культуры и благосостояния населения на уровень его карательных притязаний, влияние стереотипов преступного и наказуемого

поведения, а также цивилизационного развития общества на процессы криминализации и пенализации);

– криминологическую обусловленность (влияние криминологических факторов на криминализацию и пенализацию деяний, влияние социально-криминологических факторов на разнообразие уголовно-правовых мер).

4. *Закономерности формирования специально-юридического содержания уголовного права выражают его*:

– конституционно-правовую обусловленность (влияние конституционных положений на формирование принципов уголовного права и закона, влияние конституционных ценностей на объекты уголовно-правовой охраны, влияние соотношения конституционных ценностей на пределы уголовно-правового воздействия, влияние конституционных норм в качестве критерия оценки правового характера предписаний уголовного права);

– международно-правовую обусловленность (влияние международно-правовых норм на криминализацию и пенализацию, на толкование бланкетной диспозиции норм российского уголовного права, влияние международно-правовых стандартов прав и свобод человека на содержание уголовного права);

– регулятивно-правовую обусловленность (влияние регулятивных норм на криминализацию деяний, количество уголовно-правовых запретов, удельный вес норм с бланкетными диспозициями в структуре уголовного закона и уровень их бланкетности, влияние изменений регулятивного законодательства на изменение содержания уголовно-правовых норм);

– административно-деликтную обусловленность (влияние административно-деликтных норм на криминализацию деяний, взаимообусловленность оснований установления уголовной и административной ответственности, влияние административной наказуемости на пенализацию в уголовном праве, межотраслевой согласованности и сбалансированности уголовных и административных наказаний).

5. Реализация *законосообразного подхода* в процессе формирования уголовного права, предполагающего системное (комплексное и иерархически

последовательное) познание, учитывание и использование закономерностей, детерминирующих социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, позволяет установить адекватную меру уголовно-правового воздействия. Напротив, *нарушение законосообразного подхода*, состоящее в игнорировании, недоучете, бессистемности (выборочности, манипулятивности и непоследовательности) учета и использования закономерностей в процессе формирования уголовного права неминуемо приводит к установлению неадекватной (недостаточной или избыточной) меры уголовно-правового воздействия, которая столь же неизбежно влечет отрицательные социальные последствия.

6. Проведенный анализ закономерностей формирования уголовного права показывает, что мера уголовно-правового воздействия (объем криминализации, степень репрессивности пенализации и приоритет карательных над восстановительными средствами) в обществе тем значительней, чем менее демократичен политический режим и шире сфера участия государства в социальном управлении, приоритетнее защита государственных и общественных над личными интересами, чем меньше политический, идеологический и экономический плюрализм и сильнее доминирование консервативных патриархальных, коллективистских и государственнических ценностей в обществе, чем меньше уровень саморегуляции общественных отношений и способности использовать экономические и некарательные правовые регуляторы в решении социальных проблем, чем ниже уровень правовой культуры и благосостояния общества, чем репрессивнее мышление власти и населения, чем меньше степень соответствия уголовного законодательства международным и конституционно-правовым стандартам прав и свобод человека.

§ 3. Закономерности развития уголовного права

Общество в целом и все его элементы находится в состоянии непрерывного изменения и развития. Под влиянием изменений экономических, политических,

социокультурных и иных условий жизни общества происходит и развитие права. Без взаимообусловленности этих процессов невозможно адекватное удовлетворение объективных потребностей социальной жизни в юридическом регулировании и развитие общества. Вместе с обществом развивается и характерное для него уголовное право, приспосабливаясь к новым криминальным угрозам и актуальным тенденциям в развитии преступности.

Развитие российского уголовного права представляет собой длительный исторический процесс, который связан с историей российского общества и российской государственности, прошел дореволюционный и советский периоды, а в настоящее время проходит новый постсоциалистический этап, сопровождается многочисленными и разнообразными актами, реформами и изменениями уголовного законодательства, что значительно осложняет выявление закономерностей этого процесса как общих, устойчивых и повторяющихся тенденций.

Поэтому обнаружение закономерностей развития уголовного права требует законосообразного историко-правового подхода, который, на наш взгляд, характеризуется следующими предпосылками.

Во-первых, в отличие от закономерностей формирования уголовного права, выражающих зависимость и обусловленность его содержания от социально-экономических, политических, криминологических, юридических и иных условий жизни каждого исторически конкретного общества, закономерности развития уголовного права имеют исторически сквозной характер.

Их выявление предполагает понимание того, что развитие российского уголовного права не ограничивается отдельным периодом истории развития уголовного законодательства и этапом развития российского государства, оно более консервативно, универсально и стабильно, более независимо от текущей уголовной политики, чем уголовный закон.

В этом смысле уголовное право, проходя в своем длительном развитии через разные периоды истории российской государственности и уголовного законодательства, как бы «очищается» от особенностей того или иного социально-

экономического строя и политической обстановки в стране, и вместе с тем аккумулирует в себе общие закономерности развития общества, правового прогресса, ценности и достижения уголовно-правовой культуры, выражающие закономерности развития уголовного права.

Именно такой подход позволяет изучить развитие уголовного права в некоторой степени безотносительно современной уголовной политики и текущего реформирования уголовного законодательства и дает основание выявить исторические закономерности развития отрасли.

Во-вторых, выявление закономерностей развития уголовного права предполагает знание общетеоретического понятия развития и общих законов развития природы, общества и мышления.

Философская наука характеризует развитие как качественные, необратимые и направленные изменения системы[411].

С точки зрения данного определения, установление закономерностей развития уголовного права предполагает выявление качественных, системных и однонаправленных уголовно-правовых преобразований, выражающих определенные тенденции в эволюции уголовного права.

Несмотря на разнообразие представленных в науке концепций развития, важное значение для целей нашего исследования, как представляется, имеют сформулированные диалектикой всеобщие законы развития: «единства и борьбы противоположностей», «перехода количества в качество» и «отрицания отрицания», которые, специфически проявляясь в содержании уголовного права, оказывают существенное влияние на развитие отрасли.

Диалектическая концепция постулирует, что во всякой развивающейся системе имеются противоположные стороны (процессы, тенденции), которые находясь во взаимодействии (отрицая или проникая друг в друга) являются важным источником развития и задают его определенное направление.

---

[411] См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007. С. 521 – 524.

Диалектическое понимание развития уголовного права предполагает выявление составляющих его противоположностей, от соотношения которых в каждый конкретный исторический период зависит его содержание[412].

На наш взгляд, в основе содержания и развития уголовного права лежат следующие противоположности:

– между стабильностью уголовного права и динамикой актуальных криминальных угроз и тенденций в развитии преступности; между преемственностью и новеллизацией в уголовном праве, уголовно-правовыми традициями и инновациями, эволюционным и революционным развитием правовой системы, включая уголовное право;

– между полной кодификацией и множественностью формальных источников уголовного права;

– между либеральной и репрессивной моделью уголовно-правового воздействия;

– между идеей создания «маленького, но жесткого» и «большого, но мягкого» уголовного кодекса;

– между политизацией, идеологизацией и социально-криминологической обусловленностью уголовного права;

– между моделью «воздающего» и «управляющего» уголовного права; между уголовно-правовой охраной общества и уголовно-правовым управлением и контролем обществом;

– между общепредупредительным устрашающим и частнопревентивным исправительным уголовно-правовым воздействием;

– между приоритетом уголовно-правовой охраны универсальных общечеловеческих либо классовых, сословных, национальных традиционных или иных локальных ценностей;

– между первенством уголовно-правовой охраны частных, общественных или государственных интересов; между приоритетом охраны личности и ее

---

[412] См. единственную работу по теме: Марцев А.И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990.

свободы или государства и его безопасности в уголовном праве; между защитой и ограничением прав и свобод человека в уголовном праве;

– между уголовным правом как средством защиты интересов власти и ограничения произвола государственной власти;

– между криминализацией и декриминализацией, пенализацией и депенализацией;

– между пробельностью и чрезмерностью уголовно-правового регулирования; между достаточностью общественной опасности деяний для криминализации и избыточностью уголовно-правовых запретов;

– между позитивными и негативными последствиями криминализации;

– между воздающей и превентивной криминализацией (между признанием преступными и уголовно наказуемыми реально существующих и потенциально возможных деяний);

– между концепцией общественно опасного деяния и опасного состояния личности как основания криминализации и уголовной ответственности;

– между субсидиарным и активным (зачастую приоритетным и первоочередным) использованием уголовно-правовых средств в решении социальных, экономических и политических проблем;

– между идеей «вторичного» (обеспечительного по отношению к регулятивному законодательству) и «первичного» (опережающего позитивное регулирование) использования уголовно-правовых инструментов;

– между новой криминализацией и укоренившимися в массовом сознании граждан морально-нравственными представлениями о добре и зле, добродетели и грехе, справедливости и неправедности; между категоричностью государственной оценки деяния как преступления в законе и неоднозначность его оценки в общественном сознании;

– между сближением (универсализацией и гармонизаций) и национальной самобытностью и замкнутостью систем уголовного права;

– между приоритетом международного и внутригосударственного уголовного права;

– между карательными и восстановительными задачами и средствами уголовно-правового регулирования;

– между тотальной императивностью и расширением диспозитивных элементов в уголовно-правовом регулировании (между публичными и частными началами в уголовном праве);

– между усилением правовой определенности и расширением пределов усмотрения правоприменителя в уголовном праве; между формализацией и использованием оценочных признаков в уголовном законе;

– между абстрактным и казуистическим способом формулирования уголовно-правовых норм;

– между принципом законности и уровнем бланкетности в уголовном праве;

– между унификацией и дифференциацией уголовно-правового регулирования;

– между равенством граждан перед законом и дифференциацией и индивидуализацией уголовной ответственности в зависимости от личности;

– между принципом законности и аналогии уголовного закона;

– между гуманизмом к потерпевшему и гуманизмом к преступнику; между справедливостью наказания для потерпевшего (общества) и виновного;

– между достаточностью карательного содержания наказания для достижения его целей и недопустимостью причинения наказанием физических страданий или унижения человеческого достоинства;

– между неотвратимостью наказания и целесообразностью освобождения от уголовной ответственность и наказания;

– между увеличением перечня преступных деяний в особенной части и расширением видов освобождения от уголовной ответственности и наказания в общей части уголовного права.

Единство и борьба отмеченных противоположностей обусловливают развитие и определяют содержание уголовного права. По мере развития общества и самого уголовного права количество образующих его противоположностей возрастает, те или иные существующие между ними противоречия

актуализируются или «затихают». Наконец, в зависимости от сложившейся социально-политической обстановки в стране отмеченные противоречия разрешаются или «победой» одной из противоположностей либо нахождением определенного соотношения между ними.

Поэтому в той мере, в какой современная уголовная политика и российское уголовное законодательство характеризуются нарастанием процессов и расширением сферы криминализации, усилением репрессивности, проникновением классовых начал, его использованием для решения текущих социальных проблем, сменой приоритетов уголовно-правовой охраны на преимущественную защиту государственных интересов и безопасности, избирательным отношением к международным стандартам в области прав человека и уголовно-правового регулирования, можно судить о том, какая из отмеченных противоположностей взяла верх на современном этапе развития российского общества и уголовного права. И в целом о происходящих в стране социально-политических процессах, предопределяющих то или иное соотношение противоположностей, а следовательно, содержание современного уголовного законодательства.

По поводу влияния на уголовное право более общих противоречий общественной жизни в литературе отмечается, что: «Отношение различных общественных слоев и групп к принимаемым уголовно-правовым решениям нередко носит принципиально различный характер, отражая и поддерживая ценностный конфликт, который сегодня проявляется как минимум на трех уровнях: между «гражданами-массой» и правящей элитой; внутри самой элиты и внутри масс (западники и славянофилы, консерваторы и либералы, глобалисты и антиглобалисты и др.); между государственной (национальной) идеей и так называемой системой европейских ценностей. Каждый из этих уровней противостояния прямо находит отражение в уголовной политике, вектор которой меняется в зависимости от того, какие силы реально «стоят у руля» (от безоговорочного следования европейским стандартам до возможности отказа признания верховенства международно-правовых актов). В результате состояние

постоянного конфликта оказывает определяющее воздействие на общественные отношения в целом, не говоря уже о такой его составляющей, как уголовно-правовая сфера»[413].

Следовательно, результат соотношения и борьбы характерных для содержания уголовной политики и уголовного права противоположностей во многом обусловлен столкновением и противоборством более общих противоположностей общественно-политической жизни.

Вместе с тем, такая в значительной мере общая социально-политическая предопределенность не снимает задачу нахождения рационального соотношения между отраженными в содержании уголовного права противоположностями.

Как верно пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, поскольку противоречия уголовной политики описываются в категориях «неантагонистические» и «вечные», отношения между противоположностями, образующими эти противоречия, не характеризуются борьбой на уничтожение, но требуют более щадящих инструментов разрешения, обеспечивающих установление и поддержание оптимального в данных конкретных условиях места и времени баланса между ними на основе взаимодействия и компромисса[414].

В тематической уголовно-правовой литературе справедливо говорится о важности взаимодополняемости и нахождения определенного компромисса, оптимального баланса, гармонии между свойственными уголовному праву противоположностями, применительно к разным аспектам его содержания[415].

---

[413] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018, № 1 (41). С.185.

[414] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Необходимость обновления методологии исследований в науке уголовного права // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 4. С. 36.

[415] См.: Ковалев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. №11. С. 70; Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., 1982. С. 220, 243; Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С. 18; Кузнецова Н.Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации // Вестник МГУ. Серия. Право. 1995. № 2. С. 54 – 55; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 55 – 56; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. №4. С. 4 – 12; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2014. С. 12; Панченко П.Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право. М., 2014. С.151, 266; Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал Российского права. 2016. №9. С. 92 – 101; Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России. Дисс. … докт. юрид. наук. Курск, 2016. С. 12; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 5, 37, 124.

В частности, О.С. Капинус отмечает: «динамика общественного развития вынуждает законодателя сочетать процессы криминализации и декриминализации деяний. Лишь сбалансированное использование этих уголовно-политических инструментов способно обеспечить эффективную защиту важнейших социальных ценностей, не допуская при этом избыточного ограничения уровня свободы общества»[416].

По мнению Н.И. Пикурова: «направление и характер современной реформы российской правовой системы, в том числе уголовного права, свидетельствуют о поиске баланса между частным и публичным»[417].

Л.Л. Кругликов и Л.Е. Смирнова пишут, что «унификация и дифференциация – два взаимообусловленных, сдерживающих противовеса в системе законодательного регулирования»[418].

По мнению Т.В. Кленовой и О.В. Климановой, важность соблюдения оптимального баланса между абстрактным и казуистическим уголовно-правовым регулированием подтверждается закономерностью соотношения законодательной и судебной власти в области уголовной политики: чем выше степень абстрактности описания состава преступления и формулирования иных уголовно-правовых предписаний, тем больше риск перехода судебного усмотрения в судейский произвол, и напротив, чем выше степень казуальности уголовно-правовых норм, тем меньше возможность у суда для индивидуализации уголовной ответственности, а следовательно, судебное правоприменение в большей мере становится бюрократическим «механически-исполнительским»[419].

Из указанного выше перечня противоположностей видно, что среди них есть внешние противоречия, возникающие между уголовным правом и явлениями общественной жизни (например, между стабильностью запрета и динамично меняющимися потребностями общества в уголовно-правовой охране), а также

---

[416] См.: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. №4. С. 37 – 46.

[417] См.: Энциклопедия уголовного права. Т.1: Понятие уголовного права. СПб., 2005. С. 483.

[418] См.: Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008. С. 69.

[419] См.: Кленова Т.В., Климанова О.В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике // Труды института государства и права РАН. 2022. Т. 17. №4. С. 130.

между уголовным правом и иной системой нормативного регулирования (в частности, между приоритетом международного и национального уголовного права), и внутренние противоречия, находящиеся в рамках содержания уголовного права (например, между унификацией и дифференциацией уголовно-правового регулирования).

Кроме того, выделенные противоположности имеют разный масштаб влияния на содержание уголовного права, одни значимы для развития отдельных уголовно-правовых институтов (например, противоречие между неотвратимостью и нецелесообразностью наказания), другие – для развития отрасли в целом (например, противоречие между гуманизацией и ужесточением уголовно-правового воздействия), третьи имеют более масштабный исторический, общественный и государственно-правовой характер (в частности, противоречие между глобализацией, универсализацией, единым миропорядком, открытостью и многополярным мироустройством, сохранением национальной идентичности, самобытностью системы социального регулирования, изоляционизмом).

В этой связи считаем необходимым отметить несколько глубинных и непреходящих противоречий, оказывающих существенное влияние на развитие уголовного права.

Одно из таких фундаментальных диалектических противоречий развития российского общества и права выражается в противоположных тенденциях к постепенному утверждению начал правового государства и к цикличному воплощению идей сильного государства[420]. В уголовной политике и уголовном праве они проявляются в разнонаправленных трендах гуманизации и усиления репрессивных начал уголовного закона, экономии репрессии и активного использования уголовно-правового инструментария для решения текущих социально-экономических и политических проблем, в смене приоритетов уголовно-правовой охраны прав и свобод человека или государственных

[420] «Сильное» государство в значении силового, недемократического (см.: Simon J. Law’s Violence, the Strong State, and the Crisis of Mass Imprisonment (for Stuart Hall) // Wake Forest Law Review. 2014. Vol. 49. P. 649 – 676; Понкин И. В. Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1 – 2 (78 – 79). С. 53 – 70).

интересов, сужения или расширения криминализации, смягчения или ужесточения ответственности и т.п. Как уже отмечалось, под влиянием общеполитического вектора на построение сильного государства, взятого с начала XXI в., имеющего устойчивые культурно-исторические предпосылки, в современной российской уголовной политике это диалектическое противоречие разрешается «победой» тенденции к усилению уголовной репрессии а, следовательно, в сфере уголовного законотворчества значительно преобладают процессы криминализации и пенализации, нередко осуществляемые без объективных социально-криминологических оснований для уголовно-правового сопровождения (а местами, запретительно-карательной поддержки) текущей государственной политики.

Следующее в ряду таких глобальных противоречий заключается в поиске соотношения между частными и публичными интересами в сфере уголовного права. Изучение истории российского уголовного права в этом аспекте обнаруживает определенную цикличность: если на ранних порах генезиса государства и права частный интерес преобладал, то в средневековый период он уравнялся по значимости с публичным интересом, позднее был оттеснен, а в тоталитарный период российской государственности вытеснен на периферию уголовного права и, наконец, в постсоциалистический и современный период стал конкурирующим с публично-правовым интересом, а в чем-то даже доминирующим. Такое единство и борьба частного и публичного интереса в уголовном праве, обусловленные более общими закономерностями развития общества, в частности, продвижением и защитой прав и свобод человека, находит отражение в содержании и иерархии объектов уголовно-правовой охраны, в соотношении пределов государственной защиты неприкосновенности частной жизни и вмешательства в нее государства, в эволюции возмещения вреда и расширении прав потерпевшего в уголовном праве.

Среди проблем поиска баланса частных и публичных интересов в уголовном праве особо следует выделить противоречие между свободой и безопасностью, от разрешения которого зависит то, в какой мере уголовное право будет ограничивать

масштабы индивидуальной свободы ради защиты общественной и государственной безопасности. В настоящее время, как пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев: «новое прочтение диалектики личности и государства, свободы и безопасности, вуалируемое словами о «единении», «служении», «взаимной ответственности», «балансе конституционных ценностей» и т.д., зачастую прикрываемое цитатами и ссылками и на труды русских религиозных философов и консервативных правоведов позапрошлого столетия, по факту означает отказ от обсуждения самой диалектики, от признания наличия противоречий между ними и их анализа. Такая позиция по сути своей выводит личность и свободу за пределы самостоятельного политико-правового дискурса, позволяя сосредоточиться исключительно на государстве и его безопасности»[421].

Еще одной такой парой противоположностей, оказавшей существенное влияние на развитие уголовного права, является соотношение императивных и диспозитивных средств регулирования – от их единства через дифференциацию к интеграции. На начальном этапе развития права эти приемы применялись в нераздельном правовом регулировании, затем каждый из них получил свое развитие в чистом виде в рамках конкретных отраслей (происхождение императивного обусловлено предметом уголовного права, а диспозитивного – предметом гражданского права). В настоящее время эти первичные приемы используются отраслями права в различных сочетаниях (уголовное право, сохраняя преобладание императивного метода, характеризуется тенденцией расширения в нем диспозитивных приемов). По этому поводу А.В. Сумачев пишет: «История отечественного уголовного права свидетельствует о том, что усиление и централизация власти (средневековый абсолютизм, социализм) обусловливали государственную монополизацию сферы уголовно-правового регулирования, в которой диспозитивность не осознавалась даже как правовое явление. Государственное восприятие естественно-правовых идей в XIX – начале XX вв. и в постсоветский период развития России способствует тому, что диспозитивность

[421] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 142 – 143.

осознается как политико-правовая идея, которая находит свое отражение не только в цивилистике, но и в отраслях российского права криминального цикла»[422].

Распространенным в литературе, при обобщенной характеристике состояния уголовного законодательства и практики его применения, является выделение двух противоположных моделей уголовной политики – репрессивной и либеральной, которые тоже образуют глубинное сущностное противоречие в области уголовного права, поскольку в борьбе этих моделей развивалось и продолжает развиваться уголовное право на протяжении всей его истории. При этом сторонники первой модели, критикуют уголовную политику за чрезмерный гуманизм, а сторонники второй формулируют предложения по минимизации уровня ее репрессивности.

На наш взгляд, в сущности, первая модель, характеризуется доминирующей ролью, расширением и усилением уголовной репрессии, в том числе избыточной криминализацией и ужесточением наказуемости, вторая модель, напротив, отличается чрезмерной гуманизацией методов уголовной политики (декриминализацией и депенализацией). Поэтому мы не согласны с мнением В.В. Антонченко о том, что «мягкая уголовная политика… свидетельствует о понимании государством социальной обусловленности преступности и о вторичности уголовных мер в деле борьбы с ней»[423]. И жесткая, и мягкая уголовная политика представляют собой крайние, а потому ошибочные ее проявления, осуществляемые без необходимой социальной и криминологической обоснованности в том или другом направлении.

Когда говорят о репрессивной уголовной политике, то имеют ввиду ее противопоставление либеральной, а либеральную определяют как противоположность репрессивной. Между тем, по нашему убеждению, уголовная политика не должна быть ни репрессивной, ни либеральной, а должна быть законосообразной, т.е. соответствующей требованиям объективных

---

[422] Подробнее см.: Сумачев А.В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ: дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С.11.

[423] См.: Антонченко В.В. Оптимальная уголовная политика // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. №1. С. 135.

закономерностей уголовного права и оптимально сбалансированной с учетом системы этих закономерностей.

Поэтому точкой отсчета (нормой) при определении состояния уголовной политики, реализации ее форм и методов, должна быть ее законосообразная модель, а не какая-либо из этих противоположных моделей, либеральная или репрессивная, как таковая. Это принципиально меняет подход к оценке уголовной политики. При таком подходе категории репрессивная и либеральная необходимы для того, чтобы определить вектор, качественные проявления и степень отклонения уголовной политики от законосообразной модели осуществления ее форм и методов. Иначе те специалисты, которые подходят к оценке содержания уголовного законодательства и обоснованию его реформирования с позиции либеральной или репрессивной модели уголовной политики, рискуют снизить либо повысить «градус» (уровень) ее репрессивности/гуманизма до крайних, ошибочных показателей криминализации и пенализации.

Отмеченные нами противоположности (репрессивность и гуманизм, императивность и диспозитивность, единство и дифференциация и т.д.) имеют разнонаправленный и разносторонний характер.

Само по себе наличие и взаимодействие этих противоположных сторон и тенденций уголовного права не является дефектом его содержания, а закономерно обусловлено многообразием общественной жизни и выражает диалектические противоречия[424]. Поэтому от их оптимального разрешения и соотношения противоположностей зависит развитие и совершенствование системы уголовного права, полнота использования его возможностей и раскрытия потенциала, позволяющая сделать механизм уголовно-правового регулирования более гибким и эффективным.

Между тем, обусловленность развития уголовного права противоречиями его содержания и более общими социальными, экономическими, политическими и иными противоречиями общества несет в себе риск их произвольного разрешения

[424] Также считал В.Н. Кудрявцев (см.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.,1988. С. 18).

при реализации уголовно-правовой политики, приводящего к тем или иным дефектам, нарушениям необходимого баланса и неоптимальному состоянию системы уголовного права (избыточной или пробельной криминализации, правовой неопределенности или чрезмерной казуальности уголовно-правовых норм, излишней репрессивности или либеральности, несправедливой унификации или дифференциации уголовной ответственности и т.д.), влекущим негативные социальные последствия.

Поэтому, с одной стороны, диалектическая противоречивость выступает закономерностью развития уголовного права, с другой стороны, разрешение его внутренних и внешних противоречий само требует законосообразного подхода, т.е. определения, установления и поддержания оптимального баланса и взаимодействия между образующими их противоположностями на основе системного познания, учета и использования закономерностей общественной жизни и специальных закономерностей уголовного права.

В силу этой диалектической противоречивости процесс развития уголовного права включает в себя не только *прогресс*, состоящий в повышении качества уголовного законодательства, при котором обеспечивается его межотраслевая и внутриотраслевая юридическая согласованность, соответствие актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, оптимальный баланса превентивных, карательных и восстановительных уголовно-правовых средств в целях справедливого и эффективного разрешения конфликта, вызванного преступлением, *предполагающий законосообразный подход к реализации уголовной политики*, но и потенциальный *регресс*, выражающий социальную и криминологическую необоснованность уголовного законодательства и недостатки его законодательной техники *как следствие пренебрежения* законодателя *к объективным закономерностям* общественной жизни и специальным закономерностям уголовного права.

Таким образом, диалектические противоречия (внутренние и внешние, отражающие социальные, экономические, политические и психологические противоречия общества) есть неизбежный элемент механизма развития уголовного

права, поскольку их рациональное, социально-криминологически обоснованное, т.е. законосообразное разрешение служит источником прогресса отрасли, позволяет установить объективно необходимую меру уголовно-правового воздействия (минимально достаточную по объему криминализации, степени репрессивности пенализации и оптимальную по балансу карательных, превентивных и восстановительных средств); напротив, их произвольное разрешение приводит к регрессу отрасти и установлению неадекватной (избыточной или недостаточной) меры уголовно-правового воздействия.

Детерминируют и объясняют процесс развития уголовного права и два других всеобщих закона.

Из понятия развития, предполагающего переход от одного качества к другому, вытекает, что любое развитие немыслимо без отрицания, однако столь же необходимым моментом всякого прогрессивного движения является преемственность характеристик системы от предыдущих стадий ее развития[425]. Как показывает история российского уголовного права в процессе его развития диалектически взаимодействуют как моменты отмирания фрагментов уголовно-правовых систем дореволюционного и советского периодов, так и моменты преемственности, то есть аккумуляции и сохранения ценностей и достижений уголовно-правовой культуры от предшествующих периодов (закономерность отрицания-преемственности).

В развитии уголовного права проявляется также действие закона «перехода количества в качество», выражающего зависимость определенных качественных преобразований в его содержании от количественных изменений, связанных с накоплением законодательного и правоприменительного материала, опыта, средств и приемов в сфере уголовно-правового регулирования. Примером действия данной закономерности может служить образование институтов уголовного права по мере накопления комплекса однородных уголовно-правовых норм, а также формирование общей части уголовного закона по мере увеличения опыта

[425] Подробнее см.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007. С. 537.

формулирования и числа нормативных обобщений (общих уголовно-правовых понятий, принципов и правил).

Кроме того, процесс развития уголовно права протекает в русле общих закономерностей развития общества и права.

Среди эволюционных закономерностей права как тенденций его общего исторического развития, характеризующих социально-политический и специально-юридический генезис права, выражающих и обусловливающих процесс возвышения права в общественно-политической жизни, повышения его регулятивной силы и значимости в системе социального регулирования, могут быть выделены: увеличение вслед за усложнением и ускорением общественной жизни объема и интенсивности правового регулирования, его расширение и углубление в социальной действительности, диверсификация структуры права и рост нормативных актов; взаимодействие в праве процессов возрастания нормативных обобщений и усиления специализации (дифференциации и детализации) правового регулирования; повышение динамики права в связи с увеличением динамизма социальной жизни; обогащение положительного права естественно-правовыми и нравственно-духовными ценностями (право все более становится общесоциальным, чем классовым регулятором, инструментом общенародного, а не политического господства, постепенно повышается удельный вес субъективных прав и регулятивных норм относительно сферы запретов по мере демократизации и гуманизации жизни общества, возрастания его интеллектуального потенциала); утверждение верховенства права; усовершенствование юридической техники и обеспечительных механизмов; сближение правовых систем и унификация национального права под влиянием глобализации[426].

[426] Близкие закономерности развития права выделяют: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 100 – 103; Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 8: Учебники и учебные пособия. М., 2010. С. 169 – 172; Кашанина Т.В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. №12 (85). С. 44 – 53.

На основе всеобщих законов развития, общих закономерностей общественного развития и правового прогресса происходит и развитие уголовного права.

Проблема развития уголовной политики, уголовного законодательства и права, привлекала внимание ученых. В частности, И.А. Клепицкий считает, что «в качестве основных направлений развития уголовного законодательства правильно рассматривать: приведение его в соответствие с нормами международного права и требованиями международных организаций; приведение его в соответствие с меняющимися обстоятельствами общественной жизни; гуманизация уголовного права и защита интересов потерпевших; усиление борьбы с наиболее опасными преступлениями; защита интересов бизнеса в целях стимулирования экономического развития»[427].

Для обобщения результатов уголовного правотворчества и развития уголовного права учеными используются понятия периодов, тенденций, направлений. Между тем, предмет нашего исследования – закономерности не тождественен этим феноменам. Во-первых, в отличие от выделяемых в науке периодов истории развития российского уголовного законодательства и права, закономерности не связаны с периодизацией российской государственности, во-вторых, не всякая тенденция (направление) развития может быть признана закономерностью, а учитывая общие признаки закономерной связи, лишь наиболее общая, существенная, необходимая, повторяющееся и устойчивая, складывающаяся на протяжении всей многовековой истории развития уголовного права тенденция[428].

Поэтому выявление закономерностей требует сквозного изучения развития уголовного права дореволюционного, советского и современного периодов с точки

---

[427] См.: Клепицкий И. А. Уголовная политика: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Сборник материалов Первой всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М., 2014. С. 71.

[428] Такого же мнения придерживаются Ветютнев Ю.Ю. (см.: Государственно-правовые закономерности (введение в теорию). Элиста, 2006. С. 35) и А.М. Лушников (см.: Закономерности и тенденции развития права (общеправовой и отраслевой аспекты) // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 613).

зрения его исторической преемственности, накопления уголовно-правовых ценностей и традиций, формирования длинных трендов.

Таким образом, закономерности развития уголовного права – это существенные, необходимые, устойчивые, складывающиеся на протяжении всей его многовековой истории тенденции, проявляющиеся на основе всеобщих законов развития, общих закономерностей развития общества и правового прогресса и выражающие ценности, традиции и достижения охранительной уголовно-правовой культуры. К ним относится:

1) Историческая преемственность в развитии уголовного права.

Закономерность преемственности развития уголовного права состоит в том, что каждый новый его исторический период наследует определенные уголовно-правовые конструкции, понятия, ценности, традиции, достижения охранительно-правовой культуры, выработанные предшествующими периодами. Эта закономерность проявляется во многих аспектах как его правового содержания, начиная от общих охранительно-запретительных, превентивно-карательных задач и функций уголовного права, преемственности криминализации в обществе и заканчивая технико-юридического содержания (выделение общей и особенной частей, традиционной структуры уголовно-правовых запретов и составов преступлений).

По мнению А. В. Наумова: «не следует стыдиться, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII–XIX вв. (Беккариа, Французский уголовный кодекс 1810 г.). Да, человечество уже к этому времени сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками… Никакого нового уголовного права не будет, а будет органическое развитие старого с его приспособлением к новым (для каждого исторического периода) реалиям»[429].

Б. В. Волженкин также писал, что именно «старое» уголовное право выработало идеи законности, справедливости, равенства перед законом,

[429] См.: Наумов А. В. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 138.

гуманизма, субъективного вменения, которые закреплены сейчас в УК РФ в качестве основополагающих принципов уголовного законодательства, и вряд ли кто-либо может сказать, что пришла пора отказаться от этих «пережитков прошлого» и создавать «новое» уголовное право, свободное от них. Задача, напротив, состоит в более последовательной, всесторонней и точной реализации этих принципов[430].

2) Гуманизация уголовного права.

Закономерность гуманизации, оказавшая существенное влияние на развитие уголовного права, состоит в том, что по мере роста уровня общественного сознания, а вместе с ним – и удельного веса социально-полезного человеческого поведения, методы уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, постепенно смягчаются.

Проявлениями гуманизации уголовного права в широком смысле выступают такие важные исторические события, как отказ от сословно-классового подхода к определению оснований уголовной ответственности и характера наказуемости, учет вины и «степени вменяемости» при определении уголовно-правовых последствий, запрет на применение уголовного закона по аналогии, расширение круга обстоятельств, исключающих преступность, оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также перечня наказаний, не связанных с лишением свободы, признание уголовно-правовой охраны прав и свобод человека первоочередной задачей.

Следует отметить, что речь идет о гуманизации уголовного права как о длинном тренде его развития, существование которого не исключает, что в отдельно взятые периоды истории уголовного законодательства в качестве относительно коротких отступлений время от времени мы можем наблюдать отдельные всплески репрессивности уголовной политики.

Во многом такое пересечение, наложение и смена различных трендов в условиях преобладания субъективных факторов в восприятии уровня гуманизма-

---

[430] См.: Волженкин Б. В. Российская наука уголовного права и её развитие // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963 – 2007 гг.). СПб., 2008. С. 949.

репрессивности уголовной политики является причиной неоднозначной доктринальной оценки ее тенденций: одна группа авторов критикует современную уголовную политику за чрезмерный либерализм[431], другие ученые, напротив, – за избыточную репрессивность[432].

Признавая неизбежной неоднозначную реакцию различных социальных групп и представителей научного сообщества на уголовную политику, мы считаем необходимым в оценке ее направленности различать длинные тренды (закономерные тенденции) и короткие тренды. Длинные тренды задают глобальные, фундаментальные и масштабные направления развития права, в том числе в уголовно-правовой сфере и прокладывают себе дорогу в той или иной степени в законодательстве практически всех стран независимо от их политической системы и принадлежности к той или иной правовой семье.

Такие тренды выявляются при анализе общего эволюционного пути развития законодательства, они обусловлены глубинными объективными факторами, более стабильны и устойчивы к колебаниям текущего правотворчества, более «свободны» от субъективных и волюнтаристских факторов правообразования, т.е. обладают чертами объективных закономерностей развития. При этом, чем глубиннее объективные факторы, обусловливающие право, тем стабильнее и устойчивее тенденции его развития. Длинные тренды в большей степени обусловливаются объективными, «базисными» факторами правообразования, а короткие – субъективными или временными обстоятельствами.

Применительно к уголовной политике это выражается в том, что изменение ее текущего тренда, колебание уровня ее репрессивности / либеральности в большей мере зависит от «надстроечных факторов» (политического режима, уровня легитимности власти, взаимоотношений гражданского общества и

---

[431] См., в частности: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006; Побегайло Э.Ф. Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1 (1). С. 74 – 86; Смирнов А.М. К вопросу о чрезмерном гуманизме российской уголовной политики // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 11 (46). С. 310 – 314.

[432] См.: Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №3. С. 88 – 95; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020.

государства, целесообразности социально-управленческой деятельности, субъективизма в нормотворчестве, репрессивности профессионального и массового сознания, объема «конъюнктурной», «ситуативной» преступности и т.п.). В то время как за «спиной» длинных трендов уголовной политики стоят такие сущностные факторы, как потребности в охране универсальных ценностей от наиболее опасных посягательств, состояние ядра преступности, закономерности взаимосвязи экономических, демографических, психологических и иных объективных социальных процессов и процессов криминализации и пенализации.

3) Полная кодификация уголовного права.

Закономерность кодификации уголовного права состоит в систематизации и юридическом выражении его содержания посредством издания единого уголовного закона, устанавливающего основание и принципы уголовной ответственности, определяющего исчерпывающий перечень преступных деяний, виды наказаний и иные уголовно-правовые последствия их совершения.

Поскольку любая форма зависит от содержания, постольку уголовно-правовая материя, регламентируя вопросы преступности, наказуемости и другие аспекты уголовной ответственности, в условиях демократизации социальной жизни, обеспечения в ней гарантий законности, необходимости усвоения и соблюдения уголовно-правовых запретов через осознание их справедливости для эффективного предупредительно-охранительного воздействия, объективно требует воплощения в рамках единого кодифицированного акта, имеющего строгую процедуру принятия на федеральном уровне.

Вполне закономерно, что появление требования полной кодификации возникло как реакция на чрезмерную уголовную репрессию, вызванную злоупотреблением правоприменителя аналогией уголовного права и низкой правовой грамотностью постреволюционного населения России.

Анализ истории российского уголовного законодательства, развивающегося от множественности к единству источников, показывает, что тенденция к полной кодификации уголовно-правовых норм, наметившаяся еще в дореволюционный период, приобрела в советском уголовном правотворчестве устойчивый характер

(на уровне союзных республик) и окончательно сложилась с принятием УК РФ 1996 г.

Вместе с тем, данная закономерная тенденция пересекается с более общими закономерностями усиления специализации («разделения труда» между отраслями) права, развитием его структуры, совершенствованием системы санкций и дифференциацией юридической ответственности, в связи с чем неизбежным является введение в уголовный закон бланкетных уголовно-правовых конструкций, требующих для уяснения отдельных их признаков обращения к нормативным материалу регулятивных, а также охранительных отраслей права, устанавливающих ответственность за смежные правонарушения[433].

4) Дифференциация уголовно-правового регулирования.

Закономерность усиления дифференциации уголовно-правового регулирования состоит в том, чтобы в соответствии с объективно существующим разнообразием характера и степени общественной опасности преступлений, посткриминального поведения лиц, их совершивших, и необходимостью одновременного решения превентивных, карательных и восстановительных социальных задач, обеспечить более справедливое и оптимальное разрешение конфликта, вызванного преступлением.

Данная закономерная тенденция складывалась на протяжении всей истории развития российского уголовного законодательства, пройдя путь от многостатейности казуистических уголовно-правовых норм, характерной для памятников дореволюционного уголовного права, через появление в его содержании нормативных обобщений к системной дифференциации уголовно-правового регулирования в общей (категории преступлений, основания освобождения и т.д.) и особенной (квалифицированные составы, специальные нормы и т.п.) частях.

Таким образом, учитывая сложность, многофакторную обусловленность развития уголовного права, понимание и осуществление этого процесса с точки

---

[433] Подробнее о проблеме формальных источников российского уголовного права см.: Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. М., 2015.

зрения какой-либо отдельной закономерности или группы закономерных тенденций, выражающих отдельные аспекты его социально-политического или специально-юридического генезиса, является односторонним и недостаточным, а требует законосообразного подхода, предполагающего системное познание, учитывание и использование комплекса взаимосвязанных закономерностей, детерминирующих и характеризующих процесс развития с разных сторон: всеобщие закономерности развития – взаимодействия противоположных тенденций, разрешения внутренних и внешних противоречий системы уголовного права, отрицания и преемственности, повышения качества уголовного законодательства по мере накопления практики уголовно-правового нормотворчества и правоприменения; закономерности общественного развития – зависимость изменений уголовного права от основных социально-экономических и политических трендов (в частности, увеличения многообразия общественных отношений, дифференциации системы социального регулирования и приобретение в ней правом роли главного регулятора, роста общечеловеческой культуры, постепенной гуманизации и демократизации социальной жизни); общие закономерности развития права – динамика уголовного права в контексте системно-правового прогресса (усиления специализации, усложнения структуры, возрастания нормативных обобщений, взаимодействия нормативного и индивидуализированного регулирования, совершенствования системы санкций и дифференциации юридической ответственности); специальные закономерности – существенные и устойчивые тенденции собственно уголовно-правового развития (историческая преемственность, полная кодификация, гуманизация и дифференциация уголовно-правового регулирования).

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности развития уголовного права* – это существенные, необходимые, устойчивые, складывающиеся на протяжении всей его многовековой истории тенденции, проявляющиеся на основе всеобщих законов развития, общих закономерностей развития общества и правового прогресса и выражающие

ценности, традиции и достижения охранительной уголовно-правовой культуры.

2. Развитие российского уголовного права представляет собой длительный, сложный и диалектически противоречивый исторический процесс, прошедший ряд этапов (дореволюционный, советский, постсоциалистический), который характеризуется закономерностями исторической преемственности, полной кодификации, гуманизации и дифференциации уголовно-правового регулирования. Этот процесс обусловлен не только специальными, но и общими закономерностями развития права (усилением специализации, усложнением структуры, возрастанием нормативных обобщений, взаимодействием нормативного и индивидуализированного регулирования, совершенствованием системы санкций и дифференциации юридической ответственности) и общества (возрастанием разнообразия общественных отношений, усложнением, дифференциацией и совершенствованием системы социального регулирования и приобретение в ней правом роли главного регулятора, ростом общечеловеческой культуры, цивилизованности, гуманизацией и демократизацией социальной жизни), а также всеобщими законами развития, которые проявляются в разрешении диалектических противоречий уголовного права (между его исключительно охранительной и дополнительно регулятивной и воспитательной функцией, сближением и национальной самобытностью систем уголовного права, его использованием для защиты интересов власти или от произвола власти, для приоритетной охраны общечеловеческих или классовых и локальных ценностей, обеспечения свободы личности или безопасности государства и т.д.), отрицании устаревших предписаний, накоплении и сохранении уголовно-правовых ценностей, традиций и достижений по мере приумножения законодательного и правоприменительного опыта предшествующих периодов истории уголовного права.

3. Диалектическая противоречивость развития уголовного права, выражающая наличие и взаимодействие в его содержании противоположных сторон и тенденций, а также влияние на него более общих социальных, экономических, политических и психологических противоречий общественной

жизни, является вполне естественной и необходимой, поскольку от оптимального разрешения противоречий и баланса противоположностей зависит развитие и совершенствование системы уголовного права, полнота использования ее возможностей и раскрытия потенциала, позволяющая сделать механизм уголовно-правового регулирования более гибким и эффективным, но вместе с тем она несет в себе риск их произвольного разрешения при реализации уголовно-правовой политики, приводящего к тем или иным дефектам, дисгармонии и неоптимальному состоянию системы уголовного права (избыточной или пробельной криминализации, правовой неопределенности или чрезмерной казуистичности уголовно-правовых норм, излишней репрессивности или либеральности, нецелесообразной унификации или дифференциации уголовной ответственности и т.д.), влекущих негативные социальные последствия.

Следовательно, *разрешение* (внутренних и внешних, влияющих на уголовное право социальных, экономических, политических и социокультурных) диалектических противоречий, обеспечивающее оптимальное взаимодействие (баланс и компромисс) между образующими их противоположностями уголовного права и, следовательно, служащее источником прогресса отрасли, установления объективно необходимой меры и эффективного механизма уголовно-правового воздействия в обществе, должно быть *основано на законосообразном подходе*, предполагающем познание, учет и использование системы закономерностей уголовного права.

4. Поэтому в той мере, в какой современная уголовная политика и российское уголовное законодательство характеризуются нарастанием криминализации, усилением репрессивности, проникновением классовых начал, его использованием для решения широкого спектра текущих социальных проблем, сменой приоритетов уголовно-правовой охраны на преимущественную защиту государственных интересов и безопасности, избирательным отношением к международно-правовым стандартам прав человека, можно судить о таком разрешении внутренних и внешних противоречий уголовного права, которое обусловлено доминированием политических, государственно-управленческих

закономерностей и недостаточным учетом закономерностей (социально-экономических, социокультурных) развития общества и специальных закономерностей уголовного права.

Глава 4. Структурные закономерности уголовного права и закона

§ 1. Закономерности микроструктуры уголовного права и закона

Общая характеристика и виды структурных закономерностей в уголовном праве.

Выявление структурных закономерностей требует прежде всего понимания того, что такое структура. В переводе с латинского «структура» означает «строение». Различные философские трактовки структуры сходятся к пониманию ее как закономерных связей элементов системы (как закона связи элементов), выражающих и обеспечивающих их внутреннюю организацию, упорядоченность и целостность[434]. «Структура – это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами. Структура, прежде всего, – это закономерные связи элементов»[435].

Со времен советской юридической науки философское понятие структуры начало активно использоваться применительно к анализу различных правовых явлений и системы права в целом.

На основе системно-структурного осмысления права ученые раскрывают его сложное, многоуровневое, иерархическое строение, складывающееся из связанных между собой норм, институтов, отраслей, свидетельствующее о системности (структурности) права как одной из его важнейших объективных закономерностей, которая в связи с повышением уровня нормативных обобщений в праве, усилением специализации и усложнением структуры права, все более и более развивается по мере развития и усложнения общества, отражаясь на системе законодательства[436].

---

[434] Подробнее см.: Свидерский В.И. О диалектики элементов и структуры в объективном мире и в познании. М.,1962. С.10 – 11; Руткевич М.Н. Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы). Екатеринбург., 2003. С. 141 – 143.

[435] См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007. С. 462.

[436] Подробнее см.: Алексеев С.С. Структура советского права. М.,1975; Явич Л.С. Право и общественные отношения (Основные аспекты содержания и формы советского права). М.,1971; Явич Л. С. Социализм: право и общественный прогресс. М., 1990.

Данная общая закономерность, выражающая взаимосвязь процессов интеграции, дифференциации и детализации в праве, распространяется и на уголовное право, для структуры которого также характерно развитие, связанное с разрастанием цепочек основных, вариативных и специальных норм, формированием из них разнообразных специализированных уголовно-правовых институтов, их объединением в более крупные подсистемы, регламентирующие различные аспекты уголовной ответственности, и образованием на их основе общей и особенной частей уголовного права.

Структуру права образуют закономерные связи его элементов, без которых невозможно его функционирование в качестве организованной и внутренне согласованной системы[437].

Поэтому система уголовного права и органически связанный с ней по принципу единства содержания и формы уголовный закон характеризуются комплексом структурных закономерностей, которые выражают устойчивые связи их элементов и призваны обеспечивать внутреннюю упорядоченность и согласованность уголовно-правового содержания.

Со структурными закономерностями тесно связаны технико-юридические закономерности, позволяющие обеспечить соответствие системы законодательства (в частности, уголовного кодекса) исторически складывающейся структуре (в том числе, уголовного) права, а с другой стороны, через повышение качества законодательства, в том числе уровня его юридической техники, влиять на развитие структуры права.

Связь системы законодательства, воплощаемой в нем юридической техники, со структурой права имеет взаимообусловленный характер, поскольку, с одной стороны, структура права есть следствие исторически необходимого, объективно обусловленного процесса его развития (деления на отрасли, институты и т.д.), служащая для законодателя как объективная закономерность, предопределяющая систему законодательства и содержание его юридической техники, с другой

[437] Подробнее см.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 14.

стороны, поскольку в процессе правообразования значительную роль играют субъективные системообразующие факторы, постольку с помощью научно обоснованных и целесообразно используемых законодателем технико-юридических правил, средств и приемов через форму права (содержание, построение, состав и соотношение нормативных актов) в рамках объективных закономерностей права возможны определенные преобразования в его структуре (при этом, чем мельче структурные подразделения системы права, тем значительнее роль усмотрения и активно-творческих начал деятельности законодателя в их строительстве)[438].

Вместе с тем зависимость развития структуры права не только от объективных факторов, выражающих социально обусловленную потребность существования отраслей, институтов и норм, но и субъективных факторов усмотрения законодателя, создает возможность ошибок и просчетов, выражающихся в уголовном законодательстве в наличии дублирующей криминализации, произвольном конструировании специальных, конкретизирующих запретов, конкурирующих норм, нецелесообразной дифференциации уголовной ответственности и других недостатков законодательной техники, которые негативно влияют на структуру уголовного права и приводят к снижению эффективности его системы.

Учитывая диалектику взаимосвязи между структурой права и системой законодательства, в том числе используемой в нем юридической техники, законосообразный подход требует системного познания, учета и использования структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона.

Взаимодействие структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона состоит в том, что с одной стороны, обусловленная объективными закономерностями структура уголовного права предопределяет систему уголовного законодательства в том числе содержание средств, приемов и

---

[438] См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. С. 485 – 486. Как пишет С.С. Алексеев: «от внешней формы права к его содержанию, от содержания к составу и закону связи между его подразделениями – таков путь воздействия системы законодательства на структуру права» (См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 51, 61).

правил его законодательной техники, а с другой стороны, соблюдение научно обоснованных правил использования средств и приемов законодательной техники при создании уголовного законодательства обеспечивает закономерную организацию и совершенство внешнего изложения уголовно-правового содержания (его упорядоченность, согласованность, логичность, определенность, беспробельность и неизбыточность). Научно-практически отработанные правила законодательной техники уголовного правотворчества служат необходимым условием правильного учета, использования и действия структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, а также критерием выявления нарушений и отклонений от этих закономерностей в правотворческой деятельности.

В этой связи особое значение для изучения и использования структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона имеют выработанные уголовно-правовой наукой разнообразные правила законодательной техники построения уголовного закона, его статей, изложения диспозиций и санкций, конструирования состава преступления и дифференциации уголовной ответственности, использования юридической терминологии и стилистики[439].

Как верно отмечается М.Л. Давыдова при описании инструментов и правил юридической деятельности знание закономерностей позволяет понять то, насколько те или иные правила обусловлены природой самого права или

---

[439] См.: Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. №3. С. 142 – 146; Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976; Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Дисс. …канд. юрид. наук. Свердловск, 1989; Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций: Дисс. … докт. юрид. наук. М.,1991; Бриллиантов А.В. Дифференциации наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы. Дисс. … докт. юрид. наук. М.,1998; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000; Васильевский А.В., Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005; Бунин О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: дисс. канд. юрид. наук. М., 2006; Семенов Я.И. Законодательная техника в уголовном праве: дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2007; Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. №7 (ч. 2). С. 752 – 761; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Дисс. … докт. юрид. наук. Ярославль, 2014; Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. М., 2014; Соловьев О.Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства // Юридическая наука. 2015. №3. С. 65 – 68; Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. М.,2017; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 112 – 137.

произвольны (случайны), какова устойчивость и эффективность их реализации, целесообразно ли вводить новое правило. Правила и закономерности взаимосвязаны, но не дублируют, а дополняют друг друга. С одной стороны, правила могут быть более или менее эффективны только тогда, когда они основаны на существующих закономерностях. С другой стороны, исследование закономерностей продуктивно постольку, поскольку дает возможность оценить действующие или предложить новые правила юридической техники[440].

Современное уголовное право представляет собой структурно-сложную систему, состоящую из уголовно-правовых норм как первичных компонентов, образующих ассоциации норм и объединенных в силу однородности в более крупные правовые общности – институты уголовного права, которые систематизируются в две большие части – общую и особенную. Поэтому такая система характеризуется разветвленной, многоуровневой сетью структурных закономерностей уголовного права, одни из которых выражают строение его норм и юридических конструкций (например, подразделение уголовно-правовых запретов на диспозицию и санкцию), другие – связки, ассоциации уголовно-правовых норм (например, последовательная цепочка норм, предусматривающая основной состав и разновидности квалифицированного состава преступления), третьи – институтов уголовного права (например, институционального объединения уголовно-правовых запретов по охраняемым объектам), четвертые – уголовного права в целом (например, его деление на общую и особенную части).

Уголовный закон, являясь внешней формой выражения уголовного права, также представляет собой сложное системное образование, состоящее из общей и особенной частей, разделов, глав и статей.

Это дает основание для выделения закономерностей микроструктуры уголовного права и закона, выражающих строение и соотношение первичных элементов уголовно-правового содержания (норм) и внешней формы его

---

[440] См.: Давыдова М.Л. Закономерности как основа предмета теории юридической техники // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В.А. Толстика. Н. Новгород, 2013. Т. 1. С. 333 – 336.

выражения (статей), и закономерностей их макроструктуры, характеризующих построение более крупных правовых образований, подсистем и систематизацию уголовного права и закона (формирование институтов, их кодификацию по главам, разделам, общей и особенной частям). Наличие структурных закономерностей, свойственных различным уровням строения уголовного права и закона, позволяет обеспечить их системную целостность.

Кроме того, даже выражая единство содержания и формы, структура уголовного права и уголовного закона характеризуются специфическими структурными закономерностями (закономерности структуры уголовного права; закономерности построения уголовного закона; закономерности структурного соотношения уголовного права и закона).

Закономерности строения уголовно-правовых норм и их выражения в тексте уголовного кодекса.

Вопрос о внутреннем строении уголовно-правовых норм имеет в науке дискуссионный характер[441]. Однако наличие структурных закономерностей уголовно-правовых норм предполагает выявление существенных и устойчивых связей элементов, составляющих их содержание. Анализ различных видов уголовно-правовых норм обнаруживает такие закономерности в содержании запретов (норм, устанавливающих уголовную ответственность) и регулятивных норм (регламентирующих различные аспекты реализации уголовной ответственности), поскольку и тем и другим свойственна типовая двухэлементная структура, включающая в себя указание на юридические факты и уголовно-правовые последствия (диспозиция – санкция; гипотеза – диспозиция).

Вместе с тем распространенная в науке трехэлементная схема уголовно-правовых норм[442], на наш взгляд, не соответствует внутреннему строению

---

[441] См.: Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб.,1995; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003; Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; Тулиглович М.А. Структура уголовно-правовой нормы: Дисс. … канд. юрид. наук. Омск., 2006.

[442] См., например: Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 192; Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. С. 84.

конкретных запретов и регулятивных норм в уголовном праве, а является структурно-функциональной закономерностью, выражающей межотраслевые связи норм, при которых либо уголовно-правовые запреты присоединяются к регулятивным предписаниях позитивных отраслей, которые они охраняют, либо к уголовно-правовым нормам присоединяются защищающие их от ошибочного применения процессуальные нормы[443].

Поэтому обе закономерности, как двухэлементная схема, отражающая реальную структуру предусмотренных в уголовном законе запретов и регулятивных норм, так и трехэлементная схема, выражающая их межотраслевые структурно-функциональные связи, имеют важное значение для законодателя и правоприменителя, позволяя полно и всесторонне формулировать, и анализировать содержание норм.

Еще одна структурная закономерность обнаруживается при анализе текста Уголовного кодекса с точки зрения внешнего выражения в нем различных уголовно-правовых норм. Анализ показывает, что конкретным уголовно-правовым нормам, как правило, соответствует определенная часть статьи или статья Уголовного кодекса. Закономерность соответствия нормы уголовного права и определенного фрагмента текста (части статьи или статьи) Уголовного кодекса, обеспечивая единство содержания и формы, с одной стороны, позволяет учесть объективно существующее многообразие уголовно-правовых норм, а с другой стороны, достичь должной формальной определенности их содержания для более точного его понимания.

Данная закономерность подтверждается не только Особенной частью Уголовного кодекса, закрепляющей в своих отдельных статьях конкретные уголовно-правовые запреты (например, ст. 158 УК содержит в своих частях основную (ч. 1) и вариативные запретительные нормы о краже (ч. 2 – 4), предусматривающие разновидности ее квалифицированного состава, а в пунктах примечаний – конкретные нормы-дефиниции), но и Общей частью, отдельные

[443] В частности, ст. 389.18, 389.26 УПК РФ.

статьи или части статей которой посвящены определенным регулятивным, а также декларативным, дефинитивным и иным обобщающим уголовно-правовым нормам.

Например, норма, регламентирующая освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, получает прямое выражение в статье 76 УК РФ, а регулятивные предписания об освобождении от наказания в связи с болезнью в частях статьи 81 УК РФ.

Закономерным следствием процесса развития уголовного права, повышения детализации и углубления дифференциации уголовно-правового регулирования, является то, что статьи уголовного закона тоже приобретают свое типовое внутреннее строение, подразделяясь на части и пункты, которое выражает объективно обусловленные цепочки, группировки уголовно-правовых норм (в частности, связки основной и вариантных запретительных норм, предусматривающих основной и разновидности квалифицированного состава преступления).

Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих микроуровень их систематизации, наиболее важное значение имеют связи, выражающие логику строения и конструирования составов преступлений, диспозиций и санкций уголовно-правовых запретов.

Закономерности строения и нормативного конструирования составов преступлений. *Закономерности построения диспозиций уголовно-правовых норм.*

Закономерности строения состава преступления и его конструирования, связанные между собой группы закономерностей, но различающиеся в том, что первые – характеризуют его внутреннее устройство, т.е. устойчивые связи признаков и элементов состава преступления, а вторые – выбор и построение различных видов составов преступлений в уголовном праве. Кроме того, поскольку признаки состава преступления описываются в диспозиции уголовно-правовой нормы, постольку целесообразно в комплексе рассматривать закономерности конструирования составов преступлений и диспозиций уголовно-правовых норм.

Несмотря на то, что учение о составе преступления берет свое начало с позапрошлого века, современная уголовно-правовая наука так и не пришла к

единому пониманию сути, структуры и ряда других вопросов этого явления[444]. Тем не менее в силу общего, существенного, необходимого, устойчивого и повторяющегося характера связи между признаками преступлений со временем сложилась определенная юридическая конструкция, выражающая типовую схему (единую логическую структуру) состава преступления в уголовном праве[445].

Структурными закономерностями состава преступления являются:

– четырехэлементная структура состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) с набором характерных для каждого элемента объективных и субъективных категорий признаков;

– конститутивное значение объективной стороны среди элементов состава преступления;

– включенность в состав любого преступления шести признаков (основной объект, деяние, вина, физическое лицо, возраст, вменяемость);

– сосредоточенность всех признаков всех составов преступлений в уголовном законе;

– обусловленность целостного состава преступления совокупностью признаков, установленных в предписаниях общей и особенной частей уголовного закона

– зависимость числа составов преступлений от количества статей особенной части уголовного закона и их частей.

Закономерности конструирования состава преступления представляют собой реализующиеся в процессе криминализации связи и зависимости, обусловливающие законодательный выбор вида и содержания состава преступления. Как верно пишет Ю.А. Тимошенко, «формирование воли законодателя, направленной на признание общественно опасного деяния

---

[444] Подробнее см.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007; Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. М., 2009; Иванчин А.В. Состав преступления. Ярославль, 2011; Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014.

[445] См., в частности: Крылова Н.Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012, № 4. С. 26-43; Яни П.С. Некоторые аспекты понимания профессором Н.Ф. Кузнецовой состава преступления // // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 6. С. 6-14.

преступным и техническое ее закрепление… представляют собой два взаимосвязанных и взаимообусловленных процесса»[446].

Общими закономерностями конструирования состава преступления выступают:

– обусловленность формирования состава преступления общими, существенными, устойчивыми и повторяющимися признаками, характерными для определенного вида общественно опасных деяний;

– системообразующая роль объективной стороны и наибольший удельный вес ее признаков в конструкции состава преступления и в диспозициях статей особенной части уголовного закона;

– зависимость формы деяния в составе преступления от содержания его объекта: если уголовно-правовой запрет обусловлен социальной потребностью воздерживаться от определенного поведения, то преступное деяние выражается в форме действия, и наоборот, если в основе уголовно-правового запрета лежит социальная потребность обеспечить определенные положительные действия, то преступное деяние выражается в форме бездействия;

– зависимость степени формализации признаков составов преступлений от уровня соблюдения требований законности: чем точнее и полнее описаны видовые признаки и меньше удельный вес оценочных признаков преступных деяний в диспозициях уголовно-правовых запретов, тем выше уровень правовой определенности, справедливости и равенства;

– зависимость степени абстрактности выражения признаков состава преступления от объективно существующего многообразия общественно опасных форм проявлений криминализируемого поведения, динамизма охраняемых общественных отношений и регулирующего их позитивного законодательства;

– зависимость количества криминообразующих признаков в составе преступления от общественной опасности криминализируемого деяния: чем меньше опасность деяния, тем больше криминообразующих признаков включает

[446] См.: Тимошенко Ю.А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2019. С. 199.

законодатель в состав преступления, и наоборот, чем больше опасность деяния, тем меньше криминообразующих признаков включается в состав преступления.

К общим закономерностям конструирования состава преступления и построения диспозиций можно также отнести следующие зависимости: «чем абстрактнее описаны действия, образующие объективную сторону состава преступления, тем конкретнее должны быть указаны последствия этих действий, и наоборот»[447]; «стабильность уголовно-правовой нормы предполагает преобладание при формулировании устойчивых признаков преступного деяния над признаками временными, обобщенных описаний – над конкретными»[448]; адаптивность уголовно-правового запрета предполагает преобладание переменных (бланкетных, оценочных) признаков состава преступления над постоянными; обусловленность простых диспозиций общедоступностью и общепонятностью терминов, выражающих признаки составов преступлений; обусловленность ссылочных диспозиций объективными связями между уголовно-правовыми нормами для нормативной экономичности и исключения повторений; обусловленность использования бланкетных диспозиций необходимостью соблюдения принципа системности и специализации права, краткого и лаконичного определения признаков составов преступлений, невозможностью воспроизвести в уголовно-правовых нормах понятийный аппарат и правила других отраслей права, а также обеспечением стабильности уголовного закона относительно их изменений[449].

---

[447] См.: Ковалев М.И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. 1973. С. 73.

[448] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 125 – 126.

[449] См., также: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009. С. 30. Он же. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград, 1998. С. 157 – 158; Сельский А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 13. Как верно пишет Р.М. Пшипий: «Появление в российском уголовном законодательстве бланкетной диспозиции и тенденция постепенного увеличения ее использования в уголовных законах детерминированы осложнением, дифференциацией, специализацией правоотношений, появлением качественно новых правоотношений, их высокой динамикой. На протяжении более 150 лет, начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., бланкетная форма диспозиции является одним из наиболее приоритетных и эффективных приемов законодательной техники» (см.: Пшипий Р.М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 10).

Помимо общих можно выделить специфические закономерности конструирования различных видов составов преступлений.

Одни из этих закономерностей характеризуют образование в структуре особенной части уголовного закона наряду с родовыми составами, предусматривающими определенную группу преступных деяний, специальных составов, рассчитанных на преступления конкретного вида из этой группы и подлежащих приоритетному применению.

Существование связки родовых и видовых составов преступлений, за исключением случаев избыточности и ошибочного дублирования уголовно-правовых запретов, является вполне закономерным, с одной стороны, продиктованным историей развития уголовного права, которое шло от казуистических к более общим нормам и обратно к дифференциации и выделению специальных[450], а с другой стороны, обусловленным необходимостью конкретнее и полнее отразить преступление определенного вида, уточнить степень его общественной опасности и регламентировать особенности уголовной ответственности (прежде всего, касающиеся вида и размера наказания).

Анализ современной практики криминализации и конструирования составов преступлений свидетельствует о тенденции нарастающей казуальности уголовно-правовых запретов, развивающейся за счет включения в особенную часть уголовного кодекса множества специальных, конкретизирующих составов, а также преобладания казуистического приема описания диспозиций.

При этом история и современное развитие российского уголовного законодательства показывают в качестве еще одной структурной закономерности то, что наибольшее число специальных составов, как правило, выделяется среди служебных преступлений, преступлений против собственности, преступлений против военной службы (в частности, различные составы мошенничества, нарушений должностных полномочий).

---

[450] См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 243; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2007. С. 216 – 217.

Однако закономерность обусловленности выделения из родового специального состава в связи с тем, что определенный вид преступления обладает существенно иной степенью общественной опасности, требующей изменения пределов его наказуемости по сравнению с общим составом, имеет в действующем уголовном законе немало примеров нарушений, при которых наказуемость специальных составов преступлений полностью или практически совпадает с общим составом, либо необоснованно изменена по сравнению с общим составом, либо не согласуется с общими нормами о неоконченном преступлении и соучастии [451].

Это дает основание согласиться с М.С. Кириенко в том, что тенденция увеличения количества уголовно-правовых предписаний за счет необоснованного создания специальных норм, дублирующих общие составы преступлений, порождает конфронтацию в системе Особенной части УК РФ, что негативно отражается на функционировании системы в целом[452].

Следующая группа закономерностей лежит в основе выделения в структуре особенной части уголовного закона основных, квалифицированных и привилегированных составов преступлений.

Общая логика их конструирования выражается: закономерностью последовательности формулирования сначала основного состава преступления, а затем его квалифицированных и привилегированных видов; закономерностью расположения квалифицированных составов в частях статей уголовного кодекса по мере повышения степени общественной опасности преступления;

---

[451] См.: Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 292; Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 18; Коняхин В.П. Система половых преступлений и перспектива ее совершенствования // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права (31 мая – 1июня 2007г.). М., 2007. С. 200; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Дисс. … докт. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 173 – 176; Тот же автор. Конструирование состава преступления: теория и практика. М., 2014. С. 296; Иванов Н.Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях. М., 2019. С. 133.

[452] См.: Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М.,2018. С. 161 – 162. «Существование специальных уголовно-правовых норм, выделенных из общих, зачастую создает искусственную конкуренцию норм» (Наумов А.В. Реализация уголовного права и деятельность следователя. Волгоград, 1983. С. 41). См. также: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2019. С. 94 – 129.

закономерностью преемственности признаков основного состава в квалифицированном составе преступления.

Несмотря на то, что учеными[453] выдвигаются различные требования к содержанию квалифицирующих и привилегирующих признаков, особенно касающиеся обстоятельств, характеризующих исключительно личность виновного, по сути, все сходятся в признании закономерности обусловленности конструирования квалифицированных составов обстоятельствами, выражающими существенное повышение степени общественной опасности преступления по сравнению с основным составом, и обусловленности привилегированных составов обстоятельствами, отражающими значительное понижение степени общественной опасности преступления относительно основного состава.

В качестве структурной закономерности можно выделить также последовательное увеличение удельного веса статей особенной части уголовного закона с квалифицированными составами (в Особенной части УК РФ в первоначальной редакции – 65% статей содержали квалифицированные составы, по состоянию на 2004 г. – 68%[454], по состоянию на 2017 г. доля таких статей увеличилась до 78%, а в действующей редакции (от 28.02.2025 г.) составляет 81%).

И хотя в действующем УК РФ есть определенный резерв для реализации указанной закономерности, поскольку 76 статей Особенной части предусматривают недифференцированные по степени общественной опасности составы преступлений, и учеными[455] высказываются предложения по дальнейшей дифференциации, вместе с тем, в процессе конструирования квалифицированных составов важно учитывать и другие закономерности:

---

[453] См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 253 – 271; Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. С.45 – 49; Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 13, 47 – 49; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 98 – 111; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Дисс. … докт. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 63.

[454] См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 78.

[455] См., в частности: Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 10.

– чем выше степень общественной опасности преступления в основном составе, тем меньше резерв для конструирования разновидностей его квалифицированного состава (выделение частей 2, 3, 4 и т.д.). Иначе, учитывая необходимость все большего усиления наказания в каждой последующей разновидности квалифицированного состава, создается риск искусственного занижения степени общественной опасности преступления в основном составе;

– чем больше разновидностей квалифицированного состава, тем меньше объем содержания основного состава, и следовательно, тем строже уголовная ответственность, поскольку меньше преступлений определенного вида, образуют основной состав; такая же зависимость наблюдается и в случаях, когда квалифицирующим признаком признается обстоятельство, характерное для большинства преступлений определенного вида. Например, дальнейшая тенденция возрастания удельного веса краж с банковского счета и в отношении электронных денежных средств в статистике осужденных по ст. 158 УК РФ может потребовать исключения из нее п. «г» ч. 3, учитывая данную закономерность конструирования квалифицированных составов.

Определенная структурная закономерность выявляется также при анализе распространенности различных видов квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ. Поскольку объективная сторона преступления является основным показателем степени его общественной опасности вполне закономерно, что чаще всего в качестве квалифицирующих законодатель предусматривает признаки именно этого элемента состава преступления (порядка 75%), а среди них наиболее часто обстоятельства, выражающие совершение преступления групповым способом.

При этом в действующем УК РФ (к примеру, ст. 105 и 112, ст. 131 и 132, ст. 126, 127 и 206, ст. 159 – 159^6 УК РФ) в той или иной мере прослеживается стремление законодателя использовать определенные сочетания (комбинации, связки) квалифицирующих признаков в рамках одной части статьи (по горизонтали) и при переходе от простого к квалифицированному и особо квалифицированному составу (по вертикали). Однако этому стремлению еще

далеко до закономерности в силу неустойчивости и непоследовательности реализации даже применительно к смежным составам. Например, признак хищения «с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище» используется по-разному: в составе кражи дифференцированно в ч. 2 и 3 ст. 158 УК, а в ст. 161 и 162 УК как единый, но в составе грабежа как квалифицирующий – ч. 2, а разбоя как особо квалифицирующий – ч.3.

Между тем многие ученые видят целесообразность и перспективу этой закономерности блокового изложения квалифицирующих признаков (по «горизонтали» и «вертикали»), в первую очередь при дифференциации уголовной ответственности в рамках однородных преступлений[456]. Пока же закономерность использования устойчивых сочетаний квалифицирующих признаков остается лишь научно обоснованным «законом», выявляющим в действующем УК РФ хаотичность и непоследовательность процесса дифференциации уголовной ответственности[457].

Следующая группа закономерностей обусловливает то, что особенная часть уголовного закона предусматривает различные по моменту юридического окончания составы преступлений, одни из них признаются оконченными с момента начала совершения деяния (усеченные составы), другие – с момента совершения деяния (формальные составы), третьи – с момента наступления указанных в законе последствий (материальные составы).

Несмотря на различные точки зрения ученых[458] относительно критериев такой классификации, числа и наименований выделяемых в рамках нее видов

---

[456] См., например: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С.112 – 128; Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г., Грибов А.С. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности. Ярославль, 2008. С. 45 – 46; Танцюра В.С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238^1 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 12.

[457] К выводу о несоблюдении законодателем системного (блокового) принципа изложения квалифицирующих признаков при конструировании составов однородных преступлений приходят авторы, исследующие отдельные главы и статьи УК РФ (Смирнов Р.Ю. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2013. 17 – 18; Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 10, 23 – 24).

[458] См.: Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 13 – 14; Иванчина С.А.

составов, само по себе установление в законе момента окончания преступления вовсе не случайно, а продиктовано определенной закономерностью, выражающей причины выбора той или иной конструкции объективной стороны состава[459]. Закономерность зависимости конструирования объективной стороны (момента юридического окончания) преступления от особенностей общественно опасного деяния и его последствий состоит в следующем: чем сложнее отделить от деяния неизбежные, слитые с ним последствия, конкретизировать и процессуально установить многообразные, зачастую нематериальные последствия, а деяние как таковое обладает достаточной общественной опасностью, тем целесообразнее использовать формальный состав преступления. И наоборот, если последствия не являются имманентным свойством деяния, подлежат конкретному определению, субъективному предвидению, процессуальному установлению и необходимы для отражения или градации общественной опасности деяния, то целесообразно конструировать материальный состав преступления.

Учет данной закономерности при криминализации позволяет законодателю сделать правильный выбор между усеченным, формальным и материальным составом; напротив, игнорирование отмеченной закономерности приводит к ошибочному конструированию объективной стороны конкретного преступления[460].

Оконченное преступление: монография. М., 2013. С. 107 – 108; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 261.

[459] Подробнее об этих причинах см.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т.1. СПб., 1902. С. 694; Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.,1955. С. 36; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М.,1963. С. 65 – 66; Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 95: Гринь М.В. Неоконченное преступление: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С.147; Энциклопедия уголовного права. Т.4: Состав преступления. СПб., 2005. С. 40 – 41; Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Томск, 2011. С.13; Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 68 – 69; Ширяев А.Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: автореф. … дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С.21; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 244 – 245.

[460] Подробнее о критике конструкций составов отдельных преступлений см., например: Новосельцев С.П. Преступления с формальным составом в уголовном праве: Дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 57; Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 11; Кругликов Л.Л. Родственные составы в сфере экономических и публично-служебных преступлений: вопросы конструирования и квалификации // Уголовно-правовые нормы об экономических и служебных преступлениях: проблемы правоприменительной и законодательной техники. Ярославль, 2010. С. 21; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 110.

Еще одна закономерность выражает удельный вес формальных и материальных составов в структуре особенной части уголовного закона, который важен не только как показатель их количественного соотношения, но и как фактор уголовной политики, поскольку: чем больше доля формальных составов, тем выше уровень репрессивности уголовной политики, и наоборот, чем меньше их распространенность, тем либеральнее криминализация.

Подсчеты специалистов, проведенные в разные годы действия УК РФ, показывают в качестве устойчивой тенденции, что большинство предусмотренных в нем преступлений имеют формальный состав[461].

Как отмечают Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, в современной практике криминализации преобладающей стала идея «превентивной криминализации до наступления общественно опасных последствий»[462], ее реализация привела к насыщению уголовного закона конструктами, которые позволяют применять уголовно-правовые меры в ситуациях минимальной опасности и отсутствия реального вреда (самостоятельная криминализация действий соучастников и приготовительной стадии преступления, преступлений с административной преюдицией, преступлений с формальным составом и др.)[463].

Преобладание в структуре особенной части уголовного закона конструкций формальных составов преступлений, с одной стороны, повышает его раннепредупредительный эффект, усиливает уголовно-правовую охрану и облегчает процессуальную работу по доказыванию преступлений, но с другой стороны, в целом повышает репрессивность уголовно-правового воздействия.

Кроме того, можно выделить структурную закономерность, характеризующую соотношение конструкции объективной стороны состава с формой вины как отдельным признаком, которая заключается в том, что всем

---

[461] См.: Новосельцев С.П. Преступления с формальным составом в уголовном праве: Дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 1998. С. 5; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 21; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 72; Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: Дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 234.

[462] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 119.

[463] Подробнее см.: Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Очерки криминальной рискологии. М., 2021.

преступлениям с формальным составом присуща вина в форме умысла (при этом умысел в таких составах может быть только прямым), а неосторожные преступления сочетаются только с материальным составом[464].

Еще одна группа закономерностей обусловливает структурное различие законодательных конструкций составов преступлений, при котором одни составы характеризуются одномерным набором признаков (простые), а другие усложнением тех или иных признаков (сложные).

К закономерностям конструирования сложных составов преступлений относятся:

– обусловленность объединения отдельных преступных деяний в составное преступление в силу того, что их органичное и типичное сочетание в реальной действительности обладает повышенной степенью общественной опасности;

– обусловленность интеграции в единый состав (объедения в одной диспозиции) альтернативных вариантов преступных деяний в силу однородности характера и тождественности степени их общественной опасности, позволяющей обеспечить принцип правовой определенности, нормативной экономичности и справедливости наказания (как в сторону исключения искусственной совокупности преступлений, так и в сторону повышения общественной опасности в случае сочетания в содеянном нескольких альтернативных признаков – вариантов преступного поведения).

Н.В. Сальниковым посредством технико-юридического анализа уголовно-правовых запретов в редакции УК РФ (04.08.2023) выявлена тенденция, характеризующая соотношение конструкций составов с единственным и альтернативными вариантами преступного поведения, свидетельствующая о том, что подавляющее большинство основных составов преступлений описаны с

[464] Говоря о недопустимости конструирования формальных составов неосторожных преступлений, В.В. Мальцев писал, что: «уровень общественной опасности неосторожного посягательства, достаточный для криминализации, будет лишь в ситуациях, когда меньшая, чем в умышленных преступлениях, опасность субъективной стороны как бы возмещается за счет большей общественной опасности его других признаков. Последствия и выступают в роли такого признака» (см.: Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 77).

помощью альтернативных диспозиций (порядка 80%), при этом среди альтернативных преобладают признаки преступных действий и предметов[465].

При этом в уголовно-правовой литературе приводятся неединичные примеры несоблюдения законодателем закономерности конструирования составов преступлений с альтернативными признаками, при котором имеет место недостаточная дифференциация уголовной ответственности (в случае необоснованного объединения в одном составе разных по уровню общественной опасности форм преступного поведения) или избыточная казуальность уголовно-правовых запретов (в случае необоснованного разъединения по нескольким самостоятельным составам однородных и взаимосвязанных вариантов преступных деяний)[466].

Стоит отметить, что большая часть научных сотрудников, опрошенных в рамках настоящего исследования (68 %), оценивают уровень законосообразности действующего Уголовного кодекса с точки зрения учета выделенных закономерностей нормативного конструирования составов преступлений как невысокий, поскольку распространены случаи дублирующей криминализации, необоснованного закрепления конкретизирующих запретов и бессистемного использования квалифицирующих признаков.

Закономерности построения санкций уголовно-правовых норм.

Закономерности построения санкций представляют собой реализующиеся в процессе пенализации связи и зависимости, обусловливающие выбор законодателем видов и определение размеров наказаний за совершение преступлений.

Применительно к этой разновидности структурных закономерностей, как никакой другой, важно сказать о том, что по причине их систематического

---

[465] См.: Сальников Н.В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 10 – 12.

[466] См., например: Малков В.П. Законодательная техника формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны. Избранные труды. В 3 т. Казань, 2011. Т.3. С. 183; Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография. М., 2014. С. 229; Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. М., 2016. С. 111 – 113; Сабитов Т.Р. Уголовная ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.2 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №2 (60). С. 47.

игнорирования законодателем характерным для действующего уголовного закона стала несогласованность, разбалансированность и даже потенциальная криминогенность санкций, имеющая тенденцию все большего возрастания[467]. Данное утверждение разделяют 82 % опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников.

На наш взгляд, для изменения ситуации недостаточно выработанных в науке отдельных правил построения санкций, необходимо применение законосообразного подхода к процессу законодательной пенализации, предполагающего учет комплекса закономерностей.

Общими закономерностями построения уголовно-правовых санкций выступают:

– соразмерность карательного содержания (видов и размеров) наказания, установленного в санкции, характеру и степени общественной опасности преступления, предусмотренного в диспозиции уголовно-правовой нормы (чем важнее охраняемые уголовным законом социальные ценности и больше причиненный им вред, тем опаснее посягательство, а, следовательно, тем выше его наказуемость);

– наименьшая достаточность, выражающая баланс между целесообразностью карательного содержания наказания (его соответствие целям, стоящим перед наказанием) и недопустимостью причинения им физических страданий виновному и унижения его человеческого достоинства;

– стремление пенализации к использованию относительно-определенных и альтернативных санкций, а следовательно, к расширению судейского усмотрения в процессе индивидуализации уголовного наказания;

– соответствие очередности расположения основных наказаний в альтернативных санкциях их иерархической последовательности,

---

[467] См.: Побегайло Э.Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции (МГУ им. М.В. Ломоносова 30 - 31 мая 2002 г.). М.,2003. С. 61; Полный курс уголовного права. Т.1: Преступление и наказание / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 117; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 150; Простосердов М.А. Теория санкций в уголовном праве России: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2023.

зафиксированной в системе наказаний, по возрастающей сравнительной тяжести - от менее строгого к более строгому наказанию;

– зависимость пределов судейского усмотрения от степени определенности и альтернативности санкции: чем уже границы санкции, тем уже пределы судейского усмотрения, и следовательно, меньше потенциальная криминогенность санкции, но вместе с тем, меньше возможности для индивидуализации уголовной ответственности;

– соответствие видов, сроков и размеров наказаний, предусмотренных в санкциях, общим положениям уголовного закона о наказаниях (в частности, соответствие низшего и высшего предела наказания в относительно-определенных санкциях предельно допустимым размерам этого вида наказания, предопределенным в общей части)[468];

– зависимость оптимальности содержания санкций от рациональности и гармоничности системы уголовных наказаний (ступенчатости, последовательности, практической осуществимости видов наказаний)[469];

– сбалансированность санкций различных уголовно-правовых запретов, предполагающая внутренне согласованную и соразмерную по общественной опасности и карательной строгости всеобщую шкалу преступлений и наказаний[470].

---

[468] Примером нарушений этой закономерности могут служить санкции ч. 1 ст. 145[1] УК РФ (в которой наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не соответствует ч. 2 ст. 47 УК РФ). Другие примеры см., например: Рарог А.И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. №1. С. 152 – 153.

[469] Подробнее о структурных закономерностях и недостатках действующей системы наказаний см.: Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статистическая и динамическая характеристики: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 11 – 12; Лопашенко Н.А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. №12. С. 33 – 48.

[470] Пожалуй, это наиболее сложная и часто игнорируемая законодателем закономерность построения уголовно-правовых санкций, поэтому неблагоприятной чертой действующего УК РФ стала противоположная ей тенденция несогласованности и разбалансированности санкций, особенно остро выявляющая несправедливость применительно к смежным и однородным преступлениям. О чем говорят, приводя многочисленные примеры, ученые (см., например: Коробеев А.И, Чучаев А.И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? // Уголовное право. 2019. №5. С. 48 – 58; Симоненко А.А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2019. С.59; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 263).

Наряду с общими следует выделить специфические закономерности построения санкций, выражающие связи между качественно-количественными характеристиками состава преступления и наказания. К ним относятся:

– закономерность зависимости альтернативности санкции от уровня общественной опасности преступления: чем уровень опасности деяния больше, тем меньше альтернативность санкции, и наоборот, чем уровень опасности деяния меньше, тем больше альтернативность санкции, поскольку, чем выше уровень общественной опасности преступления, тем однозначнее его негативная социальная и уголовно-правовая оценка, выраженная в характере наказуемости.

Об этом свидетельствует сравнение санкций за наиболее опасные преступления (в частности, ст. 105, 111, 131, 205, 206 УК РФ), как правило, состоящие из одного вида основного наказания, и преступления, не представляющие большой общественной опасности (к примеру, ст. 136, 158^1, 212^1, 291^2 УК РФ), содержащие множество видов основного наказания.

Поэтому вполне закономерно, что подавляющее большинство санкций статей о преступлениях против мира и безопасности человечества являются простыми (76%).

Данная закономерность находит свое объяснение в том, что уголовная ответственность за наиболее опасные преступления менее подвержена индивидуализации, а уголовная ответственность за менее опасные преступления более зависит от обстоятельств их совершения и личности виновного.

Однако в науке высказывается мнение о прямо противоположной зависимости: «чем опаснее разновидность преступлений, тем больше должно быть в санкции видов наказаний (по особо тяжким видам преступлений, например, пять видов наказаний, по тяжким – четыре и т.д.). Уменьшение тяжести вида преступления влечет за собой и сокращение в санкциях количества видов наказаний»[471]. Справедливо не соглашаясь с такой зависимостью, С.С. Тихонова пишет, что в ней «наблюдается некое логическое противоречие – признать

[471] См.: Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций. Красноярск, 1998. С. 338 – 339.

повышенную опасность преступления и одновременно фактически «облегчить» набор уголовно-правовых средств борьбы с данным преступлением. В этой связи целесообразно оставлять для особо тяжких преступлений только лишение свободы либо альтернативу данному наказанию в виде более строгих наказаний»[472].

Реализация этой закономерности предполагает соблюдение определенных правил построения альтернативных санкций: их обязательности за преступления небольшой и средней тяжести, а также с неосторожной формой вины; недопустимости в них резкого перепада строгости видов и размеров наказаний; разумной ограниченности в них видов наказаний; альтернативности для разных субъектов с учетом установленных ограничений на применение определенных видов наказаний; несправедливости отягощения более строгого основного наказания дополнительным наказанием, которое одновременно включено в санкцию качестве основного.

– закономерность зависимости вариативности санкции (видов и пределов наказаний) от степени формализации (правовой определенности) и альтернативности диспозиции уголовно-правового запрета: вариативность санкции тем меньше, чем точнее и полнее описаны признаки состава преступления и уже круг возможных вариантов преступного деяния, очерченный в диспозиции.

Эта закономерность выражает соотношение между границами состава и пределами санкции уголовно-правовой нормы: чем шире границы состава (за счет использования оценочных, бланкетных и альтернативных признаков), тем шире пределы санкции (за счет большей альтернативности и большего диапазона пределов наказаний), и наоборот, чем уже границы состава (за счет использования формализованного и одномерного набора признаков), тем уже пределы санкции (за счет меньшей альтернативности и меньшего диапазона пределов наказаний).

Доказательством этой закономерности могут служить, в частности, ст. 136, 137, 156, 213 УК РФ.

---

[472] См.: Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. №7 (ч. 2). С.754 – 755.

При этом, как верно отметил М.Н. Каплин, «при наличии альтернативных признаков состава широта санкции статьи Особенной части УК должна обусловливаться не только широтой выраженности каждого признака в отдельности, но и возможным сочетанием этих признаков в одном преступлении»[473]. Следовательно, чем выше степень абстрактности, альтернативности и бланкетности диспозиции, тем неизбежно построение более гибкой по видам и размерам наказаний санкции.

Однако данная закономерность имеет в уголовном законе примеры нарушений, связанные с наличием во многих санкциях чрезмерно широких интервалов между низшим и высшим пределами наказаний (например, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 186 УК РФ). Признавая это недопустимым, поскольку санкции с большими амплитудами наказаний несут в себе риск субъективизма, несправедливости, криминогенности, многие специалисты выступают за признание предельно допустимого (оптимального) разрыва между минимальным и максимальным значениями наказания, чтобы предоставить возможность для индивидуализации уголовной ответственности и одновременно разумно ограничить судейское усмотрение[474].

– закономерность зависимости усиления строгости санкции (видов и размеров основных наказаний, сужения их альтернативности и отягощения дополнительными наказаниями) по мере повышения степени общественной опасности преступления от основного к разновидностям квалифицированного состава.

---

[473] См.: Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дисс. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. С. 98.

[474] См.: Карпец И.И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М.,1973. С. 240; Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов-на-Дону, 1986. С.40; Козлов А.П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск,1989. С. 79; Лопашенко Н.А. Допускаемое уголовным законом усмотрение как реальное проявление криминогенности уголовно-правовых норм // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2006. С. 115 – 116; Лапшин В.Ф. Гуманизация современной уголовной политики России и дифференциация уголовной ответственности: проблемы и противоречия / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. №2 (13). С. 197; Наумов А.В. О коррупционных возможностях широкого усмотрения правоприменителя в уголовных делах и пробелах в новом антикоррупционном законодательстве // Актуальные проблемы реализации национальной антикоррупционной политики: Сборник научных трудов / Отв. ред. С.В. Максимов. М., 2010. С. 115; Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль судьи при назначении наказания: Дисс. … канд .юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.,2009. С. 166 – 167.

В силу повышения степени общественной опасности преступления от простого к каждой последующей разновидности квалифицированного состава усиливается наказуемость, уменьшается альтернативность санкции и происходит ее насыщение дополнительными наказаниями.

Подтверждением данной закономерности может служить сравнение, например, санкций частей ст. 158, 161, 166 УК РФ. Вместе с тем, в уголовном законе встречаются и примеры нарушений указанной закономерности[475].

Реализация этой закономерности предполагает соблюдение научно обоснованных правил построения кумулятивных санкций: совместимости дополнительного с основным наказанием[476]; целесообразности в зависимости от категории преступления отягощения основного наказания одним или двумя дополнительными видами[477]; недопустимости чтобы дополнительное наказание было строже основного[478]; несправедливости отягощения самого строгого наказания дополнительным[479].

С рассмотренной закономерностью тесно связана следующая.

– закономерность соразмерности между повышением степени общественной опасности квалифицированных составов преступлений и усилением наказания по сравнению с основным составом преступления.

Подтверждением данной закономерности может служить сравнение санкций установленных, например, в различных частях ст. 117, 126, 205 УК РФ.

Реализация этой закономерности предполагает соблюдение определенных правил санкционной прогрессии: равносильности (пропорциональности) влияния одинаковых квалифицирующих признаков на изменение типовой степени общественной опасности и наказуемости различных преступлений; разнообразные

---

[475] См.: Кругликов Л.Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 112; Простосердов М.А. Дефекты санкций основных и квалифицированных составов преступлений в Особенной части УК РФ // Российское правосудие. 2020. №8. С. 99-104.

[476] См.: Цветинович А.Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. Куйбышев, 1989. С.119, 171.

[477] См.: Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. М., 2017. С. 173.

[478] См.: Тихонова С.С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. №7 (ч.2). С. 756. Напротив, И.М. Гальперин считал, что дополнительное наказание может быть более строгим, чем основное (см.: Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б. Дополнительные наказания. М.,1981. С. 146 – 147.

[479] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С.166 – 167.

по степени общественной опасности квалифицирующие признаки не должны одинаково влиять на усиление типового наказания; преемственности и последовательности усиления наказаний в санкциях за основной и разновидности квалифицированного состава; влияние повышения степени общественной опасности преступления на усиление низшего и высшего пределов наказания; предпочтительности использования ступенчатой прогрессии (максимальный размер наказания за основной состав служит точкой отсчета минимального размера наказания за квалифицированный состав и т.д.); изменения категоризации преступления по мере существенного повышения степени его общественной опасности при переходе к разновидностям квалифицированного состава[480].

Закономерность санкционной прогрессии предполагает строгую последовательность усиления наказания, при которой, каждая следующая санкция в рамках уголовно-правовой нормы строится на основе предыдущей: санкция квалифицированного состава конструируется в зависимости от санкции основного состава, а санкция особо квалифицированного в зависимости от санкции квалифицированного состава преступления.

Реализация этой закономерности осуществляется при переходе от основного к разновидностям квалифицированного состава посредством количественной санкционной прогрессия за счет увеличения размера определенного вида наказания и качественной санкционной прогрессии за счет добавления в санкцию основного наказания более строго вида или замену основного наказания на более строгий вид, преобразования санкции из простой в кумулятивную, изменения статуса дополнительного наказания с факультативного на обязательный, удвоение дополнительного наказания, замену дополнительного наказания на более строгий вид.

§ 2. Закономерности макроструктуры уголовного права и закона

[480] Ряд из этих правил поддерживаются и другими авторами (см., в частности: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 317 – 364).

Закономерности макроструктуры представляют собой существенные и устойчивые связи, выражающие строение уголовного права и закона на более высоких уровнях - уголовно-правовых институтов, их систематизации по главам, разделам, общей и особенной частям.

Макроструктура уголовного права характеризуется комплексом закономерностей.

Одна из таких закономерностей выявляется исходя из наличия и соотношения в структуре уголовного права различных видов уголовно-правовых норм.

В науке представлено множество мнений по поводу разновидностей уголовно-правовых норм и их наименований[481]. На наш взгляд, в целях выявления закономерностей есть объективное основание выделить в структуре уголовного права следующие виды норм: уголовно-правовые запреты (устанавливающие уголовную ответственность за преступления), регулятивные (регламентирующие различные аспекты реализации уголовной ответственности, связанные с назначением наказания и иных мер уголовно-правового характера, освобождением от уголовной ответственности и наказания, а также с погашением и снятием судимости), общие (предусматривающие, в частности, общие условия уголовной ответственности, общие начала назначения наказания), а также декларативные (формулирующие принципы и задачи уголовного права, цели наказания и т.д.) и дефинитивные уголовно-правовые предписания (закрепляющие легальные определения понятий преступления, соучастия в преступлении, наказания и др.).

Анализ уголовного права с точки зрения удельного веса различных уголовно-правовых норм в его содержании позволяет признать как закономерность количественное (составляют большинство – 78% в действующей редакции) и качественное (выполняют главную роль в осуществлении задач и функций)

---

[481] См. например: Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.,2003; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004; Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.

преобладание норм-запретов в структуре уголовного права, обусловленное его охранительным предназначением в жизни общества.

Если рассматривать закономерность доминирования уголовно-правовых запретов не только под углом зрения специально-юридического, но и социально-политического содержания уголовного права, то в ней достаточно отчетливо выражается зависимость структуры уголовного права от политического режима и уровня репрессивности уголовной политики, поскольку при антидемократическом режиме и соответствующем ему высоком уровне репрессивности уголовной политики удельный вес запретов среди уголовно-правовых норм значительно повышается. Такая же зависимость от социально-политических факторов места и роли уголовно-правовых запретов наблюдается и в общей системе юридических норм, при которой по мере демократизации социальной жизни или, напротив, антидемократических тенденций центр тяжести в правовом регулировании переносится на дозволение (субъективные права) или запрещение (обязанности воздержаться) и, следовательно, в структуре права повышается или понижается удельный вес управомочивающих или запрещающих юридических норм.

Следующая закономерность характеризует формирование институтов как более крупных структурных элементов уголовного права.

Ученые сходятся в понимании уголовно-правового института как объективно складывающегося и нормативно обособившегося в структуре уголовного права комплекса взаимосвязанных норм[482].

Тем самым признается закономерность формирования институтов уголовного права на основе длительного исторического развития и объединения однородных уголовно-правовых норм.

Историко-правовое исследование различных институтов уголовного права показывает, что общей закономерностью их развития является возникновение одного или нескольких отдельных уголовно-правового предписаний, постепенное накопление определенной совокупности предметно связанных (близких)

[482] См., например: Тенчов Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь // Советское государство и право. 1986. №8. С. 61.

предписаний, их нормативное обобщение и (или) законодательное объедение, а затем обособление однородных уголовно-правовых предписаний в структуре уголовного закона.

При этом однородность уголовно-правовых норм состоит в том, что они регламентируют отдельный аспект уголовной ответственности или охраняют определенную группу видовых общественных отношений.

Формирование уголовно-правового института завершается формальным закреплением группы однородных норм в отдельном подразделении текста уголовного закона, поэтому еще одной закономерностью является преимущественное соответствие институтов уголовного права и глав Уголовного кодекса.

Подтверждением данной закономерности могут служить все главы Особенной части, каждая из которых предусматривает самостоятельный институт уголовной ответственности за преступления, имеющие единый видовой объект, а также большинство глав Общей части УК РФ, как правило, закрепляющие отдельные уголовно-правовые институты (например, стадий совершения преступлений, соучастия в преступлении, обстоятельств, исключающих преступность деяния)[483].

При этом случаи отступления от закономерности формального закрепления уголовно-правового института в отдельной главе Уголовного кодекса, когда в одной главе содержится несколько институтов, могут свидетельствовать не только о ее нарушении, но и действии технико-юридической закономерности более оптимального построения нормативного материала (например, институт множественности преступлений).

Однако несмотря на указанные структурные закономерности, ученые приходят к принципиально различным выводам о количестве и содержании институтов, а также наличии в структуре уголовного права генеральных,

---

[483] В этой связи наиболее точно, на наш взгляд, решают вопрос о видах институтов уголовного права Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов (см.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 43 – 52).

интегрированных, конкретных институтов и субинститутов, а также формировании подотраслей[484].

С одной стороны, многоуровневость структуры уголовного права является выражением уровня его нормативных обобщений и институционального развития, процессов интеграции и дифференциации уголовной ответственности, с другой стороны, объективно необусловленная и избыточная сложность его системы – показатель несовершенства уголовного права, недостатков законодательной техники и неэффективности его функционирования.

Наряду с общими закономерностями формирования и обособления институтов в структуре уголовного права и закона действуют специфические закономерности, характеризующие развитие отдельных институтов[485].

Следующий – более высокий уровень строения уголовного права выражен систематизацией уголовно-правовых институтов на две большие части – общую и особенную.

В силу социально обусловленной логики уголовно-правового воздействия, уголовное право возникло с предписаний, относящихся к современной особенной части, в виде запретов на конкретные общественно опасные деяния, а определенные нормативные обобщения, на основе которых складывается общая часть уголовного права, появляются значительно позже в связи с развитием абстрактного приема изложения уголовно-правового материала по мере того, как наука, изучая законодательную и правоприменительную практику, теоретически генерализирует представления о преступлении и наказании, переходит от

---

[484] См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 13; Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 15 – 16, 57 – 58; Есаков Г.А. Международно-уголовное право как подотрасль российского уголовного права: современное состояние и проблемы // Международное право и международные организации. 2015. №3. С. 331-346; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М., 2016. С. 33; Рарог А.И. Новая подотрасль уголовного права? // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т.4. №3. С. 124-133.

[485] См., в частности: Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // В кн.: Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2021. С. 9 – 25; Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера // В кн.: Меры уголовно-правового характера: монография // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2022. С. 566 – 588; Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовного наказания // В кн.: Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика // Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2023. С. 6 – 30.

казуистического и эмпирического описания отдельных случаев, видов преступного поведения и их наказуемости к общему пониманию различных аспектов уголовной ответственности.

Подтверждением этой закономерности служит тот факт, что прообразами, прототипами и предпосылками норм общей части современного уголовного права служат предписания, предусмотренные историческими памятниками российского уголовного законодательства в статьях об ответственности за отдельные преступления.

Формирование общей части в структуре уголовного права является важнейшей закономерностью его развития, обусловленной накоплением опыта создания и применения уголовного законодательства, повышением уровня нормативно-регулятивной культуры и развитием уголовно-правовой науки.

Н. С. Таганцев писал: «Сопоставляя отдельные типы преступных деяний, законодатель усматривает черты, общие всем им, характеризующие, так сказать, каждое преступное деяние; таким образом, рядом с видовыми понятиями преступных типов вырабатывается родовое понятие преступного деяния вообще, появляется юридическая абстракция высшего порядка. Выделение этого общего понятия о преступном и создание особо раздела об общих условиях преступности составляет крупный шаг вперед в технике законодательства, устраняя необходимость повторения этих условий при отдельных постановлениях».[486]

В.П. Коняхин верно отмечает, что: «стремление законодателя выявить и формально обособить наиболее общие признаки (правила) элементов уголовно-правовых норм основано не только на объективной закономерности самоупорядочения права, но и на осознанной потребности максимального упрощения деятельности по применению закона».[487]

С точки зрения связи общей части уголовного права с развитием уголовно-правовой науки следует отмечает, что ее формирование и выделение как

[486] См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. В 2 частях. Ч. 1. М., 2023. С. 76.

[487] См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 254.

структурного элемента стало возможным благодаря просветительно-гуманистическому направлению, сформулировавшему важнейшие принципы уголовного права и идеи о преступлении и наказании, требования к форме и языку уголовного закона, а также классической школе, представители которой обосновали общее основание уголовной ответственности, идею кодифицированного уголовного законодательства как более развитой формы права, основанную на принципе «нет преступления и наказания без закона», разработали основные уголовно-правовые институты (состава преступления, вины, стадий, соучастия и т.д.) общей части.

Из закономерности генетической обусловленности положений общей части, возникших как результат нормативного обобщения предписаний особенной части уголовного права, следует и закономерность их структурной органической взаимосвязи, согласно которой обобщающие предписания осуществляют координирующее и регламентирующее влияние в отношении особенной части, а ее предписания конкретизируют уголовно-правовые обобщения, тем самым обеспечивается единство и внутреннюю согласованность в содержании отрасли[488].

Закономерность этой взаимосвязи норм общей и особенной частей уголовного права проявляется, с одной стороны, в единстве принципов и задач их формирования, а с другой стороны, во взаимодополняемости и невозможности их изолированного применением, при которых общая часть задает пределы, условия, основание и содержание уголовной ответственности, а особенная часть определяет конкретные случаи и параметры ее наступления.

Следствием этой закономерности является то, что даже отдельные изменения положений общей части сказываются на содержании всей особенной части уголовного права.

В силу абстрактной природы положений общей части им свойственна закономерность большей стабильности относительно меняющихся условий жизни общества, чем предписаниям особенной части, которые должны подстраиваться

[488] См., например: Асланян Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дисс. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2023.

под изменения социальной среды, актуальные криминальные угрозы и тенденции развития преступности и вместе с тем соответствовать общим положениям уголовного права.

Рассмотренная структура уголовного права получает свое воплощение в системе уголовного кодекса, при котором в качестве закономерности выступает их соответствие, обеспечивающее органическое единство формы и содержания.

С одной стороны, уголовный закон представляет собой структурированное системное явление постольку, поскольку он служит внешним выражением исторически складывающейся и объективно обусловленной структуры уголовного права, с другой стороны, структура уголовного права, со свойственными ей элементами (уголовно-правовыми нормами, институтами, частями), проявляется и обнаруживается, получает развитие и преобразование через систему уголовного законодательства, с характерными для нее внутренними подразделениями (статьями, главами, частями) и усовершенствованием законодательной техники.

В процессе кодификации уголовного права его объективно обусловленная структура (система) является для законодателя закономерностью построения уголовного закона, что вовсе не исключает субъективно-творческих факторов, привносимых законодателем, связанных с развитием уголовно-правовых нормативных обобщений, объединением норм в институты уголовного права, усовершенствованием законодательной техники выражения и системной организации уголовно-правового материала.

В связи с закономерностью соответствия системы уголовного закона структуре уголовного права сомнение вызывает утверждение о том, что «любая попытка перенести закономерности структурирования содержания права на форму его выражения приводит к неразрешимому формально-логическому противоречию, поскольку элементы структуры содержания права и элементы структуры формы его выражения никогда не совпадают»[489].

[489] См.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 260.

Если в силу социальных и криминологических факторов существует объективная потребность в уголовно-правовом воздействии, которое содержит определенную конфигурацию запретов и иных видов норм, институтов, регламентирующих и дифференцирующих различные аспекты уголовной ответственности, то законодатель должен конструировать систему уголовного закона так, чтобы она соответствовала объективно обусловленной структуре уголовного права.

Подтверждением этой закономерности служит система действующего УК РФ, размещение уголовно-правового содержания в котором по Общей и Особенной частям, разделам, главам и статьям отчетливо отражает характерные для структуры уголовного права – части, институты, ассоциации норм, нормы и их элементы.

К закономерностям построения уголовного кодекса относятся:

– систематизация нормативного уголовно-правового материала по статьям, главам (разделам), общей и особенной частям уголовного закона;

– типичный порядок расположения нормативного материала в уголовном законе: от общего к частному (общая и особенная части), от причины к следствию (преступление – наказание), от более тяжких к менее тяжким разновидностям преступлений (особенная часть: раздел преступления против личности: глава преступления против жизни и здоровья: статья об убийстве и т.д.);

– соответствие определенных структурных подразделений текста уголовного закона, как правило, частей статей или статей, конкретным уголовно-правовым предписаниям;

– соответствие глав уголовного закона определенным уголовно-правовым институтам;

– систематизация особенной части уголовного закона на основе классификации объектов преступлений по вертикали (в действующем законе: раздел – родовой объект, глава – видовой объект, статья – непосредственный объект);

– обусловленность последовательности расположения уголовно-правовых запретов в системе особенной части социальной иерархией ценностей,

охраняемых уголовным законом;

– размещение уголовно-правовых запретов в особенной части уголовного закона по однородным группам преступных посягательств (нормы об убийстве, нарушениях избирательного права, хищениях, преступлениях, связанных с банкротством, незаконным оборотом оружия, наркотических средств и т.п.);

– сплошной (сквозной) нумерации разделов, глав и статей уголовного закона.

Завершая главу, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. Механизм взаимосвязи между структурой уголовного права и системой уголовного закона выражается в том, что, с одной стороны, исторически необходимый и объективно обусловленный процесс развития уголовного права (образования видов, внутреннего строения и содержания, соотношений и ассоциаций уголовно-правовых норм, объединения однородных норм в институты и формирования из них общей и особенной частей), а с другой стороны, процесс постепенного усовершенствования законодательной техники и необходимость рационального использования ее средств и приемов в соответствии с научно обоснованными правилами при создании уголовного законодательства, выступают для законодателя в качестве объективных закономерностей, недостаточный учет которых приводит к дефектам уголовного законодательства (избыточной и дублирующей криминализации, произвольному конструированию специальных, конкретизирующих запретов, конкурирующих норм, нецелесообразной дифференциации уголовной ответственности, разбалансированности санкций и другим его недостаткам), снижающим эффективность системы уголовного права; напротив, полный и всесторонний учет этих закономерностей позволяет через кодификационное уголовное правотворчество (прежде всего, путем формулирования системных уголовно-правовых нормативных обобщений, касающихся преступления и наказания) влиять на развитие и совершенствование структуры уголовного права.

2. *Структурные закономерности уголовного права и закона* – это существенные, необходимые и устойчивые связи, выражающие внутреннее строение, виды, соотношение и ассоциации уголовно-правовых норм, объединение однородных норм в более крупные подсистемы – институты и формирование из них Общей и Особенной частей уголовного права, его систематизацию в Уголовном кодексе с характерным его делением на части, разделы, главы, статьи (их подразделения), обеспечивающие внутреннюю упорядоченность, согласованность уголовно-правового содержания и его органическое единство с внешней кодифицированной формой выражения.

Технико-юридические закономерности уголовного закона – это существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи (типовые схемы, модели, формы и образцы), выраженные в определенных конструкциях составов преступлений (родовой и специальный; основной, квалифицированный и привилегированный; простой и сложный; формальный, материальный и усеченный) и других средствах и приемах его законодательной техники (виды диспозиций и санкций уголовно-правовых норм и др.), обеспечивающие рациональную систематизацию и правильное внешнее выражение уголовно-правового материала.

3. В отличие от существующих в уголовно-правовой науке подходов к анализу структуры уголовного права и системы уголовного закона, *законосообразный подход* учитывает диалектику их взаимосвязи, свойственные им единство и различия.

Во-первых, такой подход позволил раскрыть взаимодействие структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона между собой и в общей системе отраслевых закономерностей. Эта связь заключается в том, что с одной стороны, обусловленная объективными закономерностями структура уголовного права предопределяет систему уголовного закона, в том числе содержание его законодательной техники (ее средства, приемы и правила), а с другой стороны, соблюдение научно обоснованных правил использования средств и приемов законодательной техники при создании уголовного законодательства

обеспечивает законосообразность систематизации и внешнего изложения уголовно-правового содержания (его структурное построение, согласованность, логичность, определенность, беспробельность и неизбыточность).

Научно обоснованные и законосообразные правила техники уголовного правотворчества (конструирования состава преступления, построения диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, дифференциации уголовной ответственности и т.д.) служат необходимым условием правильного учета, использования и действия структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона и, следовательно, критерием выявления нарушений и отклонений от этих закономерностей в правотворческой деятельности.

Поэтому технико-юридические закономерности тесно связаны со структурными закономерностями, поскольку позволяют обеспечить соответствие системы уголовного законодательства исторически складывающейся и объективно обусловленной структуре уголовного права, а с другой стороны, через повышение качества уголовного законодательства, в том числе уровня его законодательной техники, воздействовать на развитие и совершенствование структуры уголовного права.

Во-вторых, *законосообразный подход*, исходя из понимания уголовного права и закона как структурно сложных, многоуровневых системных образований, включающих в себя микроуровень (уголовно-правовые нормы, их элементы – гипотеза, диспозиция, санкция; статьи уголовного закона, их подразделения – пункты, части) и макроуровень (уголовно-правовые институты; главы, разделы, общая и особенная части), позволил выделить закономерности микроструктуры уголовного права и закона, выражающие строение и соотношение первичных элементов уголовно-правового содержания (норм) и внешней формы его изложения (статей), и закономерности их макроструктуры, характеризующие построение более крупных правовых общностей, подсистем и систематизацию уголовного права и закона (формирование институтов, их кодификацию по главам, разделам, общей и особенной частям), комплексное познание, учет и использование которых обеспечивает их системную целостность.

В-третьих, *законосообразный подход,* отражая не только единство, но и различия структуры уголовного права и уголовного закона, позволил раскрыть свойственные им специфические закономерности: закономерности структуры уголовного права, закономерности построения уголовного закона, закономерности структурного соотношения уголовного права и закона.

Таким образом, *законосообразный подход* заключается в комплексном познании, учете и использовании микро- и макроструктурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, позволяющем обеспечить их систематизацию, системную целостность и единство формы и содержания.

4. Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих *микроуровень их систематизации*, выделены: закономерности строения уголовно-правовых норм и их выражения в тексте уголовного кодекса (соотношения статьи с нормой); закономерности строения и нормативного (законодательного) конструирования составов преступлений (общие и специфические); закономерности построения диспозиций и санкций уголовно-правовых норм (общие и специфические).

Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих *макроуровень их систематизации*, выделены: закономерности соотношения (удельного веса) в структуре уголовного права различных видов уголовно-правовых норм; закономерности образования институтов уголовного права (общие и специфические); закономерности формирования Общей части и ее структурно-функциональной связи с Особенной частью уголовного права и закона; закономерности связи между структурой уголовного права и системой уголовного законодательства; закономерности построения уголовного кодекса.

Глава 5. Функциональные закономерности уголовного права

§ 1. Специально-юридические закономерности уголовного права

В первом приближении закономерности функционирования уголовного права представляют собой существенные, необходимые и устойчивые связи и зависимости, характеризующие его действие.

Для полного и всестороннего выявления данных закономерностей следует указать несколько отправных моментов.

Во-первых, следует учитывать, что уголовное право функционирует не только в качестве специально-юридического средства урегулирования конфликта, вызванного преступлением, но и оказывает важное идеологическое, предупредительное воздействие на общественное сознание, формируя в нем модели преступного и наказуемого поведения, представления об охраняемых уголовным законом социальных ценностях, воспитывая и исправляя граждан в духе недопустимости преступлений.

Поэтому в науке для отражения различных аспектов функционирования уголовного права используют не только понятие уголовно-правового регулирования, но и более широкое понятие уголовно-правового воздействия.

Однако для выявления закономерностей функционирования уголовного права недостаточно понимание уголовно-правового воздействия как «специальной деятельности государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве»[490]. Такое понимание больше соответствует понятию уголовно-правового регулирования, которое можно определить как осуществляемое с помощью уголовно-правовых средств разрешение конфликта, вызванного преступлением.

---

[490] См.: Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 28.

Для целей нашего исследования более подходят рассуждения Ю.И. Ляпунова, который писал: «общепредупредительные потенции, заложенные в уголовном законе и представляющие собой один из элементов механизма правового воздействия, не являющегося в строго юридическом понимании правовым регулированием, относятся к его функциям и их проявлениям, а не к предмету правового регулирования общественных отношений… Более чем очевидно, что общепредупредительная роль уголовного права есть необходимый элемент правового воздействия, но отнюдь не правового регулирования. Общая превенция преступлений как функция уголовного права чаще всего фактически реализуется за пределами процесса регулирования особых общественных отношений, складывающихся в результате реальных преступных посягательств»[491].

Во-вторых, обзор специальной литературы показывает наличие в уголовно-правовой науке обособленных друг от друга, параллельных подходов к отдельным проблемам действия уголовного права, его задач и функций, предмета и метода уголовно-правового регулирования, его инструментального (норм, юридических фактов, правоотношений) и социального (правоприменительной практики и эффективности функционирования; причин, уровня, структуры и тенденций преступности) механизмов.

В отличие от них, законосообразный подход предполагает системное изучение специально-юридического, социально-психологического и правоприменительного аспектов уголовно-правового воздействия через выявление закономерных связей и зависимостей образующих их явлений, тем самым дает возможность, учитывая эти аспекты, выделить и рассмотреть три группы закономерностей функционирования уголовного права (специально-юридические, социально-психологические и правоприменительные закономерности), а также описать общие закономерности его эффективности, выражающие зависимость результативности уголовно-правового воздействия от комплекса аспектов (факторов).

---

[491] См.: Ляпунов Ю. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. №1. С. 48 – 52.

Поэтому в качестве общих закономерностей, характеризующих функционирование уголовного права, следует выделить закономерности эффективности уголовно-правового воздействия, поскольку эффективность предполагает оптимальное содержание и взаимодействие всех трех аспектов – специально-юридического, социально-психологического и правоприменительного.

Прежде чем подробно рассмотреть функциональные закономерности каждой из трех выделенных нами групп, сформулируем закономерности, характеризующие эффективность уголовно-правового воздействия[492].

Закономерностями эффективности функционирования уголовного права являются:

– зависимость уголовно-правовой защищенности личности, общества и государства от соответствия уголовного права актуальным криминальным угрозам;

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от качества уголовного закона, выраженного в уровне его социально-криминологической обоснованности и законодательной техники (правовой определенности, согласованности уголовно-правовых норм, в том числе сбалансированности санкций и всей системы мер уголовно-правового характера);

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от соотношения позитивных и негативных последствий криминализации и пенализации (между вредоносностью общественно опасного поведения, социальными выгодами от установления уголовной ответственности и затратами, издержками, связанными с ее реализацией);

---

[492] О проблеме эффективности уголовного права см., например: Яковлев А.М. Социальная эффективность уголовного закона // Советское государство и право, 1967. №10. С. 55 – 63; Филановский И.Г., Бурлаков В.Н. Проблема эффективности уголовного закона // Вестник ЛГУ. Сер.: Экономика, философия, право. 1975. Вып.2. №11. С. 101 – 108; Звечаровский И.Э. О некоторых концептуальных подходах к совершенствованию уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы Международной научно-практической конференции 29 – 30 января 2004г. М., 2004. С. 54 – 58; Разгильдиев Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России: ее законодательное и правоприменительное обеспечение // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации. Саратов, 2006. С. 121 – 124; Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008; Сизова В.Н. Эффективность российского уголовного законодательства (теоретико-прикладное исследование). М., 2015; Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности: материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. М., 2020.

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от уровня стабильности уголовного законодательства, законности и единообразия практики его применения;

– зависимости степени эффективности уголовно-правового воздействия от причинности преступного поведения (чем более субъективно-личностны причины преступности, тем выше результативность уголовно-правового воздействия; и наоборот: чем причины преступности более объективны и глубинны, тем эффективность такого воздействия меньше);

– зависимость объема и эффективности уголовно-правового воздействия в обществе от результативности профилактики преступности и качества некарательного социального управления (чем более уголовное право функционирует как субсидиарное, подкрепляясь действием социально-экономических, морально-идеологических и позитивно-правовых регуляторов и мер предупреждения преступности, тем оно эффективнее);

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от уровня общественного правосознания, выражающего внутреннюю неприемлемость и внешнюю нетерпимость преступного поведения (чем выше уровень позитивной уголовной ответственности, тем ниже уровень негативной уголовной ответственности);

– зависимость эффективности удовлетворения карательных притязаний населения и снижения криминальной напряженности в обществе от справедливости разрешения конфликтов, вызванных преступлениями;

– зависимость эффективности уголовного-правового воздействия от комплексности решения и оптимальности сочетания превентивных, карательных и восстановительных задач и средств;

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от оптимально дифференцированного и справедливо индивидуализированного подхода к уголовной ответственности;

– зависимость эффективности уголовно-правового воздействия от способности удержания им преступности в социально допустимых масштабах (чем

меньшее число преступлений ежегодно прибавляется к относительно постоянному показателю (ядру) преступности, тем выше эффективность воздействия);

– зависимость уровня уголовно-правовой охраны личности, ее прав и свобод, от степени соответствия уголовного права и практики его применения международным и конституционно-правовым стандартам прав человека и безопасности;

– зависимость эффективности выполнения уголовно-правовыми запретами обеспечительной функции в отношении регулятивных норм от их межотраслевой согласованности;

– зависимость уровня всесторонности и целостности защиты интересов личности, общества, государства, предупреждения смежных правонарушений и дифференциации ответственности за их совершение от степени согласованности взаимодействия уголовного и административно-деликтного права;

– зависимость эффективности функционирования уголовного права от оптимальности и рациональности процессуальной формы реализации его норм и порядка исполнения уголовно-правоприменительных актов.

Практическое использование данных закономерностей эффективности, выражавших соотношение между специально-юридическими, социально-психологическими и правоприменительными аспектами механизма уголовно-правового воздействия, предполагает определение конкретных эмпирических показателей применительно к каждому из этих аспектов и оценку на их основе результативности функционирования уголовного права.

На наш взгляд, такая оценка должна даваться на основе соотношения между качественными и количественными показателями, характеризующими уровень социальной и криминологической обоснованности, целесообразности криминализации и пенализации с учетом затрат и издержек от реализации уголовного закона, его законодательной техники и законности применения, динамики преступности и числа осужденных.

Использование системы указанных закономерностей для оценки эффективности функционирования уголовного права позволяет признать ее

достаточно высокой с точки зрения таких общих показателей, как динамика зарегистрированной преступности (достигшей своего максимального значения в 2006 г. – 3 855 373 преступлений, а начиная с 2007 г. характеризуемой тенденцией устойчивого снижения до уровня – 1 911 258 преступлений в 2024 г., т.е. на 50%) и число осужденных (в 2006 г. составило – около 910 тыс. человек, а в 2023 г. – 555 742, т.е. уменьшилось на 39%)[493]. Однако такая оценка требует существенной негативной корректировки с учетом таких, свойственных современной российской уголовно-правовой политике неблагоприятных показателей, как немотивированное усиление репрессивности, криминализационная избыточность, включающая в себя необоснованное расширение объема запретов, выделение специальных и дублирующих составов, возрастание недействующих норм, несоразмерность и несогласованность санкций, использование уголовного закона как основного (первоочередного) средства социального управления, его нестабильность, правовая неопределенность и другие недостатки законодательной техники, распространенность квалификационных ошибок, а также негативных последствий для социально-экономической и политической жизни в виде сокращения масштабов свободы, создания «удушливой» запретительной атмосферы и антидемократического политического климата в обществе, препятствий его развитию, роста материальных затрат и социальных издержек от реализации уголовного закона[494].

Таким образом, с учетом комплекса сформулированных закономерностей общая оценка эффективности уголовного права является в большей степени отрицательная, чем положительная.

Примечательно, что большая часть опрошенных в рамках настоящего исследования научных сотрудников, учитывая качество уголовного

---

[493] См.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России. URL: https://мвд.рф; Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // Российская юстиция. 2007. №5. С. 55 – 77; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России, аккумулируемые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. (см.: URL: https://cdep.sudrf.ru).

[494] Подробнее об этих неблагоприятных характеристиках современной российской уголовной политики см., в частности: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М., 2019; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020; Ошибки в квалификации преступлений: монография // под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2020; Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. №9. С. 97 – 111.

законодательства и практики его применения, состояние преступности и судимости дают среднюю (63 %) и низкую (26 %) оценку эффективности функционирования современного российского уголовного права.

Далее следует перейти к подробному рассмотрению выделенных нами трех групп функциональных закономерностей уголовного права: специально-юридических, социально-психологических и правоприменительных закономерностей.

Специально-юридические закономерности уголовного права – это существенные, необходимые и устойчивые связи, которые характеризуют инструментальный аспект механизма действия уголовного права, раскрывая соотношение предмета и метода уголовно-правового регулирования.

Поскольку содержание и специфика уголовно-правового регулирования проявляются в понятиях его предмета, метода, задач и функций, поэтому именно связи и зависимости этих категорий выражают закономерности функционирования уголовного права.

Одна из таких структурно-функциональных закономерностей выражает соответствие (единство) предмета и метода правового регулирования и состоит в том, что предмет с присущей ему объективной потребностью в специфической и обособленной нормативно-правовой регламентации определенных общественных отношений, является первичным и основным системообразующим фактором, обусловливающим формирование и выделение отрасли в системе права[495].

В связи с заложенной в предмете объективной необходимостью регулирования данного вида общественных отношений особым юридическим режимом складывается соответствующая им отрасль права.

Поскольку речь идет именно о закономерности как существенной, необходимой, повторяющейся и устойчивой связи метода и предмета отраслевого регулирования, то в образующих его общественных отношениях и их глубинном социальном содержании должен быть выделен тот ключевой фактор, который

[495] Подробнее см.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 147 – 159.

объективно потребовал их регулирования своеобразными юридическими средствами и вызвал к жизни соответствующую отрасль права.

Следовательно, если выделение отрасли и специфика ее метода детерминированы глубинным социальным содержанием регулируемых общественных отношений, то для достижения соответствия предмета и метода, выбора адекватных средств воздействия законодатель должен учитывать объективные закономерности данных отношений[496].

Закономерность единства предмета и метода правового регулирования важна не только для объяснения причин выделения отрасли в системе права, но и как критерий оценки тех случаев, когда отраслевой предмет характеризуется разнородными, а то и вовсе чужеродными отношениями, а метод заимствует приемы иных отраслей права.

Поэтому данная закономерность важна для уголовного права, поскольку анализ его предмета приводит ученых к кардинально различным мнениям, начиная от того, что уголовное право не имеет самостоятельного предмета регулирования[497], заканчивая тем, что оно признается многопредметной отраслью[498], а регулируемые им отношения носят принципиально разный характер[499].

Особенно учитывая, что в научном споре о предмете уголовного права авторами исчерпаны все возможные мнения и аргументы, за исключением, пожалуй, взгляда на этот традиционный вопрос с точки зрения отмеченной закономерности, т.е. законосообразного подхода.

В современной литературе общим местом рассуждений о предмете уголовного права является указание на общественные отношения, их принадлежности к уголовному закону и преобразовании в силу этого в уголовные

---

[496] Подробнее см.: Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. 1970. № 6. С. 55 – 60 // Яковлев В.Ф. Экономика. Право. Суд. Проблемы теории и практики. М., 2003.

[497] См.: Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 4 – 5. Аналогичная точка зрения была представлена и в советской юридической науке (см.: Курс советского уголовного права. М., 1970. Т.1. С. 12).

[498] См.: Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 9 – 11.

[499] См.: Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействий: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 24.

правоотношения, а в определении их видов наблюдается значительное расхождение[500].

Для оценки этих расхождений с точки зрения закономерности соответствия предмета и метода уголовного права перечислим все многообразие выделяемых учеными[501] видов уголовно-правовых отношений: общепредупредительные (отношения, направленные на информационное, ценностно-ориентационное воздействие и удержание лиц от совершения преступлений, возникающие в связи с установлением уголовно-правовых запретов); регулятивные (отношения, направленные на правомерное причинение вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния); охранительные (отношения, направленные на применение мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступления и иные уголовно-противоправные деяния); восстановительные (отношения, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда, возникающие в связи с позитивным посткриминальным поведением).

Анализируя предмет уголовного права с позиции указанной закономерности следует отметить, что ключевым фактором его содержания являются охранительные отношения, со свойственной им конфликтной природой, порожденной совершением преступления, и объективной потребностью урегулирования заложенного в них конфликта при помощи специфических уголовно-правовых средств (прежде всего, наказания), поэтому именно в особенностях данных общественных отношений коренится причина, обусловившая выделение уголовного права как отрасли и предопределившая своеобразие его метода.

Наличие в общественной жизни конфликтных ситуаций, вызванных фактами разнообразных преступных посягательств, необходимость их разрешения в целях

---

[500] См.: Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. Уголовное право. М., 2015. С. 53.

[501] Подробнее см.: Петрова Г.О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования. Н. Новгород, 1999; Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2001; Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. М., 2006; Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М., 2007; Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб., 2009; Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: Дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2011; Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения. М., 2011.

восстановления справедливости и охраны социальных интересов, исправления виновных и предупреждения новых преступлений, вот те объективные причины, вытекающие из содержания охранительных отношений, которые требуют их специфического уголовно-правового регулирования.

Социальное содержание именно охранительных общественных отношений обусловливает юридическую специфику принципов, задач и функций уголовного права, видов и содержания уголовно-правовых норм, юридических фактов, правоприменительных актов, мер уголовно-правового характера и иных последствий преступления, а также выражает объективную необходимость приведения уголовного закона в соответствие с актуальными криминальными угрозами.

С другой стороны, охранительные отношения не только обусловливают выделение уголовного права как отрасли и своеобразие свойственного ему метода, но и воплощают в себе весь комплекс уголовно-правовых норм и инструментов.

Что касается иных разновидностей общественных отношений, то данная закономерность ставит под сомнение обоснованность их включения в предмет уголовно-правового регулирования, поскольку предупреждение преступлений составляет часть содержания тех разнообразных отношений, регламентируемых нормами позитивного законодательства, которые уголовное право охраняет от нарушений, в рамках этих же отношений происходит и правомерное поведение лица при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, а случаи нарушения условий его правомерности относятся к охранительным уголовно-правовым отношениям, которыми охватывается и позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление.

В силу объективных закономерностей соответствия предмета и метода правового регулирования и межотраслевого взаимодействия регулятивных и охранительных норм искусственным является вычленение из юридического содержания конституционных и регулятивных правоотношений, складывающихся на основе норм позитивных правовых отраслей, тех возлагаемых ими единых обязанностей, которые обеспечиваются уголовно-правовыми запретами от

наиболее опасных нарушений, и привнесение их в содержание неких «предупредительных» уголовно-правовых отношений.

Следовательно, предметом уголовно-правового регулирования выступают только те общественные отношения, которые возникают в связи с нарушением уголовно-правового запрета, а относительно всех иных разновидностей общественных отношений уголовное право осуществляет не регулирование, а уголовно-правовое (информационное, ценностно-ориентационное, предупредительное) воздействие в рамках содержания конституционных и регулятивных правоотношений и соответствующих юридических обязанностей, которые охраняют и обеспечивают нормы-запреты.

Поэтому учитывая закономерность соответствия предмета и метода правового регулирования правы те авторы, которые не включают предупредительные отношения в предмет уголовного права. Так, Ю.И. Ляпунов, не усматривая в этих отношениях юридического факта и четко обозначенных субъективных прав и обязанностей, полагает, что сторонники признания предупредительных отношений подменяют понятие предмет регулирования и функция права, поскольку уголовное право воздействует на лиц, которые не совершают преступлений, но не регулирует их поведение[502]. По мнению Ю.Е. Пудовочкина, субъективный состав и содержание этих отношений не отличается от иных, возникающих в связи с изданием не уголовно-правовых запретов, поэтому более правильно относить их к конституционно-правовым отношениям[503].

Закономерность соответствия предмета и метода правового регулирования позволяет также проверить содержание уголовного права на предмет регулирования им чужеродных отношений.

Такая проверка позволяет признать в качестве чуждых уголовному праву те отношения, которые возникают в связи с фактом совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости.

---

[502] См.: Уголовное право. Общая часть. Учебник /Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. С. 17 – 19.

[503] См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М., 2012. С. 43.

Кстати, еще в период обсуждения концепции реформирования уголовного законодательства российскими учеными высказывалась идея о том, что последствия совершения общественно опасных деяний лицами, не способными нести уголовную ответственность, должны предусматриваться в отдельном не уголовном законе[504].

Однако включение данных отношений в предмет уголовно-правового регулирования не только не соответствует отмеченной закономерности, но и выглядит непоследовательным, учитывая, что аналогичные им, по сути, отношения, возникающие в связи с совершением общественно опасного деяния несовершеннолетним, не достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, а также несовершеннолетним, достигшим данного возраста, но отстающим в психофизическом развитии, регламентируются ФЗ от 24.06.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Следствием признания чужеродности указанных отношений должно быть их исключение из предмета уголовно-правового регулирования.

Поэтому не случайно, что Модельный Уголовный Кодекс стран СНГ не содержит рекомендательных предписаний относительно определения правовых последствий совершения общественно опасного деяния невменяемыми лицами, исключая их из сферы уголовно-правового регулирования[505].

В качестве примера можно привести исключение ч. 3 и 4 ст. 92 из УК РФ Федеральным законом от 21.11.2022 г. №446-ФЗ и регламентацию вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, в Кодексе административного судопроизводства РФ.

---

[504] См.: Игнатов А. Н., Красиков Ю. А., Побегайло Э. Ф., Шишов О. Ф., Пашин С. А., Палеев М. С. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. №3. С. 2 – 3.

[505] См.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятия, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Союза Независимых Государств. СПб., 2003. С. 31-32.

Нарушение закономерности соответствия предмета и метода правового регулирования приводит к его неэффективности, бездействию, а то и вовсе вредоносности в тех случаях, когда в орбиту его регулирования включаются чужеродные отношения.

Приводя исторические примеры случаев такого вторжения уголовного законодательства в чужой предмет регулирования, Н.И. Пикуров пишет: «Достаточно вспомнить тщетные попытки урегулировать с помощью УК 1960 г. качество поставляемой продукции, бороться с поборами при оказании услуг населению, обманом потребителя и пр. По одной из оценок действовавшего до 1991 г. уголовного законодательства, оно содержало «беспрецедентный в мировой правотворческой практике набор всевозможных уголовно-правовых норм, охраняющих идеологическую чистоту социалистической экономики». Как показывает опыт нашего и других государств, любые попытки урегулировать с помощью уголовного права соотношение между спросом и предложением неизменно заканчивались провалом. Только к компетенции гражданско-правовых норм относятся, например, вопросы о предмете сделки, о видах договоров, соглашение об установлении прав и обязанностей сторон, содержание таких прав и обязанностей, способах осуществления полномочий. Поэтому важно не только найти область применения уголовно-правового метода регулирования экономических отношений, но и установить точный предел, за которым это вмешательство принесет только вред»[506].

Закономерность соответствия предмета и метода, выражая зависимость специфики содержания уголовно-правового регулирования от особенностей общественных отношений, образующих его предмет, позволяет полно и всесторонне раскрыть метод уголовного права.

К закономерностям, характеризующим метод уголовно-правового регулирования, следует отнести:

---

[506] См.: Энциклопедия уголовного права. Т.1. Понятие уголовного права. СПб.,2005. С. 539.

– преобладание властно-императивных начал в методе уголовного права, обусловленное природой регулируемых им охранительных отношений, и дополнение этих начал диспозитивными элементами, обеспечивающими гибкость уголовно-правового регулирования;

– преимущественно запретительный характер уголовно-правового регулирования с обязыванием претерпеть уголовную ответственность, сочетаемый с дозволением и стимулированием позитивного посткриминального поведения;

– разнообразие и баланс карательных, превентивных и восстановительных средств уголовно-правового регулирования соответствующие объективному разнообразию преступного и постпреступного поведения;

– обусловленность уголовно-правовых средств задачами, функциями и принципами уголовного права;

– законодательный порядок определения и формирования прав и обязанностей субъектов уголовно-правового отношения;

– субординационный (властно-подчиненный) характер взаимодействия сторон уголовного правоотношения, вызванный уголовно-противоправной природой правообразующих их юридических фактов;

– обусловленность наступления уголовной ответственности от наличия деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом;

– предопределенность различных аспектов реализации уголовной ответственности категорией совершенного преступления;

– зависимость степени вариативности развития охранительных уголовно-правовых отношений от тяжести порождающего их преступления (чем выше тяжесть содеянного, тем более простой и одномерный порядок развития правоотношения предусмотрен уголовным законом).

В связи с закономерностью единства предмета и метода уголовно-правового регулирования необходимо оценить характерную для современного уголовного права тенденцию развития уголовно-правовых мер (средств) возмещения вреда от преступления. Поскольку данная тенденция выражает компенсаторную функцию

уголовного права возникает вопрос, насколько она обоснованна и не нарушает ли указанную объективную закономерность.

Эта тенденция, имея генетическую связь с ранним и средневековым уголовным правом, которое ставило перед собой задачу возмещения ущерба от преступления, вступает в некоторое противоречие с ярко выраженной публичной и властно-карательной природой более позднего уголовного права, которое на современном витке своей истории вновь возвратилось к компенсационной функции.

С законодательной точки зрения, данная тенденция воплощается в нормах о назначении наказания (ст. 61, 73, 74 УК РФ), об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75 - 76^2 УК РФ) и об освобождении от наказания (ст. 79, 80 УК РФ), а также в нормах об иных мерах уголовно-правового характера (ст. 90, 92, 104^1, 104^3 УК РФ).

С научной точки зрения, данная тенденция находит свое теоретическое обоснование в работах по социальным последствиям преступности[507], экономическому анализу уголовного права[508] и восстановительному правосудию[509].

На наш взгляд, следует учитывать такие влияющие на развитие уголовного права факторы, как его исторический опыт, необходимость повышения эффективности защиты интересов потерпевших за счет возмещения им вреда, причиненного преступлением, и минимизации расходов государства, связанных с привлечением к уголовной ответственности. Все это дает основание признать закономерность органичного сочетания компенсаторной функции уголовного права с публичными и властно-императивными началами уголовно-правового регулирования и совмещения в методе уголовного права концепции карательного

---

[507] См.: Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 1982.

[508] См.: Бабаев М.М., Квашис В.Е. Цена преступности: проблемы теории и практики // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 246 – 259; Долотов Р.О. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 20 – 25; Цена преступности (методология ее определения): монография / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014.

[509] См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М., 2002; Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М., 2022.

и восстановительного правосудия (при этом выбор стратегии уголовно-правового регулирования и разрешения уголовно-правового конфликта должен зависеть от общественной опасности преступления: чем выше опасность содеянного, тем приоритетнее парадигма карательного правосудия, и наоборот, чем ниже опасность содеянного, тем приоритетнее парадигма восстановительного правосудия).

По мнению Э.Л. Сидоренко формирование правозащитной парадигмы уголовно-правовой политики является одним из перспективных направлений модернизации уголовного права, которое позволит повысить правовую защищенность прав и свобод личности[510].

В этой связи в уголовно-правовой науке высказываются различные предложения по реализации концепции компенсаторного (восстановительного) уголовного права. В частности, Н.И. Пикуров считает возможным предусмотреть уголовно-правовой штраф в пользу потерпевшего как вид уголовного наказания, имеющего диспозитивное начало[511]. М.С. Афанасова говорит о необходимости закрепления в уголовном кодексе самостоятельной меры уголовно-правового характера в виде возмещения ущерба потерпевшему от преступления[512].

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности функционирования уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи и тенденции, характеризующие специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия, комплексный учет и использование которых позволяет обеспечивать и оценивать его эффективность.

2. В отличие от представленных в уголовно-правовой науке подходов к анализу действия и реализации уголовного права, параллельно и обособленно друг от друга рассматривающих отдельные проблемы его задач и функций, предмета и

---

[510] См.: Сидоренко Э.Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: дис. … докт. юрид. наук. М., 2013. С. 3.

[511] См.: Пикуров Н.И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М., 2024. С. 27.

[512] См.: Афанасова М.С. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном праве России: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 10 – 11.

метода уголовно-правового регулирования, его инструментального (норм, юридических фактов, правоотношений) и социального механизмов (правоприменительной практики, эффективности функционирования, состояния преступности), *законосообразный подход* позволяет, во-первых, через выявление закономерных связей и зависимостей системно раскрыть специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия а, следовательно, описать общие закономерности эффективности уголовного права, выражающие зависимость результативности такого воздействия от комплекса аспектов (факторов), и дать ее оценку; во-вторых, учитывая эти аспекты, предметно выделить, конкретно сформулировать и описать три группы закономерностей функционирования уголовного права: специально-юридические, социально-психологические и правоприменительные закономерности.

3. *Закономерности эффективности функционирования уголовного права* – существенные, необходимые, общие и устойчивые связи, выражающие зависимость результативности уголовно-правового воздействия, понимаемой как соотношение между показателями динамики преступности и реализации уголовной политики, от комплекса факторов, характеризующих специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты механизма действия уголовного права (от степени соответствия уголовного закона и практики его применения актуальным криминальным угрозам и тенденциям в развитии преступности, международным и конституционно-правовым стандартам прав человека и безопасности, уровня его законодательной техники, межотраслевой согласованности и стабильности, оптимальности сочетания и действенности превентивных, карательных и восстановительных уголовно-правовых средств, от справедливости разрешения конфликтов, вызванных преступлениями, законности и единообразия правоприменительной практики, качества взаимодействия с другими инструментами системы социально-правового регулирования, уровня массового и профессионального правосознания и удовлетворения карательных притязаний населения, от способности удержания

социально приемлемого уровня преступности, от соотношения позитивных и негативных последствий криминализации и пенализации).

4. *Законосообразный подход* к определению эффективности уголовного права предполагает полную и всестороннюю ее оценку на основе комплексного познания, учета и использования соответствующих закономерностей (специально-юридического, социально-психологического и правоприменительного аспектов механизма уголовно-правового воздействия), выражающих зависимость степени результативности функционирования уголовного права от соотношения между качественными и количественными показателями, характеризующими уровень социальной и криминологической обоснованности, целесообразности криминализации и пенализации с учетом затрат и издержек от реализации уголовного закона, его законодательной техники и законности применения, динамики преступности и числа осужденных.

С точки зрения *законосообразного подхода* общая оценка эффективности уголовного права выражается в том, какими уголовно-правовыми средствами (адекватными или необоснованными, достаточными или избыточными, определенными или неопределенными, согласованными или разбалансированными) и в какой мере достигается его стратегическая цель улучшения состояния преступности, в том числе снижение ее объема.

Общий показатель динамики зарегистрированной преступности, а также общее число осужденных позволяют оценить эффективность функционирования уголовного права в целом как достаточно высокую, но, используя выделенные закономерности, выражающие соотношение между специально-юридическими, социально-психологическими и правоприменительными аспектами механизма уголовно-правового воздействия, такая оценка должна быть существенно скорректирована в негативную сторону с учетом таких, свойственных современной российской уголовно-правовой политике неблагоприятных показателей, как немотивированное усиление репрессивности, избыточная криминализация, включающая в себя необоснованное расширение объема запретов, выделение специальных и дублирующих составов, возрастание недействующих норм,

несоразмерность и несогласованность санкций, использование уголовного закона как основного (первоочередного) средства социального управления, его нестабильность, правовая неопределенность и другие недостатки законодательной техники, распространенность квалификационных ошибок, а также негативных последствий для социально-экономической и политической жизни в виде сокращения масштабов свободы, создания «удушливой» запретительной атмосферы и антидемократического политического климата в обществе, препятствий его развитию, роста материальных затрат и социальных издержек от реализации уголовного закона.

Таким образом, несмотря на снижение регистрации преступности и судимости в России, общая оценка эффективности современного российского уголовного права, данная на основе законосообразного подхода, является в большей степени отрицательная, чем положительная.

5. *Специально-юридические закономерности уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи, которые характеризуют инструментальный аспект механизма действия уголовного права, раскрывая соотношение предмета и метода уголовно-правового регулирования. К ним относятся: закономерности соответствия уголовно-правового инструментария характеру регулируемых охранительных отношений; закономерности формирования и применения специфического метода уголовно-правового регулирования; закономерности зависимости средств уголовно-правового регулирования от задач и функций уголовного права.

§ 2. Социально-психологические закономерности уголовного права

Уголовное право имеет сложный социально-психологический механизм формирования и действия, который подчиняется комплексу общих и специальных закономерностей. Они характеризуют связи общественного бытия, в том числе уголовно-правовой действительности, и общественного сознания, включая правосознание в сфере уголовно-правовой политики, зависимости массового и

профессионального правосознания и уголовного законотворчества и правоприменения.

От знания, учета и использования этих социально-психологических закономерностей в правотворческой и правоприменительной деятельности зависит глубина проникновения уголовного права в психологическую сферу личности и возможность использования наиболее ценных психических качеств человека в уголовно-правовых целях, а, следовательно, в конечном счете, эффективность функционирования уголовного права.

Важность познания и использования социально-психологических закономерностей в уголовном праве объясняется также его исторически обусловленным акцентом на процессах, протекающих в психике человека (от страха перед преступностью как фактора криминализации до страха перед наказанием как сдерживающего мотива и нравственного исправления как цели наказания).

Закономерности права, как всякие социальные закономерности, складываются в деятельности людей и через нее реализуются. А поскольку в деятельности и поведении человека существенную роль играют психические процессы, постольку ряд закономерностей права проявляются в виде психологических закономерностей либо включают в свое содержание психологические аспекты[513]. Особенно это характерно для уголовного права, которое традиционно испытывает на себе существенное влияние и придает большое значение различным явлениям социально-психологического порядка как при криминализации общественно опасных деяний (карательные притязания населения, особенности национальной культуры и ментальности, факторы социально-психологической зрелости для установления возраста ответственности), так и при реализации мер уголовно-правового воздействия на лиц, их совершивших (вменяемость и невменяемость, различные формы психической активности – вина, мотив, цель, эмоции).

[513] Как верно отмечает Г.М. Андреева: «любое общественное явление имеет свой «психологический» аспект, поскольку общественные закономерности проявляются не иначе как через деятельность людей, а люди действуют, будучи наделенными сознанием и волей» (См.: Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2001. С. 5).

По своему содержанию уголовная политика предполагает тесную внутреннюю взаимосвязь между общественной психологией и правосознанием масс, с одной стороны, а с другой – правотворчеством и правоприменением. Выстраивание такой взаимосвязи, повышающей эффективность уголовно-правового воздействия, требует учета и активного использования как некоторых общих психологических закономерностей, так и ряда специфических закономерностей общественного правосознания.

Напротив, игнорирование объективных социально-психологических закономерностей в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации неизбежно приводит к социальным издержкам и потерям эффективности уголовного права. В частности, к непризнанию или вовсе отрицанию уголовно-правового запрета в общественном мнении и восприятию его как несправедливого, к сочувствию преступнику, а не жертве, к наличию «мертвых» норм, к формированию неуважения к требованиям уголовного закона и недоверия к деятельности уголовной юстиции в массовом сознании, к преобладанию страха над осознанной необходимостью среди сдерживающих мотивов поведения.

Исследование социально-психологических закономерностей имеет важное значение и для развития социологии уголовного права, в частности, оно является необходимой методологической основой изучения общественного мнения по вопросам преступления и наказания. Попытки выявления общественного мнения без знания социально-психологических закономерностей уголовного права оказываются бессистемными и беспредметными.

Еще одно практическое значение законов психики и социально-психологических закономерностей в уголовном праве заключается в том, что только через их изучение и учет можно законодательно определить вменяемость и невменяемость, возраст уголовной ответственности, формы и виды вины, мотивы, цели, эмоции, словом, регламентировать все те психические аспекты поведения, которые имеют уголовно-правовое значение.

Поэтому, чтобы дать полную и всестороннюю оценку современного состояния и перспектив взаимосвязи общественной психологии, правосознания и уголовно-правовой политики, необходимо сформировать целостное представление о социально-психологических закономерностях, в том числе об их понятии, системе, видах, особенностях действия в уголовном праве, которым отечественная наука еще не располагает. Лишь некоторые из этих закономерностей затрагивались в работах, посвященных отдельным отраслевым проблемам, таким как – преступное поведение и развитие наказания, правосознание и социальный механизм уголовно-правового воздействия[514].

Отправной идеей настоящего параграфа является тезис о том, что правовое воздействие, в том числе запретительно-карательного характера, тем эффективнее, чем сильнее правовая форма влияет на сознание и волю людей, что достигается не только уровнем объективной обусловленности содержания права, но и учетом тех законов психики, по которым это содержание проникает в психологическую сферу личности и руководит ее поведением.

При этом информационное, ценностно-ориентационное, предупредительное воздействие уголовного права в своей основе подчиняется общим психологическим закономерностям, управляющим сознанием и деятельностью людей, и закономерностям функционирования идеологии.

В соответствии с данным тезисом уголовное право, воздействуя на поведение людей, должно исходить из единых психических процессов, состояний, свойств личности и механизмов психической деятельности человека, поэтому ряд

[514] См.: Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. М., 2016; Сорокин П. Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Сб. 3: Эволюция преступлений и наказания. СПб., 1914. С. 113-151; Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970; Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.,1983; Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск, 1988; Грошев А.В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования: дисс. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997; Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008; Бибик О.Н. Уголовное право и культурно-историческая психология: точки соприкосновения // Российский юридический журнал. 2015. №4. С.38-49.

действующих в нем закономерностей по своей природе является специфическим проявлением общих социально-психологических закономерностей[515].

Учитывая эту методологическую основу, следует затронуть одну особенность психологических закономерностей в целом.

В психологической науке отмечается некоторое противоречие между субъективной природой психических явлений, относящихся к внутреннему миру человека, и необходимостью раскрытия закономерностей как связей, имеющих объективный характер, т.е. существующих вне и независимо от субъекта. Стремление ученых разрешить это противоречие породило две противоположные точки зрения: по мнению одних исследователей, психическое неподвластно объективным закономерностям; другие полагают, что психическое включено во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира и подчинено объективным закономерностям[516].

На наш взгляд, эти позиции нельзя абсолютизировать и считать взаимоисключающими.

Признать правоту лишь первой позиции – значит исключить возможность обобщающего отражения социально-психологических факторов в процессе криминализации и пенализации, так как уголовное право должно основываться не на уникальности тех или иных психических процессов, состояний и свойств личности, а учитывать типичное и повторяющееся, как того требует нормативное опосредование поведения. Отрицание объективных социально-психологических закономерностей и вместе с тем абсолютизация индивидуального своеобразия протекания психических процессов, индивидуальных особенностей психических состояний и уникальности психического склада каждой личности, по сути, лишает уголовное право возможности общепредупредительного воздействия на граждан и

---

[515] Общие социально-психологические закономерности являются предметом изучения социальной психологии, которая определяет их как «объективно существующие, устойчивые, повторяющиеся причинно-следственные зависимости, определяющие характер возникновения и динамику функционирования социально-психологических явлений и процессов» (см.: Крысько В.Г. Социальная психология. М., 2022. С. 16).

[516] Подробнее об этом см.: Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 106 – 107.

регламентации общих признаков психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию.

Признать правоту только второй точки зрения – значит исключить учет специфики психической деятельности лица, связанной с совершением преступления, в процессе индивидуализации уголовной ответственности и нарушить принцип справедливости.

Ценность видится в интеграции этих позиций. Как отмечает Б.Ф. Ломов, «по сравнению с психологией ни в какой другой науке при исследовании какого-либо феномена так остро не стоит задача раскрыть закон как общее и вместе с тем показать имманентное происхождение разнообразия его индивидуальных проявлений» [517].

Поэтому предпочтительным для целей уголовно-правового воздействия выступает мнение о том, что социально-психологические закономерности проявляются в виде тенденций, фиксирующих общее и устойчивое, но при этом не исключающих вариативность и изменчивость психических явлений и процессов.

Именно такое понимание социально-психологических закономерностей дает возможность, с одной стороны, законодательно учесть связанные с уголовным правом тенденции общественной психологии и правосознания (в частности, касающиеся достаточности социально-психологической зрелости для вменения и ответственности, развития представления о виновности), а с другой стороны, предусмотреть для правоприменителя возможность принять во внимание индивидуальные отклонения от тенденций (например, касающиеся задержки в психическом развитии).

В частности, учитывая, что социально-психологические закономерности выступают в качестве тенденций, а не абсолютных, жестких и однозначных связей и зависимостей между явлениями, не вполне обоснованной представляется критика

[517] См.: Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы в психологии. М.,1984. С.108.

социально-психологических целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ) с точки зрения конкретности и достижимости в каждом отдельном случае[518].

Наряду с общими социально-психологическими закономерностями в уголовном праве действуют и специальные закономерности, обусловленные развитием и функционированием правосознания как особой формы общественного сознания.

Таким образом, среди закономерностей, характеризующих социально-психологический аспект формирования и функционирования уголовного права, могут быть выделены: общие (представляют собой проявление универсальных закономерностей психической деятельности человека в содержании уголовного права) и специальные (это особые взаимосвязи общественной психологии и правосознания с уголовным правотворчеством и правоприменением).

Но, прежде чем подробнее[519] рассмотреть закономерности каждой из выделенных групп, необходимо дать их общее определение.

Социально-психологические закономерности уголовного права – это существенные, необходимые и устойчивые связи (отношения), характеризующие социально-психологические аспекты формирования и функционирования уголовного права, выражающие взаимосвязи правосознания с другими формами общественного сознания, с уголовным правотворчеством и правоприменением, а также психологические процессы, связанные с совершением преступления.

Последнее замечание методологического порядка, которое важно сделать, касается необходимости использования для целей выявления и описания социально-психологических закономерностей понятия «уголовно-правовое воздействие». В отличие от уголовно-правового регулирования именно сквозь призму данного понятия высвечивается влияние уголовного права на

---

[518] См., например: Маслов В. А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания // Lex russica. 2022. Т. 75. № 12. С. 52 – 62.

[519] Учитывая, что социально-психологические закономерности, характеризующие психическую деятельность лица, связанную с совершением преступления, различные формы его психической активности как признаки субъективной стороны, хорошо разработанная в уголовно-правовой науке проблема, мы не будем подробнее касаться ее в рамках настоящего исследования (см., в частности: Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015; Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: дисс. … докт. юрид. наук. М., 2004).

общественную психологию и правосознание в качестве воспитательно-идеологического, ценностно-ориентационного фактора, а следовательно, открывается возможность раскрыть существенные, необходимые и устойчивые взаимосвязи такого влияния.

Как уже отмечалось, в своей основе уголовно-правовое воздействие, реализуясь через сознание и психологическую сферу личности, подчиняется общим социально-психологическим закономерностям, поэтому начать следует со специфики их проявления.

Общие социально-психологические закономерности в уголовном праве.

Элементарная логика правового регулирования строится по схеме «если… то…», предполагающей связь юридического факта и последствия, поэтому первичное значение для правового воздействия на человека имеет *закон ассоциаций*.

В психологии под ассоциацией понимают связь между отдельными событиями и фактами, отраженную в сознании индивида и закрепленную в его памяти. Согласно ассоциативным закономерностям – чем ближе друг к другу события, факты во времени, тем вероятнее формирование ассоциативной связи между ними; чем больше частота повторения совместного появления фактов, тем быстрее сформируются ассоциации между ними; чем чаще в опыте возникает такая связь, тем прочнее становится ассоциация[520].

Важность знания закономерностей формирования ассоциаций связана с тем, что уголовно-правовое воздействие осуществляется через выработанные (наличествующие) в сознании граждан ассоциативные связи между преступлением и наказанием, позитивным посткриминальным поведением и освобождением от уголовной ответственности или ее смягчением. Поэтому от точности, прочности и устойчивости этих ассоциативных связей, обусловленных реализацией принципов правовой определенности и стабильности, неотвратимости ответственности и единообразия судебной практики, зависит результативность уголовно-правового

[520] См.: Немов Р.С. Психологический словарь. М.: 2007. С.31; Общая психология: в 7 т. / Под ред. Б.С. Братуся. Т.1. М., 2005. С.112.

воздействия: чем отчетливее и стабильнее ассоциативные представления людей о перечне деяний, признаваемых преступными, и характере их наказуемости, основаниях освобождения от уголовной ответственности и наказания, тем выше эффективность действия уголовного права.

Между тем, такие характерные для современного уголовного законодательства черты, как криминализационная избыточность и чрезмерность специальных составов, пенализационная разбалансированность, конкуренция оснований депенализации, отсутствие четких критериев криминализации и расплывчатость границ между преступлением и административным правонарушением, высокий динамизм уголовного законодательства, безусловно, существенно препятствуют формированию точных и устойчивых уголовно-правовых ассоциаций в общественном сознании.

Как показывает проведенный нами социологический опрос[521], более или менее точные и устойчивые ассоциативные представления о круге деяний, признаваемых преступными, и характере их наказуемости, существуют в общественном сознании только применительно к традиционным и безусловным запретам, образующим ядро преступности, а чем дальше от него, тем ассоциации слабее и изменчивее. Так, респонденты назвали:

– среди преступлений против жизни и здоровья, свободы, половой неприкосновенности личности и собственности (убийство, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилование, кражу, мошенничество, разбой (100 %), вымогательство (62 %), грабеж (58 %), похищение человека (54 %) и торговлю людьми (14 %);

– среди других преступлений (из раздела IX УК РФ: террористический акт (76 %), незаконный оборот наркотических средств (54 %), нарушение правил дорожного движения, повлекшие причинение вреда здоровью и смерть (52 %),

[521] В опросе, посвященном воплощению различных социально-психологических закономерностей в механизме уголовно-правового воздействия, приняли участие 300 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – раздаточное анкетирование в период октябрь – декабрь 2023 г. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Возможны незначительные погрешности в данных опроса, вызванные выборкой респондентов, формулировкой вопросов и различными обстоятельствами, возникающими в ходе полевых работ.

захват заложника (26 %), хулиганство (17 %), незаконный оборот оружия (13 %); из раздела X УК РФ: получение взятки (96 %), дача взятки (67 %), превышение должностных полномочий (11 %), государственная измена (3 %); из раздела XI УК РФ: дезертирство (16 %).

Небольшие ассоциации вызывает у населения и понятие уголовного наказания, из 13 видов наказаний, предусмотренных в ст. 44 УК РФ, респондентам известно: лишение свободы и смертная казнь (100 %), штраф (76 %) и обязательные работы (65 %).

С основаниями освобождения от уголовной ответственности и от наказания в общественном сознании ассоциируется: примирение с потерпевшим (61 %), условно-досрочное освобождение (45 %), помилование (19 %), амнистия (12 %), деятельное раскаяние (9 %) и истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности (6 %).

По выявленным в результате опроса уголовно-правовым ассоциациям можно составить и общее представление граждан о том, что есть преступление и наказание, а также уголовное право в целом. Причем, как показал опрос, представление это за 25 лет действия УК РФ существенно не изменялось. Для большей объективности и репрезентативности исследования, респондентам были представлены оглавления Кодекса в разных редакциях (1997, 2007, 2017, 2023 гг.) и предложено высказаться относительно степени знакомства с содержанием каждого из них. Однако если учесть ежегодное расширение объема УК РФ, то можно выявить определенную тенденцию, выражающую обратную зависимость между продолжительностью действия Кодекса и степенью осведомленности граждан о его содержании: чем дольше действует уголовный закон, тем меньше удельный вес знаний его предписаний. Разумеется, такая тенденция нарастающего увеличения дефицита уголовно-правовой информированности граждан связана со значительной динамикой и изменчивостью, нестабильностью уголовного законодательства.

В общественном сознании отсутствует и информация относительно общих криминологических и статистических показателей состояния преступности и судимости[522].

Между тем, в условиях весьма поверхностного и ограниченного представления населения о содержании современного уголовного права, о чем свидетельствует наш соцопрос, затруднительно его эффективное функционирование в жизни общества в плане действенности предупредительных, а также результативности карательных и восстановительных уголовно-правовых мер. Особенно учитывая, что развитие российского уголовного законодательства идет по пути все более нарастающей криминализации и дифференциации уголовно-правового регулирования. Поэтому есть основание предположить, что дефицит уголовно-правовой информированности населения будет только возрастать по мере сохранения явного перевеса в сторону динамизма уголовного законодательства в ущерб его стабильности.

В этой связи весьма актуальным направлением государственной политики является развитие общественного правосознания, включая правовое информирование и правовое просвещение граждан. В специально принятом по этому поводу документе[523], в числе факторов реализации такой государственной политики заявлено ее «соответствие закономерностям развития правового государства и гражданского общества», «понятность, доступность и эффективность законодательства, его адекватность реальной экономической и общественно-политической ситуации в стране, реализация в законодательстве принципов справедливости и равноправия, обеспечение соответствия норм права интересам и потребностям различных социальных групп». Признавая безусловную важность указанных факторов, отметим, что базовое значение в реализации информационного и ценностно-ориентационного воздействия права имеет учет

[522] Проведенное В.Н. Ворониным исследование общественного мнения показало, что «общественность мало что знает о преступности, как и о системе реагирования на нее, включая статистику: уровень преступности, уровень рецидива и средние сроки наказания» (см.: Воронин В.Н. Социология уголовного права: методы изучения общественного мнения и их интерпретация в уголовно-правовом исследовании // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. №10. С.28 – 36).

[523] См.: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168) // СПС «КонсультантПлюс».

ряда социально-психологических закономерностей, характеризующих возможности человека по восприятию и усвоению в том числе правовой информации.

С одной стороны, следует учитывать *закон перцепции*, суть которого заключается в том, что процесс восприятия развивается в виде перехода от более общего и абстрактного к более конкретному и дифференцированному представлению о явлении[524].

Сообразно данному закону процесс правового просвещения и информирования граждан должен осуществляться последовательно и планомерно, начиная от приобщения детей к общепринятым нормам, правилам и ценностям на уровне дошкольного и начального образования, через обучение основам права на этапе основного и среднего общего образования и продолжая в дальнейшем повышением уровня юридической грамотности населения по месту учебы или работы, вплоть до распространения программ дополнительного правового образования для взрослых. Правовое просвещение и информирование особенно актуально для уголовного права, так как реализация его основных предписаний не предполагает института представительства. И начинать распространять уголовно-правовые знания важно с несовершеннолетних как наиболее уязвимой категории граждан в силу формирования их социально-психологической зрелости и отсутствия жизненного опыта[525].

Отсюда вполне очевидна закономерность: чем больше информации о праве, тем подробнее и детальнее представление о его содержании в общественном сознании, а следовательно, тем эффективнее его функционирование. Однако наш опрос показал, что только 8 % россиян получали в своей жизни специальное уголовно-правовое информирование и просвещение, 2 % граждан ответили, что имеют эмпирические данные относительно тех или иных аспектов уголовного

---

[524] См.: Ланге Н.Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. Одесса, 1893.

[525] См.: Доценко Е.Л. «Социально-психологическая зрелость» - формирование понятия // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 3. С. 4 – 12; Маркунцов С.А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / Под ред. А.Э. Жалинского. М., 2007.

права из личного опыта. Вместе с тем, все (100 %) респондентов рассказали о том, что черпали те или иные уголовно-правовые сведения из программ «новости» и жанра «судебное шоу» в средствах массовой информации, а также из общесоциального опыта. Поэтому массовое правосознание граждан характеризуется весьма поверхностной и обрывочной информацией об уголовном законе.

С другой стороны, нельзя не учитывать и закономерность, характеризующую субъективные возможности людей по восприятию и усвоению информации, в том числе правовой.

Для определения оптимального соотношения объема правовой информации и способностей человека может быть полезен *закон Хика*, выражающий общую зависимость времени реакции от числа и сложности альтернативных вариантов: чем более многообразны и непредсказуемы варианты выбора, тем больше требуется времени для принятия решения. В соответствии с этой закономерностью время реакции увеличивается в зависимости от количества информации, которую необходимо обработать для того, чтобы произвести соответствующую реакцию[526].

Применительно к уголовно-правовому воздействию значение этой общей психологической закономерности выражается в ряде аспектов.

Во-первых, в ситуации чрезмерной и дублирующей криминализации и избыточного конструирования специальных, конкретизирующих уголовно-правовых запретов общественная жизнь превращается в сложный и опасный лабиринт уголовно-правового регулирования, запутанный даже для специалистов[527]. Не случайно в науке с каждым годом растет число публикаций, посвященных проблемам разграничения составов преступлений и конкуренции уголовно-правовых норм. В этой связи вполне возможен рост числа преступлений

---

[526] См.: Немов Р.С. Психологический словарь. М.: 2007. С. 468.

[527] Конструирование многочисленных специальных норм требует использование большого количества специальных терминов, что, с одной стороны, облегчает задачу правоприменителю, которому подробный и детальный кодекс предпочтительнее, а с другой стороны, усложняет восприятие таких норм правоприменителем, ни говоря уже об обыденном массовом сознании.

из-за юридических ошибок, которые по общему правилу не влияют на ответственность.

Как известно, чем больше законодатель криминализирует деяний, тем более неопределенны и расплывчаты требования уголовного закона к поведению граждан в их общественном сознании, и тем более неэффективным становится уголовно-правовое воздействие. Верно отмечает В. Волков: «печатание законодательных запретов так же мало помогает оздоровлению общества, как печатание денег – экономике. Чем больше законов и запретов, тем меньше вероятности их исполнения, даже если государство бросит все деньги налогоплательщиков на повышение бюджетов и зарплат силовиков»[528].

Особенно когда такая нарастающая криминализации связана с усилением уровня репрессивности уголовного закона, тогда его правовая неопределенность в массовом сознании усугубляется и еще больше затмевается страхом перед законом. Говоря о возникновении в обществе страха перед несправедливым и непонятным уголовным законом, Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев пишут: «массированное проникновение уголовного закона во все сферы общественной жизни и высокие санкции порождают страх быть подвергнутым уголовной репрессии за малейшее отступление от «генеральной линии», а с другой стороны, масштабное применение уголовного закона «ко всем и вся абсолютно за все» вызывает ощущение нормальности ситуации, привыкание к уголовно-правовым рискам. Следствием всего этого выступает подрыв авторитета закона, уважения к нему, а вместе с тем – и авторитета распоряжающегося им государства»[529].

Во-вторых, в процессе правоприменения происходит своего рода «естественный отбор» наиболее жизнеспособных уголовно-правовых норм, в то время как многие из них остаются мало востребованными практикой или вовсе мертвыми[530].

---

[528] См.: Волков В. Extra Jus: Год запретительной политики // Ведомости. 2013, 26 декабря.

[529] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Российский криминологический журнал. 2016. Т.10, №3. С.428.

[530] См., в частности: Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. №6. С.4-10; Караваева Ю.С. «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. Т.66, №1. С.69-79.

В-третьих, дальнейшее усложнение и дифференциация уголовно-правового регулирования, учитывая отмеченную психологическую закономерность, делают задачу уголовно-правового информирования граждан трудновыполнимой или вовсе фиктивной.

Поэтому с точки зрения названной социально-психологической закономерности большие сомнения вызывает целесообразность дальнейшего усложнения системы уголовного права, в частности, путем введения категории уголовных проступков[531], уголовной ответственности юридических лиц[532], расширения перечня иных мер уголовно-правового характера, разработки системы регионального уголовного законодательства, фиксации отдельных институтов уголовного права на уровне самостоятельных законов, что предлагается некоторыми специалистами[533]. Напротив, по нашему убеждению, уголовному законодательству необходимо решительно придать реверсивное направление развития, предполагающее декриминализацию ряда преступлений небольшой и средней тяжести; интеграцию и укрупнение уголовно-правовых предписаний, прежде всего, за счет отказа от практики конструирования большого числа специальных при наличии общих норм; сокращение видов уголовных наказаний как в их общей системе, так и в конкретных статьях, а также уменьшение вариативности санкций[534].

---

[531] Как справедливо пишет А.В. Наумов, решая вопрос о включении в УК РФ понятия уголовного проступка следует помнить о том, что в отличие от уголовно-процессуального законодательства, уголовный закон рассчитан не только на правоприменителя, но, в первую очередь, на обычных людей как адресатов кодекса, в сознании которых такое новшество будет двусмысленным, а подавляющему большинству граждан и вовсе непонятным: как так уголовный кодекс предусматривает ответственность за деяния, которые не являются преступлениями, и чем тогда они отличаются от иных правонарушений, в частности административных? (см.: Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 3. С. 43 – 44).

[532] Подробнее см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах. М., 2022.

[533] См.: Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 35; Скрипченко Н.Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного Пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журнал российского права. 2018. №10. С.85-90).

[534] В частности, Н.А. Лопашенко, критически проанализировав современную систему наказаний в российском уголовном праве, пришла к выводу о том, что данная система включает слишком большое число наказаний и может быть сокращена посредством исключения отдельных их видов или их объединения (см.: Лопашенко Н.А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. №12. С.33-48.

С указанным направлением согласны большинство опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников (79 %).

Возможности типичного человеческого сознания, на которые в принципе и должна быть рассчитана система уголовно-правового воздействия, требует нахождения оптимального баланса между объективной потребностью в уголовно-правовой защите вновь возникающих общественных отношений и дифференциации уголовной ответственности, с одной стороны, и субъективными способностями человека по ориентированию в этой системе – с другой. Вместе с тем не будет преувеличением сказать, что действующая система уголовного права представляется замысловатой даже для доктринального и профессионального правосознания, не говоря уже о правосознании среднестатистического человека. О чем свидетельствуют многочисленные споры ученых и практиков на конференциях, круглых столах, страницах научных публикаций, а также ежегодно растущий перечень постановлений Пленума Верховного Суда РФ и весьма распространенные квалификационные ошибки[535].

Однако, не только проблема нарастающей и дублирующей криминализации усложняет доступность понимания и восприятия текста уголовного закона в массовом и профессиональном правосознании, но и другие недостатки его законодательной техники, к числу которых специалисты относят чрезмерную сложность, громоздкость и казуистичность формулировок, многозначность терминологии, чрезмерность оценочных понятий[536]. При чрезмерной абстрактности граждане не поймут, что от них хотят, тут могут быть проблемы правовой определенности запрета, а при излишней многословности, подробности и детальности конструкции нормы не смогут уяснить, усвоить и удержать в памяти требования закона. Как доказывают исследования психологов, оптимум законодательно оформленной мысли в одном предложении должен содержать семь

---

[535] Подробнее см.: Ошибки в квалификации преступлений: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2020.

[536] См.: Гаухман Л.Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке: Материалы Международной научной конференции. М., 2002. С. 48 – 61; Лопашенко Н.А. Уголовная политика России. М., 2009. С. 55 – 65; Кобзева Е.В. Теория оценочных признаков в уголовном законе. М., 2009. С. 145; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника. М., 2016. С. 547 – 562.

слов. Использованием чрезмерно сложных законодательных конструкций законодатель ставит среднестатистического юриста перед необходимостью преодолевать непреодолимые трудности, ни говоря уже о простом человеке[537]. При этом надо учитывать и особенности современного информационного общества, в котором сознание людей привыкает к большим массивам информации, появляются дополнительные возможности, способности и опыт ориентирования в информационных массивах[538].

Разумеется, что для результативного информационного и ценностно-ориентационного воздействия уголовного права недостаточно только проведения соответствующей государственной политики по развитию правовой грамотности и правосознания граждан по принципу «сверху – вниз». Нужно учитывать и закономерность о том, что позиция государства о запрещенных деяниях и мерах уголовной ответственности за их совершение, об основаниях смягчения и освобождения от уголовной ответственности и наказания, тем эффективнее доводится до сведения граждан и становится неотъемлемым элементом их правосознания, чем больше степень ее соответствия объективным криминальным угрозам (реалиям) и социальной справедливости.

В плане общих социально-психологических закономерностей важно отметить, что «правовые установки находятся в тесной связи с представлениями людей о социальной справедливости, более того, именно на основе субъективных оценок степени ее реализации, например в рамках функционирования правовой системы, они, как правило, и формируются: чем выше оценка «справедливости» правовой процедуры и принятых решений, тем выше удовлетворенность человека своим социальным взаимодействием в пределах этой системы, выше готовность соблюдать законы, демонстрируя законопослушное поведение»[539].

---

[537] См.: Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М., 2010. С. 62 – 63; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 128 – 137.

[538] См., в частности: Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., 2010.

[539] См.: Социально-психологические аспекты обеспечения законности // Законность: теория и практика: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. М.,2017. С.181.

Рассуждая о балансе между стабильностью и динамикой уголовного законодательства и связанной с ней интенсивностью потока правовой информации, следует упомянуть *закономерность психологической инертности*. Под инерцией мышления понимается одно из свойств человеческой психики, которое выражается в том, что сознание человека часто подчиняется силе привычки.

Как и в любой другой сфере, инерция мышления имеет свои плюсы и минусы в механизме уголовно-правового воздействия. С одной стороны, она помогает человеку сформировать и сохранить привычное понимание того, что есть преступление и наказание, а следовательно, выработать привычку к правомерному поведению. Учитывая инертность мышления, более эффективен стабильный уголовный закон, который в силу своего постоянства формирует в сознании людей устойчивое представление о круге преступных деяний и характере их наказуемости. Кроме того, инерция и консерватизм мышления служат основой возникновения правовых традиций и обычаев[540].

С другой стороны, недостаток инерции мышления в том, что она является в правовой сфере серьезной помехой на пути законодательного реформирования, так как сознание людей с задержкой переключается на правовые нововведения. Особенно, как это зачастую бывает, если они не имеют под собой должной объективной обусловленности.

Это подтверждает закономерность инертности общественного, в том числе правового сознания, которую четко выразил А.И. Коробеев, говоря о том, что «с каким трудом общественное правосознание свыкается с мыслью о необходимости установления уголовно-правового запрета, с таким же трудом оно и расстается с представлением об оправданности его сохранения впредь»[541].

С инерцией мышления напрямую связана *закономерность социальной стереотипизации,* имеющая важные социально-психологические аспекты в сфере уголовно-правового воздействия.

---

[540] Подробнее см.: Избранные труды / Шаргородский М.Д. СПб., 2004. С.108; Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. М., 2017.

[541] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С.87.

Понятие стереотипов ввел в социальную психологию У. Липпман, определив их как упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «образы» мира в сознании человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов, защищают его ценности, права и позиции, формируют привычки и традиции[542]. В современных дефинициях социального стереотипа он характеризуется как особое общественно значимое образование сознания и поведения людей, в котором продуцируется привычный (шаблонный) образ их отношения к той или иной жизненной ситуации[543].

Как о реальных социально-психологических феноменах и компонентах правосознания есть основание говорить о правовых стереотипах. В частности, в общественном правосознании на основе социального опыта и с помощью различных источников информации формируются определенные традиционные, типичные и упрощенные представления о преступлении, преступнике и уголовном наказании. Через эти уголовно-правовые стереотипы в обществе из поколения в поколение передается информации о том, что является преступлением и как опасно его совершать, и одновременно осуществляется контроль над поведением человека.

Проведенный нами социологический опрос показывает, что стереотипное представление о том, что такое преступление, складывается в общественном сознании на основе «универсальных» преступлений против личности и собственности, а что есть наказание – на основе лишения свободы. Следовательно, стереотип преступного в общественной психологии задается традиционными и безусловными уголовно-правовыми запретами и, главным образом, наиболее опасными посягательствами на личность и собственность, которые преступны при любом социально-политическом строе (такими, как убийство, причинение умышленного вреда здоровью, изнасилование, хищения). Поэтому в общественном

---

[542] См.: Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. С.108.

[543] См.: Суходольская Н.П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей. Дисс. … канд. филос. наук. М., 2009. С. 1.

сознании существует достаточно высокий «стандарт» преступного, а отсюда и довольно опасный «образ» преступника.

Поскольку сквозь призму данных стереотипов люди осуществляют самоконтроль и оценивают те или иные уголовно-политические решения, законодатель должен учитывать ряд социально-психологических закономерностей.

Первичная и наиболее глубинная психологическая реакция граждан на установление уголовно-правового запрета зависит от того, насколько согласуется запрещаемое поведение со стереотипом преступного и образом преступника, сложившимися в общественном сознании.

В этой связи, чем далее по уровню своей общественной опасности вновь криминализируемое деяние отстоит от «стандарта» преступного, тем бледнее образ преступника в общественном сознании и, следовательно, меньше степень карательных притязаний населения относительного этого деяния.

Актуальность данной закономерности особенно возрастает в условиях необоснованной криминализации, когда преступлениями признаются деяния, не обладающие достаточной общественной опасностью и воспринимаемые в обществе достаточно терпимо или вовсе безразлично. В общественной психологии такая криминализация производит обратный эффект, при котором преступник из «злодея» превращается в «жертву», а человека, попавшего под уголовное преследование, общество больше жалеет, чем осуждает[544].

Распространенность случаев необоснованной криминализации в практике уголовного законотворчества способна размыть социальные стереотипы о преступлении как наиболее опасном отклонении, стереть в общественном сознании границу между преступным и непреступным, а, в конечном счете, закономерно привести к обесцениванию уголовного закона в глазах общественного мнения[545].

---

[544] На социальные-психологические издержки такой криминализации в советской науке обращал внимание В.М. Коган (см.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия: Дисс. … докт. юрид. наук. М.,1985. С.25).

[545] См.: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. №4. С.42.

Как отмечается в социологической науке, функциональное назначение социального стереотипа состоит в том, чтобы феноменологически поляризовать в противоположных образах стороны социального противоречия, психологически мобилизовать на его разрешение силы участников социального процесса[546].

Поэтому еще одна важная функция уголовно-правового стереотипа общественного сознания в том, что он ведет к поляризации граждан на законопослушных и преступников и образует между ними определенный социально-психологический барьер, необходимый для того, чтобы препятствовать преступному поведению.

Под психологическим барьером понимают внутреннее препятствие психологической природы (нежелание, боязнь и т.п.), мешающее человеку успешно выполнить определенные действия[547].

Создаваемый стереотипным образом преступника психологический барьер усиливает внутренние переживания человека: страх и тревогу перед возможным наказанием, чувство вины и стыда перед обществом за возможное преступное поведение и осуждение.

При этом пороговое значение такого социально-психологического барьера зависит от того, что государство объявляет преступлением: чем выше уровень общественной опасности деяния, а вместе с ним и карательных притязаний населения, тем выше пороговое значение социально-психологического барьера; по мере уменьшения уровня общественной опасности деяний уменьшается степень их морального осуждения населением, а следовательно, понижается пороговое значение социально-психологического барьера на пути к преступлению.

По общему правилу, чем выше социально-психологический барьер между правопослушными и склонными к преступлению гражданами, тем реже совершаются преступления, поскольку для его преодоления человек должен обладать более устойчивыми социально – опасными качествами.

---

[546] См.: Российская социологическая энциклопедия. Под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М, 1998. С.538.

[547] См.: Энциклопедический словарь по психологии. М.,2013.

Но у этой закономерности есть обратная зависимость: с одной стороны, чем выше такой барьер, тем проще удерживать граждан от совершения преступлений, с другой стороны, сложнее возвращать их к нормальной жизни после отбытия наказания. Поскольку у людей, переступивших через более высокий социально-психологический барьер для совершения преступления, как правило, выше степень криминогенной деформации («чем выше порог выхода, тем больше порог входа»). Ресоциализация в значительной степени осложняется и социальной реакцией, склонной к навешиванию «девиантных ярлыков», «клеймению», «наклеиванию отрицательных лейблов» на правонарушителей, что может приводить к их изоляции от остальных членов общества, вызывать усиление отклоняющегося поведения, порождать рецидивизм и, в конечном счете, увеличить преступность[548].

Поэтому эффективная модель уголовно-правовой политики должна выстраивать социально-психологический барьер таким образом, чтобы он был сложнопреодолимым препятствием на пути совершения преступления и легкопреодолимым на пути ресоциализации лиц их совершивших[549]. Учитывая эту закономерность важное значение имеет принятие Федерального закона от 06.02.2023 г. №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», вступившего в силу с 1 января 2024 года.

В специальной литературе отмечается, что по своей гносеологической природе социальные стереотипы могут быть как истинными, так и ложными; а по социальной направленности – прогрессивными и реакционными.[550]

Поэтому в процессе криминализации тех или иных деяний, законодатель не должен находиться «в плену» социальных стереотипов и быть «заложником» некомпетентности общественного мнения в вопросах уголовной политики.

Во-первых, уголовно-правовой стереотип есть устойчивый и упрощенный образ преступления и преступника, в то время как социально-криминологическая

---

[548] На этой основе зарубежными и российскими социологами и криминологами разработана теория стигматизации. Подробнее см.: Комлев Ю.Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. №2 (24). С.6-14.

[549] При этом важное значение имеет общественное воздействие (см.: Попова Е.Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика: дисс. … докт. юрид. наук. Владивосток, 2022).

[550] См.: Социологический справочник. Под ред. В.И. Воловича. Киев,1990.

действительность, обусловливающая уголовное право, весьма изменчива и многообразна. Поэтому зачастую стереотип, в том числе связанный с представлением о том, что есть преступление и какое деяние им должно признаваться, в силу присущей ему ригидности отстает от меняющейся социальной жизни[551]. «Законодатель не может и не должен тянуться в «хвосте» общественного правосознания»[552].

Во-вторых, общественное мнение об уголовном праве может содержать искаженные и даже ложные стереотипы, требующие корректировки и формирования нужных стереотипов. Например, опасен распространенный в общественной психологии стереотип «завышенных ожиданий» от уголовно-правовых средств, служащий субъективной основой формирования репрессивной уголовной политики. Наш соцопрос выявил наличие уголовного правоцентризма в общественном сознании: на вопрос о том, как главным образом следует противодействовать неправомерному поведению – 63 % респондентов уверены, что посредством уголовной ответственности, и только 25 % ответили, что в зависимости от опасности такого поведения. Типичным примером является смертная казнь, которая в массовом сознании воспринимается как действенное средство против особо тяжких преступлений[553].

В процессе пенализации и депенализации следует учитывать закономерность, выражающую зависимость между уровнем мотивации и успешностью решения поведенческих задач. Здесь действует психологический закон Йеркса-Додсона, который утверждает, что по мере увеличения интенсивности мотивации качество деятельности изменяется по колоколообразной кривой: сначала повышается, затем, после перехода через точку наиболее высоких показателей успешности деятельности, постепенно понижается. Уровень мотивации, при котором деятельность выполняется максимально успешно, называется оптимумом

---

[551] В психологии под ригидностью понимают затрудненность (вплоть до полной неспособности) в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки согласно новым ситуационным требованиям (см.: Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону, 1998).

[552] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.,2019. С.85.

[553] См.: Квашис В.Е. Смертная казнь и общественное мнение // Государство и право. 1997. №4. С. 50-56.

мотивации[554]. *Закономерность оптимальной мотивации* в уголовном праве проявляется в следующем: подобно тому, как недостаточно строгое наказание расслабляет преступника и провоцирует новые преступления, так и чрезмерно суровое наказание озлобляет его и может подтолкнуть к новым преступлениям. К схожему выводу, но на основе экономической закономерности, устанавливающей, что вредность антиблага (наказания для преступника), как и полезность блага (наказания для общества), имеет границы, за пределами которых они постепенно утрачивают свои свойства, приходит О.Н. Бибик. Он отмечает, что по мере того, как с каждым годом проведенным в тюрьме осужденный привыкает и приспосабливается к жизни в местах лишения свободы, наказание постепенно теряет свои карательные свойства, и напротив, начинает быть вредным для общества[555].

Это, на наш взгляд, наиболее существенные из общих законов психики и социально-психологических закономерностей, без знания и учета которых невозможно правильно настроить базовые параметры механизма уголовно-правового воздействия. Далее можно перейти к анализу второй группы закономерностей.

Специальные социально-психологические закономерности в уголовном праве.

По своей внутренней природе уголовно-правовое воздействие это особое психологическое влияние на сознание и волю людей, которое подчиняется, помимо общих, и некоторым специальным закономерностям.

Эти закономерности характеризуют то, как работают уголовно-правовые запреты и наказания за их нарушение в сфере психики людей и как развитие общественной психологии и правосознания оказывает на них обратное влияние.

В реальной действительности специальные социально-психологические закономерности как проводники, через которые регулятивная «энергия»

---

[554] См.: Оптимум мотивации // Экспериментальная психология / под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М., 1975. Вып. 5. С.119-125; Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы в психологии. М.,1984. С.113.

[555] См.: Бибик О.Н. Применение экономических законов в уголовном праве и криминологии // Lex Russica. 2018. №1 (134). С.29 – 30.

уголовного права воздействует на людей, функционируют в тесной взаимосвязи между собой и более общими закономерностями, но в целях их выявления и анализа они могут быть подразделены на более частные группы.

Общая и исходная закономерность здесь состоит в том, что общественная психология, включая правосознание граждан - явление сложное и развивающееся, поэтому результативность уголовно-правового воздействия зависит от степени их соответствия друг другу как в качественном (с точки зрения уголовно-правового содержания), так и количественном плане (с точки зрения объема и репрессивности).

Закономерности психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов.

Эти закономерности призваны показать, что социально-психологический эффект, который производит на граждан установление запретов, находится в существенной взаимосвязи с содержанием самих запретов.

Это связано с тем, что уголовно-правовые запреты функционируют не в «безвоздушном пространстве», не в «вакууме» социальной жизни, а отражаются в общественной психологии, в которой уже сформированы определенные ценностные ориентации, чувства и традиции представителей социума.

Ю.А. Тихомиров верно отмечает, что нормы морали, обычаи и традиции служат «реальной пружиной формирования сознания и поведения людей. Добрые, честные люди, с одной стороны, злые и низменные, с другой, формируют человеческие отношения и одновременно создают образы права и его реализации. Это отчетливо проявляется и в настоящее время, когда обычаи, традиции и религиозные взгляды либо содействуют легальному правопониманию, либо развиваются параллельно, либо мешают и вредят»[556].

Для уголовного права существенную роль имеют исторически складывающиеся в общественном сознании морально-этические представления большинства людей о добре и зле, плохом и хорошем, праведности или

[556] См.: Тихомиров Ю.А. Законы общества и окружающего мира: монография. М., 2023. С. 42.

греховности, нравственности либо безнравственности, справедливости и несправедливости, вредоносности или полезности тех или иных поступков, об их поощрении и наказании. Преломляясь в объективных условиях современной жизни и потребностях граждан в охране их интересов от общественно опасных посягательств, данные представления приобретают значение непосредственно-социальных карательных притязаний.

Уровень этих притязаний зависит от восприятия общественным сознанием тех или иных ценностей, которые нарушаются. Ценность человеческой жизни, свободы, собственности и т.д., неодинаково воспринимаются в разное время и разными людьми. Тот, кто высоко ценит свободу, всегда будет иметь высокие ожидания от государства в части ее охраны.

Поэтому решая вопрос о признании тех или иных деяний преступными и наказуемыми, законодатель должен основываться как на объективных факторах криминализации и пенализации, так и учитывать непосредственно – социальные карательные притязания как фактор общественной психологии и правосознания, поскольку от учета этих факторов будет зависеть социально-психологический эффект криминализации.

В этой зависимости прослеживается важная закономерность: позитивный социально-психологический эффект криминализации (общественная поддержка и добровольность соблюдения) возрастает в той степени, в какой уголовно-правовые запреты согласуются с действием иных, определяющих поведение людей факторов, – социально-экономических, морально-этических, национально-культурных, и наоборот, если отсутствует их должная социально-криминологическая обусловленность и запреты имеют волюнтаристский характер, то возрастает их негативный психологический эффект, детерминирующий не только отторжение запретов, но и активное сопротивление им. Это вынуждает государство постоянно наращивать принудительные меры обеспечения таких запретов, что еще больше увеличивает негативные явления в общественной

психологии (преобладание страха над уважением к уголовному закону, подавление социальной активности и ограничение свободы человека)[557].

Поэтому, как верно пишет А.И. Коробеев, «уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая ее уголовной наказуемости»[558]. По мнению А.Э. Жалинского и А. Рерихт, уголовно-правовая норма может быть реализована, только если общество осуждает запрещаемое поведение, которое стоит за ней, иначе – норма не действует[559].

В процессе установления уголовно-правовых запретов важно также учитывать, что общественная психология явление неоднородное, в ней проявляется психология различных социальных групп и общностей. Кроме того, различным сферам общественной жизни соответствуют различные виды общественной психологии (экономическая, политическая, духовно-нравственная).

В этой связи следует отметить еще одну закономерность: чем шире социальная сфера проявления общественно опасного поведения, тем более высокий уровень общественной психологии и сознания следует учитывать законодателю. В процессе криминализации деяния, охватывающего широкий социальный контекст, необходимо исходить из оценки справедливости уголовно-правового запрета в сознании большинства граждан; при криминализации деяния, затрагивающего узкую область общественной жизни (предпринимательство, военная служба и т.д.), законодатель должен опираться на общественное мнение определенной социальной группы.

В противном случае, как точно отмечают Ю.Е. Пудовочкин и М.В. Бавсун, «уголовно-правовое воздействие оказывается в некоем социально-психологическом вакууме. Формально имея вполне легитимный статус,

---

[557] Как верно писал В.Н. Кудрявцев: «Естественно, что в смысле создания стимулов и мотивов человеческого поведения право не может, как правило, «конкурировать» с социально-экономическими факторами, определяющими жизненные потребности людей. Если правовая норма предписывает одно, а социально-экономические условия жизни – другое, решающую роль для выбора линии поведения в конечном счете сыграют именно социально-экономические факторы» (см.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества: монография. М., 2023. С. 143).

[558] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С.84.

[559] См.: Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 46.

фактически оно не находит поддержки у большинства членов российского общества, становясь, таким образом, слабым и неэффективным в процессе своей реализации. Подобное характерно именно для случаев непонимания обществом или неприятия им тех идей, которые «навязываются» ему сверху законодателем, но не имеют поддержки на уровне общественной психологии»[560].

Анализируя идеологическую основу уголовно-правового воздействия, И.Я. Козаченко подчеркивает важную закономерность зависимости его эффективности от как можно большего числа точек соприкосновения внутриэтнических (нравственно-психологических) и уголовно-правовых регуляторов, поскольку «если внешние корректирующие факторы действуют в одном направлении с внутренней регуляцией этноса, совпадают с ней, то многократно возрастает нравственно-психологический объединяющий потенциал, при котором возникает необходимая урегулированность отношений внутри этноса и за его пределами…. В тех довольно частых случаях, когда внешнее воздействие нарушает указанную гармонию, внутренняя органическая регуляция этноса в силу присущего ему иммунного механизма создает противодействие внешней коррекции»[561].

Особое место среди этих социально-психологических оснований криминализации занимают моральные нормы[562]. Они внутренне связаны с уголовным правом, поскольку выражают родственные ему идеи (о гуманности и справедливости) и запреты (убийства, насилия, хищений и др.). Поэтому в той мере, в какой эти морально-нравственные устои и ценности общества воплощаются в уголовном праве, они обеспечивают общественное согласие с его требованиями и его социальную поддержку[563]. Это достигается через криминализацию

---

[560] См.: Пудовочкин Ю.Е., Бавсун М.В. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018, № 1 (41). С.183.

[561] См.: Козаченко И.Я. Закон идеологии и идеология уголовного закона // Российский юридический журнал. 2008. №4. С.24.

[562] Результаты опроса россиян о морально-нравственных принципах, проведенного ВЦИОМ в 2022 г. показывают рост роли моральных норм в российском обществе (см.: Моральный поворот. Россияне все чаще склоняются к мнению, что мораль неподвластна времени, обязательна к исполнению и нуждается в защите государства. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moralnyi-povorot (дата обращения: 08.02.2023).

[563] Поэтому вполне закономерно, что проблеме моральных оснований уголовного закона уделяется значительное внимание в уголовно-правовой литературе (см., например: Городнова О.Н. Феномен справедливости как критерий оценки и модернизации уголовного закона и наказания: теоретический и прикладной аспект. М.,2013; Герасимов А.М. Нравственность в уголовном праве России: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006).

нарушений тех или иных моральных норм и поведения, вызывающего моральное осуждение в обществе.

У закономерности зависимости криминализации от непосредственно-социальных карательных притязаний есть два важный социально-психологических следствия.

Первое заключается в том, чем больше криминализация деяний соответствует их моральному осуждению и общественному порицанию большинством граждан, тем сильнее их консолидация вокруг охраняемых уголовным законом ценностей и поддержание морального единства общества. Э. Дюркгейм писал: «Не следует говорить, что действие возмущает общее сознание потому, что оно преступно, но что оно преступно потому, что возмущает общее сознание. Мы его порицаем не потому, что оно преступление, но оно преступление потому, что мы его порицаем. … Преступление, стало быть, сближает и объединяет честные души»[564].

В то же время у уголовного закона, играющего роль морального императива, есть обратная – теневая сторона медали. Она состоит в возможном использовании закона для обеспечения безопасности политического режима от потенциальных угроз его существования с помощью эффекта «мы и они», при котором посредством криминализации формируется и поддерживается необходимый моральный статус отдельных лиц и моральное единство общества на основе охраны тех ценностей, которые представляются «духовными скрепами» авторам уголовной политики[565].

Второе следствие состоит в том, что объективно обусловленные уголовно-правовые запреты воспринимаются общественным сознанием непосредственно через их социальный менталитет и жизненный опыт, а значит, в большей мере органично, чем формально путем их официального опубликования. Следовательно, принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» приобретает

---

[564] См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. С. 89, 111.

[565] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1. С. 110 – 125.

вполне реальный характер. Отсюда, чем больше уголовно-правовые запреты соответствуют объективным социальным девиациям, тем легче они усваиваются людьми и эффективнее влияют на их волю и сознание. Поскольку незнание людьми уголовно-правовых запретов компенсируется их интуитивным ощущением наказуемости деяний, которые посягают на признаваемые большинством социальные ценности, постольку уровень соблюдения (осознания, принятия) уголовно-правовых запретов во многом зависит от их ценностной ориентации[566]. Поэтому, чем в большей мере уголовно-правовые запреты соответствуют нравственным представлениям о добре и зле большинства людей, тем больше число граждан, которые соблюдают запреты по внутреннему убеждению, а не из-за страха наказания.

С точки зрения выделенных закономерностей заслуживает внимания идея создания индекса этичности права и связанных с ним индикаторов, позволяющих сопоставить этические представления современного российского общества с содержанием юридических норм, имеющих моральные основания и этическую нагрузку, т.е. нравственно-оценочный контент. Соответственно, чем хуже отношение граждан к той или иной юридической норме с морально-нравственных позиций, тем ниже значение индекса ее этичности по шкале от 1 до 10[567]. Применительно к уголовному праву такие морально-этические индикаторы, на наш взгляд, должны выражаться в общественной оценке справедливости признания тех или иных деяний преступными, видов уголовных наказаний, установленных санкций и назначенных наказаний за определенные преступления, круга обстоятельств, исключающих, смягчающих и отягчающих, освобождающих от уголовной ответственности и от наказания.

Результаты нашего опроса россиян по поводу их оценки социальной справедливости Уголовного кодекса РФ на основе комплекса индикаторов в целом показывают, что:

---

[566] См.: Карабанова Е.Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №4. С. 79.

[567] Подробнее см.: Виноградов В.А., Ларичев А.А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т.15. №5. С. 4 – 23.

– 65 % респондентов воспринимают его как справедливый или скорее справедливый, чем несправедливый, в связи с высоким уровнем защищенности их интересов от преступных посягательств;

– 29 % считают его несправедливым или скорее несправедливым, чем справедливым, основная часть респондентов по причине неопределенности рамок уголовно-правовых запретов; при этом 6 % затрудняются ответить.

Закономерности мотивационной сферы уголовно-правового воздействия.

Уголовно-правовые запреты, опосредующие охранительно-предупредительную функцию уголовного права, нацелены на то, чтобы сформировать и обеспечить под угрозой наказания действие сдерживающих мотивов поведения людей. При этом психологическая основа сдерживающих мотивов может выражаться в различных психических явлениях: для одних это уважение к закону и согласие с его требованиями, для других это страх перед уголовным наказанием.

Разумеется, что мотив одобрения уголовно-правовых запретов эффективнее, чем мотив боязни наказания, поскольку основывается на наиболее ценных духовных, психических качествах личности, способствует развитию правосознания и является более надежным и долгосрочным.

Вместе с тем не следует недооценивать, равно как и преувеличивать роль страха перед наказанием как мотива, сдерживающего преступное поведение[568]. Результаты нашего социологического опроса, совпадающие с аналогичными исследованиями в предшествующие годы, показывают в качестве определенной статической социально-психологической закономерности то, что страх перед наказанием является сдерживающим мотивом для 18 % граждан, а основная часть населения не совершает преступления по внутреннему убеждению в справедливости уголовно-правовых запретов (68 %), законности требований Уголовного кодекса (12 %) или невыгодности преступного поведения (2 %)[569].

---

[568] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №2. С. 82.

[569] См.: Волошина Л.А., Каминская В.И. Криминологическое значение исследования нравственного и правового сознания // Советское государство и право. 1977. №1. С.71-75; Личность и уважение к закону.

Однако предупредительная роль карательной угрозы может возрастать в условиях существенного изменения социальной, экономической и политической обстановки, обусловливающей значительное обновление перечня преступлений, к которому граждане еще не успели привыкнуть, а также повышения уровня репрессивности уголовной политики, особенно в условиях влияния исторического прошлого, дающего эффект инерции страха.

Содержание мотивационной основы уголовно-правового воздействия характеризуется и рядом качественных закономерностей. Среди них можно выделить:

– закономерность «повышения» качества превентивной мотивации (от преобладания прямой угрозы и страха перед наказанием до уважения к закону, самоограничений и саморегулирования). Она характеризует историческое развитие мотивационной сферы уголовно-правового воздействия и состоит в том, что по мере все большего приспособления людей к социальной среде, и, следовательно, подчинения биологической природы человека (импульсы, страсти, инстинкты) его социальной природе (правила, нормы, ценности), в системе сдерживающих мотивов постепенно уменьшается удельный вес страха перед строгой карой и возрастает уважение к закону и осознанная необходимость соблюдения его требований.

Кроме того, чем в большей степени уголовно-правовые запреты соответствуют общественным интересам, тем больше доля граждан, соблюдающих уголовный закон по внутреннему убеждению в его справедливости, а не из-за боязни подвергнуться наказанию.

– закономерность «подкрепления» превентивной мотивации. Она указывает, что в той мере, в какой уголовно-правовые запреты согласуются с моральными запретами общества, психологическая основа сдерживающих мотивов поведения подкрепляется нравственной мотивацией. При этом мера такого подкрепления

Социологический аспект / Отв. ред.: Антонова Н.А., Казимирчика В.П., Кудрявцева В.Н. М.,1979. С.136; Наумов А.В. Реализация уголовного права. Волгоград, 1983. С.28; Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М.,2019. С.86.

мотивации зависит не только от морального обоснования криминализации, но и от ценностных установок самой личности, степени ее интеграции в социальную систему и усвоения моральных норм. Как верно отмечал В.М. Коган, подкрепление уголовно-правового воздействия происходит за счет подключения к нему таких внутренних психологических контролеров индивидуального поведения, как чувство вины и стыда. Исходя из этого, автор формулирует закономерность: чем шире моральная основа уголовного кодекса, тем выше – при прочих равных условиях – его эффективность[570].

Однако значительную часть уголовно-правовых запретов невозможно оценить с моральной точки зрения. Тем не менее подкреплять их действие моральным сознанием возможно, если вкладывать в это сознание принцип моральной ответственности за соблюдение правовых норм, аморальности преступного поведения и моральной оправданности применения уголовного наказания за совершение того или иного преступления[571]. Но воплощение этого принципа требует высокого доверия к государству, принимающему эти нормы, и высокого правового качества самих норм. Стремясь к достижению высокого доверия и качества, государство использует в качестве «базовых подкрепителей» проводимой им уголовно-правовой политики принципы равенства, справедливости, гуманизма, а также иные факторы моральной консолидации общества.

– закономерность «усиления» превентивной мотивации. Она выражает зависимость результативности предупредительного воздействия уголовного закона от социально-психологического самочувствия граждан[572], обусловленного объективными социально-экономическими и политическими условиями их жизни, влияющими на субъективное восприятие лицом стимулов и антистимулов

---

[570] См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва – 1985 // Российский криминологический взгляд. 2011. №1. С.277-294.

[571] См.: Генрих Н.В. Мораль и основания криминализации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №3. С.69-81.

[572] «Социально-психологическое самочувствие человека – это его обычное повседневное эмоционально-психологическое состояние, которое определяется не только удовлетворенностью составляющими образа жизни (уровнем жизни, ее качеством, стилем), но и реализацией социальной справедливости в обществе» (см.: Козлова Т.З. Социально-психологическое самочувствие россиян по возрастным группам // Власть. 2018. №5. С. 118).

преступного поведения, в том числе тяжести наказания за его совершение. Поскольку оценка степени криминальной «выгоды», тягот и лишений, испытываемых лицом от наказания, зависит от уровня его жизни, постольку: чем выше качество жизни человека, тем «невыгоднее» для него преступное поведение, тем больше ее разрыв с условиями отбывания наказания, а следовательно, сильнее антикриминальная мотивация[573].

Закономерность зависимости эффективности сдерживания преступности от стабильности условий и социального климата в обществе выражает тренд повышения ее уровня в периоды переживания обществом экономического кризиса, ухудшения материального положения населения, социально-политических потрясений, и наоборот, снижения преступности в благоприятной и спокойной социально-экономической обстановке жизнедеятельности населения[574].

Наглядным подтверждением данной закономерности может служить современная отечественная история, показывающая, что процесс распада СССР вследствие длительных дестабилизирующих экономических и общественно-политических факторов вызвал в 1989 – 1992 гг. резкий рост (всплеск) преступности до 2 760 652 преступлений, который усилился в связи с острыми социально-экономическими проблемами 1990-х годов в России, достигнув в 2006 г. – 3 855 373 преступлений[575].

По мере улучшения социально-экономических показателей уровня жизни населения в России с начала 2000-х годов[576] (в частности, снижения численности лиц с денежными доходами ниже границы бедности, сокращения уровня безработицы[577]) и повышения степени удовлетворенности россиян различными

---

[573] Значение этой закономерности подчеркивал и И.М. Гальперин. См.: Гальперин И.М. Социальные изменения и содержание наказания // Планирование мер борьбы с преступностью. М.,1982. С.95-96.

[574] Об этом см. также: Пещеров Г.И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт // Власть. 2022. №1. С. 203 – 209.

[575] Сведения о динамике зарегистрированной преступности: Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 144; Состояние преступности. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 09.02.2023); ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения».

[576] См.: Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М., 2022.

[577] См.: Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Уровень безработицы населения в возрасте 15 – 72 лет. URL:

аспектами своей жизни[578], начиная с 2007 и до настоящего времени наблюдается тенденция устойчивого снижения уровня преступности, составляющего в 2024 г. – 1 911 258 преступлений[579].

Следовательно, для «усиления» превентивной мотивации и сдерживания криминального поведения необходимо добиваться дальнейшего повышения качества жизни населения, благосостояния российских граждан и степени их удовлетворенности социальными благами.

Вместе с тем «стимулирование» превентивной мотивации зависит не только от объективных социально-экономических факторов, особенно в сложное и кризисное для страны время, но и от состояния и активации таких социально-психологических и нравственно-идеологических факторов, как мобилизационный потенциал общества, уровень его доверия к власти и ее политическим решениям, патриотизм и вера в будущее страны.

Социально-психологические закономерности объема и репрессивности уголовно-правового воздействия.

Это закономерности, выражающие количественную сторону, т.е. объем и репрессивность уголовно-правового воздействия на общественную психологию и правосознание. Среди них могут быть выделены:

– закономерность «уменьшения» уголовно-правовой «опеки» государства над общественным сознанием и поведением. Она выявляет, что по мере того, как под влиянием общего социокультурного развития повышается уровень общественного правосознания, идеологическое (воспитательное, ценностно-ориентационное) воздействие уголовного права на сознание граждан ослабляется, обусловливая изменение его содержания – от тотальной императивности до значительной диспозитивности, от абсолютного принуждения до относительного убеждения, стимулирования и поощрения самоисправления. Эта закономерность

---

https://rosstat.gov.ru/labour_force; Основные показатели жилищных условий населения. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 09.02.2023).

[578] См.: Жить в России: 1999 – 2019 // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-v-rossii-19992019 (дата обращения: 09.02.2023).

[579] См.: Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России с 2006 по 2024 гг. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 08.04.2025).

подтверждается не только исторической тенденцией смягчения карательного содержания наказаний, но и тенденцией возникновения и расширения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, которые воплощают идею компромисса и экономии уголовной репрессии.

– закономерность «колебания» интенсивности уголовно-правового воздействия. Она выражает зависимость характера и механизма уголовно-правового воздействия (информационное, ценностно-ориентационное, общепредупредительное, специальное (частное) превентивное, карательное воздействие, от менее строгих к более строгим мерам уголовно-правового характера) от уровня правосознания личности, которая состоит в следующем: чем выше степень криминогенной направленности личности, ее неустойчивости и склонности к совершению преступления, тем интенсивнее уголовно-правовое воздействие на нее; и наоборот, чем выше уровень правосознания личности, тем такое воздействие слабее (ограниченно формальным действием уголовного закона).

– закономерности психолого-политических моделей взаимодействия личности и государства в уголовном праве. Изучение психолого-политических аспектов механизма уголовно-правового воздействия позволяет выделить две модели отношений личности и государства в уголовном праве. Первая – модель «защиты», в которой отношения выстраиваются на следующих психолого-политических основаниях: в соответствии с демократическими принципами и идеологией общечеловеческих ценностей – интересы личности, права и свободы человека признаются основополагающей, приоритетной идеей уголовно-правовой охраны, в том числе от необоснованного государственного принуждения; уголовно-правовое воздействие предполагает поиск справедливого баланса индивидуальных прав и публичных интересов на основе экономии уголовной репрессии; преступным признается поведение, вызывающее моральное, общественное осуждение со стороны большинства граждан; высокая оценка социальной справедливости уголовного закона и практики его применения; основным сдерживающим преступное поведение мотивом выступает согласие с

законом. Вторая – модель «контроля», в которой отношения между личностью и государством выстраиваются на следующих психолого-политических основаниях: в соответствии с принципами авторитаризма и тоталитаризма основной задачей уголовного закона является охрана государственно-властных интересов, подчинения им интересов личности и пренебрежения ее правами и свободами; уголовно-правовое воздействие предполагает приоритет интересов государства и общества и имеет широкий и репрессивный характер; преступлением считается деяние, нарушающее порядок, установленный волей государственной власти; низкая оценка социальной справедливости уголовного закона и практики его применения; основным предупредительным мотивом выступает страх перед наказанием.

И хотя выделенные психолого-политические модели взаимодействия личности и государства в сфере уголовного права являются социально-правовыми закономерностями, то есть некими усредненными тенденциями, тем не менее история российского уголовного законодательства, если сравнивать советское социалистическое и постсоциалистическое уголовное право, дает убедительные доказательства их существования. Примером воплощения модели «контроля» в наиболее «чистом» виде может служить уголовное законодательство сталинского периода советской истории, который характеризовался абсолютизацией командно-административных методов руководства обществом, государственно-партийной диктатурой, тотальным огосударствлением личной и общественной жизни, пренебрежением к индивидуальными правам, всевластием карательных учреждений и использованием уголовной репрессии для тотального государственного контроля, борьбы с инакомыслием и любыми другими формами индивидуальной и социальной активности, противоречащей интересам правящей партийной верхушки[580]. Модель «защиты» в наиболее «чистом» виде воплощал Уголовный кодекс РФ 1996 г. в первоначальной его редакции, однако анализ уголовного нормотворчества с 2000 г. свидетельствует о том, что психолого-

[580] См., например: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. С. 156 – 157.

политическая модель отношений личности и государства в современном российском уголовном праве, отражая общеполитический авторитарный синдром, имеет устойчивую тенденцию приобретать черты модели «контроля» и представляет собой смешанный «защитно-контрольный» тип.

Рассматривая проблему соотношения интересов индивида и публичной власти, А.И. Рарог подвергает сомнению правомерность характеристики этого соотношения как баланса, паритета, равенства даже применительно к государствам, конституционно провозгласившим себя правовыми, поскольку монополия любого государства на принуждение заведомо исключает паритет интересов. По мнению ученого, о гармонии интересов личности и государства допустимо (с известной долей условности) говорить только применительно к конституционному праву. В других же отраслях права соотношение интересов индивида и государства должно характеризоваться по-разному. «Уголовное право, – пишет автор, – будучи карательным по своей сущности, не может и не должно относиться как к партнеру к лицу, совершившему преступление: оно всегда требует от этого лица ответа и по общему правилу подвергает его наказанию за содеянное»[581].

На наш взгляд, с позиции сформулированной нами закономерности психолого-политических моделей взаимодействия личности и государства в уголовно-правовой сфере характеристика соотношения их интересов как «сбалансированных» или «разбалансированных» и в подобных категориях, возможна и даже необходима для оценки современной политико-идеологической, социально-психологической платформы российской уголовной политики. Но при этом важно подчеркнуть, что данная закономерность выражает социально-политическую сторону содержания уголовного права. Другое дело – специально-юридическая сторона его содержания. Здесь действительно отношения личности и государства по своей природе и предназначению традиционно характеризуются как властеотношения и требуют подчинения со стороны индивида как зачинщика

[581] См.: Рарог А.И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14, №2. С.298.

уголовно-правового конфликта. Однако, как представляется, неправильно и даже «опасно» смешивать эти стороны содержания уголовного права и распространять характеристику соотношения интересов личности – общества – государства, присущую специально-юридическому содержанию уголовного права (уголовно-правовым отношениям), на социально-политическое содержание уголовного права как наиболее глубокий слой, отражающий социальную сущность – предназначение уголовного права (как инструмента господства и контроля или защиты граждан). Иначе из того факта, что уголовные правоотношения являются отношениями власти-подчинения, может последовать весьма спорный вывод о невозможности баланса интересов личности, общества и государства в уголовно-правовой политике.

Различая эти аспекты, А.И. Рарог верно указывает, что проблема соотношения частных и публичных интересов имеет огромное криминологическое значение, поскольку она определяет важнейшие направления законодательной, правоприменительной и организационно-профилактической деятельности[582].

У отмеченной выше закономерности психологии взаимодействия граждан и власти в уголовно-правовой сфере есть крайнее и потому нежелательное проявление, которое может быть выражено следующей социально-психологической закономерностью.

Закономерность усиления роли и меры уголовно-правового воздействия в условиях политического антагонизма: когда в прежде относительно едином социуме в силу определенных социально-экономических, политических причин обостряется противоречие взглядов и идеологий общественных классов или групп – объем и репрессивность уголовно-правового воздействия возрастает, поскольку оно начинает использоваться не только для противодействия общественно опасному поведению, но и в целях удержания или завоевания власти.

Особенно заметно действие этой социально-психологической закономерности в период революционных потрясений, когда роль и присутствие

---

[582] См.: Рарог А.И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14, №2. С.298.

уголовного законодательства в общественной жизни заметно повышается, так как оно начинает активно применяться в качестве инструмента социальной борьбы. Причем такие события обычно сопровождаются «эффектом бумеранга», который состоит в том, что сначала правящие элиты активно применяют уголовный закон как инструмент удержания политической власти в своих руках, а затем вновь пришедшие к ним на смену используют уголовно-политические средства против прежних элит с целью завоевания власти.

С точки зрения меры уголовно-правового воздействия на общественную жизнь следует отметить еще одну важную закономерность, которая выражает зависимость объема и репрессивности уголовного права от национально-психологических особенностей различных народов, т.е. «национального характера» (речь идет о таких этнопсихологических факторах, как внутренняя свобода, инициативность, социальная активность, самостоятельность, социальное сопротивление, либерализм, толерантность, компромиссность, с одной стороны, консерватизм, смирение, покорность, государственничество, - с другой)[583].

Если в общественном сознании доминирует «авторитарный настрой», то характерно «преобладание категорий силы, безопасности и порядка, дисциплины и подчинения, властные отношения иерархичны, распространены патернализм, нетерпимость (ксенофобия), национализм, поиск врага»[584].

Опросы общественного мнения показывают, что 57 % россиян поддерживают восстановление высшей меры наказания, 33 % выступают против ее возвращения. По мнению социологов, «злоба, мстительность являются не только симптомом традиционалистской регрессии населения, но и свидетельством неустойчивости универсалистской, общечеловеческой морали в российском обществе. В российском сознании не проработан, вытеснен или подавлен трагический опыт XX века: отсутствует трезвое, лишенное каких-либо иллюзий понимание, что лишение человека жизни от имени государства рано или поздно

[583] Подробнее об этом разделе социальной психологии см.: Вундт В. Психология народов. М., 2002.

[584] См.: Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. №379. С.46.

может обернуться снятием ограничений для репрессий другого рода и других масштабов, ведущихся от имени государства. Проблема не в сентиментальной жалости к убийцам и насильникам, а в осознании опасности, угрозы, которую несет присвоение государством монопольного права на никем не контролируемое насилие, не уравновешиваемое гражданским обществом. Отсутствие демократии и институтов независимого, «объективного» права оборачивается легализацией государственного произвола»[585].

В значительной степени отмеченными особенностями психического склада народа и его исторического сознания объясняется и высокий уровень его карательных притязаний (предложения об ужесточении наказаний, о применении смертной казни, неразвитость медиации в разрешении уголовно-правовых конфликтов), наличие которого подтверждается конкретно-социологическими исследованиями[586]. Не случайно в науке говорят о присущем нашей ментальности уголовно-правовом идеализме и фетишизме, распространенном и глубоко укоренившемся в общественной психологии мнении об эффективности криминализационной и строгой карательной практики в решении социальных проблем[587], о свойственном значительной части населения страны и многим представителям власти карательном мышлении, ментальных установках на репрессивные методы регулирования конфликтных отношений[588], о том, что в менталитете россиян главная роль в сфере борьбы с преступностью отводится уголовно-правовым средствам[589], о слепой вере граждан в суровую кару, которая является предпосылкой особой «любви» законодателя к занятию уголовной политикой[590].

---

[585] См.: Гудков Л. Наказание смертью. О чем думают в России: исследуем самые важные соцопросы // URL: https://gorby.media/articles/2024/07/10/nakazanie-smertiu (дата обращения: 17.07.2024).

[586] См.: Квашис В.Е. Избранные труды по криминологии и уголовному праву (1967-2014 гг.). СПб.,2015. С.985-994; Рагимов И.М. О нравственности наказания. СПб., 2016. С.200-209; Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. Т.26. №2. С.464-484.

[587] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.,2019. С. 86, 89, 246.

[588] См.; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020. С.78-82.

[589] См.: Карабанова Е.Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. №4. С. 81.

[590] См.: Максимов С.В. Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №4. С. 18.

Связь репрессивного мышления населения и власти имеет взаимообусловленный социально-психологический характер, с одной стороны, высокий карательный запрос общества «подогревает» существующий репрессивный настрой политической власти, а с другой стороны, его удовлетворение государством усиливает в порядке обратной связи карательные стереотипы и рефлексии в общественном сознании. Как писал С.В. Познышев, «ряд применений грубых карательных средств, рассеянный в обществе, будет до известной степени поддерживать нравственную грубость народа, будет затруднять развитие в народе уважение человеческой личности»[591].

Отмеченные факторы, безусловно, являются социально-психологической подоплекой и «питательной средой» формирования определенной модели уголовной политики и доказывают закономерность: чем более укоренена в общественной психологии идея сильного государства, тем выше роль и мера запретительно-карательных инструментов управления общественными процессами. Такая модель, получившая в науке наименование уголовная политика сильного государства, характеризуется расширением на фоне общей этатизации различных сфер жизни общества области криминализации для обеспечения с помощью уголовно-правовых средств национальной (государственной и общественной) безопасности и решения многих социально-экономических и политических задач[592].

– закономерность деструктивности репрессивной уголовной политики. Если оценивать уголовную политику как часть внутренней политики государства в более широком социальном контексте, то следует отметить, что тенденция усиления ее репрессивности по закону перехода количества в качество неизбежно приводит к обратному эффекту, состоящему в дезорганизации и хаотизации общества, то есть репрессивная уголовная политика не консолидирует, а скорее дезинтегрирует.

---

[591] См.: Познышев С.В. Учение о карательных мерах. М., 1908. С. 4. Об этом же см.: Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. М., 1923. С. 72.

[592] См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131 – 144.

В таком случае количественные изменения, связанные с чрезмерным использованием инструментов криминализации и пенализации, на определенном этапе влекут негативные качественные последствия в жизни общества, связанные с избыточным ограничением уровня свободы, подавлением созидательной активности и инициативности граждан, препятствием прогрессивным инновациям, созданием удушливой социально-психологической атмосферы, усилением социальной напряженности, разобщенности и отчужденности общества и государства, накоплением недовольства и протестных настроений населения. Не говоря уже о прямых затратах и издержках уголовной юстиции.

В этой связи усиление репрессивных начал уголовной политики, ужесточение запретительно-карательного контроля и управления в обществе за счет ограничения прав и свобод человека, способно в ближайшей перспективе, тактически, сдерживать отклоняющееся поведение граждан и снизить уровень преступности, но стратегически, в более отдаленной перспективе, неминуемо приводит к широкому спектру деструктивных социальных последствий.

Не случайно история свидетельствует, что авторитарные политические режимы со свойственным им жестким контролем за поведением населения способны добиваться большей результативности в сдерживании и снижении преступности, чем либеральное правление[593]. Но, с другой стороны, как верно замечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин: «история много раз доказывала (а ее объективные уроки имеют свойство неизменно повторяться), что любое «репрессивное сдерживание» может обернуться социальным, а в нашем случае – криминальным взрывом, который в конечном счете «похоронит» соответствующую модель уголовной политики»[594].

Учитывая эти негативные последствия, законодатель обязан избегать избыточного использования уголовной репрессии[595]. Между тем подсчеты

---

[593] См.: Пещеров Г.И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт // Власть. 2022. №1. С. 204 – 205.

[594] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен. М., 2023. С. 95.

[595] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 г. №2-П // СПС «КонсультантПлюс».

отечественных специалистов показывают значительное и устойчивое преобладание процессов криминализации над декриминализацией в российской уголовной политике на протяжении многих лет действия УК РФ.

Закономерности социально-психологического воздействия наказаний.

Как писал Ч. Беккария, «следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника»[596].

Среди закономерностей, характеризующих социально-психологический генезис и механизм влияния наказаний, можно выделить:

– закономерности качественного и количественного смягчения карательного содержания наказания, которые выражают тенденции его развития и заключаются в том, что по мере роста культуры общества и интериоризации социально-полезных установок и ценностей происходит постепенное ослабление репрессивности наказаний: от объективной к виновной ответственности, от неограниченной к ограниченной (уменьшенной) вменяемости, от телесных (калечащих, членовредительских) наказаний к правоограничительным, от коллективных (групповых) к индивидуальным наказаниям, от идеи возмездия до исправления как цели наказания, от «государство- и обществоцентричного» до «человекоцентристского» приоритета пенализации, от достижения целей наказания «любой ценой» до их осуществления «малой кровью» (экономии репрессии), от представлений о справедливости наказания в форме талиона до адекватности его карательного содержания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, от главной до субсидиарной роли наказания в социальном регулировании.

Несмотря на то, что массовое сознание российских граждан по-прежнему характеризуется достаточно высоким уровнем карательных притязаний, который время от времени повышается в связи с трагическими событиями

[596] См.: Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М.,2004. С.103.

террористических актов и других особо тяжких преступлений, вызывающих в обществе всплеск эмоционального возбуждения в виде острого возмущения, страха и жажды мести, волна которого выливается в разговоры о возвращении смертной казни и необходимости ужесточения наказаний, тем не менее, если смотреть на длинные тренды динамики общественно правосознания, то следует признать постепенную и медленную тенденцию смягчения нравов и снижения уровня его репрессивности[597].

– закономерности предупредительного и исправительного воздействия наказания на социально-психологическую сферу личности, характеризуют степень эффективности его влияния. Она тем значительнее – чем выше относительная ценность блага, которого лишает наказание; чем сильнее в сознании людей мысль о неотвратимости и незамедлительности, неотложности применения наказания в случае совершения преступления; чем адекватнее тяжесть карательного содержания наказания опасности преступления; чем выше степень морального негодования общества и самого субъекта относительно запрещенного поведения.

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Социально-психологические закономерности уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи (отношения), характеризующие социально-психологические аспекты формирования и функционирования уголовного права, выражающие взаимосвязи правосознания (общественного, профессионального, научного, правовой психологии и идеологии) с другими формами общественного сознания (морально-нравственными и религиозными представлениями населения о добре и зле, справедливости и несправедливости, культурно-историческими традициями, традиционными духовно-нравственными ценностями, национальной ментальностью и идеологией), с уголовным правотворчеством и правоприменением (правовая оценка социальной справедливости и оправданности криминализации и декриминализации,

[597] Подробнее см.: Гудков Л. Наказание смертью. О чем думают в России: исследуем самые важные соцопросы // URL: https://gorby.media/articles/2024/07/10/nakazanie-smertiu (дата обращения: 17.07.2024).

пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, общественное мнение об уголовном законодательстве, стереотипные представления о преступлении и наказании, непосредственно-социальные карательные притязания населения, формирование и действие сдерживающих преступное поведение мотивов, информационное и ценностно-ориентационное, предупредительно-воспитательное и исправительное уголовно-правовое воздействие), а также различные психические состояния (вменяемость, уменьшенная вменяемость и невменяемость) и формы психической активности (вина, мотив, цель), связанные с совершением преступления.

2. *Законосообразный подход* к анализу социально-психологического аспекта уголовно-правового воздействия, учитывая, что его объектом является человек как биопсихосоциальная целостность, правосознание взаимодействует с иными формами общественного сознания, а психические состояния и процессы, связанные с совершением преступления, есть специфическое проявление психической деятельности человека вообще, предполагает познание, учет и использование как общих, так и специальных социально-психологических закономерностей уголовного права.

3. Среди закономерностей, характеризующих социально-психологические аспекты функционирования уголовного права, выделены: *общие* как специфическое проявление универсальных законов психологии в сфере уголовного права (ассоциаций, восприятия и усвоения, инертности мышления, стереотипизации, оптимальной мотивации) и *специальные* социально-психологические закономерности в уголовном праве как особые взаимосвязи состояния массового и профессионального правосознания с процессами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения: закономерности психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов; закономерности мотивационной сферы уголовно-правового воздействия (закономерность «повышения» качества превентивной мотивации, закономерность «подкрепления» превентивной мотивации, закономерность «усиления» превентивной мотивации); социально-психологические закономерности объема и репрессивности уголовно-

правового воздействия (закономерность «уменьшения» уголовно-правовой «опеки» государства над общественным сознанием и поведением, закономерность «колебания» интенсивности уголовно-правового воздействия, закономерности психолого-политических моделей взаимодействия личности и государства в уголовно-правовой сфере, закономерность деструктивности репрессивной уголовной политики); закономерности социально-психологического воздействия наказаний (закономерности качественного и количественного смягчения карательного содержания наказания, закономерности предупредительного и исправительного воздействия наказания на социально-психологическую сферу личности).

4. Социологическое исследование современной системы уголовно-правового воздействия с точки зрения выделенных социально-психологических закономерностей в уголовном праве позволяет охарактеризовать ее как избыточную и чрезмерно сложную, а следовательно, в определенной степени нерелевантную для информационного и ценностно-ориентационного влияния на общественное сознания и создающую риск деструктивных последствий для общественной жизни, связанных с сокращением масштабов свободы и тотальным государственным контролем.

§ 3. Закономерности применения уголовного права

Закономерности применения уголовного права – это существенные и устойчивые связи и тенденции, характеризующие правореализационный аспект механизма уголовно-правового воздействия, выражающие соотношение между разнообразными параметрами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

Кроме того, наряду с более общими закономерностями применения уголовного права могут быть выделены устойчивые тенденции квалификации и пенализации преступлений, закономерности применения отдельных уголовно-правовых институтов и норм.

Закономерности применения уголовного права позволяют выявить степень совпадения (расхождения) нормативной модели с фактическим содержанием уголовно-правового регулирования, а следовательно, оценить уровень социально-криминологической обоснованности уголовного закона и качества его законодательной техники, а также законности его правоприменительной практики. При этом следует отметить, что сформулированные далее устойчивые тенденции и зависимости, во-первых, действуют комплексно, а во-вторых, не исключают, как всякие социально-правовые закономерности, влияния на формы и реализации уголовной политики иных факторов. В частности, некоторые социально обусловленные и качественные нормы УК практически не применяются, эффективность многих других, достаточно качественных, на уровне нуля; дело тут именно в обусловленности применения, в содержании направлений правоприменительной уголовной политики, расходящихся с содержанием провозглашаемых при формировании закона идеологическими установками, а не в обусловленности и качестве закона. Например, в ряде основополагающих нормативно-правовых актов провозглашаются цели охраны природы и соответственно в УК РФ количественно доминируют и социально, и криминологически обусловленные нормы такого характера, а на деле применяются в основном нормы по охране природных ресурсов от их разграбления.

Общими закономерностями применения современного российского уголовного права являются следующие связи и зависимости.

1. Прямая зависимость между качеством и социальной результативностью криминализации: чем выше степень социальной и криминологической обоснованности криминализации, тем выше эффективность применения уголовной ответственности.

С точки зрения данной закономерности, социальная эффективность и целесообразность криминализации определяется исходя из прогностического расчета соотношения ее позитивных и негативных последствий.

Если не принимать в расчет высоко общественно опасные деяния, посягающие на неоспоримые ценности и вредоносные настолько, что их

совершение не имеет разумного оправдания и безусловно преступно, то многие запрещаемые деяния обладают меньшей опасностью и не только причиняют вред, но и несут пользу для отдельных групп населения, поэтому их криминализация целесообразна только в случае, если прогнозируемые положительные последствия установления и применения уголовной ответственности значительно превышают ее отрицательные социальные и экономические последствия, включая затраты на обеспечение реализации уголовного закона.

К таким последствиям относятся не только бюджетные расходы государства, связанные с реализацией уголовной ответственности и наказания (на уголовное преследование, правосудие, исполнение приговора и ресоциализацию), но и социальные последствия и издержки (утрата работы и работника, контактов, ухудшение условий жизни семьи).

Говоря о них, В.Н. Кудрявцев писал, что «уголовный закон поражает не только виновного, но и ни в чем не повинных членов его семьи, избавляет общество не только от правонарушителя, но и от участника общественного производства, разрывает у осужденного не только преступные, но и полезные, необходимые социальные связи. Сколь ни было бы опасно то или иное поведение, его криминализация никогда не может рассматриваться как абсолютное благо, но всегда представляет собой жертвование одними интересами общества ради других, более значимых»[598].

По мнению Н.А. Лопашенко: «безудержное расширение криминализации, с одновременным высоким порогом пенализации новых деяний, ведет к тому, что трансакционные негативные последствия – издержки привлечения к уголовной ответственности, осуждения за совершение вновь появившихся преступлений, а часто – «псевдопреступлений», не обладающих необходимой для преступления степенью общественной опасности, издержки применения строгих наказаний за

[598] См.: Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., 1982. С. 220.

них вырастают многократно и по самым разным направлениям жизни человека, общества и государства»[599].

Затраты и издержки от криминализации и пенализации тем больше, чем меньше их социально-криминологическая обоснованность. Учет данной закономерности особенно важен в тех сферах, уголовно-правовое вмешательство в которые неминуемо сопровождается негативными последствиями, связанными с ограничением прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем создается риск того, что вред от применения уголовной ответственности за определенного поведение будет больше вреда, который причиняет само поведение.

К таким сферам относится, в частности, экономика. Как верно отмечает Н.А. Лопашенко: «коррекция нежелательного экономического поведения путем установления уголовно-правового запрета целесообразна и оправдана только тогда, когда именно криминализация принесет большую пользу, нежели другие средства воздействия на это поведение»[600].

Нарушение данной закономерности приводит к ситуации избыточного уголовно-правового давления на экономику, о котором говорят специалисты, указывая на то, что действия, которые являются частью обычного хозяйственного оборота или результатом незначительных ошибок в экономической деятельности предприятий, организаций и граждан, могут быть квалифицированы и квалифицируются как преступления. При этом избыточная криминализация экономической деятельности причиняет прямой ущерб стране: квалифицированные специалисты необоснованно получают судимость и, в связи с возникающими ограничениями, используются в экономике менее эффективно, а бюджетные средства расходуются на расследование таких преступлений. Не менее значим и косвенный ущерб – из-за опасений выборочного и необоснованного уголовного преследования руководители организаций избегают использования новых технологий и современных управленческих практик; риски нелегальной

[599] См.: Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. №9. С. 102.

[600] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 120.

(теневой) экономической деятельности становятся сопоставимы с рисками легальной деятельности, что стимулирует предпринимателей уходить в серый сектор экономики. Кроме того, такая ситуация порождает существенный репутационный ущерб для судебных и правоохранительных органов и создает ложные ориентиры для полиции и следствия (вместо того чтобы заниматься борьбой с серьезными преступлениями, они начинают работать на криминализацию мелких ошибок)[601].

2. В условиях недостаточного качества уголовного правотворчества действует обратная зависимость масштабов криминализации и «мертвых» норм: чем меньше степень социальной и криминологической обоснованности и уровень законодательной техники уголовно-правовых запретов, тем больше число (почти или вообще) неприменяемых на практике норм уголовного закона, а следовательно, однообразнее структура преступности независимо от расширения криминализации.

Если исходить из того, что практика есть критерий истины, то вполне закономерно, что практическая невостребованность конкретных уголовно-правовых запретов правоприменителем на протяжении многих лет, как правило, свидетельствует об их социальной и криминологической необоснованности или существенных недостатках законодательной техники. Следует при этом учитывать, что неприменение ряда статей уголовного закона на практике может быть вызвано иными причинами, не связанными с данной закономерностью, такими, как единичный характер крайне опасных деяний и результативность предупреждения соответствующих преступлений.

Как верно отмечают специалисты, поставленная «на поток» криминализация деяний умножает количество «мертвых» уголовно-правовых норм[602]; «чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда квази-, эрзац-, псевдопреступлений и ставит правоохранительные органы в

---

[601] См.: Титаев К., Четверикова И. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать. М., 2017. С. 3 – 4.

[602] См.: Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37- 46.

положение, когда они, образно говоря, вынуждены «стрелять из пушки по воробьям»[603].

Увлеченность законодателя карательными мерами, связанными с криминализацией и усилением уголовной ответственности, наталкивается на извечную российскую истину о том, что «строгость законов смягчается необязательностью их исполнения», поэтому привела не к росту «тюремного населения» (напротив, за последние годы оно значительно уменьшилось), а многочисленным «мертвым» или «полумертвым» уголовно-правовым нормам[604].

Специальные исследования показывают, что в Особенной части УК РФ имеются 162 статьи (58% от общего числа предписаний), на долю каждой из которых приходится не более 0,01% случаев использования в правоприменительной деятельности; в том числе 83 статьи (29,8%), каждая из которых применялась в течение года не более 10 раз.[605] По подсчетам иных авторов, «за последние 20 лет около 15 статей Особенной части УК ни разу не встречались в судебной и следственной практике; еще по 31 статье судимость в среднем не превышала одного человека в год»[606].

Текущий анализ, основанный на данных судебной статистики за 2018-2024 годы[607], показывает, что наибольший удельный вес «мертвых» норм демонстрируют главы 19, 20, 22, 23, 26, 28, 30 УК РФ. К числу «неработающих» или крайне редко применяемых относятся, например: ст. 110^2, 120, 124^1, 136, 140, 141^1, 149, 151^2, 153, 172^3, 184, 185^1 – 185^4, 185^6, 190, 199^3, 199^4, 200^4, 200^6 УК РФ[608].

Невостребованность практикой многих статей уголовного закона является симптомом серьезной проблемы. Поскольку криминализация деяния должна быть

---

[603] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 258.

[604] См.: Наумов А.В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2023. Том 16. №3. С. 39 – 40.

[605] См.: Бабаев М., Пудовочкин Ю. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4 – 10.

[606] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 258.

[607] В рамках настоящего исследования использованы данные, размещенные в разделе «Судебная статистика» на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в сети «Интернет» по адресу: http://www.cdep.ru.

[608] О том, что не применяемость на практике составов преступлений выступает критерием их ненужности указывает также Н.А. Лопашенко (см.: Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. №9. С. 108 – 109.

объективно обусловлена его существованием, достаточной общественной опасностью и распространенностью, невозможностью противодействовать иными средствами и процессуальной осуществимостью преследования и качественно технико-юридически выражена в уголовном законе, то после включения в него соответствующего запрета, он должен применяется, если же практика демонстрирует его неприменимость, следовательно в оценке какого-то из этих факторов законодателем допущена существенная ошибка. В любом случае наличие и количество недействующих уголовно-правовых норм является показателем качества уголовного законодательства, степени его социальной и криминологической обоснованности и юридико-технического уровня.

Кроме того, такой показатель свидетельствует об ошибочности исходной уголовно-политической «ставки» на создание «большого», а не «маленького и жесткого» уголовного кодекса.

3. Зависимость состояния (законности и единообразия) правоприменительной деятельности не только от уровня профессионализма правоприменителя, но и качества юридической техники уголовного законодательства и уровня его динамики: чем больше недостатков (дефектов) законодательной техники и нестабильность уголовного законодательства, тем выше волатильность правоприменительной практики, риск и число квалификационных и иных ошибок в его применении[609].

К технико-юридическим недостаткам УК РФ относятся сложность, неопределенность и казуистичность формулировок многих составов преступлений и иных уголовно-правовых норм.

С указанным согласны большинство опрошенных в процессе настоящего исследования научных сотрудников (61,3 %).

О повышенном динамизме (инфляции) современного уголовного законодательства свидетельствует то факт, что список изменяющих УК РФ (в ред.

[609] См. подробнее: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития // Российское правосудие. 2018. № 9. С. 14 – 23; Макаров Р.В. Квалификационные ошибки: понятие, природа, механизм возникновения // Евразийская адвокатура. 2016. № 2 (21). С.42 – 43.

от 28.02.2025) документов насчитывает уже 334 федеральных закона, причем за период действия УК наблюдается тенденция нарастания законотворческой деятельности в области уголовной политики, что привело к значительному расширению криминализации.

В этой связи неизбежны такие явления, как неустойчивость, изменчивость, неоднозначность и непредсказуемость практики применения уголовно-правовых норм, трудности правоприменения и распространенность квалификационных и иных правоприменительных ошибок, касающиеся выбора подлежащей применению нормы, ее толкования, преступности и наказуемости деяния.

Закономерным следствием правовой неопределенности, чрезмерной сложности законодательных конструкций и других недостатков юридической техники современного уголовного нормотворчества является повышение роли и значения судебного толкования (в отдельных случаях правотворчества) высшего суда, который вынужден компенсировать эти недостатки для обеспечения единства судебной практики и равенства граждан перед законом.

В условиях невысокого уровня юридической техники уголовного законодательства повышается роль разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в обеспечении правильного и единообразного применения уголовного законодательства, поскольку чем меньше определенность уголовно-правовых норм, тем больше их роль в наполнении буквы уголовного закона конкретным содержанием. Основная опасность такой конкретизации состоит в присвоении высшим судебным органом законодательной власти и подмене собой законодателя в случаях выхода за пределы судебного толкования, нарушении принципа законности и отчасти принципа независимости судей, которые в ситуации большого объема такого рода разъяснений, при рассмотрении конкретных уголовных дел, весьма ограничены и связаны позицией Пленума Верховного Суда. К слову сказать, на сегодняшний день (08.04.2025 г.) действует 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ (из них 12 по Общей части и 40 по Особенной части УК РФ) и 11 постановлений Пленума Верховного Суда СССР и РСФСР по уголовным делам.

По сути, говоря о связи низкого качества, динамичности законов и активности Пленума Верховного Суда РФ по их толкованию, В.В. Момотов отмечает: «разъяснения Пленума не реагируют на судебные ошибки, а упреждают эти ошибки, заранее представляя судам толкование новых правовых норм. Это связано с нарастающей динамикой обновления законодательства… Новое законодательство часто бывает фрагментарным, имеющим пустующие лакуны не урегулированных правом отношений»[610].

Анализ обширного массива материалов судебной практики по уголовным делам (более 400 судебных решений) выявляет тенденцию повышения роли судебного прецедента в системе правосудия, показывающую, что российские суды нижестоящих инстанций при обосновании своих решений не только твердо ориентируются, но иногда прямо ссылаются в них[611], на правовые позиции Верховного Суда РФ по конкретным уголовным делам[612].

4. Зависимость уровня репрессивности уголовной политики в том числе правоприменительной деятельности от доминирующих социально-психологических установок власти: чем более укоренена в общественном и профессиональном сознании идея сильного государства, тем выше роль и мера запретительно-карательных средств социального регулирования и репрессивнее мышление правоприменителя.

Данная закономерность находит подтверждение в статистических и аналитических данных о привлечении к уголовной ответственности и видах уголовного наказания.

---

[610] См.: Момотов В.В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. №5. С. 46.

[611] См., например: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.12.2021 № 77-6624/2021.

[612] Подробнее о роли уголовно-правовых позиций высшей судебной инстанции см.: Ображиев К. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 40 – 45; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2008. С. 260, 687; Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. №11 (120). С. 46 – 60; Яни П. С. Роль практикообразующих документов Верховного Суда Российской Федерации в решении вопросов квалификации преступлений, предусмотренных главой 25 Уголовного кодекса (на примере квалификации незаконного оборота наркотических средств) // Криминалистъ. 2021. № 2 (35). С. 73 – 79; Радов В.В. О stare decisis в уголовном праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4. С. 251 – 259.

Анализ статистических данных о видах назначенных уголовных наказаний за последние шесть лет (2018 – 2023 г.) выявляет в качестве устойчивой тенденции практической пенализации преобладание наказания в виде лишения свободы, включая условный порядок его исполнения (так, в 2018 г. – лишение свободы назначено 359 877 осужденным (55%); в 2019 г. – 332 679 (56%); в 2020 г. – 297 489 (56%); в 2021 г. – 317 584 (56%); 2022 г. – 320 992 (55%); в 2023 г. – 292 808 (53%).

Еще одной устойчивой тенденцией является незначительная доля оправдательным приговоров, снижающаяся за последние десять лет (2013 – 2023 г.): в 2013 г. было оправдано 4523 человек – 0,6% от числа осужденных; в 2014 г. – 3920 (0,5%); в 2015 г. – 3133 (0,4%); в 2016 г. – 2651 (0,4%); в 2017 г. – 1560 (0,2%); в 2018 г. – 1446 (0,2%); в 2019 г. – 1524 (0,2%); в 2020 г. – 1164 (0,2%); в 2021 г. – 1147 (0,2%); в 2022 г. – 1093 (0,2%); в 2023 г. – 1036 (0,2%). При всем известном критическом и неоднозначном отношении к этим цифрам как таковым, нельзя не обратить внимания, что даже согласно им, в 2013 году было оправдано в четыре раза больше человек, чем в 2023 году.

Несмотря на то, что данная тенденция получает различную интерпретацию в науке, на наш взгляд, она обусловлена рядом негативных факторов, в числе которых некритическое отношение суда к материалам следствия, издержки особого порядка судебного разбирательства, в котором рассматривается большее число дел, ошибочность принятых показателей оценки качества правоохранительной деятельности государства, а также репрессивным настроем правоприменителя.

Кроме того, преобладание обвинительного уклона в правоприменительной деятельности предопределяет высокий процент ошибочных решений, связанных с усилением ответственности.

Специально проведенное нами исследование судебной практики с 2009 по 2019 г. показывает наибольшую распространенность среди квалификационных ошибок тех, которые вызывают негативные последствия для подсудимого, ухудшают его положение. Их удельный вес в общем числе ошибок в квалификации преступлений составляет более 80%. К числу такого рода квалификационных

ошибок относятся: признание наличия состава преступления в непреступном деянии (в связи с отсутствием основания уголовной ответственности, в силу малозначительности, при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния); неправильная квалификация деяния по норме о более тяжком преступлении (ошибочное вменение более опасного смежного состава преступления; ошибочное вменение квалифицированного состава в случае совершения деяния, образующего основной состав; ошибочное вменение более опасной разновидности квалифицированного состава); излишнее вменение отдельных признаков преступления (альтернативных действий, квалифицирующих признаков); неправильная оценка стадий совершения преступления (ошибочное признание приготовления к преступлению покушением на него; ошибочная оценка покушения как оконченного преступления; квалификация стадий одного преступления по правилам совокупности; непризнание добровольного отказа от совершения преступления); неверная оценка соучастия в преступлении (признание наличия соучастия в преступлении при отсутствии признаков совместной преступной деятельности; ошибочное вменение более опасной роли или более опасной формы соучастия); неправильная квалификация преступлений по правилам совокупности (вменение совокупности преступлений при наличии единого преступления; квалификация преступления с альтернативными деяниями в качестве совокупности преступлений; признание совокупности при совершении преступления, предусмотренного общей и специальной нормами)[613].

Следовательно, чем репрессивнее мышление законодателя, тем избыточнее криминализация деяний, а чем репрессивнее мышление правоприменителя, тем избыточнее квалификация деяний.

5. В условиях несбалансированной системы уголовных наказаний и санкций наблюдается обратная зависимость между законодательной и практической пенализацией: чем более избыточна, несогласованна и сложна их система, тем

[613] Подробнее см.: Ошибки в квалификации преступлений: монография / В.К. Андрианов, Д.А. Дорогин, Д.С. Корсун и др.; под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2020.

меньше видов наказаний применяется на практике и не равномернее удельный вес назначенных наказаний.

Эта закономерность подтверждается статистическими данными, показывающими, что из развернутой системы уголовных наказаний, включающей в себя 12 их основных видов, судебная практика преимущественно использует четыре вида (лишение свободы, обязательные работы, штраф и исправительные работы). Так, удельный вес лишения свободы в общем числе назначенных видов основного наказания составляет 53%, штрафа – 14%, обязательных работ – 14%, исправительных работ – 8%, на долю всех остальных видов наказаний приходится всего 11%.

Близкое процентное соотношение демонстрирует статистика и за предшествующие годы, что свидетельствует об устойчивой тенденции выборочного (частичного) использования судом наказаний для практической пенализации.

Данная тенденция высвечивает ряд недостатков системы наказаний современного российского уголовного права: включение в систему неприменяемых наказаний (арест и смертная казнь), однородность карательного содержания ряда наказаний (различные виды работ и лишения свободы), избыточности видов наказаний, нарушение критерия ступенчатости, сравнительной тяжести в построении системы наказаний, недостатки законодательного регулирования отдельных видов наказаний, несогласованность и разбалансированность санкций. Не случайно, что система уголовных наказаний многих зарубежных стран предусматривает меньшее число видов основных наказаний[614].

6. Соразмерность законодательной и практической пенализации: с одной стороны, чем более адекватно санкция уголовно-правового запрета отражает характер и степень общественной опасности криминализированного деяния, с другой стороны, чем точнее ее оценка правоприменителем, тем более равномерно

[614] См.: Лопашенко Н.А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. №12. С. 33 – 41.

должны распределяться конкретные наказания, назначаемые судами, в границах санкции, тяготея к ее среднему (медианному) значению; и наоборот, неточная законодательная или фактическая пенализация приводит к их диспропорциям.

Для назначения справедливого наказания, учитывающего характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного, законодатель должен конструировать санкцию таким образом, чтобы ее среднее значение было рассчитано на типовую степень опасности содеянного и лица, совершившего преступление, максимальное – на последовательно-криминогенный тип преступника, а минимальное – на ситуативного и случайного нарушителя. Отсюда вполне закономерно, что число приговоров, близких к нижнему значению санкции должно быть меньшим, чем близких к медиане, и приблизительно равным числу приговоров, близких к верхнему значению санкции. Существенно иная пропорция востребованности санкции уголовно-правовой нормы правоприменителем, подтвержденная многолетней судебной статистикой наказуемости соответствующего вида преступления, свидетельствует о несоответствии законодательной или практической пенализации объективно существующей общественной опасности запрещенного деяния.

Несколько иного мнения придерживается В.М. Коган. Он пишет: «поскольку мы признаем, что уголовный закон угрожает преступнику именно максимальным наказанием, мы должны признать, что нормальное распределение наказаний, фактически назначаемых судами, представляет собой смягчение суровости и что такое смягчение само по себе есть норма правоприменительной деятельности»[615].

Для того, чтобы определить соотношение законодательной и практической пенализации необходимо соотнести предусмотренные в санкции виды и размеры наказаний со статистикой наказуемости соответствующего преступления.

Так, обобщая практику назначения наказания, А.В. Пивоварова установила, что в рамках законодательной санкции есть «практическая санкция», реально используемая судьями при назначении наказания. И она редко совпадает со

[615] См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С.143.

средними количественными характеристиками санкции, чаще приближается к нижнему пределу санкции статьи Особенной части УК РФ. Оставшаяся же часть санкции остается либо вообще, либо в значительной доле не востребованной[616]. К аналогичному выводу, анализируя практику применения норм главы 16 УК РФ, приходит А.И. Коробеев, отмечая, что «наблюдается явный крен в сторону назначения наказаний, в меньшей степени совпадающих с их медианными значениями, в большей степени – тяготеющих к нижним пределам».[617]

Посмотрим с точки зрения закономерности соразмерности законодательной и практической пенализации на статистику наказуемости отдельных видов преступлений.

Так, за простое убийство в ч. 1 ст. 105 УК РФ установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет (среднее значение санкции – 10,5 лет). Данные судебной статистики за 2023 год показывают, что наказания в виде лишения свободы, назначенные судами за данное преступление, в массе своей тяготеют к ниже среднему и низшему значению соответствующей санкции (2219 осужденным было назначено наказание до 8 лет; 1575 - свыше 8 до 10 лет; и лишь 624 - свыше 10 лет лишения свободы). Видимо эта тенденция находит свое объяснение в том, что санкция за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) начинается с 8 лет лишения свободы, в связи с чем суды ориентируются на это значение как на пороговое для наказания за простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Еще одним примером может служить статистика практической пенализации по ст. 162 УК РФ, которая отмечается стремлением суда назначать относительно мягкие наказания как за основной, так и квалифицированные составы разбоя. Так, в судебной практике за 2023 год наказание по ст.162 УК РФ в виде лишения свободы близкое к максимуму санкции назначалось всего лишь по: ч. 1 – 1,6%, ч. 2 – 0,1%, ч. 3 – 0,7%, ч. 4 – 5% осужденным.

---

[616] См.: Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль судьи при назначении наказания: дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 8.

[617] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 309.

Таким образом, если фактически назначаемые судами наказания в основном тяготеют к минимальному показателю соответствующей санкции или даже опускаются за ее пределы, то имеет место смягчение практической пенализации, свидетельствующее о том, что правоприменитель оценивает общественную опасность определенного вида преступлений значительно гуманнее, чем законодатель. И напротив, если наказания, назначенные судами за конкретные преступления, в массе своей тяготеют к максимальному показателю применяемой санкции, то имеет место ужесточение практической пенализации, которое свидетельствует о том, что законодатель подходит к оценке общественной опасности соответствующих преступлений значительно либеральнее, чем правоприменитель.

Оба случая несовпадения оценки общественной опасности соответствующего вида преступлений со стороны законодателя и правоприменителя указывают на нарушение закономерности соразмерности законодательной и практической пенализации.

7. В условиях криминализационной избыточности наблюдается обратная зависимость между уровнем репрессивности уголовного законодательства и либерализма правоприменительной практики: чем больше объем криминализации, тем выше уровень практической депенализации.

Данная закономерность подтверждается сравнительным анализом криминализационных процессов в законе и депенализационных процессов в правоприменительной практике и выражается в том, что посредством широкого применения различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания практика стремиться смягчить заложенную в законе чрезмерность уголовной репрессии (криминализации и пенализации), уменьшив социальные и экономические потери, издержки и расходы от ее применения, связанные с привлечением лица к уголовной ответственности, осуществлением уголовного преследования, правосудия и исполнения наказаний (в том числе, сократить число осужденных и судимых лиц, а также расходы на их содержание).

Ученые, проводившие анализ и обобщение изменений действующего российского Уголовного кодекса, фиксируют в качестве устойчивой и ярко выраженной тенденции значительное численное преобладание в законотворческой деятельности актов криминализации относительно актов декриминализации, в следствии которой УК РФ 1996 г. приобрел криминализационную избыточность[618], а российская уголовная политика стала характеризоваться как репрессивная[619]. Доказательства этой негативной тенденции уголовного закона специалисты находят во множестве глав его особенной части, но наиболее характерной является глава о преступлениях в сфере экономической деятельности. Как отмечает Н.А. Лопашенко, «излишняя криминализация, характерная для современного уголовного экономического (да и всего в целом) законодательства, лишь подрывает его авторитет, поскольку принятые на уровне закона решения не претворяются в действительность на практике; происходит то, что недопустимо в принципе, - корректировка уголовно-правовой политики, облаченной в форму закона, на уровне правоприменения».[620]

Криминализационный настрой законодателя смягчается подходом судов к реализации уголовной ответственности и наказания, который в силу ограниченности ресурсов государства на осуществление этой деятельности и иных социальных причин вполне закономерно выражает противоположную ему тенденцию практической депенализации, состоящую в массовом применении судами институтов освобождения от уголовной ответственности и от наказания.

Эта тенденция подтверждается статистическими данными.

Анализ статистической информации показывает, что в 2023 году было освобождено от уголовной ответственности 125501 лиц, в том числе в связи с: деятельным раскаянием – 6187; примирением с потерпевшим – 90929; применением принудительных мер воспитательного воздействия – 1006; истечением сроков давности – 5634; на основании примечания к статьям УК РФ –

---

[618] Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 244 – 259.
[619] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020.
[620] См.: Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009. С. 218.

6719; возмещением ущерба по делам экономической направленности – 69; с назначением судебного штрафа – 14957.

Кроме того, в 2023 году было освобождено от наказания и отбывания наказания 219 322 лиц, в том числе в связи с: условным осуждением – 140447 человек; условно-досрочным освобождением – 28027; заменой неотбытой части наказания более мягким видом – 35391; изменением обстановки – 203; болезнью – 2148; беременностью или наличием ребенка до четырнадцати лет – 2498; наркоманией – 17; истечением сроков давности – 2030; применением принудительных мер воспитательного воздействия – 724; раскаянием, примирением и возмещением ущерба при изменении категории преступления – 7614; по примечаниям к статьям особенной части УК РФ – 223.

В целом проведенный анализ показывает, что количество актов практической депенализации в 2023 году затронуло 344 823 человек, т.е. 62% от общего числа осужденных за данный период.

Близкие по масштабам данные демонстрирует статистика и за предшествующие годы, что свидетельствует об устойчивой тенденции использования правоприменителем возможностей УК РФ для смягчения чрезмерной криминализации и пенализации. Как точно отмечает А.И. Коробеев, «депенализация (и в законе, и на практике) на современном этапе развития отечественной уголовно-правовой политики выбрана одним из главных инструментов удержания равновесия между завешенными ожиданиями успехов в бескомпромиссной борьбе с преступностью и реальными возможностями такой борьбы».[621]

В данном случае срабатывает определенный компенсаторный механизм, ограничивающий и ослабляющий масштабы нормативно предписанной уголовной репрессии, минимизирующий ее социальные издержки, за счет расширения практики применения различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания.

---

[621] См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 310.

Сам по себе этот механизм, построенный на противоречии, в ситуации подлинно правового государства с присущими ему принципами разделения властей и независимости суда, в условиях эффективной уголовной политики, является до определенных пределов вполне закономерным, поскольку должен обеспечивать баланс между превентивными, карательными и восстановительными задачами и средствами, между равенством и индивидуализацией, между неотвратимостью и нецелесообразностью уголовной ответственности и т.д. Вместе с тем, в условиях повышенного уровня репрессивности уголовного законодательства этот механизм, срабатывая для уравновешивания этой противоположности – смягчения избыточной криминализации и пенализации, в большей мере функционирует как защитный и системосохраняющий для преодоления дефектов законотворческой уголовной политики.

Однако следует учитывать, что отмеченное противоречие между законодательным и судебным подходом к реализации уголовной политики может сдерживаться лишь до некоторого предела, по мере выхода за который, нарушаются закономерные связи между процессами криминализации и пенализации, депенализации и индивидуализации уголовной ответственности.

Проведенный анализ[622] многолетнего опыта применения институтов освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания на основе обширного эмпирического материала и статистических данных, позволил выявить ряд социально-криминологических и уголовно-политических закономерностей – тенденций, характеризующих функционирование данных институтов (динамику численности лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания, их удельный вес от общего числа осужденных, количественную распространенность различных видов освобождения)[623].

---

[622] В рамках настоящего анализа использованы статистические данные, которые размещены на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ по адресу: http://www.cdep.ru.

[623] Подробнее см.: Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика: Монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2021. С. 26 – 46; Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М., 2023. С. 472 – 492.

Среди этих статистических закономерностей, характеризующих применение институтов освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания, могут быть выделены:

– изучение динамики численности лиц, освобожденных от уголовной ответственности, за последние девять лет (2015 – 2023 г.) показывает, что ежегодно российскими судами от уголовной ответственности освобождается в среднем порядка 177 тыс. человек (число лиц, в отношении которых прекращено дело, без учета амнистированных: в 2015 г. – 176788; 2016 г. – 177191; 2017 – 178935; в 2018 – 183257; 2019 – 180044; 2020 – 175562; 2021 г. – 156772; 2022 – 143787; в 2023 – 125501 человек);

– стабильный показатель удельного веса лиц, освобождаемых от уголовной ответственности судом, составляет за данный период в среднем 26% от общего числа осужденных;

– количественное преобладание в структуре видов освобождения от уголовной ответственности примирения с потерпевшим, составляющее в среднем за указанный период – 70%, удельный вес которого с 2017 г. сокращается за счет роста числа лиц, освобожденных с назначением судебного штрафа;

– наблюдается устойчивая зависимость структурных особенностей освобождения от уголовной ответственности от характеристики объекта преступных посягательств, поскольку специфика причиненного преступлением вреда обусловливает содержание посткриминальных действий по его устранению (чем больше в содержании объекта преступления преобладает частноправовой интерес, тем выше удельный вес примирения с потерпевшим среди оснований освобождения от уголовной ответственности; и наоборот, чем более в объекте преступления доминирует публично-правовой интерес, тем выше удельный вес судебного штрафа и деятельного раскаяния как оснований освобождения);

– изучение динамики численности освобожденных от наказания за последние восемь лет (2016 – 2023 г.) свидетельствует, что ежегодно российскими судами при постановлении и в процессе исполнения приговора освобождаются от наказания в среднем 80 тыс. человек (число лиц, освобожденных от наказания: в 2016 г. – 87

375; 2017 – 83 502; в 2018 – 80 203; 2019 – 81 950; 2020 – 71 675; 2021 г. – 61 072; 2022 – 66 852; 2023 – 78 875 человек);

– устойчивый ежегодный показатель удельного веса лиц, освобождаемых от наказания, составляет в среднем 12% от общего числа осужденных;

– подавляющее большинство (более 80%) освобождений от наказания происходит в порядке исполнения приговора;

– доминирующими основаниями освобождения от наказания в порядке исполнения приговора являются условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом (доля лиц, освобожденных от наказания по иным основаниям – менее 20%).

Завершая параграф, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. *Закономерности применения уголовного права* – это существенные и устойчивые связи и тенденции, характеризующие правореализационный аспект механизма уголовно-правового воздействия, выражающие соотношение между разнообразными параметрами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

2. На основе *законосообразного подхода* среди закономерностей данной группы выделены, сформулированы и описаны связи, выражающие зависимости между качеством криминализации и ее социальными последствиями, между объемами криминализации и практической востребованностью уголовного-правовых запретов, между состоянием правоприменительной деятельности и уровнем юридической техники и стабильности уголовного законодательства, между социально-психологическим настроем правоприменителя и характером ошибок в квалификации преступлений и их наказуемости, между законодательной и практической пенализацией, между уровнем репрессивности уголовного законодательства и либерализма правоприменительной практики.

Заключение

Подводя итоги диссертационного исследования, хотелось бы в целостном виде изложить положения, составляющие теорию закономерностей уголовного права и основу концепции «права как законосообразности».

Итак, в процессе настоящего исследования разработаны:

1. Положения, раскрывающие роль и значение закономерностей уголовного права в уголовно-правовой науке.

1.1. Эффективность методологического обновления российской уголовно-правовой науки предполагает признание и познание в качестве ядра ее предмета закономерностей уголовного права, а также применение теории закономерностей в качестве методологического инструмента для дальнейшего углубленного научного исследования конкретных уголовно-правовых явлений и частных отраслевых проблем. *Законосообразная концепция уголовно-правовой науки* исходит, таким образом, из двойственного теоретико-методологического значения закономерностей, рассматривая их как основную (центральную) часть ее предмета и как базовую методологическую установку (парадигму) науки.

1.2. Роль науки уголовного права состоит не только в выявлении, фиксации и анализе объективно складывающихся закономерностей современного уголовного права, но и в формулировке теоретических законов его развития и функционирования как социального института и правовой отрасли. Роль основных направлений (школ) в формировании закономерностей уголовного права доказывает, что несмотря на недостаточное внимание российской уголовной политики к актуальным научным рекомендациям и текущую невостребованность теоретических исследований, уголовно-правовая наука в той мере, в какой предметом ее познания становились объективные закономерности общественной жизни и специальные закономерности уголовного права, способна оказывать влияние на сущность, социальное предназначение и содержание уголовного права. Многие закономерности, относящиеся к постулатам социально-

криминологического обоснования уголовного права, проникнуты концептуальными идеями социологической и антропологической школы, а закономерности, характеризующие специально-юридическое содержание отрасли, – идеями классической школы уголовного права.

1.3. Использование гносеологического потенциала категории закономерностей на современном этапе развития уголовно-правовой науки позволяет:

– исследовать сущность уголовного права как комплекс его межсистемных и внутрисистемных закономерных связей и зависимостей, обусловливающих необходимость интегративного и междисциплинарного развития социологического, экономического, политологического, культурологического, межотраслевого, инструментального и рискологического анализа уголовного права;

– обеспечить методологическую совместимость и диалектическое сосуществование различных теорий и синтезировать рациональные идеи классической, социологической и антропологической научных школ;

– преодолеть умозрительный характер некоторых из представленных в науке теоретических построений, гарантировать фундаментальность и социальную обоснованность результатов научных исследований уголовно-правовых явлений, их объективность и независимость от политико-идеологических догм, повысить практическую ценность и востребованность научных разработок;

– достичь соответствия уголовно-правовых исследований принципам диалектического познания и эффективности использования общенаучных и частнонаучных методов;

– адаптировать уголовное право к потребностям трансформирующего общества, обеспечить правовую адекватность, определенность, стабильность и прогнозируемость уголовного законодательства и практики его применения в условиях сложности, противоречивости и гипердинамичности происходящих в обществе социальных процессов.

2. Положения, раскрывающие понятие закономерностей уголовного

права и их связь с правовыми принципами.

2.1. *Закономерности уголовного права* – это обладающие общими признаками социальных и правовых закономерностей межсистемные и внутрисистемные связи, выраженные в социально-криминологическом и специально-юридическом содержании уголовного права, характеризующие его возникновение и развитие, структуру и функционирование, место в системе социального и правового нормативного регулирования, роль в общественно-политической жизни общества, механизм действия, использования и обеспечения которых предполагает триединый законосообразный подход (законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс).

2.2. *Закономерности* уголовного права как его объективная основа находятся во взаимообуславливающих и взаимодействующих отношениях *с принципами уголовного права* как его идеологической основой.

Сходство рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности и принципы выражают сущность уголовного права и основы его социально-политического и специально-юридического содержания, носят общий и устойчивый характер, играют направляющую роль в правотворческой и правоприменительной деятельности, учет и использование закономерностей и принципов обеспечивает эффективность права и правовой политики, а нарушение или игнорирование влечет наибольшие негативные последствия, содержание некоторых закономерностей и принципов права составляют одни и те же существенные и необходимые связи явлений.

Различие рассматриваемых явлений заключается в том, что закономерности права имеют объективный, а принципы – субъективный, производный от правосознания характер, закономерности значительно шире и глубже по своему содержанию и лишь частично отражаются в принципах права; в тех случаях, когда закономерность и принцип выражают одну и ту же связь явлений – закономерность первична, а принцип – вторичен как вскрытая правоведами объективная закономерность права.

Взаимодействие закономерностей и принципов уголовного права заключается в том, что, с одной стороны, принципы обусловлены основными закономерностями общественной жизни и права, а, следовательно, закономерности способны выполнять роль оснований для разрешения коллизий принципов, с другой стороны, правовые принципы, обладая нормативными свойствами и правовой защитой, выступают наиболее надежным гарантом реализации закономерностей права.

3. Положения, характеризующие систематизацию закономерностей уголовного права.

3.1. Систематизация закономерностей уголовного права включает в себя составление их номенклатуры (доказывание и формулирование перечня конкретных закономерностей), проведение классификации (подразделение закономерностей на виды) и определение их системы (выделение иерархиезированных групп закономерностей).

Систематизация представляет собой инструмент их познания, выполняющий следующие научно-практические функции: дает возможность получить полное и всестороннее, краткое и емкое представление о присущих уголовному праву и влияющих на его содержание, действие и развитие общих и специальных закономерностях; позволяет предметно и подробно изучать механизм действия, использования и обеспечения закономерностей, в том числе обосновывать принципы и правила их учета и соблюдения, выявлять критерии, случаи и последствия игнорирования и нарушения; составляет основу триединого законосообразного подхода.

3.2. *Система закономерностей уголовного права* – это комплекс всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых и специальных закономерностей (криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности), которые во взаимосвязи обусловливают и характеризуют содержание, действие и развитие уголовного права как качественно своеобразного элемента общественной, политической и правовой системы общества.

Исходя из понимания закономерностей уголовного права как системы, з*аконосообразный подход* предполагает *системное, т.е. комплексное и иерархически последовательное* познание, учет и использование всеобщих, общесистемных, социальных, общеправовых, криминологических, уголовно-правовых, уголовно-политических и иных закономерностей в сфере противодействия преступности с целью достижения оптимального качества и избежания недостатков социально-криминологического и специально-юридического содержания уголовного права. При этом: чем более глубокий слой содержания уголовного права выражает та или иная закономерность, их вид и группа, тем существеннее их онтологический статус, масштабнее, негативнее и разрушительней последствия игнорирования (от отдельных недостатков законодательной техники до общей необоснованности и бессистемности уголовного законодательства), а следовательно, тем приоритетнее ее учет и использование в реализации уголовно-правовой политики (в частности, возможное противоречие социально-криминологических и политико-управленческих закономерностей должно разрешаться в пользу первых).

3.3. *Классификация* закономерностей уголовного права включает их подразделение *по* следующим *основаниям*: по степени общности для уголовно-правовых систем современного мира (общие и особенные); по сфере действия (внутриотраслевые, межотраслевые и социально-правовые); по отраслевой значимости (основные и институциональные); по форме проявления (абсолютные и статистические); по виду юридической деятельности (закономерности, реализующиеся в процессе уголовно-правового законотворчества, и в процессе применения уголовного права); по степени устойчивости (постоянные, периодические и конкретно-исторические); по тому, какой процесс – бытие или познание, выражают закономерности (онтологические и гносеологические); по тому, какой аспект бытия уголовного права характеризуют закономерности (правообразующие, структурные и функциональные).

4. Положения, раскрывающие подсистему закономерностей уголовного правообразования.

4.1. *Закономерности уголовного правообразования* – это существенные, устойчивые и повторяющиеся связи уголовного права с социальными и правовыми факторами, обусловливающими его содержание, а также между различными периодами истории российского уголовного права (дореволюционным, советским и постсоциалистическим), которые выражают особенности его возникновения, дальнейшего формирования и развития в системе социального и правового регулирования и характеризуют его социально-политический и специально-юридический генезис.

Среди закономерностей, характеризующих уголовное правообразование как сложный и длящийся процесс, выделены: закономерности возникновения, закономерности формирования и закономерности развития уголовного права.

4.2. *Закономерности возникновения уголовного права* – это общие, существенные и необходимые связи, выражающие предпосылки и условия его появления в системе социального и правового регулирования.

Историко-правовое исследование дает основание выделить ряд закономерностей возникновения уголовного права, выражающих: становление уголовного права на основе нормативно-регулятивного опыта первобытных обществ; генетическую зависимость уголовного права от первобытных обычаев, выраженных в табу, обладающих родственными для уголовно-правовых запретов свойствами; происхождение основных методов уголовной политики (криминализации и пенализации) от средств первобытного табуирования (запрещения опасных действий и их наказуемости); потребность в более мощной запретительно-карательной системе в связи с тем, что табу и прочие архаичные обычаи перестали выполнять свои охранительные функции в новых социально-экономических и политических условиях классового и государственно организованного общества; его обусловленность появлением письменных источников запретов, установленных государством для охраны общественного порядка и поддерживаемых угрозой наказания как государственного принуждения; связь норм о преступном и наказуемом с нравственными представлениями общества о добре и зле, справедливости и несправедливости, праведности и грехе;

имманентность уголовно-правовой материи преступления и наказания как основных понятий и производности от них названия отрасли; возникновение уголовного права с предписаний, аналогичным современным нормам-запретам особенной части; последовательное закрепление в уголовном праве вначале преступлений mala in se, затем преступлений mala prohibita.

4.3. *Закономерности формирования уголовного права* – это существенные, устойчивые и повторяющиеся связи, детерминирующие социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, системный учет которых позволяет установить адекватную актуальным криминальным угрозам и тенденциям в развитии преступности, потребностям справедливого разрешения конфликта, вызванного преступлением, оптимально сочетающую карательные, восстановительные и превентивные средства, согласованную с другими правовыми отраслями – меру уголовно-правового воздействия в обществе (достаточную и неизбыточную по объему криминализации, степени репрессивности пенализации и балансу используемых средств).

Учитывая влияние на формирование уголовного права многообразных факторов, среди закономерностей данной группы выделены: закономерности формирования социально-криминологического и специально-юридического содержания уголовного права.

4.4. *Закономерности формирования социально-криминологического содержания уголовного права выражают его*:

– экономическую обусловленность (влияние экономических отношений на криминализацию, пенализацию и депенализацию деяний, в частности, зависимость объема криминализации в сфере экономических отношений от уровня их сложности и вида экономической системы, обусловленность объективными экономическими законами и закономерностями уголовно-правовых запретов в сфере экономики и пределов уголовно-правового регулирования);

– политическую обусловленность (влияние внутриполитических процессов на перечень криминализированных деяний и ценностные приоритеты уголовно-

правовой охраны, влияние политического режима на роль, объем и репрессивность уголовного права, влияние качества внутренней политики государства на значение и содержание уголовного права, влияние геополитических факторов на изменение национального уголовного права);

– социокультурную обусловленность (влияние состояния и особенностей общественного сознания на криминализацию и пенализацию, влияние ценностно-идеологической основы и ориентации общества на уголовное право, влияние общей и правовой культуры и благосостояния населения на уровень его карательных притязаний, влияние стереотипов преступного и наказуемого поведения, а также цивилизационного развития общества на процессы криминализации и пенализации);

– криминологическую обусловленность (влияние криминологических факторов на криминализацию и пенализацию деяний, влияние социально-криминологических факторов на разнообразие уголовно-правовых мер).

Закономерности формирования специально-юридического содержания уголовного права выражают его:

– конституционно-правовую обусловленность (влияние конституционных положений на формирование принципов уголовного права и закона, влияние конституционных ценностей на объекты уголовно-правовой охраны, влияние соотношения конституционных ценностей на пределы уголовно-правового воздействия, влияние конституционных норм в качестве критерия оценки правового характера предписаний уголовного права);

– международно-правовую обусловленность (влияние международно-правовых норм на криминализацию и пенализацию, на толкование бланкетной диспозиции норм российского уголовного права, влияние международно-правовых стандартов прав и свобод человека на содержание уголовного права);

– регулятивно-правовую обусловленность (влияние регулятивных норм на криминализацию деяний, количество уголовно-правовых запретов, удельный вес норм с бланкетными диспозициями в структуре уголовного закона и уровень их

бланкетности, влияние изменений регулятивного законодательства на изменение содержания уголовно-правовых норм);

– административно-деликтную обусловленность (влияние административно-деликтных норм на криминализацию деяний, взаимообусловленность оснований установления уголовной и административной ответственности, влияние административной наказуемости на пенализацию в уголовном праве, межотраслевой согласованности и сбалансированности уголовных и административных наказаний).

4.5. Проведенный анализ закономерностей формирования уголовного права показывает, что мера уголовно-правового воздействия (объем криминализации, степень репрессивности пенализации и приоритет карательных средств над восстановительными) в обществе тем значительней, чем менее демократичен политический режим и шире сфера участия государства в социальном регулировании, приоритетнее защита государственных и общественных интересов, чем меньше политический, идеологический и экономический плюрализм и сильнее доминирование консервативных патриархальных, коллективистских и государственнических ценностей в обществе, чем меньше уровень саморегуляции общественных отношений и способности использовать экономические и некарательные правовые регуляторы в решении социальных проблем, чем ниже уровень правовой культуры и благосостояния общества, чем репрессивнее мышление власти и населения, чем меньше степень соответствия уголовного законодательства международным и конституционно-правовым стандартам прав и свобод человека.

4.6. *Закономерности развития уголовного права* – это существенные, необходимые, устойчивые, складывающиеся на протяжении всей его многовековой истории тенденции, проявляющиеся на основе всеобщих законов развития, общих закономерностей развития общества и правового прогресса и выражающие ценности, традиции и достижения охранительной уголовно-правовой культуры.

Развитие российского уголовного права представляет собой длительный, сложный и диалектически противоречивый исторический процесс, прошедший ряд

этапов (дореволюционный, советский, постсоциалистический), который характеризуется закономерностями исторической преемственности, полной кодификации, гуманизации и дифференциации уголовно-правового регулирования. Этот процесс обусловлен не только специальными, но и общими закономерностями развития права и общества, а также всеобщими законами развития, которые проявляются в разрешении диалектических противоречий уголовного права (между его исключительно охранительной и дополнительной регулятивной и воспитательной функцией, сближением и национальной самобытностью различных систем уголовного права, его использованием для защиты интересов власти или от произвола власти, для приоритетной охраны общечеловеческих или классовых и локальных ценностей, обеспечения свободы личности или безопасности государства и т.д.), отрицании устаревших предписаний, накоплении и сохранении уголовно-правовых ценностей, традиций и достижений по мере приумножения законодательного и правоприменительного опыта предшествующих периодов истории уголовного права.

5. Положения, раскрывающие подсистему структурных закономерностей уголовного права и закона.

5.1. *Структурные закономерности уголовного права и закона* – это существенные, необходимые и устойчивые связи, выражающие внутреннее строение, виды, соотношение и ассоциации уголовно-правовых норм, объединение однородных норм в более крупные подсистемы – институты и формирование из них Общей и Особенной частей уголовного права, его систематизацию в Уголовном кодексе с характерным его делением на части, разделы, главы, статьи (их подразделения), обеспечивающие внутреннюю упорядоченность, согласованность уголовно-правового содержания и его органическое единство с внешней кодифицированной формой выражения.

Технико-юридические закономерности уголовного закона – это существенные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи (типовые схемы, модели, формы и образцы), выраженные в определенных конструкциях составов преступлений (родовой и специальный; основной, квалифицированный и

привилегированный; простой и сложный; формальный, материальный и усеченный) и других средствах и приемах его законодательной техники (виды диспозиций и санкций уголовно-правовых норм и др.), обеспечивающие рациональную систематизацию и правильное внешнее выражение уголовно-правового материала (его структурную организацию, внутреннюю логику, согласованность, определенность, беспробельность и неизбыточность).

5.2. В отличие от существующих в уголовно-правовой науке подходов к анализу структуры уголовного права и системы уголовного закона, *законосообразный подход*, учитывая диалектику их взаимосвязи, свойственные им единство и различия: во-первых, позволил раскрыть взаимодействие структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, а следовательно, их связь с законодательной техникой (конструирования состава преступления, построения диспозиций и санкций уголовно-правовых норм, дифференциации уголовной ответственности и т.д.); во-вторых, исходя из понимания уголовного права и закона как структурно сложных, многоуровневых системных образований, включающих в себя микроуровень и макроуровень, позволил выделить закономерности микроструктуры и макроструктуры уголовного права и закона; в-третьих, позволил раскрыть свойственные им специфические закономерности: закономерности структуры уголовного права, закономерности построения уголовного закона, закономерности структурного соотношения уголовного права и закона.

Таким образом, законосообразный подход заключается в комплексном познании, учете и использовании микро- и макроструктурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, позволяющем обеспечить их систематизацию, системную целостность и единство формы и содержания.

5.3. Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих *микроуровень* их *систематизации*, выделены: закономерности строения уголовно-правовых норм и их выражения в тексте уголовного кодекса (соотношения статьи с нормой); закономерности

строения и нормативного (законодательного) конструирования составов преступлений (общие и специфические); закономерности построения диспозиций и санкций уголовно-правовых норм (общие и специфические).

Среди структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона, характеризующих *макроуровень* их *систематизации*, выделены: закономерности соотношения (удельного веса) в структуре уголовного права различных видов уголовно-правовых норм; закономерности образования институтов уголовного права (общие и специфические); закономерности формирования Общей части и ее структурно-функциональной связи с Особенной частью уголовного права и закона; закономерности связи между структурой уголовного права и системой уголовного законодательства; закономерности построения уголовного кодекса.

6. Положения, раскрывающие подсистему функциональных закономерностей уголовного права.

6.1. *Закономерности функционирования уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи и тенденции, характеризующие специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия, комплексный учет и использование которых позволяет обеспечивать и оценивать его эффективность.

В отличии от представленных в уголовно-правовой науке подходов к анализу действия и реализации уголовного права, параллельно и обособленно друг от друга рассматривающих отдельные проблемы его задач и функций, предмета и метода уголовно-правового регулирования, его инструментального (норм, юридических фактов, правоотношений) и социального механизмов (правоприменительной практики, эффективности функционирования, состояния преступности), *законосообразный подход* позволяет, во-первых, через выявление закономерных связей и зависимостей системно раскрыть специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты уголовно-правового воздействия а, следовательно, описать общие закономерности эффективности уголовного права, выражающие зависимость результативности такого воздействия

от комплекса аспектов (факторов), и дать ее оценку; во-вторых, учитывая эти аспекты, предметно выделить, конкретно сформулировать и описать три группы закономерностей функционирования уголовного права: специально-юридические, социально-психологические и правоприменительные закономерности.

6.2. *Специально-юридические закономерности уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи, которые характеризуют инструментальный аспект механизма действия уголовного права, раскрывая соотношение предмета и метода уголовно-правового регулирования. К ним относятся: закономерности соответствия уголовно-правового инструментария характеру регулируемых охранительных отношений; закономерности формирования и применения специфического метода уголовно-правового регулирования; закономерности зависимости средств уголовно-правового регулирования от задач и функций уголовного права.

6.3. *Социально-психологические закономерности уголовного права* – это существенные, необходимые и устойчивые связи (отношения), характеризующие социально-психологические аспекты формирования и функционирования уголовного права, выражающие взаимосвязи правосознания с другими формами общественного сознания, с уголовным правотворчеством и правоприменением, а также различные психические состояния и формы психической активности, связанные с совершением преступления.

Законосообразный подход к анализу социально-психологического аспекта уголовно-правового воздействия, учитывая, что его объектом является человек как биопсихосоциальная целостность, правосознание взаимодействует с иными формами общественного сознания, а психические состояния и процессы, связанные с совершением преступления, есть специфическое проявление психической деятельности человека вообще, предполагает познание, учет и использование как общих, так и специальных социально-психологических закономерностей уголовного права.

6.4. Среди закономерностей, характеризующих социально-психологические аспекты функционирования уголовного права, выделены: общие как

специфическое проявление универсальных законов психологии в сфере уголовного права (ассоциаций, восприятия и усвоения, инертности мышления, стереотипизации, оптимальной мотивации) и специальные социально-психологические закономерности в уголовном праве как особые взаимосвязи состояния массового и профессионального правосознания с процессами уголовного нормотворчества и правоприменения: закономерности психосоциального воздействия уголовно-правовых запретов; закономерности мотивационной сферы уголовно-правового воздействия (закономерность «повышения» качества превентивной мотивации, закономерность «подкрепления» превентивной мотивации, закономерность «усиления» превентивной мотивации); социально-психологические закономерности объема и репрессивности уголовно-правового воздействия (закономерность «уменьшения» уголовно-правовой «опеки» государства над общественным сознанием и поведением, закономерность «колебания» интенсивности уголовно-правового воздействия, закономерности психолого-политических моделей взаимодействия личности и государства в уголовно-правовой сфере, закономерность деструктивности репрессивной уголовной политики); закономерности социально-психологического воздействия наказаний (закономерности качественного и количественного смягчения карательного содержания наказания, закономерности предупредительного и исправительного воздействия наказания на социально-психологическую сферу личности).

Социологическое исследование современной системы уголовно-правового воздействия с точки зрения выделенных социально-психологических закономерностей в уголовном праве позволяет охарактеризовать ее как избыточную и чрезмерно сложную, а следовательно, в определенной степени нерелевантную для информационного и ценностно-ориентационного влияния на общественное сознания и создающую риск деструктивных последствий для общественной жизни, связанных с сокращением масштабов свободы и тотальным государственным контролем.

6.5. *Закономерности применения уголовного права* – это существенные и устойчивые связи и тенденции, характеризующие правореализационный аспект механизма уголовно-правового воздействия, выражающие соотношение между разнообразными параметрами уголовно-правового нормотворчества и правоприменения.

На основе законосообразного подхода среди закономерностей данной группы выделены, сформулированы и описаны связи, выражающие зависимости между качеством криминализации и ее социальными последствиями, между объемами криминализации и практической востребованностью уголовного-правовых запретов, между состоянием правоприменительной деятельности и уровнем юридической техники и стабильности уголовного законодательства, между социально-психологическим настроем правоприменителя и характером ошибок в квалификации преступлений и их наказуемости, между законодательной и практической пенализацией, между уровнем репрессивности уголовного законодательства и либерализма правоприменительной практики.

6.6. *Закономерности эффективности функционирования уголовного права* – существенные, необходимые, общие и устойчивые связи, выражающие зависимость результативности уголовно-правового воздействия, понимаемой как соотношение между показателями динамики преступности и реализации уголовной политики, от комплекса факторов, характеризующих специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты механизма действия уголовного права.

Общий показатель динамики зарегистрированной преступности (достигшей своего максимального значения в 2006 г. – 3 855 373 преступлений, а начиная с 2007 г. характеризуемой тенденцией устойчивого снижения до уровня – 1 911 258 преступлений в 2024 г., т.е. на 50%), а также общее число осужденных (в 2006 г. составило – около 910 тыс. человек, а в 2023 г. – 555 742, т.е. уменьшилось на 39%) позволяют оценить эффективность функционирования уголовного права в целом как достаточно высокую, но используя *законосообразный подход* такая оценка должна быть значительно скорректирована в негативную сторону с учетом

избыточного уровня репрессивности современной российской уголовно-правовой политики, вызывающей отрицательные последствия для социально-экономической и политической жизни в виде сокращения масштабов свободы, создания неблагоприятной запретительной атмосферы и антидемократического политического климата в обществе, препятствий его развитию, роста материальных затрат и социальных издержек от реализации уголовного закона, социально-криминологическое и специально-юридическое содержание которого имеет существенные качественные недостатки как следствие игнорирования и недоучета системы закономерностей уголовного права.

7. Положения, раскрывающие онтологический статус закономерностей в уголовном праве.

7.1. Онтологическое значение закономерностей в уголовном праве как объективных, существенных, необходимых, устойчивых внутрисистемных и межсистемных связей заключается в том, что они обеспечивают социальную и криминологическую обусловленность уголовно-правовых норм, адекватность уголовного права актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, межотраслевую и внутриотраслевую юридическую согласованность, системность, правовую определенность, стабильность и предсказуемость, оптимальность технико-юридического выражения и изложения уголовно-правового содержания, его конструктивного построения, эффективность функционирования и устойчивость развития уголовного закона.

7.2. Онтологический статус закономерностей уголовного права предопределяет суть субъективного отношения к ним законодателя и правоприменителя, что дает основание для *выделения двух типов уголовно-политических решений*:

а) законосообразные – это такие акты криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, которые принимаются на основе изучения, учета и использования системы закономерностей уголовного права;

б) незаконосообразные – это субъективистские (произвольные, волюнтаристские), то есть не имеющие реальных (объективных) предпосылок решения в области уголовной политики, пренебрегающие системным изучением, учетом и использованием закономерностей, характеризующих и влияющих на социально-криминологическое и специально-юридическое содержание уголовного права, влекущие широкий спектр деструктивных социальных последствий и издержек.

Неоднородность незаконосообразных решений позволяет выделить уголовно-политические акты, воплощающие невольные отклонения от закономерностей уголовного права (непреднамеренные ошибочные решения в уголовно-правовой политике, просчеты и упущения в законодательной и правоприменительной деятельности), и решения, намеренно игнорирующие такие закономерности (продиктованные лоббистскими, узкополитическими интересами и конъюнктурными соображениями).

7.3. Оценка уровня отражения закономерностей уголовного права в современной российской уголовно-правовой политике с количественной (т.е. *степени познания и учета* закономерностей) и качественной (т.е. *видов используемых закономерностей*) точек зрения свидетельствует о:

а) хроническом игнорировании законодателем закономерностей уголовного права в процессе уголовного нормотворчества (только 30% пояснительных записок к уголовно-правовым законопроектам содержит упоминание об отдельных закономерностях);

б) доминантном влиянии на законотворческий процесс политико-идеологических, государственно-управленческих закономерностей и пренебрежении другими видами закономерностей.

Как следствие, уголовно-правовой политике и уголовному закону современной России свойственны: бессистемность и непоследовательность, немотивированное усиление репрессивности, криминализационная избыточность, включающая в себя необоснованное расширение объема запретов, выделение специальных и дублирующих составов, возрастание казуистичности,

недействующих норм и «псевдо-преступлений», несоразмерность и несогласованность санкций, использование уголовного закона как основного (первоочередного) средства социального управления и решения текущих социально-экономических проблем, его нестабильность и нарастающая нормотворческая инфляция, правовая неопределенность и увеличение границ судейского усмотрения, а также другие недостатки законодательной техники, затрудняющие применение уголовного закона и вызывающие распространенность квалификационных ошибок. В итоге, *уровень законосообразности* уголовно-правовой политики и уголовного права может быть определен в целом как неудовлетворительный.

8. Положения, обосновывающие триединый законосообразный подход к раскрытию и обеспечению взаимосвязи уголовного права, уголовного кодекса и уголовно-правовой политики.

8.1. *Взаимодействие* уголовного права, уголовного законодательства и уголовно-правовой политики должно быть основано *на триедином законосообразном подходе*, обеспечивающем их системность, взаимообусловленность и эффективность.

Законосообразный подход в уголовно-правовой сфере предполагает последовательное развертывание и воплощение следующих взаимосвязей: законосообразное понимание уголовного права должно лежать в основе соответствующей концепции уголовно-правовой политики, а законосообразная концепция должна обусловливать такую реализацию форм и методов уголовно-правовой политики, которая обеспечивает законосообразность уголовного кодекса и практики его применения.

Эта триада включает в себя следующие компоненты:

– *законосообразное понимание уголовного права* – это парадигма его познания, заключающаяся в том, чтобы сообразно сущности и сторонам содержания уголовного права, выраженным в системе специальных и социальных, экономических, социокультурных, политических и иных закономерностей, влияющих на формирование, действие и развитие уголовного права, обеспечить его

социальную и криминологическую обоснованность и адекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям развития преступности, правовую определенность, стабильность и прогнозируемость, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую согласованность, оптимальность законодательной техники, эффективность функционирования и устойчивость развития;

– *законосообразная концепция уголовно-правовой политики* – эта такая доктрина законодательной и правоприменительной деятельности в уголовно-правовой сфере, которая базируясь на идее познания, учета и активного использования системы закономерностей уголовного права в процессе криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обеспечивает честность, эффективность и предсказуемость действий государства в обращении с уголовным кодексом, ограничивая законотворческое и правоприменительное своеволие; *законосообразная уголовно-правовая политика* – это такая реализация форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность, которая путем познания, учета и активного использования системы закономерностей, детерминирующих и характеризующих содержание и действие уголовного права и законодательства, обеспечивает законосообразность их развития и функционирования;

– *законосообразный уголовный кодекс* – это такой нормативный уголовно-правовой акт, который регламентирует вопросы преступности и наказуемости, а также иные аспекты уголовной ответственности в соответствии с закономерностями, влияющими на содержание, действие и развитие уголовного права, и его специальными, в частности технико-юридическими закономерностями.

Нарушение триединого законосообразного подхода, состоящее в игнорировании и недоучете, выборочном и манипулятивном использовании, пренебрежении одними в угоду других видов закономерностей, влияющих на содержание, действие и развитие уголовного права, неизбежно влечет за собой общие для всей триады негативные последствия (социально-криминологическую

необоснованность уголовного законодательства и его неадекватность актуальным криминальным угрозам и тенденциям преступности, правовую неопределенность, бессистемность и нестабильность, непредсказуемость уголовного законодательства и практики его применения, внутриотраслевую и межотраслевую юридическую несогласованность и неэффективность).

8.2. *Реализация триединого законосообразного подхода* включает в себя механизмы действия, использования и обеспечения системы закономерностей в уголовном праве. Механизм действия раскрывает то, как объективно реализуются закономерности в уголовном праве, механизм использования определяет законосообразное субъективное отношение к ним законодателя и правоприменителя, а механизм обеспечения описывает правовые средства гарантирования реализации закономерностей уголовного права и устранения их нарушений.

Механизм действия закономерностей в уголовном праве – это комплекс социально-правовых факторов, детерминирующих и опосредующих реализацию форм и методов уголовной политики, включающий в себя, с одной стороны, социально-экономические и политические условия жизни общества, актуальные криминальные угрозы и тенденции в развитии преступности, объективные потребности в охране социальных ценностей от преступных посягательств, в справедливом разрешении преступного конфликта и социальной реинтеграции лиц в него вовлеченных, – как детерминирующие факторы, а с другой стороны, уголовно-правовые средства, приемы и правила, – как факторы опосредующие криминализацию и декриминализацию, пенализацию и депенализацию, дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности.

Механизм использования закономерностей в уголовном праве – это законосообразное осуществление процессов уголовного нормотворчества и правоприменения на основе соблюдения комплекса научно обоснованных положений, определяющих условия и основания, средства и приемы, принципы и правила анализа, учета и реализации закономерностей.

Механизм обеспечения закономерностей в уголовном праве – это комплекс

общих и специальных правовых средств, которые поддерживают механизмы действия и использования закономерностей уголовного права, а в случае их возможного нарушения, игнорирования и недоучета позволяют устранить или исправить незаконосообразное уголовно-политическое решение. К средствам обеспечения законосообразного подхода к реализации уголовно-правовой политики относятся:

а) принятие Федерального закона Российской Федерации «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и закрепление в нем общего требования к обоснованию законосообразности нормотворчества, предполагающего познание, учет, использование и изложение в пояснительных записках к проектам нормативных юридических актов информации о социальных и специально-юридических закономерностях, детерминирующих введение, изменение или отмену правовых норм;

б) установление в Федеральном законе от 13.06.1996 г. №64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» специального требования обоснования законосообразности уголовного нормотворчества в виде обязательного указания в пояснительных записках к проектам федеральных законов о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации информации о познании, учете и использовании соответствующих закономерностей уголовного права, выражающих социально-криминологическую обусловленность и специально-юридическую обоснованность их содержания;

в) разработка, принятие и реализация Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации как специального политико-правового документа, который отражает законосообразный подход в качестве базовой идеи, определяющей социальное предназначение и содержание, обусловливающей адекватную меру и эффективную модель уголовно-правового воздействия в обществе;

г) деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, связанная с подтверждением и поддержкой закономерностей уголовного права посредством рассмотрения вопроса о соответствии норм Уголовного кодекса положениям

Конституции РФ.

8.3. В целом *законосообразный подход*, основанный на системном познании, учете и использовании закономерностей уголовного правообразования (возникновения, формирования и развития уголовного права), структурных и технико-юридических закономерностей уголовного права и закона (выражающих их микроструктуру и макроструктуру) и их функциональных закономерностей (характеризующих специально-юридический, социально-психологический и правоприменительный аспекты механизма действия уголовного права), позволяет более полно и всесторонне выявить степень соответствия и расхождения нормативной модели с объективно обусловленным и фактическим содержанием уголовно-правового воздействия, тем самым оценить качество и недостатки уголовного закона, уровень его социально-криминологической обоснованности и законодательной техники, состояние его применения, он выводит на подлинно научное обсуждение глубинных проблем реализации уголовно-правовой политики и общественного восприятия уголовного закона, оценки его социальной эффективности.

Поэтому законосообразный подход предполагает необходимость организации постоянного мониторинга учета и соблюдения закономерностей уголовного права в целях совершенствования уголовного закона и практики его применения.

Список литературы

1. Абрашкевич, М. М. Эволюция идеи о преступлении и наказании : Публичная лекция, прочит. 23-го марта 1903 г. в актовом зале Имп. Новорос. ун-та, в пользу Одесского исправительного приюта для малолетних преступников / М. М. Абрашкевич. – Одесса : Эконом. тип., 1903. – 46 с.

2. Агафонова, М. Ю. Философия / М. Ю. Агафонова, Д. В. Обухов, С. В. Шефель. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 411 с. – (Высший балл).

3. Актуальные проблемы реализации национальной антикоррупционной политики. Вторые Кудрявцевские чтения (Москва, 10 апреля 2009 г.) : сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Максимов. – Москва : Изд-во Ин-та государства и права РАН , 2010. – 272 с.

4. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – Москва : Норма, 2006. – 144 с.

5. Алексеев, В. П. История первобытного общества : Учебник для студентов вузов, обуч. по направлению и специальности "История" / В. П. Алексеев, А. И. Першиц. – 6-е изд. – Москва : АСТ : Астрель, 2007. – 350 с. – (Высшая школа).

6. Алексеев, П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 588 с. – (Классический университетский учебник / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

7. Алексеев, С. С. Общая теория права : Курс в 2-х т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 360 с.

8. Алексеев, С. С. Общая теория права : Курс в 2-х т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

9. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2009. – 565 с.

10. Алексеев, С. С. Право: азбука - теория - философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 1999. – 709 с.

11. Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – Т. 2 : Специальные вопросы правоведения. – 459 с.

12. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 264 с.

13. Алексеев, С. С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки / С. С. Алексеев. – Екатеринбург : Изд-во Ин-та част. права, 2009. – 63 с.

14. Алексеева, А. П. "Противодействие" преступности и его отличие от других смежных понятий / А. П. Алексеева // Российский криминологический взгляд. – 2006. – № 4. – С. 159–163.

15. Али, А. А. Уголовная ответственность за нетрадиционные сексуальные отношения в Норвегии и Российской Федерации / А. А. Али, Т. Ф. Минязева // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 97–110.

16. Андреева, Г. М. Социальная психология : учебник для вузов / Г. М. Андреева. – Москва : Аспект Пресс, 2001. – 375 с.

17. Аникин, В. А. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения / В. А. Аникин // Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. – Москва : Весь мир, 2016. – Гл. 14. – С. 313–333.

18. Аникин, В. А. Кризис и национальное самосознание россиян / В. А. Аникин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5 (135). – С. 202–231.

19. Ансель, М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной политике / М. Ансель ; пер. с фр. Н. С. Лапшиной ; под ред. и со вступ. ст. А. А. Пионтковского. – Москва : Прогресс, 1970. – 312 с. – (Для научных б-к).

20. Антонов, Ф. С. Институциональное воспроизводство парадемократического авторитаризма: причины и последствия / Ф. С. Антонов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 2 (18). – С. 174–184.

21. Антошкин, В. Н. Социальные законы и социальное управление / В. Н. Антошкин // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1-1. – С. 594–597.

22. Аполов, О. Г. Теория систем и системный анализ : курс лекций / О. Г. Аполов. – Уфа : Изд-во Уфим. гос. авиац. техн. ун-та, 2012. – 271 с.

23. Асатрян, М. В. Закон и условия его действия : (Философский очерк) / М. В. Асатрян ; Ереван. гос. ун-т. – Ереван : Изд-во Ереван. гос. ун-та, 1973. – 242 с.

24. Асланян, Р. Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. … д-ра юрид. наук / Асланян Руслан Георгиевич. – Краснодар, 2023. – 617 с. – Место защиты: Кубан. гос. ун-т.

25. Асланян, С. Г. Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Асланян Сурен Георгиевич. – Краснодар, 2019. – 27 с. – Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т.

26. Ачкасов, В. А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе / В. А. Ачкасов, С. М. Елисеев, С. А. Ланцов ; Ин-т "Открытое о-во". – Москва : Аспект-пресс, 1996. – 125 с. – (Открытая книга – открытое сознание – открытое общество).

27. Ашмаров, И. А. Экономические законы и закономерности в экономической теории / И. А. Ашмаров, И. А. Сурель // Вестник экономической теории. – 2009. – № 1. – С. 38–41.

28. Бабаев, М. М. "Мертвые" нормы в уголовном кодексе: проблемы и решения / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2010. – № 6. – С. 4–10.

29. Бабаев, М. М. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 35–45.

30. Бабаев, М. М. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4–12.

31. Бабаев, М. М. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2016. – № 4. – С. 40–58.

32. Бабаев, М. М. О необходимости разработки и принятия концепции развития уголовно-правовой политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2022. – № 3 (139). – С. 3–16.

33. Бабаев, М. М. Очерки криминальной рискологии : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 366 с. – (Уголовное право).

34. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Проспект, 2014. – 296 с.

35. Бабаев, М. М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 419–430.

36. Бабаев, М. М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 419–430.

37. Бабаев, М. М. Российская уголовная политика XXI века : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 200 с. – (Уголовное право).

38. Бабаев, М. М. Социальные последствия преступности : Учеб. пособие / М. М. Бабаев. – Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1982. – 82 с.

39. Бабаев, М. М. Судебно-уголовная политика : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 471 с. – (Уголовное право).

40. Бабаев, М. М. Уголовная политика и преступность: трансформации в эпоху социальных перемен : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 320 с. – (Уголовное право).

41. Бабаев, М. М. Уголовная политика России: кризис или становление новой модели / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Уголовная политика и культура противодействия преступности : Материалы Междунар. науч.-практ. конф.

(Краснодар, 20 сентября 2019 г.) : сб. тр. – Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та МВД Рос. Федерации, 2019. – Т. 1. – С. 8–24.

42. Бабаев, М. М. Фикции в уголовной политике / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 72–87.

43. Бабаев, М. М. Цена преступности: проблемы теории и практики / М. М. Бабаев, В. Е. Квашис // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 246–259.

44. Бавсун, М. В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства / М. В. Бавсун // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 483–493.

45. Бавсун, М. В. Влияние факторов социокультурного характера на формирование уголовно-правовой политики / М. В. Бавсун // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 32–36.

46. Бавсун, М. В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия / М. В. Бавсун, В. В. Векленко // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5 (92). – С. 131–138.

47. Бавсун, М. В. Предпосылки и перспективы трансформации Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации в условиях современной геополитической обстановки / М. В. Бавсун // Институциональные основы уголовного права РФ : к 70-летнему юбилею профессора В. П. Коняхина : Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 01 – 02 февраля 2024 г.) : сб. тр. / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т, Юрид. фак. им. А. А. Хмырова, Каф. уголовного права и криминологии ; отв. ред. В. П. Коняхин, М. Л. Прохорова. – Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2024. – С. 332–336.

48. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. – 13-е изд., изм. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2018. – 767 с. – (Учебник для вузов).

49. Базаров, Р. А. Уголовному кодексу Российской Федерации 20 лет: создание, становление, современное состояние / Р. А. Базаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 27–32.

50. Баранов, В. М. Государственно-правовая закономерность как основа предмета юридической науки / В. М. Баранов, В. Б. Першин, И. В. Першина // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 136–151.

51. Бастрыкин, А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму / А. И. Бастрыкин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 6 (127). – С. 167–170.

52. Баумштейн, А. Б. Концептуальные начала уголовного права России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Баумштейн Антон Борисович. – Курск, 2017. – 54 с. – Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т.

53. Безверхов, А. Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей / А. Г. Безверхов // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 107, № 10. – С. 76–92.

54. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях : пер. с итал. / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – Москва : Инфра-М, 2004. – 184 с. – (Библиотека криминолога).

55. Белкин, Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов : в 3 т. / Р. С. Белкин. – Москва : Юристъ, 1997. – Т. 1 : Общая теория криминалистики. – 408 с.

56. Белов, С. А. Ценности российской Конституции в тексте и в практике её толкования / С. А. Белов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2019. – № 4 (131). – С. 68–83.

57. Бердяев, Н. Судьба России / Николай Бердяев. – Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. – 734 с.

58. Бержель, Ж. Л. Общая теория права / Ж. Л. Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. Г. В. Чуршукова. – Москва : Nota Bene, 2000. – 576 с. – (Система права).

59. Беспалько, В. Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея / В. Г. Беспалько ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2015. – 530 с.

60. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Г. Бехманн ; [пер. с нем. А. Ю. Антоновского и др.]. – Москва : Логос, 2010. – 247 с.

61. Бибик, О. Н. Введение в культурологию уголовного права : монография / О. Н. Бибик. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 352 с. – (Уголовное право).

62. Бибик, О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Бибик Олег Николаевич. – Омск, 2004. – 228 с. – Место защиты: Омская акад. МВД Рос. Федерации.

63. Бибик, О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Бибик Олег Николаевич. – Екатеринбург, 2015. – 37 с. – Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.

64. Бибик, О. Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты : монография / О. Н. Бибик. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 412. – (Уголовное право).

65. Бибик, О. Н. Культурологический подход к исследованию государства и права / О. Н. Бибик // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 2 (19). – С. 14–22.

66. Бибик, О. Н. Преступления, обусловленные особенностями культуры, в российском и зарубежном уголовном праве : монография / О. Н. Бибик. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 296 с. – (Уголовное право).

67. Бибик, О. Н. Применение экономических законов в уголовном праве и криминологии / О. Н. Бибик // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 1 (134). – С. 25–42.

68. Бибик, О. Н. Уголовное право и культурно-историческая психология: точки соприкосновения / О. Н. Бибик // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4 (103). – С. 38–49.

69. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва : Наука, 1973. – 270 с.

70. Блинов, А. Г. Общепризнанные принципы и нормы международного права и уголовное законодательство Российской Федерации / А. Г. Блинов // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники : Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., сост. на Юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 29 – 30 мая 2003 г.) : сб. тр. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : ЛексЭст, 2004. – С. 376–378.

71. Бойко, А. И. Нравственно-религиозные основы уголовного права : монография / А. И. Бойко. – 2-е изд. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 248 с. – (Уголовное право).

72. Бойко, А. И. Системная среда уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Бойко Александр Иванович. – Москва, 2008. – 460 с. – Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

73. Бойко, А. И. Язык уголовного закона и его понимание : монография / А. И. Бойко. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 316 с. – (Библиотека криминалиста).

74. Бойцов, А. И. Действие уголовного закона во времени и пространстве / А. И. Бойцов ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбУ, 1995. – 257 с.

75. Бондарь, Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей / Н. С. Бондарь // Журнал Конституционного правосудия. – 2016. – № 1. – С. 23–30.

76. Босхолов, С. С. Уголовно-правовая политика : опыт, проблемы и пути совершенствования / С. С. Босхолов, С. В. Максимов // Пролог: журнал о праве. – 2018. – № 3 (19). – С. 8–18.

77. Бочкарев, С. А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления / С. А. Бочкарев // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2, № 4 (5). – С. 73–80.

78. Бочкарев, С. А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве», 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Бочкарев Сергей Александрович. – Москва, 2020. – 63 с. – Место защиты: Ин-т государства и права Рос. акад. наук.

79. Бражник, С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Бражник Сергей Дмитриевич. – Ижевск, 2002. – 22 с. – Место защиты: Удмурт. гос. ун-т.

80. Бриллиантов, А. В. Дифференциации наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Бриллиантов Александр Владимирович ; ВНИИ МВД Рос. Федерации. – Москва, 1998. – 439 с.

81. Бунин, О. Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Бунин Олег Юрьевич. – Москва, 2006. – 200 с. – Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.

82. Бызов, Л. Г. "Неоконсервативная волна" в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? / Л. Г. Бызов // Мир России. Социология. Этнология. – 2010. – Т. 19, № 1. – С. 3–44.

83. Васильченко, А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений : монография / А. А. Васильченко. – Москва : Ось-89, 2006. – 208 с.

84. Ведерникова, О. Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика / О. Н. Ведерникова // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 68–76.

85. Векленко, С. В. Первый Всероссийский конгресс по уголовному праву (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 25 – 26 мая 2006 г.) : Аналитический обзор / С. В. Векленко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2006. – № 2 (24). – С. 68.

86. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : Учебник для юрид. вузов / А. Б. Венгеров. – Москва : Омега-Л, 2002. – 608 с.

87. Верина, Г. В. Фундаментальные понятия уголовного права России: актуальные проблемы : монография / Г. В. Верина. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 199 с. – (Уголовное право).

88. Вертепова, Т. А. Взаимосвязь конституционных норм и норм уголовного закона / Т. А. Вертепова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 13–15.

89. Ветютнев, Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: (введение в теорию) : монография / Ю. Ю. Ветютнев. – Элиста : Джангар, 2006. – 201 с.

90. Ветютнев, Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: аксиологический аспект / Ю. Ю. Ветютнев // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В.

А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 36–43.

91. Ветютнев, Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ветютнев Юрий Юрьевич. – Саратов, 2004. – 26 с. – Место защиты: Сарат. гос. акад. права.

92. Ветютнев, Ю. Ю. О правовой случайности и правовом хаосе / Ю. Ю. Ветютнев // Журнал российского права. – 2003. – № 7 (79). – С. 72–78.

93. Взаимодействие уголовного и административно-деликтного права : монография / В. К. Андрианов, В. Б. Боровиков, И. И. Голубов [и др.] ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина, Н. И. Пикурова ; Рос. гос. ун-т правосудия. – Москва : Изд-во РГУП, 2017. – 479 с. – (Библиотека российского судьи).

94. Викуленко, А. Е. Характерстика развития экономической системы России / А. Е. Викуленко // Экономический вектор. – 2019. – № 3 (18). – С. 5–12.

95. Виноградов, В. А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали / В. А. Виноградов, А. А. Ларичев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 4–23.

96. Виноградов, В. Г. Законы общества и научное предвидение / В. Г. Виноградов, С. И. Гончарук. – Москва : Политиздат, 1972. – 231 с.

97. Виноградов, В. Г. Научное предвидение: гносеологический анализ : Учеб. пособие для студентов филос. фак. / В. Г. Виноградов. – Москва : Изд-во Высш. шк., 1973. – 186 с.

98. Винокуров, В. Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления / В. Н. Винокуров // Современное право. – 2014. – № 8. – С. 100–106.

99. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук ; Рос. акад. правосудия. – Москва : Норма, 2008. – 448 с.

100. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. – 640 с. – (Антология русской правовой мысли).

101. Власенко, Н. А. Закономерности развития политико-правовой реформы / Н. А. Власенко // Проблемы осуществления правовой реформы : Материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Тюмень, 07 – 08 октября 1990 г.) : сб. тез. / Тюменский гос. ун-т, Юрид. фак. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1990. – С. 3–5.

102. Волженкин, Б. В. О предмете науки уголовного права: уроки истории / Б. В. Волженкин // История развития уголовного права и ее значение для современности : Материалы V межвуз. науч.-практ. конф., сост. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 26 – 27 мая 2005 г.) : сб. тез. / МГУ им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : ЛексЭст, 2006. – С. 82–87.

103. Волженкин, Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2007. – 763 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

104. Волженкин, Б. В. Российская наука уголовного права и её развитие / Б. В. Волженкин // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). – Санкт-Петербург, 2008. – С. 801–950. – (Антология юрид. науки / Ассоциация «Юрид. центр»).

105. Волков, В. Extra Jus: Год запретительной политики / Вадим Волков // Ведомости. – 2013. – 26 декабря.

106. Волошина, Л. А. Криминологическое значение исследования нравственного и правового сознания / Л. А. Волошина, В. И. Каминская // Советское государство и право. – 1977. – № 1. – С. 71–75.

107. Вопленко, Н. Н. О понятии государственно-правовых закономерностей / Н. Н. Вопленко // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-

ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 229–238.

108. Воронин, В. Н. Социология уголовного права: методы изучения общественного мнения и их интерпретация в уголовно-правовом исследовании / В. Н. Воронин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10 (98). – С. 28–36.

109. Вундт, В. Психология народов / В. Вунд. – Москва : ЭКСМО ; Санкт-Петербург : Terra fantastica, 2002. – 863 с. – (Антология мысли).

110. Вышеславцев, Б. П. Русский национальный характер / Б. П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 112–121.

111. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики: Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Г. А. Гаджиев. – Москва : Юристъ, 2004. – 284 с. – (Res cottidiana).

112. Гаджиев, Г. А. Конституция Российской Федерации 1993 г. с точки зрения правовой аксиологии / Г. А. Гаджиев // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 27–30.

113. Гаджиев, Г. А. Рыночная экономика в решениях Конституционного Суда РФ / Г. А. Гаджиев // Российская юстиция. – 2001. – № 6. – С. 19–22.

114. Галактионов, С. А. Принцип справедливости (уголовно-правовой аспект) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Галактионов Станислав Александрович. – Рязань, 2004. – 169 с. – Место защиты: Акад. права и управления М-ва юстиции Рос. Федерации.

115. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть : Учебник / Р. Р. Галиакбаров ; М-во сел. хоз-ва и продовольствия Рос. Федерации ; Куб. гос. аграр. ун-т. – Краснодар : Изд-во Куб. гос. аграр. ун-та, 1999. – 444 с.

116. Гальперин, И. М. Дополнительные наказания / И. М. Гальперин, Ю. Б. Мельникова ; отв. ред. В. В. Шубин. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 118 с. – (Б-чка нар. судьи).

117. Гальперин, И. М. Социальные изменения и содержание наказания / И. М. Гальперин // Планирование мер борьбы с преступностью : [Материалы коллоквиума, 13 – 19 октября 1980 г.] / АН СССР, Ин-т государства и права ; редкол.: В. М. Коган, С. Г. Келина, А. М. Яковлев. – Москва : Изд-во Ин-та государства и права РАН, 1982. – С. 94–98.

118. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 315 с. – (Библиотека «ЮрИнфоР»).

119. Гаухман, Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность / Л. Д. Гаухман // Уголовное право в XXI веке : Материалы Междунар. науч. конф., сост. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 31 мая – 01 июня 2001 г.) / МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : ЛексЭст, 2002. – С. 48–61.

120. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель ; ред. и сост.: Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц (вступ. ст. и прим.) ; пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. – Москва : Мысль, 1990. – 526 с. – (Философское наследие ; т. 113).

121. Гельвеций, К. А. Сочинения : в 2 т. / К. А. Гельвеций ; [сост., общ. ред. Х. Н. Момджян]. – Москва : Мысль, 1973. – Т. 1. – 647 с. – (Философское наследие).

122. Генрих, Н. В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Генрих Наталья Викторовна. – Рязань, 2011. – 416 с. – Место защиты: Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний.

123. Генрих, Н. В. Мораль и основания криминализации / Н. В. Генрих // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 69–81.

124. Генрих, Н. В. Экономика как объект уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия / Н. В. Генрих // Общество и право. – 2019. – № 3 (69). – С. 45–50.

125. Георгиевский, Э. В. Общее понятие преступного в истории уголовного права России: терминологическое многообразие / Э. В. Георгиевский // Государство и право. – 2008. – № 4. – С. 83–89.

126. Георгиевский, Э. В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию : монография / Э. В. Георгиевский. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 336 с. – (Уголовное право).

127. Герасимов, А. М. Нравственность в уголовном праве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Герасимов Александр Михайлович. – Саратов, 2006. – 171 с. – Место защиты: Сарат. гос. акад. права.

128. Герасимов, А. П. Противоречия и закономерности государственного управления / А. П. Герасимов // Советское государство и право. – 1986. – № 4. – С. 27–35.

129. Герцензон, А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве / А. А. Герцензон. – Москва : Госюриздат, 1955. – 55 с. – (Научно-популярная юрид. литература).

130. Герцензон, А. А. Уголовное право и социология. Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики / А. А. Герцензон. – Москва : Юрид. лит., 1970. – 286 с.

131. Гилинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений" / Я. Гилинский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с. – (Политика и право / Ассоциация «Юрид. центр»).

132. Гилинский, Я. И. «Кризис наказания» и его последствия / Я. И. Гилинский. – URL: https://www.rodon.org/society-080630145740. – Дата публикации: 30 июня 2008. – Текст : электронный.

133. Гилинский, Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? / Я. И. Гилинский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (35). – С. 6–13.

134. Глазырин, В. В. О необходимости учета в нормотворческой деятельности общих законов управления / В. В. Глазырин, В. И. Никитинский // СССР – Франция: социальные аспекты правотворчества : По материалам Второго советско-французского симпозиума (Москва, июнь 1978 г.) / АН СССР, Ин-т государства и

права ; ред. С. В. Боботов. – Москва : Изд-во Ин-та государства и права АН СССР, 1980. – С. 52–53.

135. Глазырин, В. В. Общие законы управления и правовое регулирование / В. В. Глазырин, В. И. Никитинский // Советское государство и право. – 1978. – № 9. – С. 40–47.

136. Голик, Ю. В. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев // Lex Russica (Русский закон). – 2014. – Т. 97, № 12. – С. 1399–1410.

137. Голик, Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. Аналитический доклад / Ю. В. Голик // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 3. – С. 14–44.

138. Голик, Ю. Понятие и происхождение названия "Уголовное право" / Ю. Голик, С. Елисеев // Уголовное право. – 2002. – № 2. – С. 14–16.

139. Голованов, В. Н. Гносеологическая природа законов науки / В. Н. Голованов. – Москва : Мысль, 1967. – 96 с.

140. Голованов, В. Н. Законы в системе научного знания / В. Н. Голованов. – Москва : Мысль, 1970. – 229 с.

141. Гончарук, С. И. Общественные законы и закономерности / С. И. Гончарук. – Таллинн : Ээсти раамат, 1980. – 88 с.

142. Горбачев, М. С. Годы трудных решений. Избранное. 1985–1992 гг. / М. С. Горбачев. – Москва : Альфа Принт, 1993. – 351 с.

143. Городнова, О. Н. Феномен справедливости как критерий оценки и модернизации уголовного закона и наказания: теоретический и прикладной аспекты : монография / О. Н. Городнова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 380 с. – (Уголовное право).

144. Городнова, О. Н. Феномен справедливости как критерий оценки и модернизации уголовного закона и наказания: философско-этический, исторический и правовой аспекты : монография / О. Н. Городнова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 384 с. – (Уголовное право).

145. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2009. – № 3 (299). – С. 15–26.

146. Горшков, М. К. Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 232–242.

147. Грачева, Ю. В. Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их решения : монография / Ю. В. Грачева ; отв. ред. А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2011. – 373 с.

148. Гревнова, И. А. Некоторые содержательные аспекты уголовно-правовых принципов / И. А. Гревнова // Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации : Науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А. Н. Красикова (Саратов, 25 – 26 апреля 2002 г.). – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2002. – С. 45–48.

149. Григорьева, Е. Б. Авторитаризм и политический процесс в современной России : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Григорьева Елена Борисовна. – Санкт-Петербург, 2014. – 255 с. – Место защиты: Санкт–Петерб. гос. ун-т.

150. Григорьева, Е. Б. Авторитарный синдром как фактор российского политического режима / Е. Б. Григорьева // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8-1 (109). – С. 235–244.

151. Григорьева, Е. Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России / Е. Б. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 46–54.

152. Григорьева, Е. Б. Современный взгляд на исследование авторитарности в России / Е. Б. Григорьева // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 177–191.

153. Гринберг, М. С. Уголовное право как феномен культуры / М. С. Гринберг // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 57–62.

154. Гринь, М. В. Неоконченное преступление : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. …

канд. юрид. наук / Гринь Максим Валентинович ; Кубан. гос. ун-т, Юрид. фак. – Краснодар, 2003. – 208 с.

155. Грищенко, М. А. Новый коллективизм в социальном позиционировании россиян / М. А. Грищенко // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 215–224.

156. Грошев, А. В. Функции правосознания в механизме уголовно-правового регулирования : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Грошев Александр Васильевич ; Уральская гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1997. – 366 с.

157. Гудков, Л. Д. Социология Юрия Левады (опыт систематизации) / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2007. – № 4 (90). – С. 8–27.

158. Гудков, Л. Д. Условия воспроизводства «советского человека» / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 2 (100). – С. 8–37.

159. Гудков, Л. Д. Фоторобот российского обывателя / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, А. Г. Левинсон // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – Т. 18, № 2. – С. 22–33.

160. Гудков, Л. Наказание смертью. О чем думают в России: исследуем самые важные соцопросы / Лев Гудков. – Текст : электронный // Горби. Журнал нового поколения. – 2024. – № 10. – С. 32. – URL: https://gorby.media/articles/2024/07/10/nakazanie-smertiu (дата обращения: 17.07.2024).

161. Гудков, Л. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов / Лев Гудков. – Москва : Новое лит. обозрение : ВЦИОМ-А, 2004. – 807 с. – (Библиотека журнала Неприкосновенный запас).

162. Гудков, Л. Призрачная справедливость. О чем думают в России на самом деле: разбираем важные соцопросы / Лев Гудков. – Текст : электронный // Горби. Журнал нового поколения. – 2024. – № 9. – С. 40. – URL:

https://gorby.media/articles/2024/05/31/prizrachnaia-spravedlivos (дата обращения: 23.07.2024).

163. Гузеева, О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права : монография / О. С. Гузеева. – Москва : Проспект, 2021. – 448 с.

164. Гусаков, В. Г. Аграрная экономика : термины и понятия : энциклопедический справочник / В. Г. Гусаков, Е. И. Дереза ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси ; Центр аграрной экономики. – Минск : Бел. наука, 2008. – 576 с.

165. Гусаков, В. Г. Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики / В. Г. Гусаков ; Нац. акад. наук Беларуси, Центр аграрной экономики. – Минск : Бел. наука, 2006. – 87 с.

166. Густова, Э. В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации : монография / Э. В. Густова ; под науч. ред. К. К. Панько. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 189 с.

167. Давитадзе, М. Д. Общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовно-правовой системе Российской Федерации / М. Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 2. – С. 58–60.

168. Давыдова, М. Л. Закономерности как основа предмета теории юридической техники / М. Л. Давыдова // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 323–336.

169. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова ; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – Москва : Весь мир, 2011. – 325 с. – (Рос. общество в зеркале социологии).

170. Дементьев, С. И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы / С. И. Дементьев ; отв. ред. А. П. Чугаев ; Северо-Кавказский науч. центр высш. шк. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 157 с.

171. Демидов, Ю. А. О закономерностях развития и принципах советского уголовного права / Ю. А. Демидов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1968. – № 2. – С. 78–85.

172. Демидов, Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 184 с.

173. Денисенко, В. В. Административное правонарушение и преступление, административная и уголовная ответственность: нетождественное сходство / В. В. Денисенко // Теория и практика административного права и процесса : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. В. Д. Сорокина (Краснодар, 03 – 06 октября 2013 г.) : сб. тр. / Краснодарский ун-т МВД России, Небугский клуб администраторов ; отв. ред. В. В. Денисенко. – Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2014. – С. 92–107.

174. Денисов, С. А. Политический режим современной России / С. А. Денисов // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2018. – № 2. – С. 146–156.

175. Денисов, Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности. Социологический и юридический аспекты / Ю. А. Денисов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1983. – 142 с.

176. Денисова, А. В. Закономерности функционирования системосохраняющего механизма в российском уголовном праве / А. В. Денисова // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 1 (112). – С. 241–249.

177. Денисова, А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Денисова Анна Васильевна. – Москва, 2018. – 633 с. – Место защиты: Сам. нац. исслед. ун-т им. акад. С. П. Королева.

178. Диалектический материализм / [Г. Ф. Александров, А. В. Востриков, С. П. Дудель и др.] ; Академия наук СССР, Ин-т философии ; под общ. ред. Г. Ф. Александрова. – Москва : Госполитиздат, 1954. – 440 с.

179. Долгиева, М. М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах / М. М. Долгиева, М. М. Долгиев // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 488. – С. 204– 209.

180. Долотов, Р. О. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности / Р. О. Долотов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 20–25.

181. Дорожкин, Ю. Н. Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? / Ю. Н. Дорожкин // Власть. – 2016. – Т. 24, № 8. – С. 14–18.

182. Доценко, Е. Л. "Социально-психологическая зрелость" – формирование понятия / Е. Л. Доценко // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2020. – № 3. – С. 4–12.

183. Дробижева, Л. М. Ресурс межнационального согласия и баланс нетерпимости в современном российском обществе / Л. М. Дробижева // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – Т. 21, № 4. – С. 91–110.

184. Дробязко, С. Г. Право как система и его закономерности / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорусский гос. ун-т ; гл. ред. В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 1999. – Вып. 10. – С. 1–14. – (Приложение к журналу “Право и экономика”).

185. Дроздов, А. В. Человек и общественные отношения / А. В. Дроздов ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1966. – 124 с.

186. Друянов, Л. А. Законы науки и научное объяснение / Л. А. Друянов. – Москва : Знание, 1967. – 32 с. – (Новое в жизни, науке, технике. 2 серия. Философия ; № 8).

187. Друянов, Л. А. Категория закона в диалектическом материализме : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : дис. … д-ра филос. наук

/ Друянов Лев Александрович ; Всесоюзн. заоч. машиностроит. завод. – Москва, 1982. – 371 с.

188. Дубинин, Н. П. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Политиздат, 1982. – 304 с.

189. Дурманов, Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – Москва : Госюриздат,1955. – 212 с.

190. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности / В. К. Дуюнов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 25 – 26 января 2007 г.) / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва : Велби, 2007. – С. 17–21.

191. Дуюнов, В. К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика / В. К. Дуюнов. – Москва : Научная книга, 2003. – 520 с.

192. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана, примеч. В. В. Сапова. – Москва : Канон, 1996. – 430 с. – (История социологии в памятниках).

193. Елинский, А. В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда России / А. В. Елинский // Российский следователь. – 2010. – № 17. – С. 21–24.

194. Елисеева, Н. В. Перестройка: советский проект реформирования СССР / Н. В. Елисеева // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2005. – № 5. – С. 54–63.

195. Еникеев, М. И. Психологический энциклопедический словарь / М. И. Еникеев. – Москва : Проспект, 2009. – 559 с.

196. Ермакова, О. В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ермакова Ольга Владимировна. – Томск, 2011. – 26 с. – Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т.

197. Ершов, М. А. Закономерности в конструировании составов преступлений экономической и коррупционной направленности / М. А. Ершов // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 344–352.

198. Есаков, Г. А. Международно-уголовное право как подотрасль российского уголовного права: современное состояние и проблемы / Г. А. Есаков // Международное право и международные организации. – 2015. – № 3. – С. 331–346.

199. Есаков, Г. А. Экономическое уголовное право: Общая часть : монография / Г. А. Есаков. – Москва : Изд-во Высш. шк. экономики, 2019. – 356 с. – (Монографии ВШЭ. Юрид. науки / Высш. шк. экономики. Нац. исслед. ун-т).

200. Жалинский, А. Э. Введение в немецкое право / А. Э. Жалинский, А. А. Рёрихт. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с.

201. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 т. / А. Э. Жалинский ; Высш. шк. экономики, Нац. исслед. ун-т ; сост.: К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик. – Москва : Изд-во Высш. шк. экономики, 2014. – Т. 1 : Криминология. – 698 с.

202. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 т. / А. Э. Жалинский ; Высш. шк. экономики, Нац. исслед. ун-т ; сост.: К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик. – Москва : Изд-во Высш. шк. экономики, 2015. – Т. 2 : Уголовное право. – 590 с.

203. Жалинский, А. Э. О методологических основаниях уголовного права / А. Э. Жалинский // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 15–21.

204. Жалинский, А. Э. О переменах в науке уголовного права / А. Э. Жалинский // Избранные труды : в 4 т. / Высш. шк. экономики, Нац. исслед. ун-т ; сост.: К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов ; отв. ред. О. Л. Дубовик. – Москва : Изд-во Высш. шк. экономики, 2016. – Т. 4 : Правовое мышление и

профессиональная деятельность юриста. Науковедческие проблемы правоведения. – Раздел 3. – С. 246–251.

205. Жалинский, А. Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки / А. Э. Жалинский // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 21–24.

206. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2009. – 400 с.

207. Жевлаков, Э. Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации и уголовная политика / Э. Н. Жевлаков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2007. – № 1 (1). – С. 8–12.

208. Жевлаков, Э. Н. Принципы уголовного законодательства Российской Федерации / Э. Н. Жевлаков // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 37–41.

209. Жижиленко, А. А. Очерки по общему учению о наказании / А. А. Жижиленко. – Петербург : Academia, 1923. – 110 с.

210. Жить в России: 1999–2019. – Текст : электронный // ВЦИОМ. Новости : [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-v-rossii-19992019-. – Дата публикации: 24 декабря 2019.

211. Жук, М. С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание : монография / М. С. Жук ; под науч. ред. В. П. Коняхина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Кубанский гос. ун-т. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2010. – 166 с.

212. Жук, М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Жук Максим Сергеевич. – Краснодар, 2013. – 380 с. – Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т.

213. Залесский, В. В. Законы природы и законы юридические / В. В. Залесский // Журнал российского права. – 2007. – № 10 (130). – С. 35–41.

214. Заславская, Т. И. О субъективно-деятельностном аспекте трансформационного процесса / Т. И. Заславская // «Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного

трансформационного процесса : Материалы Восьмого междунар. симпозиума (Москва, 19 – 20 января 2001 г.) : сб. тр. / под ред. Т. И. Заславской. – Москва : Изд-во Моск. высш. шк. социальных и эконом. наук, 2001. – С. 3–15.

215. Звечаровский, И. Э. О некоторых концептуальных подходах к совершенствованию уголовного закона / И. Э. Звечаровский // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29 – 30 января 2004 г.) / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва : Изд-во Моск. гос. юрид. акад., 2004. – С. 54–58.

216. Звечаровский, И. Э. Ответственность в уголовном праве / И. Э. Звечаровский ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2009. – 100 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

217. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; под общ. ред. Л. М. Карнозовой. – Москва : Изд-во Центра «Судебно-правая реформа», 2002. – 328 с.

218. Зеркин, Д. П. Объективные законы общественного развития и механизм их реализации : Материалы к лекции / Д. П. Зеркин ; Заоч. высш. парт. школа при ЦК КПСС, Каф. марксистско-ленинской философии. – Москва : Изд-во ЗВПШ, 1976. – 68 с.

219. Зиновьев, А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – Санкт-Петербург : Нева, 2004. – 601 с. – (Русский путь).

220. Зорькин, В. Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность : доклад на науч.-практ. конф. «Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность» (Москва, 25 октября 2005 г.) / В. Д. Зорькин. – Текст : электронный // Конституционный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=15 (дата обращения: 08.02.2023).

221. Зюков, А. М. Генезис уголовной этнополитики российского государства в период X – XX вв. : монография / А. М. Зюков. – Владимир : Изд-во ИП Журавлева, 2008. – 445 с.

222. Иванов, Н. Г. Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь: (рефлексии профессора Иванова) / Н. Г. Иванов. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 142 с. – (Уголовное право).

223. Иванов, Н. Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ / Н. Г. Иванов // Российская юстиция. – 2017. – № 1. – С. 17–20.

224. Иванов, Н. Г. Этюды о российской уголовной политике и ее конкретных воплощениях / Н. Г. Иванов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 173 с. – (Уголовное право).

225. Иванцова, Н. В. Безопасность движения: уголовно-правовой аспект / Н. В. Иванцова, А. Л. Сосновский // Законность. – 2009. – № 9 (899). – С. 46–47.

226. Иванчин, А. В. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники / А. В. Иванчин, С. А. Силантьев // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 52–57.

227. Иванчин, А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / А. В. Иванчин ; отв. ред. Л. Л. Куликов. – Москва : Проспект, 2014. – 352 с.

228. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2015. – 462 с. – Место защиты: Урал. гос. юрид. ун-т.

229. Иванчин, А. В. Состав преступления : учеб. пособие : для студентов, обуч. по специальности "Юриспруденция" / А. В. Иванчин ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2011. – 125 с. – (Ярославская юридическая школа начала XXI века).

230. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 201 с.

231. Иванчина, С. А. Оконченное преступление : монография / С. А. Иванчина. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 191 с. – (Уголовное право).

232. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – Москва : ВЛАДОС, 1998. – 383 с.

233. Ильюк, Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. …канд. юрид. наук / Ильюк Елена Вадимовна. – Свердловск, 1989. – Место защиты: Свердлов. юрид. ин-т им. Р. А. Руденко.

234. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л. В. Иногамова-Хегай ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. – Москва : Норма, 2019. – 288 с.

235. Исполинов, А. С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверки конституционности решений международных судов и арбитражей / А. С. Исполинов // Закон. – 2020. – № 12. – С. 61–73.

236. Исследования по общей теории систем : Сборник переводов / общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. – Москва : Прогресс, 1969. – 518 с.

237. История и социология / Акад. наук СССР. – Москва : Наука, 1964. – 341 с.

238. История первобытного общества : Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза / [А. И. Першиц, В. А. Шнирельман, Л. Е. Куббель и др.] ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1983. – 432 с.

239. История первобытного общества : эпоха первобытной родовой общины / [В. П. Алексеев, Ю. И. Семенов, Л. А. Файнберг и др.] ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. Ю. В. Бромлей. – Москва : Наука, 1986. – 572 с.

240. Кадников, Н. Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики / Н. Г. Кадников // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 6. – С. 89–96.

241. Капинус, О. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса / О. Капинус // Общественные науки и современность. – 2018. – № 4. – С. 37–46.

242. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6 (270). – С. 78–86.

243. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Каплин Михаил Николаевич. – Ярославль, 2003. – 187 с. – Место защиты: Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова.

244. Капра, Ф. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / Ф. Капра, У. Маттеи ; под ред. Д. Е. Раскова ; пер. Г. Карпова. – Москва : Изд-во ин-та Гайдара, 2021. – 328 с. – (Новое эконом. мышление).

245. Карабанова, Е. Н. Аксиологические основы уголовно-правовых запретов / Е. Н. Карабанова // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 4. – С. 72–83.

246. Караваев, Г. Г. О специфике социального закона / Г. Г. Караваев, Л. В. Белова // Проблемы закона и закономерностей в обществознании : сб. ст. / под ред. Г. Г. Караваева ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1975. – С. 3–13.

247. Караваева, Ю. С. "Мертвые" специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации / Ю. С. Караваева // Правоведение. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 69–79.

248. Карнозова, Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление) : монография / Л. М. Карнозонова ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – Москва : Проспект, 2022. – 264 с.

249. Карпец, И. И. Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 287 с.

250. Карпец, И. И. Уголовное право и этика / И. И. Карпец. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 256 с.

251. Карпович, В. Н. Проблема, гипотеза, закон / В. Н. Карпович. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. – 175 с.

252. Касаткин, Ю. П. К вопросу об общих и специфических закономерностях развития права / Ю. П. Касаткин, Л. С. Явич // Ученые записки : Труды юридического факультета / М-во народного образования Таджикской ССР, Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Сталинабад, 1955. – Т. 8. – С. 39–47.

253. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – Москва : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 558 с.

254. Кауфман, М. А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М. А. Кауфман // Журнал российского права. – 2016. – № 9 (237). – С. 92–101.

255. Квашис, В. Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967-2014 гг.) / В. Е. Квашис. – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2015. – 1039 с. – (Антология юрид. науки / Ассоциация «Юрид. центр»).

256. Квашис, В. Е. Смертная казнь и общественное мнение / В. Е. Квашис // Государство и право. – 1997. – № 4. – С. 50–56.

257. Кедров, Б. М. О повторяемости в процессе развития / Б. М. Кедров. – 2-е изд., стер. – Москва : УРСС, 2006. – 145 с. – (Из наследия Б. М. Кедрова).

258. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев ; АН СССР, Ин-т государства и права. – Москва : Наука, 1988. – 176 с.

259. Керимов, Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов ; Рос. академия наук, Ин-т государства и права. – Москва : Аванта+, 2000. – 560 с.

260. Кессиди, Ф. Х. О парадоксе России / Ф. Х. Кессиди // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 87–91.

261. Кибальник, А. Г. Тенденции развития мировых уголовно-правовых систем / А. Г. Кибальник // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 2 (271). – С. 212–222.

262. Кибальник, А. Г. Универсализация уголовно-правовых систем и национальный интерес / А. Г. Кибальник // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 30–33.

263. Кириенко, М. С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : монография / М. С. Кириенко. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 237 с. – (Уголовное право).

264. Кисин, В. Р. Состояние границы между административной и уголовной ответственностью / В. Р. Кисин // Административное право и процесс. – 2016. – № 7. – С. 12–16.

265. Кленова, Т. В. Казуальное регулирование и конкретизация уголовного законодательства: о предпочтениях в законодательном процессе и уголовной политике / Т. В. Кленова, О. В. Климанова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 126–143.

266. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Кленова Татьяна Владимировна. – Самара, 2001. – 387 с. – Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

267. Кленова, Т. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т. Кленова // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 41–45.

268. Клепицкий, И. А. Новое экономическое уголовное право : монография / И. А. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2022. – 984 с.

269. Клепицкий, И. А. Уголовная политика: тенденции и перспективы / И. А. Клепицкий // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : Материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 26 апреля 2013 г.) : сб. тр. / Рос. акад. правосудия ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2014. – С. 70–82.

270. Князева, И. Н. Сравнительно-правовой анализ обязательных работ как административного и уголовного наказания / И. Н. Князева // Административное право и процесс. – 2013. – № 12. – С. 46–48.

271. Кобзева, Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения / Е. В. Кобзева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 5 (100). – С. 75–79.

272. Кобзева, Е. В. Теория оценочных признаков в уголовном законе / Е. В. Кобзева. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 260 с. – (Библиотека криминалиста).

273. Ковалев, А. М. Общество и законы его развития / А. М. Ковалев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 416 с.

274. Ковалев, М. И. О технике уголовного законодательства / М. И. Ковалев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 142–146.

275. Ковалев, М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М. И. Ковалев // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 68–74.

276. Ковлер, А. И. Антропология права : Учебник для вузов / А. И. Ковлер ; Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. – Москва : НОРМА, 2002. – 467 с.

277. Коган, В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия / В. М. Коган. – Москва : Наука, 1983. – 183 с.

278. Коган, В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Коган Виктор Маркович. – Москва, 1985. – 440 с.

279. Козаченко, И. Я. Закон идеологии и идеология уголовного закона / И. Я. Козаченко // Российский юридический журнал. – 2008. – № 4 (61). – С. 23–27.

280. Козлов, А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций / А. П. Козлов ; М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. – 406 с.

281. Козлов, А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Козлов Анатолий Петрович. – Москва, 1991. – 38 с. – Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

282. Козлов, А. П. Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 171 с.

283. Козлова, Т. З. Социально-психологическое самочувствие россиян повозрастным группам / Т. З. Козлова // Власть. – 2018. – Т. 26, № 5. – С. 118–125.

284. Комиссаров, В. С. Характеристика состояния и основные тенденции развития уголовного законодательства России / В. С. Комиссаров // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македония : сб. науч. ст. профессоров и преподавателей Юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова и Юрид. фак. Юстиниана Университета им. Св. Кирилла и Мефодия ; [отв. ред. А. Е. Шерстобитов]. – Москва : Статут, 2006. – Вып. 1. – С. 439–451.

285. Комлев, Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение / Ю. Ю. Комлев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (24). – С. 6–14.

286. Кондратюк, Л. В. Криминологическое измерение / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский ; под ред. К. К. Горяинова. – Москва : Норма, 2008. – 272 с.

287. Кондрашова, Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности : монография / Т. В. Кондрашова. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитар. ун-та, 2000. – 347 с.

288. Конев, А. Н. Государственно-правовые закономерности в системе идеологических основ юридической науки и практики / А. Н. Конев // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское

регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 10–13.

289. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков, Э. Ф. Побегайло [и др.] // Советская юстиция. – 1992. – № 3. – С. 2–3.

290. Коняхин, В. П. Система половых преступлений и перспектива ее совершенствования / В. П. Коняхин // Системность в уголовном праве : Материалы II Российского Конгресса уголовного права (Москва, 31 мая – 01 июня 2007 г.) : сб. тр. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Проспект, 2007. – С. 198–200.

291. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 346 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

292. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от рассвета до застоя / А. И. Коробеев // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (Москва, 31 мая – 01 июня 2012 г.) : сб. тр. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : Проспект, 2012. – С. 109–115.

293. Коробеев, А. И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? / А. И. Коробеев, А. И. Чучаев // Уголовное право. – 2019. – № 5. – С. 48–58.

294. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы / А. И. Коробеев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247–250.

295. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография / А. И. Коробеев. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 347 с. – (Уголовное право).

296. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» / А. И. Коробеев // Современные проблемы уголовной политики : Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 3 октября 2014 г.) : сб. тр. / МВД Рос. Федерации, Краснодар. ун-т ; под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар : Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2014. – Т. I. – С. 71–81.

297. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации / А. И. Коробеев // Закон. – 2015. – № 8. – С. 46–59.

298. Кохановский, В. П. Философия и методология науки : Учебник для студентов вузов / В. П. Кохановский. – Москва : АСТ ; Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 574 с.

299. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского ; сост. Л. А. Карпенко. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 505 с.

300. Криминология : Учебник для вузов / [А. И. Алексеев, Ю. Н. Аргунова, С. В. Ванюшкин и др.] ; под общ. ред. А. И. Долговой. – Москва : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 779 с.

301. Криминология : Учебник для сред. юрид. учеб. заведений / Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, З. Т. Гаврилина [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 168 с.

302. Кропачев, Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н. М. Кропачев. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 1999. – 261 с.

303. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский ; Ассоциация "Юрид. центр". – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 300 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

304. Кругликов, Л. Л. Родственные составы в сфере экономических и публично-служебных преступлений: вопросы конструирования и квалификации / Л. Л. Кругликов // Уголовно-правовые нормы об экономических и служебных

преступлениях: проблемы правоприменительной и законодательной техники : итоговые материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля (Ярославль, 01 октября 2010 г.) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова ; отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2010. – С. 5–17.

305. Кругликов, Л. Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 110–113.

306. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 312 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

307. Кругликов, Л. Л. Экономические преступления: (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания) : Учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по специальности 021100 "Юриспруденция" / Л. Л. Кругликов, Н. О. Дулатбеков ; М-во образования Рос. Федерации, Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, Юрид. фак. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2001. – 158 с.

308. Кругликов, Л. Л. Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сферах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьев, А. С. Грибов. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2008. – 231 с.

309. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2005. – 334 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

310. Крылова, Н. Е. Дискуссионные вопросы учения о составе преступления / Н. Е. Крылова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2012. – № 4. – С. 26–43.

311. Крысько, В. Г. Социальная психология : учебник для бакалавров / В. Г. Крысько. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во Юрайт, 2022. – 553 с. – (Бакалавр. Академический курс).

312. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 2007. – 302 с. – (Res cottidiana).

313. Кудрявцев, В. Н. Право развитого социализма: принципы и закономерности / В. Н. Кудрявцев // Вопросы философии. – 1983. – № 12. – С. 54–62.

314. Кудрявцев, В. Н. Преступность и нравы переходного общества : монография / В. Н. Кудрявцев. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 240 с.

315. Кудрявцев, В. Науку уголовного права пора модернизировать / В. Кудрявцев // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130–131.

316. Кузнецова, Н. Ф. К истории проектов уголовных кодексов Российской Федерации / Н. Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1995. – № 2. – С. 54–62.

317. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу "Основы квалификации преступлений" / Н. Ф. Кузнецова ; науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007. – 333 с.

318. Кузнецова, Н. Ф. Уголовное право и мораль / Н. Ф. Кузнецова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 104 с.

319. Кузьменко, В. С. Закономерности развития уголовной ответственности за посягательства на половую неприкосновенность / В. С. Кузьменко // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 545–550.

320. Кукоба, О. А. Доминанты российского национального менталитета / О. А. Кукоба // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 191–208.

321. Кулыгин, В. В. Этнокультура уголовного права : монография / В. В. Кулыгин ; под ред. А. В. Наумова ; Рос. союз юристов. – Москва : Юрист, 2002. – 288 с.

322. Кулыгин, В. В. Этнокультура уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Кулыгин Владимир Владимирович. – Хабаровск, 2003. – 468 с. – Место защиты: Дальневост. гос. ун-т.

323. Культурно-исторические корни отечественного уголовного права : учеб. пособие / А. А. Арямов, В. П. Бодаевский, А. В. Кисин, А. В. Саливанов. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 457 с. – (Уголовное право).

324. Курс советского уголовного права : Часть общая : в 6 т. / [АН СССР, Ин-т государства и права] ; [ред. кол.: А. А. Пионтковский и др.]. – Москва : Наука. – Т. 1 : Уголовный закон / [А. А. Пионтковский, А. А. Герцензон, Н. Д. Дурманов, П. С. Ромашкин]. – 1970. – 311 с.

325. Ланге, Н. Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания / Н. Н. Ланге. – Одесса : тип. Шт. Одес. воен. окр., 1893. – 297 с.

326. Лапаева, В. В. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: подходы к выработке правовой позиции / В. В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2005. – № 6. – С. 7–15.

327. Лапаева, В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) / В. В. Лапаева // Журнал российского права. – 2005. – № 7 (103). – С. 13–23.

328. Лапаева, В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика : Монография / В. В. Лапаева ; Рос. акад. правосудия, Ин-т государства и права РАН. – Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2012. – 577 с.

329. Лапупина, Н. Н. Методология уголовного права / Н. Н. Лапупина, Д. А. Киселева // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 144–146.

330. Лапшин, В. Ф. Гуманизация современной уголовной политики России и дифференциация уголовной ответственности: проблемы и противоречия / В. Ф. Лапшин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 194–197.

331. Левада, Ю. Ищем человека: социологические очерки, 2000-2005 / Юрий Левада. – Москва : Новое изд-во, 2006. – 381 с. – (Новая история).

332. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2000. – 400 с.

333. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; Фонд "Обществ. мнение". – Москва : Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2004. – 382 с.

334. Лист, Ф. Преступление как социально-патологическое явление / Франц фон Лист. – Санкт-Петербург : тип. А. В. Орлова, 1903. – 26 с.

335. Лихачев, Д. С. О национальном характере русских / Д. С. Лихачев // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 3–6.

336. Лихачев, Д. С. Предисловие / Д. С. Лихачев // Репрессированная наука : сборник / АН СССР, Ин-т истории естествознания и техники, Ленингр. отд-ние ; сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел ; под общ. ред. М. Г. Ярошевского. – Ленинград : Наука, 1991. – С. 5–8.

337. Личность и уважение к закону: Социологический аспект / [М. Боруцка-Арцтова, С. В. Боботова, О. А. Гаврилова и др. ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев и др.]. – Москва : Наука, 1979. – 285 с. – (Право и социология).

338. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов ; Ин-т психологии Рос. акад. наук. – Москва : Наука, 1999. – 350 с. – (Памятники психологической мысли).

339. Лопашенко, Н. А. Допускаемое уголовным законом судейское усмотрение как реальное проявление криминогенности уголовно-правовых норм / Н. А. Лопашенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва : Велби, 2006. – С. 113–116.

340. Лопашенко, Н. А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А. Э. Жалинского) / Н. А. Лопашенко // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 97–111.

341. Лопашенко, Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) / Н. А. Лопашенко // Закон. – 2021. – № 12. – С. 33–48.

342. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 339 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

343. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика / Н. А. Лопашенко. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 579 с.

344. Лукашук, И. И. Международное уголовное право : Учебник для юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук, А. В. Наумов ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук, Акад. правовой ун-т. – Москва : Спарк, 1999. – 287 с.

345. Лунеев, В. В. Криминология : учебник для бакалавров : учебник для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по юрид. направлениям и специальностям / В. В. Лунеев ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. – Москва : Юрайт, 2013. – 686 с. – (Бакалавр. Углубленный курс).

346. Лунеев, В. В. Проблемы юридических наук криминального цикла / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2007. – № 5. – С. 39–58.

347. Луценко, Е. П. Уголовная ответственность за фейки по действующему уголовному законодательству / Е. П. Луценко // Право и управление. – 2022. – № 10. – С. 145–149.

348. Лушников, А. М. Закономерности и тенденции развития права (общеправовой и отраслевой аспекты / А. М. Лушников // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В.

А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 597–614.

349. Люблинский, П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / П. И. Люблинский ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало-М, 2014. – 234 с. – (Рус. юрид. наследие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак.).

350. Ляпунов, Ю. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны / Ю. Ляпунов // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 48–52.

351. Маврин, С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С. П. Маврин // Журнал Конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 1–13.

352. Макаров, Р. В. Квалификационные ошибки: понятие, природа, механизм возникновения / Р. В. Макаров // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2 (21). – С. 42–47.

353. Максимов, С. В. Асистемная уголовная политика / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2018. – № 2 (49). – С. 63–69.

354. Максимов, С. В. Новейшая уголовная политика России: опыт и уроки непрерывного реформирования / С. В. Максимов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 16–22.

355. Малеин, Н. С. Юридическая ответственность и справедливость / Н. С. Малеин ; Моск. юрид. ин-т. – Москва : Манускрипт, 1992. – 204 с.

356. Малков, В. П. Законодательная техника формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны / В. П. Малков // Избранные труды : в 3 т. / Ин-т экономики, управления и права. – Казань : Познание, 2011. – Т. 1. – С. 177–183.

357. Мальцев, В. В. Понятие место уголовного права в системе отраслей права / В. В. Мальцев // Государство и право. – 2000. – № 5. – С. 49–55.

358. Мальцев, В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий / В. В. Мальцев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 160 с.

359. Мамчун, В. В. Закономерность, случайность и риск в правовом регулировании / В. В. Мамчун // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 2. – С. 59–72.

360. Манхейм, К. Избранное: Социология культуры / К. Манхейм ; Академия исследований культуры ; сост. С. Я. Левит ; пер. с нем. Л. Ф. Вольфсон, А. В. Дранова ; под. ред. Л. Т. Мильской, Е. О. Пучковой. – Москва ; Санкт-Петербург : Университет. кн., 2000. – 505 с. – (Книга света / Акад. исследований культуры).

361. Марат, Ж. П. Избранные произведения : [в 3 т.] / Ж. П. Марат ; сост. В. П. Волгин, А. З. Манфренд ; пер. С. Б. Кана ; вступ. ст. А. З. Манфреда ; коммент. В. М. Далина. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – (Литературные памятники/ Акад. наук СССР). – Т. 1 : Цепи рабства. План уголовного законодательства. Дар. отечеству. – 360 с.

362. Маркс, К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат. – Т. 1 : Работы К. Маркса за 1842-1844 гг. ; Ф. Энгельса за 1839-1844 гг. / подгот. к печати И. И. Прейс. – 1954. – 699 с.

363. Маркунцов, С. А. Древнейшее русское уголовное право: возникновение первичных уголовно-правовых запретов : учеб. пособие / С. А. Маркунцов. – Москва : Юриспруденция, 2012. – 156 с.

364. Маркунцов, С. А. Исторические особенности возникновения первичных уголовно-правовых запретов / С. А. Маркунцов // Журнал российского права. – 2014. – № 1 (205). – С. 132–142.

365. Маркунцов, С. А. Осознание уголовно-правовых запретов в структуре уголовной ответственности несовершеннолетних / С. А. Маркунцев ; под ред. А. Э. Жалинского. – Москва : Юриспруденция, 2007. – 160 с.

366. Маркунцов, С. А. Теория уголовно-правового запрета : монография / С. А. Маркунцов. – Москва : Юриспруденция, 2015. – 559 с.

367. Марцев, А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права / А. И. Марцев. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. – 128 с.

368. Маслов, В. А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания / В. А. Маслов // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 12 (193). – С. 52–62.

369. Медушевская, И. Е. Конкуренция как закономерность рыночной экономики и специфика ее проявления в транзитарном хозяйстве России : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : дис. ... канд. экон. наук / Медушевская Инна Евгеньевна. – Тамбов, 2001. – 161 с. – Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина.

370. Медушевский, А. Н. Социология права / А. Н. Медушевский. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – 813 с.

371. Мелюханова, Е. Е. Система наказаний: статистическая и динамическая характеристики : специальносто 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Мелюханова Евгения Евгеньевна. – Екатеринбург, 2017. – 219 с. – Место защиты: Урал. гос. юрид. ун-т.

372. Милюкова, О. В. Этакратизм российского массового сознания / О. В. Милюкова, А. С. Федотов // Власть. – 2012. – № 7. – С. 10–15.

373. Мишин, В. И. Социальная закономерность : Учеб. пособие / В. И. Мишин ; М-во высш. и ср. спец. образования РСФСР, Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Горький, 1970. – 65 с.

374. Момотов, В. В. Роль судебной практики в правовой системе: российский опыт в мировом контексте / В. В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5 (66). – С. 40–49.

375. Монтескье, Ш. Л. де. Избранные произведения / Ш. Л. де Монтескье ; Акад. наук СССР, Ин-т философии ; [общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина ; примеч. Р. С. Миндлиной]. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 799 с.

376. Монтескье, Ш. Л. де. О духе законов / Ш. Л. де Монтескье ; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. – Москва : Мысль, 1999. – 672 с. – (Из классического наследия).

377. Моральный поворот. Россияне все чаще склоняются к мнению, что мораль неподвластна времени, обязательна к исполнению и нуждается в защите государства. – Текст : электронный // ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения : [сайт]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moralnyi-povorot. – Дата публикации: 15 августа 2022.

378. Мостовая, И. В. Архетипы и ориентиры российской ментальности / И. В. Мостовая, А. П. Скорик // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 4. – С. 69–76.

379. Мотовиловкер, Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер ; науч. ред. О. Я. Баев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.

380. Муромцев, С. А. Определение и основное разделение права / С. А. Муромцев ; вступ. ст. и коммент. Ю. И. Гревцова. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 224 с. – (Антология теории права и государства).

381. Наумов, А. В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) / А. В. Наумов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 34–55.

382. Наумов, А. В. Влияние норм и принципов международного права на сближение уголовного права различных систем / А. В. Наумов // Уголовное право в XXI веке : Материалы Междунар. науч. конф., сост. на Юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 31 мая – 1 июня 2001 г.) / МГУ им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : ЛексЭст, 2002. – С. 18–23.

383. Наумов, А. В. Идеологические основы уголовного закона / А. В. Наумов // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Саратовская гос. акад. права, Центр по изучению транснациональной преступности и коррупции при Американском ин-те (г. Вашингтон, США), Саратовский Центр

по исслед. проблем организованной преступности и коррупции ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2008. – С. 56–60.

384. Наумов, А. В. О роли и сохранении значения общепризнанных принципов и норм международного права в уголовной политике Российской Федерации / А. В. Наумов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 42–51.

385. Наумов, А. В. О соотношении норм международного и уголовного права (правотворческие и правоприменительные аспекты) / А. В. Наумов // Советская юстиция. – 1993. – № 19. – С. 17–23.

386. Наумов, А. В. Обновление методологии науки уголовного права / А. В. Наумов // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 23–31.

387. Наумов, А. В. Переход к рынку и уголовный закон / А. В. Наумов // Известия. – 1990. – 29 октября.

388. Наумов, А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. / А. В. Наумов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – Ч. I. – 752 с.

389. Наумов, А. В. Реализация уголовного права и деятельность следователя : Учеб. пособие / А. В. Наумов ; М-во внутр. дел СССР, Высш. следств. шк. – Волгоград : Изд-во ВСШ, 1983. – 83 с.

390. Наумов, А. В. Российское уголовное право : Курс лекций : в 3 т. / А. В. Наумов. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – Т. 1 : Общая часть. – 710 с.

391. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть : Курс лекций / А. В. Наумов. – Москва : БЕК, 1996. – 560 с.

392. Наумов, А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. / А. В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 50–58.

393. Наумов, А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике / А. В. Наумов // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 28–35.

394. Научные концепции развития российского законодательства : монография / [С. Е. Нарышкин и др.] ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. – 7-е изд., доп. и перераб. – Москва : Юриспруденция, 2015. – 536 с.

395. Незнамова, З. А. Коллизии в уголовном праве / З. А. Незнамова. – Екатеринбург : Cricket, 1994. – 284 с.

396. Немов, Р. С. Психологический словарь / Р. С. Немов. – Москва : ВЛАДОС, 2007. – 560 с.

397. Новосельцев, С. П. Преступления с формальным составом в уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Новосельцев Сергей Павлович. – Красноярск, 1998. – 190 с.

398. Нравственные основы уголовной ответственности : коллективная монография по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти засл. деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. М. И. Ковалёва (Екатеринбург, 15 – 18 февраля 2017 г.) / И. Я. Козаченко, Д. А. Шестаков, С. В. Тасаков [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. И. Я. Козаченко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. – 158 с.

399. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Ображиев Константин Викторович. – Москва, 2014. – 587 с. – Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации.

400. Ображиев, К. В. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права / К. Ображиев // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 40–45.

401. Ображиев, К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : монография / К. В. Ображиев. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 502 с. – (Уголовное право).

402. Ображиев, К. В. Сложные единичные преступления : монография / К. В. Ображиев, Д. С. Чикин. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 181 с. – (Уголовное право).

403. Общая психология : в 7 т. : учебник для студентов вузов, обуч. по направлению 521000 - Психология и специальностям 020400 - Психология, 022700

- Клин. психология / под ред. Б. С. Братуся. – Москва : ACADEMIA. – (Университетский учебник по психологии / Фак. психологии Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, Каф. общ. психологии). – Т. 1 : Введение в психологию / Е. Е. Соколова. – 2005. – 352 с.

404. Овчинников, С. Н. Закономерности развития и функционирования права : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Овчинников Сергей Николаевич. – Ленинград, 1979. – 15 с. – Место защиты: Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова.

405. Оптимум мотивации // Экспериментальная психология : сб. ст. : пер. с фр. / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже ; общ. ред. и предисл. А. Н. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1975. – Вып. 5. – С. 119–125.

406. Освобождение от уголовного наказания: закон, теория, практика : монография / В. К. Андрианов, Н. В. Генрих, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 526 с. – (Уголовное право).

407. Освобождение от уголовной ответственности: теория, закон, практика : монография / В. К. Андрианов, Н. В. Генрих, Д. А. Дорогин [и др.] ; Рос. гос. ун-т правосудия ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : Изд-во РГУП, 2021. – 436 с. – (Библиотека российского судьи).

408. Осипов, Г. В. Социология : [монография] / Г. В. Осипов. – 2-е изд. – Москва : URSS, 2008. – 372 с.

409. Осипов, М. Ю. Об оценке методологического потенциала некоторых концепций правопонимания в современной юридической науке / М. Ю. Осипов // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 7. – С. 15–30.

410. Осипов, П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций : (Аксиологические аспекты) / П. П. Осипов ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1976. – 135 с.

411. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др. ; отв. ред. В.

Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]. – Москва : Наука, 1982. – 303 с. – (Право и социология).

412. Основные показатели жилищных условий населения по Российской Федерации. – Текст : электронный // Росстат : Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения: 09.02.2023).

413. Остроумов, Г. С. Соотношение правового и политического сознания / Г. С. Остроумов // Вопросы философии. – 1964. – № 5. – С. 13–23.

414. Открытое письмо профессора А. В. Наумова академику В. Н. Кудрявцеву // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 135–138.

415. Ошибки в квалификации преступлений : Монография / В. К. Андрианов, Д. А. Дорогин, Д. С. Корсун [и др.] ; Рос. гос. ун-т правосудия ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : Изд-во РГУП, 2020. – 424 с. – (Библиотека российского судьи).

416. Павлов, В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма / В. И. Павлов // Право.by. – 2022. – № 5 (79). – С. 36–42.

417. Панибратов, В. Н. Категория "закон": проблемы истории и объективно-диалектическое содержание / В. Н. Панибратов ; АН СССР, Ленингр. каф. философии ; под ред. В. Г. Иванова. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 128 с.

418. Панченко, П. Н. Государственно-правовые закономерности в истории и теории государства и права и уголовное право : монография / П. Н. Панченко. – Москва : Юриспруденция, 2014. – 520 с.

419. Панченко, П. Н. Управление применением уголовного законодательства как стратегия и тактика уголовной политики / П. Н. Панченко // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1996. – С. 104–112.

420. Папеева, К. О. О закономерностях формирования системы тайн в уголовном праве / К. О. Папеева // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 2. – С. 159–179.

421. Пашков, С. Н. Общество в условиях интенсификации социального транзита : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Пашков Сергей Николаевич. – Нальчик, 2007. – 20 с. – Место защиты: Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова.

422. Першиц, А. И. Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // Исследование по общей этнографии : [сб. ст.] / АН СССР ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклуха-Маклая ; [отв. ред. Ю. В. Бромлей]. – Москва : Наука, 1979. – С. 210–240.

423. Петин, И. А. Значение осознания основных закономерностей мироустройства в уголовном праве / И. А. Петин // Российский следователь. – 2007. – № 17. – С. 18–20.

424. Петров, А. В. Система закономерностей права / А. В. Петров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 5-1. – С. 108–115.

425. Петрова, Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования : Монография / Г. О. Петрова ; М-во образования Рос. Федерации, Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегор. гос. ун-та, 1999. – 192 с.

426. Пещеров, Г. И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт / Г. И. Пещеров // Власть. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 203–210.

427. Пивоварова, А. А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль судьи при назначении наказания : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Пивоварова Анастасия Александровна. – Саратов, 2009. – 228 с. – Место защиты: Сам. гос. ун-т.

428. Пикуров, Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : Монография / Н. И. Пикуров ; Рос. акад. правосудия. – Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2009. – 288 с.

429. Пикуров, Н. И. Нормы Конституции РФ в системе уголовно-правового регулирования / Н. И. Пикуров // Конституционные основы уголовного права : Материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации (Москва, 25 – 26 мая 2006 г.) : сб. тр. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : Велби, 2006. – С. 453–454.

430. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей / Н. И. Пикуров ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. юрид. ин-т ; под ред. А. В. Наумова. – Волгоград : Изд-во ВЮИ, 1998. – 219 с.

431. Пикуров, Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности : Монография / Н. И. Пикуров. – Москва : Юрайт, 2024. – 207 с. – (Актуальные монографии).

432. Побегайло, Э. Ф. Актуальные вопросы уголовной политики в современных условиях / Э. Ф. Побегайло // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 1 (1). – С. 74–86.

433. Побегайло, Э. Ф. Избранные труды / Э. Ф. Побегайло ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. – 1065 с. – (Антология юрид. науки).

434. Побегайло, Э. Ф. Концепция борьбы с преступностью и проблемы совершенствования Уголовного кодекса Российской Федерации / Э. Ф. Побегайло // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы : Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., сост. на Юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 30 – 31 мая 2002 г.) : сб. тр. / отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : ЛексЭст, 2003. – С. 57–62.

435. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 112–117.

436. Побегайло, Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Саратовская гос. акад. права, Центр по изучению транснациональной преступности и коррупции при Американском ин-те (г. Вашингтон, США), Саратовский Центр по исслед. проблем организованной преступности и коррупции ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов : Сателлит, 2004. – С. 87–109.

437. Побегайло, Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики / Э. Ф. Побегайло // Современные проблемы уголовной политики : Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 28 сентября 2012 г.) : тез. докл. / М-во внутр. дел Рос. Федерации, Краснод. ун-т ; под ред. А. Н. Ильяшенко. – Краснодар : Изд-во Краснод. ун-та МВД России, 2012. – Т. 1. – С. 14–24.

438. Подмарев, А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Подмарев Александр Александрович ; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2001. – 235 с.

439. Познышев, С. В. Криминальная психология. Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С. В. Познышев. – Москва : Инфра-М, 2016. – 301 с. – (Библиотека криминолога).

440. Познышев, С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания : Курс, составленный по лекциям / С. В. Познышев. – Москва : тип. Русского т-ва печатн. и изд. дела, 1908. – 183 с. – (О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та).

441. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс. – (Учебники и учебные пособия / Ассоциация «Юрид. центр»). – Т. 1 : Преступление и наказание / Ю. В. Голик, А. С. Горелик, А. И. Долгова [и др.]. – 2008. – 1131 с.

442. Понятовская, Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Понятовская Татьяна Григорьевна ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1996. – 345 с.

443. Попов, С. К. Общественные законы: сущность и классификация / С. К. Попов. – Москва : Изд-во МГУ, 1980. – 157 с. – (Исторический материализм).

444. Попова, Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Попова Елена Эдуардовна. – Владивосток, 2022. – 701 с. – Место защиты: Дальневосточный федеральный ун-т.

445. Попугаев, Ю. И. О необходимости дифференциации размеров административных и аналогичных уголовных наказаний с учетом степени общественной опасности деяний / Ю. И. Попугаев // Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 43–46.

446. Посконин, В. В. Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса: теоретико-методологический аспект : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. … д-ра юрид. наук / Посконин Владимир Васильевич. – Санкт-Петербург, 1996. – 386 с. – Место защиты: Санкт-Петерб. гос. ун-т.

447. Похмелкин, А. В. Идеология и уголовная политика / А. В. Похмелкин, В. В. Похмелкин ; Рос. акад. наук, ИНИОН, Моск. ин-т психол.-правовых исследований. – Москва : Изд-во ИНИОН РАН : РИБ "Турист", 1992. – 160 с.

448. Похмелкин, А. Идеология, рынок, уголовная политика / А. Похмелкин // Социалистическая законность. – 1991. – № 1. – С. 50–52.

449. Право и демократия : Сб. науч. тр. / Белорусский гос. ун-т ; гл. ред. В. Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 1999. – Вып. 10. – 336 с.

450. Правотворчество в СССР / [А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин, С. А. Пяткина и др.] ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства ; под ред. А. В. Мицкевича. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 319 с.

451. Принс, А. Защита общества и преобразование уголовного права / А. Принс ; пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. Г. С. Фельдштейна. – Москва : кн-во торг. д. "В. И. Знаменский и К°", 1912. – 161 с.

452. Приписнов, В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор / В. И. Приписнов ; М-во здравоохранения ТаджССР, Тадж. гос. мед. ин-т им. Абуали ибн-Сино, Каф. философии. – Душанбе : Ирфон, 1972. – 168 с.

453. Проблема закона и закономерностей в обществознании : Сб. ст. / под ред. Г. Г. Караваева ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 99 с.

454. Проблемы теории государства и права : Учеб. пособие / А. Г. Бережнов, А. П. Глебов, А. А. Кененов [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – Москва : Юристъ, 2001. – 656 с.

455. Простосердов, М. А. Дефекты санкций основных и квалифицированных составов преступлений в Особенной части УК РФ / М. А. Простосердов // Российское правосудие. – 2020. – № 8. – С. 99–104.

456. Простосердов, М. А. Теория санкций в уголовном праве России : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. … д-ра юрид. наук / Простосердов Михаил Александрович. – Москва, 2023. – 743 с. – Место защиты: Рос. гос. ун-т правосудия.

457. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект / Д. Пибоди, А. Г. Шмелев, М. К. Андреева, А. Е. Граменицкий // Вопросы психологии. – 1993. – № 3. – С. 101–112.

458. Пудовочкин, Ю. Е. Действие уголовного закона во времени. Обратная сила уголовного закона / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2014. – 143 с. – (Библиотека российского судьи).

459. Пудовочкин, Ю. Е. Закономерности формирования и развития Российской уголовной политики в условиях глобализации / Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2017. – № 3 (243). – С. 82–91.

460. Пудовочкин, Ю. Е. Наказуемость деяния как признак преступления / Ю. Е. Пудовочкин // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 5 (17). – С. 166–172.

461. Пудовочкин, Ю. Е. Необходимость обновления методологии исследований в науке уголовного права / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 4. – С. 14–43.

462. Пудовочкин, Ю. Е. Неопределенность уголовного права: содержание, риски, стратегия развития / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 14–23.

463. Пудовочкин, Ю. Е. Об этических вопросах уголовно-правового запрета / Ю. Е. Пудовочкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 3 (4). – С. 90–97.

464. Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

465. Пудовочкин, Ю. Е. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы / Ю. Е. Пудовочкин, М. В. Бавсун // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 181–189.

466. Пудовочкин, Ю. Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 1 (194). – С. 110–125.

467. Пудовочкин, Ю. Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 2 (147). – С. 131–144.

468. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 247 с.

469. Пудовочкин, Ю. Е. Учение об основах уголовного права : лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 237 с. – (Уголовное право).

470. Пухтий, Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Пухтий Екатерина Евгеньевна. – Казань, 2004. – 25 с. – Место защиты: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина.

471. Пшипий, Р. М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения: (на примере главы 22 УК РФ) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Пшипий Рустам Махмудович. – Краснодар, 2015. – 160 с. – Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т.

472. Пэнто, Р. Методы социальных наук / Р. Пэнто, М. Гравитц ; под ред. и с вступ. ст. В. А. Туманова, В. П. Казимирчука ; пер. с фр. С. В. Боботова, Ю. А. Глазова. – Москва : Прогресс, 1972. – 607 с. – (Для научных библиотек).

473. Рабинович, П. М. Упрочение законности - закономерность развитого социализма (теоретико-методологические проблемы) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. ... д-ра юрид. наук / Рабинович Петр Моисеевич. – Львов, 1978. – 375 с.

474. Рабинович, П. М. Упрочение законности - закономерность социализма. Вопросы теории и методологии исследования / П. М. Рабинович ; отв. ред. В. С. Кульчицкий. – Львов : Вища шк., Изд-во при Львов. ун-те, 1975. – 260 с.

475. Рагимов, И. М. О нравственности наказания / И. М. Рагимов ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2016. – 221 с.

476. Рагимов, И. М. Философия преступления и наказания / И. М. Рагимов ; Ассоциация «Юрид. центр». – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2013. – 288 с.

477. Радов, В. В. О stare decisis в уголовном праве / В. В. Радов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 4 (116). – С. 251–259.

478. Развитие системы уголовного правосудия: векторы, меры реформирования, основные игроки / подготовл. М. Никоновым ; под ред. О. Шепелевой. – Москва : Изд-во Центра стратегич. разработок, 2017. – 72 с.

479. Разгильдиев, Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / Б. Т. Разгильдиев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. – 228 с.

480. Разгильдиев, Б. Т. Социальная результативность уголовного законодательства России: ее законодательное и правоприменительное обеспечение / Б. Т. Разгильдиев // Юридическое образование и наука в России: проблемы модернизации : тезисы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию СЮИ-СГАП (Саратов, 01 – 32 октября 2006 г.) : сб. тез. / Саратовская гос. академия права. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2006. – С. 121–124.

481. Ракитов, А. И. Природа научного исследования / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 1968. – № 12. – С. 39–49.

482. Рарог, А. И. Избранное : сб. ст. / А. И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 932 с.

483. Рарог, А. И. Метаморфозы российской уголовно-правовой политики и система наказаний / А. И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24 – 25 января 2013 г.) : сб. тр. / Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : Проспект, 2013. – С. 3–7.

484. Рарог, А. И. Новая подотрасль уголовного права? / А. И. Рарог // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4, № 3 (12). – С. 124–133.

485. Рарог, А. И. Ошибки законодателя и их влияние на уголовно-правовую политику России / А. И. Рарог // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – Т. 21, № 1. – С. 143–156.

486. Рарог, А. И. Репрессивный крен российской уголовной политики / А. И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 3. – С. 88–95.

487. Рарог, А. И. Соотношение интересов личности и государства в уголовном праве Российской Федерации / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 298–304.

488. Рарог, А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя / А. И. Рарог // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 11 (120). – С. 46–60.

489. Рарог, А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: основы общей теории квалификации преступлений, основы учения о субъективной стороне преступления, квалификация преступлений по признакам субъективной стороны, квалификация преступлений по признакам субъекта : Монография / А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2015. – 229 с.

490. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – Текст : электронный // Росстат: Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 28.02.2024).

491. Ратинов, А. Р. Правовая психология и преступное поведение : Теория и методологическое исследование / А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 254 с.

492. Ревин, В. П. Современная реформа уголовного законодательства как отражение непоследовательности уголовной политики России / В. П. Ревин // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 13–15.

493. Ревин, В. П. Современная уголовная политика России и реформирование уголовного законодательства / В. П. Ревин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1 (27). – С. 37–42.

494. Редчиц, М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия / М. А. Редчиц // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 3. – С. 50–60.

495. Решетникова, Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-

исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Решетникова Диана Викторовна. – Самара, 2012. – 232 с. – Место защиты: Сам. гос. ун-т.

496. Рожнов, А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности / А. П. Рожнов // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 38–42.

497. Розенко, С. В. Уголовные и административные виды наказания в российском праве: проблемы разграничения и системного развития / С. В. Розенко // Oeconomia et Jus. – 2017. – № 4. – С. 65–70.

498. Розов, Н. С. Российский менталитет: наиболее конструктивные концепции и их критика / Н. С. Розов // Мир России. Социология. Этнология. – 2011. – Т. 20, № 2. – С. 100–112.

499. Розов, Н. С. Специфика русской власти, ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты / Н. С. Розов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 29–41.

500. Российская социологическая энциклопедия / РАН, Ин-т социал.-полит. исслед. ; под общ. ред. Г. В. Осипова. – Москва : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 664 с.

501. Российское уголовное право. Общая часть : Учебник / [К. А. Барышева, Ю. В. Грачёва, Р. О. Долотов, Г. А. Есаков] ; под ред. Г. А. Есакова. – Москва : Проспект, 2019. – 372 с.

502. Рузавин, Г. И. Методы научного исследования / Г. И. Рузавин. – Москва : Мысль, 1974. – 237 с.

503. Русанов, Г. А. Пределы уголовно-правового воздействия государства на экономику: понятие и содержание : монография / Г. А. Русанов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 141 с. – (Уголовное право).

504. Русскевич, Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации / Е. А. Русскевич // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 77–84.

505. Руткевич, М. Н. Структура как философская категория : Лекция 14 / М. Н. Руткевич // Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы) : Цикл лекций : учеб. пособие по курсу «Онтология и теория познания» / [И. Я. Лойфман, В. В. Ким, Ю. П. Андреев и др] ; М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. ун-

т им. А. М. Горького, Межвуз. Центр Проблем непрерывного гуманит. образования ; [под общ. ред. И. Я. Лойфмана]. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2003. – С. 134–147.

506. Сабитов, Т. Р. Уголовная ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280.2 УК РФ) / Т. Р. Сабитов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – № 2 (60). – С. 43–50.

507. Сальников, Н. В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации : специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. … канд. юрид. наук / Сальников Николай Вячеславович. – Москва, 2023. – 245 с. – Место защиты: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации.

508. Сверчков, В. В. Концептуальные основы российского уголовного законодательства: работа над ошибками / В. В. Сверчков // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (Москва, 31 мая – 01 июня 2012 г.) : сб. тр. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; отв. ред. В. С. Комиссаров. – Москва : Проспект, 2012. – С. 250–257.

509. Свидерский, В. И. О диалектики элементов и структуры в объективном мире и в познании / В. И. Свидерский. – Москва : Соцэкгиз, 1962. – 275 с.

510. Свинин, Е. В. Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. … канд. юрид. наук / Свинин Евгений Валерьевич. – Владимир, 2006. – 176 с. – Место защиты: Владимир. юрид. ин-т. Федер. службы исполнения наказаний.

511. Сельский, А. В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Сельский Андрей Валерьевич. – Москва, 2010. – 191 с. – Место защиты: Гос. ун-т Высш. шк. экономики.

512. Семененко, И. С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5–23.

513. Семенов, Я. И. Законодательная техника в уголовном праве : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Семенов Ярослав Игоревич. – Челябинск, 2007. – 167 с. – Место защиты: Челяб. гос. ун-т.

514. Сенина, Е. Н. Медиативно-восстановительный подход в разрешении уголовно-правовых конфликтов / Е. Н. Сенина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 464–484.

515. Сергеев, Н. Д. Новая криминализация в сфере генетики / Н. Д. Сергеев // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : материалы VI Тихоокеанского юрид. форума (Владивосток, 08 октября 2021 г.) : сб. тр. / сост. В. В. Гаврилов. – Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2021. – С. 205–207.

516. Сергеевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая : Пособие к лекциям / Н. Д. Сергеевский. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 397 с.

517. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Сидоренко Элина Леонидовна. – Москва, 2013. – 418 с. – Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина.

518. Сизова, В. Н. Эффективность российского уголовного законодательства: (теоретико-прикладное исследование) / В. Н. Сизова ; под науч. ред. А. П. Кузнецова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 172 с. – (Уголовное право).

519. Симоненко, А. А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук

/ Симоненко Андрей Александрович. – Москва, 2019. – 235 с. – Место защиты: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации.

520. Сирин, А. Д. Специфика законов общества и их роль в регулировании общественных процессов / А. Д. Сирин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. – 208 с.

521. Скляров, С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Скляров Сергей Валерьевич. – Москва, 2004. – 495 с. – Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации.

522. Скрипченко, Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного Пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) / Н. Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2018. – № 10 (262). – С. 85–90.

523. Смирнов, А. М. К вопросу о чрезмерном гуманизме Российской уголовной политики / А. М. Смирнов // Образование и наука в России и за рубежом. – 2018. – № 11 (46). – С. 310–314.

524. Смирнов, Р. Ю. Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Смирнов Роман Юрьевич. – Москва, 2013. – 21 с. – Место защиты: Рос. правовая акад. М-ва юстиции Рос. Федерации.

525. Соловьев, О. Г. Место и значение приемов законодательной техники в процессе конструирования норм уголовного законодательства / О. Г. Соловьев // Юридическая наука. – 2015. – № 3. – С. 65–68.

526. Сорокин, П. Законы развития наказания с точки зрения психологической теории права Л. И. Петражицкого / П. Сорокин // Новые идеи в правоведении / под ред. Л. И. Петражицкого, Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского [и др.]. – Санкт-Петербург : Образование, 1914. – Сб. 3 : Эволюция преступлений и наказаний. I. – С. 113–151.

527. Социально-психологические аспекты обеспечения законности // Законность: теория и практика : монография / Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации, Академия Генеральной прокуратуры Рос. Федерации ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. – 3-е изд. – Москва : Изд-во Юрид. фирмы Контракт, 2017. – Гл. 3 : Государственный механизм обеспечения законности. – С. 169–185.

528. Социальные отклонения / [В. Н. Кудрявцев, С. В. Бородин, В. С. Нерсесянц, Ю. В Кудрявцев]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрид. лит., 1989. – 368 с.

529. Социологический справочник / под ред. В. И. Воловича [и др.]. – Киев : Политиздат Украины, 1990. – 380 с.

530. Социология уголовного права : сб. ст. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» (Улан-Удэ, 21 – 22 сентября 2012 г.). – Москва : Юриспруденция, 2013. – Т. 1. – 232 с.

531. Спиридонов, Л. И. Социология уголовного права / Л. И. Спиридонов. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 237 с.

532. Спирин, И. Н. Обсуждение учебника "Уголовное право. Общая часть" / И. Н. Спирин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 1 (270). – С. 251–253.

533. Спирин, И. Н. Уголовное право России. Общая часть : учебник / [А. И. Бойцов и др.] ; Санкт-Петерб. гос. ун-т, Юрид. фак. ; под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петер. гос. ун-та, 2006. – 1064 с.

534. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы : учебник для системы послевуз. проф. образования / В. С. Степин. – Москва : Гардарики, 2006. – 382 с. – (История и философия науки).

535. Степун, Ф. А. Мысли о России : очерки / Ф. А. Степун. – Москва : Директ-Медиа, 2017. – 283 с.

536. Стратегия реформирования экономики России : Аналитический доклад Института экономики РАН // Вопросы экономики. – 1996. – № 3. – С. 4–73.

537. Сумачев, А. В. Диспозитивность в уголовном праве: теоретико-прикладной анализ : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Сумачев Алексей Витальевич. – Екатеринбург, 2006. – 346 с. – Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.

538. Сухарев, А. Я. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России : Теоретическая модель / А. Я. Сухарев, А. И. Алексеев, М. П. Журавлев ; Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации. – Москва : Норма, 1997. – 63 с.

539. Суходольская, Н. П. Социальный стереотип в жизнедеятельности людей : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : дис. … канд. филос. наук / Суходольская Наталья Павловна. – Москва, 2009. – Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филос. фак.

540. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. / В. М. Сырых ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва : Юстицинформ, 2000. – Т. 1 : Элементный состав. – 528 с.

541. Сырых, В. М. Материалистическая теория права : Избранное / В. М. Сырых ; [Рос. акад. правосудия]. – Москва : Изд-во Рос. акад. правосудия, 2014. – Т. 4 : Действительность индивидуального права. – 418 с.

542. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : в 2 ч. / Н. С. Таганцев. – Москва : Юрайт, 2023. – Ч. 1. – 414 с. – (Антология мысли).

543. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : Лекции : Часть общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев. – 2-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1902. – Т. 1. – 815 с.

544. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : Лекции : Часть общая : в 2 т. / Н. С. Таганцев ; сост. и отв. ред. Н. И. Загородников. – Москва : Наука, 1994. – Т. 1 – 380 с.

545. Танцюра, В. С. Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238. 1 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности : специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки» : дис. … канд. юрид. наук / Танцюра Виктор Сергеевич. – Краснодар, 2023. – 266 с. – Место защиты: Куб. гос. аграрный ун-т им. И. Т. Трубилина.

546. Тенчов, Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь / Э. С. Тенчов // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 60–66.

547. Теория государства и права : Учебник / под ред. В. К. Бабаева. – Москва : Юрист, 2003. – 592 с.

548. Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 5-е изд. – Москва : НОРМА, 2023. – 552 с.

549. Тер-Акопов, А. А. Христианство. Государство. Право : Монография / А. А. Тер-Акопов. – Москва : Изд-во МНЭПУ, 2000. – 100 с.

550. Тимошенко, Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … д-ра юрид. наук / Тимошенко Юлия Александровна. – Москва, 2019. – 537 с. – Место защиты: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации.

551. Тирских, М. Г. Право в государствах с авторитарным политическим режимом / М. Г. Тирских // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3 (54). – С. 109–115.

552. Титаев, К. Д. Избыточная криминализация экономической деятельности в России: как это происходит и что с этим делать / К. Д. Титаев, И. В. Четверикова ; Европейский ун-т, Центр стратегич. разработок. – Санкт-Петербург : Изд-во Центра стратегич. разработок, 2017. – 35 с.

553. Тихомиров, Ю. А. Законы общества и окружающего мира : монография / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Проспект, 2023. – 152 с.

554. Тихонова, Н. Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010 годы) / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 5–19.

555. Тихонова, Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России / Н. Е. Тихонова // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1 (01). – С. 24–34.

556. Тихонова, Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Статья 1 / Н. Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.

557. Тихонова, С. С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика / С. С. Тихонова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 752–761.

558. Токарев, С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи / С. А. Токарев // Охотники. Собиратели. Рыболовы : Проблемы социально-экономических отношений в доземлевладельческом обществе / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; [отв. ред. А. М. Решетов]. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 236–279.

559. Толкаченко, А. А. Современные перспективы развития сферы уголовной юстиции / А. А. Толкаченко // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона : Материалы Четвертой Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 27 ноября 2016 г.) : сб. тр. / Рос. гос. ун-т правосудия ; под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова. – Москва : Изд-во Рос. гос. ун-та правосудия, 2017. – С. 110–120.

560. Толстик, В. А. Закономерности эффективного государственного управления / В. А. Толстик // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 1. – С. 70–88.

561. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – Москва : Госюриздат, 1957. – 363 с.

562. Третий Российский Конгресс уголовного права "Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты" // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 107–110.

563. Тугаринов, В. П. Законы объективного мира, их познание и использование / В. П. Тугаринов ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1955. – 196 с.

564. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. – 343 с.

565. Туленов, Ж. А. Закон как философская категория : автореф. дис. … д-ра филос. наук / Туленов Жандар Туленович ; Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Алма-Ата, 1962. – 33 с.

566. Тулиглович, М. А. Структура уголовно-правовой нормы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. … канд. юрид. наук / Тулиглович Максим Анатольевич. – Омск, 2006. – 206 с. – Место защиты: Ом. акад. МВД Рос. Федерации.

567. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебник для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – Москва : Юрайт, 2024. – 285 с. – (Высшее образование).

568. Уголовное право России. Общая часть : Учебник для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по направлению "Юриспруденция" и специальности "Юриспруденция" / [С. А. Балеев и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2016. – 863 с. – (Учебник Казанского ун-та).

569. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. – 10-е изд. – Москва : Прогресс, 2018. – 944 с.

570. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : Учебник для вузов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Статут, 2014. – 879 с.

571. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : Учебник для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по специальности 021100 "Юриспруденция" / Моск. гос. юрид. акад. ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – изд. доп. – Москва : ИНФРА-М : КОНТРАКТ, 2005. – 553 с. – (Высшее образование).

572. Уголовное право. Общая часть : Учебник / [В. Г. Беляев, А. И. Бойко, Н. И. Ветров и др.] ; под ред. В. Н. Петрашева. – Москва : ПРИОР, 1999. – 542 с.

573. Уголовное право. Общая часть : Учебник / [Н. И. Ветров, Р. Л. Габдрахманов, В. И. Динека и др.] ; отв. ред. Н. И. Ветров, Ю. И. Ляпунов. – Москва : Новый юрист : КноРус, 1997. – 583 с.

574. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. / [А. В. Наумов и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – Т. 4 : Уголовный закон. Законодательная техника. – 702 с.

575. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой отечественной войн: опыт социологического исследования / С. Х. Шамсунов, В. В. Меркурьев, П. В. Агапов [и др.] // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 2 (58). – С. 127–145.

576. Уледов, А. К. Социологические законы / А. К. Уледов. – Москва : Мысль, 1975. – 296 с.

577. Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет. – Текст : электронный // Росстат: Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 25.02.2024).

578. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего : монография / В. Н. Бобков, Т. Е. Бобкова, М. А. Вершинина [и др.] ; Федер. науч.-исслед. социологич. центр Рос. академии наук, Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ; под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Н. В. Локтюхиной, Е. Ф. Шамаевой. – Москва : Изд-во ФНИСЦ, 2022. – 274 с.

579. Усс, А. В. Социально-интегративная роль уголовного права : монография / А. В. Усс. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1993. – 256 с.

580. Устинова, Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ / Т. Д. Устинова // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 100, № 3. – С. 63–72 .

581. Устинова, Т. Д. Принципы, обеспечивающие системность уголовного закона / Т. Д. Устинова // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 51–55.

582. Федоров, А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах : монография / А. В. Федоров. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 247 с. – (Уголовное право).

583. Фейербах, П. А. Уголовное право / П. А. Фейербах. – Санкт-Петербург : Мед. тип., 1810. – 486 с.

584. Филановский, И. Г. Проблемы эффективности уголовного права / И. Г. Филановский, В. Н. Бурлаков // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. – 1975. – № 2. – С. 101–108.

585. Филановский, И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению / И. Г. Филановский ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1970. – 173 с.

586. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права / В. Д. Филимонов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 280 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

587. Филимонов, В. Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В. Д. Филимонов, О. В. Филимонов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2007. – 334 с. – (Библиотека "ЮрИнфоР").

588. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 139 с. – (Библиотека "ЮрИнфоР").

589. Филиппова, О. В. Криминологическая характеристика рецидивной преступности / О. В. Филиппова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 38. – С. 87–100.

590. Философия : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 669 с. – (Классический университетский учебник / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

591. Философия для аспирантов : Учеб. пособие / В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи ; [отв. ред. В. П. Кохановский]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 447 с. – (Высшее образование).

592. Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. – Москва : Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 4 : "Наука логики" – Сигети. – 591 с.

593. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А. В. Наумов. – Москва : Юристъ, 1998. – 512 с. – (Res cottidiana).

594. Фокс, В. Введение в криминологию : пер. с англ. / В. Фокс ; под ред. и со вступ. ст. Б. С. Никифорова, В. М. Когана. – Москва : Прогресс, 1985. – 312 с.

595. Фрейд, З. Тотем и табу / Зигмунд Фрейд ; [пер. с нем. М. В. Вульфа]. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2005. – 253 с.

596. Фрэзер, Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Д. Д. Фрэзер ; [пер. с англ. М. К. Рыклина]. – Москва : Эксмо, 2006. – 958 с. – (Антология мысли).

597. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Мишель Фуко ; [пер. В. Наумов]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, cop., 2016. – 383 с. – (Garage).

598. Хабриева, Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2015. – № 8 (224). – С. 5–13.

599. Хабриева, Т. Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства / Т. Я. Хабриева // Журнал Конституционного правосудия. – 2013. – № 6. – С. 25–30.

600. Хилюта, В. В. Какой быть методологии уголовного права / В. В. Хилюта // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 12 (121). – С. 20–31.

601. Хлебушкин, А. Г. Осуществление деятельности организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации её деятельности: вопросы квалификации и совершенствования законодательства / А. Г. Хлебушкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 114–119.

602. Цветинович, А. Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды / А. Л. Цветинович ; науч. ред. Л. Л. Кругликов. – Куйбышев : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 188 с.

603. Цена преступности (методология ее определения) : монография / [А. А. Голикова и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 213 с. – (Криминология).

604. Церетели, Т. В. Причинная связь в уголовном праве / Т. В. Церетели. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Госюриздат, 1963. – 382 с.

605. Черданцев, А. Ф. Специализация и структура норм права / А. Ф. Черданцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1970. – № 1. – С. 41–49.

606. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права : Учебник для вузов / А. Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт, 2002. – 429 с.

607. Чередниченко, Е. Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации: комплексное теоретическое исследование : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чередниченко Екатерина Евгеньевна. – Саратов, 2006. – 30 с. – Место защиты: Сарат. гос. акад. права.

608. Честнов, И. Л. Постклассическое измерение закономерностей права / И. Л. Честнов // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 2. – С. 472–489.

609. Чирков, Ф. В. Конституционные принципы уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей / Ф. В. Чирков // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 7 (212). – С. 58–69.

610. Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. – Текст : электронный // Росстат: Федеральная служба государственной

статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 25.02.2024).

611. Чуличкова, Е. А. Межотраслевые коллизии уголовно-правовых норм с охранительными нормами права иной отраслевой принадлежности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Чуличкова Екатерина Алексеевна. – Челябинск, 2011. – 165 с. – Место защиты: Челяб. гос. ун-т.

612. Шалютин, Б. С. Становление права / Б. С. Шалютин // Государство и право. – 2011. – № 5. – С. 5–16.

613. Шаргородский, М. Д. Избранные труды / М. Д. Шаргородский ; Ассоциация «Юрид. центр» ; [сост. и предисл. Б. В. Волженкина]. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 655 с. – (Антология юрид. науки).

614. Шаров, В. И. Предмет криминалистики как система закономерностей / В. И. Шаров // Четвертые Бабаевские чтения "Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника" : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 23 – 24 мая 2013 г.) : сб. ст. : в 2 т. / Нижегородская академия МВД России, Нижегородское регион. отд-ние Общерос. обществен. орг-ции «Ассоциация юристов России» ; под общ. ред. В. А. Толстика. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД Рос. Федерации, 2013. – Т. 2. – С. 494–505.

615. Шергин, А. П. Проблемы интеграции административной и уголовной ответственности / А. П. Шергин, К. Ф. Шергина // Научный портал МВД России. – 2010. – № 4 (12). – С. 13–20.

616. Ширяев, А. Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ширяев Алексей Юрьевич. – Екатеринбург, 2013. – 30 с. – Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.

617. Шишко, И. В. Экономические правонарушения. Вопросы юридической оценки и ответственности / И. В. Шишко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс,

2004. – 307 с. – (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса / Ассоциация «Юрид. центр»).

618. Шкаратан, О. И. Становление постсоветского неоэтакратизма / О. И. Шкаратан // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 5–22.

619. Шубин, А. В. Россия, постсоветское пространство и мир начала 20-х годов XXI века – взгляд из 2005 года: опыт прогнозирования / А. В. Шубин // Постсоветское пространство: между Европой и Азией / Б. П. Гуселетов, Л. Брангш, Л. Б. Вардомский [и др.]. – Москва : Изд-во Федер. науч.-исслед. социологич. центра Рос. акад. наук, 2022. – С. 82–95.

620. Эбзеев, Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б. С. Эбзеев. – Москва : Норма, 2007. – 383 с.

621. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 1 : Понятие уголовного права / Г. Ю. Лесников, Н. А. Лопашенко, Ю. Е. Пудовочкин [и др.]. – 698 с.

622. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 3 : Понятие преступления / И. Я. Гонтарь, Н. Ф. Кузнецова, А. П. Козлов [и др.]. – 522 с.

623. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Изд. проф. Малинина, 2005. – Т. 4 : Состав преступления / В. Н. Кудрявцев, Н. И. Коржанский, В. Б. Малинин [и др.]. – 798 с.

624. Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности : материалы XII Рос. конгресса уголовного права (Москва, 28 – 29 мая 2020 г.) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. ; ред.-сост. В. В. Александров. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 663 с.

625. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. В. А. Успенского ; с предисл. А. Н. Колмогорова. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.

626. Явич, Л. С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве / Л. С. Явич // Методологические проблемы советской юридической науки

/ [Д. А. Керимов, Л. С. Явич, В. Н. Кудрявцев и др.] ; АН СССР, Ин-т государства и права ; [отв. ред. В. Н. Кудрявцев]. – Москва : Наука, 1980. – С. 66–82.

627. Явич, Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права) / Л. С. Явич. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 152 с.

628. Явич, Л. С. Право и социализм / Л. С. Явич. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 176 с.

629. Явич, Л. С. Социализм: право и общественный прогресс / Л. С. Явич. – Москва : Юрид. лит., 1990. – 271 с.

630. Явлинский, Г. А. Экономическая система современной России и вопросы экономической политики : Лекция I / Г. А. Явлинский. – URL: https://www.yavlinsky.ru/article/lektsiya-i-resh-tsemi-ran-ekonomicheskaya-sistema-sovremennoj-rossii-i-voprosy-ekonomicheskoj-politiki/. – Дата публикации: 17 апреля 2003. – Текст : электронный.

631. Яковенко, И. Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России / И. Г. Яковенко // В поисках теории российской цивилизации : Памяти А. С. Ахиезера / [сост. А. П. Давыдов]. – Москва : Новый хронограф, 2009. – С. 224–260.

632. Яковлев, А. М. Социальная эффективность уголовного закона / А. М. Яковлев // Советское государство и право. – 1967. – № 10. – С. 55–63.

633. Яковлев, А. Н. Сумерки / Александр Яковлев. – Москва : Материк, 2003. – 687 с.

634. Яковлев, В. Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования / В. Ф. Яковлев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 55–60.

635. Яковлев, В. Ф. Экономика. Право. Суд. Проблемы теории и практики / В. Ф. Яковлев. – Москва : Наука/ Интерпериодика, 2003. – 595 с.

636. Яни, П. С. Некоторые аспекты понимания профессором Н. Ф. Кузнецовой состава преступления / П. С. Яни // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 6. – С. 6–14.

637. Яни, П. С. Роль практикообразующих документов Верховного Суда Российской Федерации в решении вопросов квалификации преступлений, предусмотренных главой 25 Уголовного кодекса (на примере квалификации незаконного оборота наркотических средств) / П. С. Яни // Криминалистъ. – 2021. – № 2 (35). – С. 73–79.

638. Ясин, Е. Г. Российская экономика : в 2 кн. / Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т Высш. шк. экономики. – Москва : Изд-во Высш. шк. экономики, 2019. – Кн. 1 : Истоки и панорама рыночных реформ. – 450 с.

639. Albanese, J. S. Myths and realities of crime and justice / J. S. Albanese. – 3rd ed. – Niagara Falls : Apocalypse Pub. Co., 1990. – 177 p.

640. Austin, Ja. Wider, stronger, and different nets: the dialectics of criminal justice reform / Ja. Austin, B. Krisberg // Journal of Research in Crime and Delinquency. – 1981. – Vol. 18, № 1. – P. 165–196.

641. Balbus, I. D. The dialectics of legal repression. Black rebels before the American criminal courts / I. D. Balbus. – New York : Russell Sage Foundation, 1973. – 288 p.

642. Baldus, D. C. Comparative review of death sentences: an empirical study of the Georgia experience / D. C. Baldus, C. Pulaski, G. Woodworth // Journal of Criminal Law and Criminology. – 1983. – Vol. 74, № 3. – P. 661–753.

643. Beckett, K. The End of an era? Understanding the contradictions of criminal justice reform / K. Beckett, A. Reosti, E. Knaphus // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2016. – Vol. 664, № 1. – P. 238–259.

644. Brantingham, P. J. The geometry of crime and crime pattern theory / P. J. Brantingham, P. L. Brantingham, M. A. Andresen // In: Environmental criminology and crime analysis / eds.: R. Wortley, M. Townsley. – 2nd ed. – London : Taylor & Francis, 2017. – P. 98–115.

645. Brantingham, P. L. Crime pattern theory / P. L. Brantingham, P. J. Brantingham // In: Environmental criminology and crime analysis / eds.: R. Wortley, L. Mazerolle. – London : Taylor & Francis, 2008. – P. 78–93.

646. Christie, N. A suitable amount of crime / N. Christie. – London : Routledge, 2004. – 148 p.

647. Garland, D. The culture of control: crime and social order in contemporary society / D. Garland. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 307 p.

648. Goldman, D. B. Globalization and the western legal tradition. Recurring patterns of law and authority / D. B. Goldman. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 376 p.

649. Hess, H. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie / H. Hess, S. Scheerer // Kriminologisches Journal. – 1997. – Vol. 29, Heft 2. – S. 83–155.

650. Hulsman, L. H. C. Critical criminology and the concept of crime / L. H. C. Hulsman // Contemporary Crisis. – 1986. – Vol. 10. – P. 63–80.

651. Husak, D. The price of criminal law skepticism: ten functions of the criminal law / D. Husak // New Criminal Law Review. – 2020. – Vol. 23, № 1. – P. 27–59.

652. Jescheck, H.-H. Lehrbuch des strafrechts. Allgemeiner teil / H-H. Jescheck. – 4 Aufl. – Berlin : Duncker&Humblot, 1988. – 931 s.

653. Learning to detect patterns of crime / T. Wang, C. Rudin, D. Wagner, R. Sevieri // Machine learning and knowledge discovery in databases : European conference (ECML PKDD), (Prague, 23 – 27 September 2013) : Proceedings / eds.: H. Blockeel, K. Kersting, S. Nijssen, F. Železný. – Berlin : Springer, 2013. – Part III. – P. 515–530.

654. Mattei, U. Three patterns of law: taxonomy and change in the worlds legal systems / U. Mattei // The American Journal of Comparative Law. – 1997. – Vol. 45, № 1. – P. 5–44.

655. Melossi, D. Changing Representation of the Criminal / D. Melossi // British Journal of Criminology. – 2000. – Vol. 40, № 2. – P. 296–320.

656. Norrie, A. The limits of justice: finding fault in the criminal law / A. Norrie // The Modern Law Review Limited. – 1996. – Vol. 59, № 4. – P. 540–556.

657. O'Malley, P. Volatile and contradictory punishment / P. O'Malley // Theoretical Criminology. – 1999. – Vol. 3, № 2. – P. 175–196.

658. Peno, M. The character of the principles of criminal law and criminal responsibility: between the philosophy of law and semiotic / M. Peno // Liverpool Law Review. – 2019. – Vol. 40. – P. 79–93.

659. Robinson, M. B. Why Crime? An integrated systems theory of antisocial behavior / M. B. Robinson. – Upper Saddle River (NJ) : Pearson/Prentice Hall, 2004. – 345 p.

660. Rotwax, H. Guilty: the collapse of criminal justice / H. Rotwax. – New York : Random House, 1996. – 238 p.

661. Solan, L. M. Patterns in language and law / L. M. Solan // International Journal of Language and Law. – 2017. – Vol. 6. – P. 46–66.

662. Trends and patterns in crime: past, present, and future. Compilation and revision of materials presented at BJA's "Justice in the New Millennium" : Regional conferences (May – June, 2000) / Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance. – Washington, 2000. – 192 p.

Приложения

Приложение 1

Результаты опроса научно-педагогических работников[624]

п/п	Вопрос	Варианты ответов	Результаты
1	Согласны ли Вы с тем, что закономерности уголовного права должны являться основной частью (ядром) предмета уголовно-правовой науки и выступать в качестве ее базовой методологической установки (парадигмы)?	да	84 %
		нет	9 %
		затрудняюсь ответить	7 %
2	Как Вы оцениваете уровень взаимодействия уголовно-правовой науки и политики?	высокий	14 %
		средний (каковы недостатки)	23 %
		низкий (каковы недостатки)	63 %
		затрудняюсь ответить	0 %
3	Как Вы оцениваете уровень научно-методического обеспечения современного уголовного законотворчества?	высокий	6 %

[624] Опрошено 50 (20 докторов и 30 кандидатов юридических наук) научно-педагогических работников, занимающихся исследованием проблем уголовно-правовой политики, уголовного права и закона.

		средний (каковы недостатки)	16 %
		низкий (каковы недостатки)	78 %
		затрудняюсь ответить	0 %
4	Как Вы оцениваете уровень социальной и криминологической обоснованности, системности и правовой определенности современной российской уголовно-правовой политики?	высокий	10 %
		средний (каковы недостатки)	22 %
		низкий (каковы недостатки)	68 %
		затрудняюсь ответить	0 %
5	Как вы оцениваете степень социально-криминологической обусловленности содержания российского уголовного законодательства?	высокий	7 %
		средний (каковы недостатки)	20 %
		низкий (каковы недостатки)	73 %
		затрудняюсь ответить	0 %
6	Согласны ли Вы с выводом о доминантном влиянии на процесс современного уголовного законотворчества в России политико-идеологических и государственно-управленческих закономерности и недоучете других закономерностей	да	71 %
		нет	19 %
		затрудняюсь ответить	10 %

	общественной жизни (социальных, экономических, социокультурных) и специальных закономерностей уголовного права?		
7	Согласны ли Вы с тем, что триединый законосообразный[625] подход, включающий в себя законосообразное понимание уголовного права, законосообразную концепцию и реализацию уголовно-правовой политики, законосообразный уголовный кодекс, является перспективной моделью их взаимосвязи и взаимодействия, которая поможет преодолеть их бессистемность или придать большую согласованность и последовательность?	да	81 %
		нет	8 %
		затрудняюсь ответить	11 %
8	Согласны ли Вы с тем, что взаимодействие современного уголовного и административно-деликтного права стало более согласованным со стороны специально-юридического содержания и менее сбалансированным с социально-криминологической стороны?	да	72 %
		нет	28 %
		затрудняюсь ответить	0 %
9	Как Вы оцениваете качество законодательной техники нормативного конструирования составов преступлений в	высокое	5 %

[625] Законосообразный, т.е. соответствующий объективным законам и закономерностям общественной жизни и специальным закономерностям уголовного права.

	действующем Уголовном кодексе?	среднее (каковы недостатки)	27 %
		низкое (каковы недостатки)	68 %
		затрудняюсь ответить	0%
10	Как Вы оцениваете качество законодательной техники построения санкций уголовно-правовых норм в действующем Уголовном кодексе?	высокое	0%
		среднее (каковы недостатки)	18 %
		низкое (каковы недостатки)	82 %
		затрудняюсь ответить	0%
11	Как Вы в целом оцениваете эффективность функционирования современного российского уголовного права, учитывая качество уголовного законодательства и практики его применения, состояние преступности и судимости?	высокое	11 %
		среднее (каковы недостатки)	63 %
		низкое (каковы недостатки)	26 %
		затрудняюсь ответить	0 %
12	Согласны ли Вы с утверждением, что система современного российского уголовного права является избыточной и чрезмерно сложной, требующей	да	79 %
		нет	21 %

	декриминализации ряда преступлений небольшой и средней тяжести, депенализации отдельных видов наказаний и интеграции уголовно-правовых предписаний?	затрудняюсь ответить	0 %

Приложение 2

Результаты опроса граждан[626]

п/п	Вопрос	Варианты ответов	Результаты
1	Назовите какие из запрещенных в Уголовном кодексе Российской Федерации преступных деяний Вам известны?	преступления против личности	убийство, умышленное причинение вреда здоровью, изнасилование (100%), похищение человека (54%), торговля людьми (14%).
		преступления в сфере экономики	кража, мошенничество, разбой (100%), вымогательство (62%), грабеж (58%).
		преступления против общественной безопасности и общественного порядка	террористический акт (76%), незаконный оборот наркотических средств (54%), нарушение правил дорожного движения, повлекшие причинение вреда здоровью и смерть (52%), захват заложника (26%), хулиганство (17%), незаконный оборот оружия (13%).
		преступления против государственной власти	получение взятки (96%), дача взятки (67%), превышение должностных

[626] В опросе, посвященном воплощению различных социально-психологических закономерностей в механизме уголовно-правового воздействия, приняли участие 300 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – раздаточное анкетирование в период октябрь – декабрь 2023 г. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Возможны незначительные погрешности в данных опроса, вызванные выборкой респондентов, формулировкой вопросов и различными обстоятельствами, возникающими в ходе полевых работ.

			полномочий (11%), государственная измена (3%).
		преступления против военной службы	дезертирство (16%).
		преступления против мира и безопасности человечества	
2	Назовите какие виды уголовных наказаний Вам известны?	штраф	76 %
		лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	0 %
		лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	0 %
		обязательные работы	65 %
		исправительные работы	0 %
		ограничение по военной службе	0 %
		ограничение свободы	0 %
		принудительные работы	0 %
		арест	0 %
		содержание в дисциплинарной воинской части	0 %
		лишение свободы на определенный срок	100 %
		пожизненное лишение свободы	100 %
		смертная казнь	100 %
3	Назовите какие виды освобождения от уголовной	освобождение от уголовной ответственности в	9 %

	ответственности и от наказания Вам известны?	связи с деятельным раскаянием	
		освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим	61 %
		освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба	0 %
		освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	0 %
		освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности	6 %
		условно-досрочное освобождение от отбывания наказания	45 %
		замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания	0 %
		освобождение от наказания в связи с изменением обстановки	0 %
		освобождение от наказания в связи с болезнью	0 %
		отсрочка отбывания наказания беременной женщине и лицам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет	0 %

		отсрочка отбывания наказания больным наркоманией	0 %
		освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда	0 %
		амнистия	12 %
		помилование	19 %
4	Скажите, пожалуйста, из каких источников Вам приходилось в жизни получать уголовно-правовую информацию?	в процессе специального правового просвещения и правового информирования граждан	8 %
		из программ «новости» и жанра «судебное шоу» в средствах массовой информации	100 %
		из личного опыта	2 %
		из общего социального опыта	100 %
5	Скажите, пожалуйста, какое, на Ваш взгляд, главное (первоочередное) средство противодействия (борьбы) с неправомерным поведением в обществе?	уголовная ответственность	63 %
		административная ответственность	9 %
		иная юридическая ответственность	3 %
		в зависимости от опасности (вредоносности) такого поведения	25 %
		затрудняюсь ответить	0 %
6	Скажите, пожалуйста, на Ваш взгляд, является ли Уголовный кодекс РФ социально справедливым,	является социально справедливым (в чем это, на ваш взгляд, выражается)	23 %

	если учитывать установленный в нем перечень преступлений и видов уголовных наказаний, обстоятельств, исключающих, смягчающих и отягчающих, освобождающих от уголовной ответственности и от наказания, а также размер санкций? *Для ответа на данный вопрос респондентам была показана действующая редакция УК РФ в части круга преступных деяний, перечисленных в оглавлении, ст. ст. 37-42, 44, 61, 63, 75-83, 90, а также санкции ряда норм об ответственности за преступления против личности, собственности, здоровья населения и государственной власти (ст. ст. 105, 111, 112, 115, 116.1, 131, 158, 159, 161, 162, 228.1, 285, 285.1, 286, 289, 290, 292, 293 УК РФ). При этом даны все необходимые разъяснения и ответы на поставленные вопросы.*	скорее является социально справедливым, чем несправедливым (в чем это, на ваш взгляд, выражается)	42 %
		является социально несправедливым (в чем это, на ваш взгляд, выражается)	9 %
		скорее является социально несправедливым, чем справедливым (в чем это, на ваш взгляд, выражается)	20 %
		затрудняюсь ответить	6 %
7	Скажите, пожалуйста, почему, на Ваш взгляд, большинство людей не совершают преступления?	из-за страха перед наказанием	18 %
		из-за невыгодности для них преступного поведения	2 %
		из-за законности требований УК РФ, исходящих от легитимной государственной власти	12 %

		из-за справедливости требований уголовного закона	68 %